

№ 1 (96) 2011
Выпуск 17

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный
университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору за соблюдением
законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Л.Я. Дятченко,

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических наук,
профессор

Зам. главного редактора

А.П. Пересыткин,

проректор по научной работе Белгородского
государственного университета, кандидат
педагогических наук

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,

доктор географических наук, профессор
кафедры мировой экономики
Белгородского государственного
университета

Е.Н. Кролевецкая,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики
Белгородского государственного
университета, кандидат педагогических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Л.Я. Дятченко,

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических наук,
профессор

Главный редактор серии

В.А. Шатовалов,

доктор исторических наук, профессор
(Белгородский государственный университет)

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов,

доктор исторических наук,
профессор (Белгородский
государственный университет)

И.Т. Шатохин,

кандидат исторических наук, доцент
(Белгородский государственный университет)

В.Н. Шилов,

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный университет)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика
Информатика

Belgorod State University
Scientific Bulletin

History Political science Economics
Information technologies

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Проксения как проекция ксенических отношений на межполис-
ную коммуникацию. **Д.В. Казаков 5**

Греческие полисы и малоазийские сатрапии: типичные черты
политической организации. **В.П. Алёхин 10**

Сражение под Капуей 211 г. до нашей эры
О.В. Кармазина 20

Проблема репрезентации образа позднеантичной эпохи
в письменной традиции авторов латинского Запада IV–V вв.
Е.В. Литовченко 27

К вопросу о латинской культуре Ранней Византии.
К.Н. Болгов 33

К истории развития богослужения в Византии IV–VII вв.
А.Д. Стржалковская 38

Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византий-
ской школы. **А.М. Болгова 48**

Славянский элемент в Малой Азии в VII–VIII вв.
И.В. Денисова 54

Военная политика Константина X Дуки. **А.С. Мохов 58**

Византийская традиция о реке Итиль-Атель.
А.Г. Чередниченко, А.Н. Ефанов 67

Н.П. Кондаков и VI Археологический съезд в Одессе (1884).
А.В. Шаманаев 71

Притязания объединенной Германии на место постоянного члена
Совета Безопасности ООН (1990–е – 2005 гг.). **А.И. Егоров 77**

Новый фундаментальный труд о происхождении, ранней
истории и миграциях прото-индоевропейцев.
Н.П. Писаревский 84

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Казанские губернаторы первой половины XIX века
в воспоминаниях современников. **А.Н. Бикташева 90**

Тематика обязательных постановлений губернаторов
в начале XX в. (по материалам губерний
Черноземного центра). **А.С. Минаков 95**

Невьянское антибольшевистское восстание 1918 года.
М.И. Вебер 105

Московская политическая традиция XVI в.: деспотия или «гармония»
интересов народа и «вождей»? (К вопросу о происхождении русского
авторитаризма). **Т.М. Пенская 116**

Ответственный секретарь

Василенко В.В.,
кандидат исторических наук
(Белгородский государственный университет)

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный университет)

В.И. Бортников, доктор политических наук, профессор (Волынский национальный университет им. Леси Украинки, Луцк, Украина)

Н.А. Гаврилюк, доктор исторических наук (Институт археологии Национальной академии наук Украины)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент (Белгородский юридический институт МВД России)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

М. Плувиано, доктор истории (Генуэзский университет, Италия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

С.Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

Н.П. Тельнов, доктор истории (Институт археологии Национальной академии наук Молдовы)

И.М. Тодоров, доктор истории, доцент (Великотырновский университет «Св. Кирилл и Мефодий», Болгария)

Э.М. Шагин, доктор исторических наук, профессор (Московский государственный педагогический университет)

Подготовка к выпуску *Т.Г. Лагутиной*

Оригинал-макет *В.В. Василенко, Н.Ю. Пыленко*
E-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Подписано в печать 29.04.2011
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 13,02
Тираж 1000 экз.
Заказ 58

Подписные индексы в каталоге агентства
«Роспечать» – 18078,
в объединенном каталоге
«Пресса России» – 39723

Оригинал-макет тиражирован
в издательстве Белгородского государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Тактика ранних славян и «Стена» Святослава в «Истории» Льва Диакона (к проблеме военно-технической революции в Восточной Европе в IX–X вв. и образования Древнерусского государства). **А.Н. Щендрыгин, В.В. Пенской 124**

Украинское (Харьковское) военное поселение кавалерии Российской империи (1817–1857): основные тенденции развития. **В.Л. Цубенко 131**

Свеклосахарная промышленность Курской области в 20-х годах XX века. **Ю.М. Миргородова 139**

Процесс христианизации нерусских народов Оренбургского края и проблема обратного перехода в ислам в XIX веке. **Ю.Ф. Сулейманова 145**

Курская губерния и турецкие военнопленные войн XIX века. **В.В. Познахирев 151**

Роль Курского земства в развитии народного образования в губернии на рубеже XIX–XX веков. **Т.П. Мамаева 156**

Учреждение самостоятельной Белгородской епархии (1917–1942 гг.): исторические и канонические аспекты. **П.Ю. Субботин 165**

Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. **Г.И. Старченко 174**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Базовые типы партийной консолидации на посткоммунистическом пространстве. **Е.В. Бродовская, М.А. Варфоломеев 178**

Межпартийная конкуренция в России: современные реалии и перспективы. **В.Н. Шилов 190**

Особенности российских региональных электоральных процессов на этапе генезиса. **Н.Б. Чувилина 199**

Региональные политические коммуникации в условиях трансформации российской политической системы. **А.М. Максимов 204**

Общественная палата Белгородской области как институт гражданского общества. **И.Н. Гукова 212**

Сведения об авторах 217

Информация для авторов 219

№ 1 (96) 2011
Issue 17

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder:

State educational establishment of higher professional education
«Belgorod State University»

Publisher:

Belgorod State University
BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media
ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-chief

L.J. Djatchenko,

Rector of Belgorod State University, doctor of sociological sciences, professor

Deputy editor-in-chief

A.P. Peresypkin,

Vice-rector for scientific research of Belgorod State University, candidate of pedagogical sciences

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,

Doctor of geographical sciences, professor of world economy department Belgorod State University

E.N. Krolevetskaya,

Candidate of pedagogical sciences, associate professor of Pedagogics department of Belgorod State University

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chairman of editorial series

L.J. Djatchenko,

Rector of Belgorod State University, doctor of sociological sciences, professor

Editor-in-chief of the series

V.A. Shapovalov,

Doctor of historical sciences, Professor (Belgorod State University)

Deputies of editor-in-chief

N.N. Bolgov,

Doctor of historical sciences, Professor (Belgorod State University)

I.T. Shatokhin,

Candidate of historical sciences, Associate professor (Belgorod State University)

V.N. Shilov,

Doctor of philosophical sciences, Professor (Belgorod State University)

Belgorod State University

Scientific Bulletin

History Political science Economics

Information technologies

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика
Информатика

CONTENTS

WORLD HISTORY

Proxenia as xenical relations projected to communication between poleis. **D.V. Kazakov 5**

Greek poleis and Asia Minor satrapies: typical features of the political organisation. **V.P. Alekhin 10**

The battle at Capua 211 B.C. **O.V. Karmazina 20**

Problem of representation of the Late Antiquity image in the written tradition of authors of Latin West in IV-V centuries A.D.

E.V. Litovchenko 27

To question of Latin culture in early Byzantium. **K.N. Bolgov 33**

To history of liturgy development in Byzantium in IV-VII cent. A.D.

A.D. Strzalkovskaya 38

Choricus from Gaza: ancient rhetoric as a form for Byzantine school. **A.M. Bolgova 48**

Slavic element in Asia Minor in VII-VIII cent. A.D.

I.V. Denisova 54

The military policy of Konstantinos X Doukas. **A.S. Mokhov 58**

The Byzantine tradition about Itil`-Atel`-River.

A.G. Cherednichenko, A.N. Efanov 67

A.N. Kondakov and VI Archeological congress in Odessa (1884).

A.V. Shamanaev 71

Pretension of United Germany to be a permanent member in the UNO Security Council (1990s – 2005). **A.I. Egorov 77**

New fundamental work on origin, early history and migrations of Proto-Indo-Europeans. **N.P. Pisarevsky 84**

RUSSIAN HISTORY

Kazan governors of the first half of the XIX century in the memoirs of their contemporaries. **A.N. Biktasheva 90**

Subjects of obligatory decisions of governors in the beginning of XX century (on materials of provinces of the Black-Soil Center).

A.S. Minakov 95

The Nevyansk uprising against Bolsheviks, 1918. **M.I. Veber 105**

The Moscow political tradition of the XVI century: the despotism or “harmony” of interests of the people and “leaders”? (To question of origin of Russian authoritarianism). **T.M. Penskaya 116**

Tactics of early Slavs and “Wall” of Sviatoslav in “History” of Lion Diakon (To a problem of military-technical revolution in Eastern Europe in IX – X centuries and formation of the Kievan state).

A.N. Shchendrygin, V.V. Penskoy 124

Editorial assistant

V.V. Vasilenko,
Candidate of historical sciences
(Belgorod State University)

Members of editorial board:

M.G. Abramzon, Doctor of historical sciences, Professor (Magnitogorsk State University)

V.I. Bortnikov, Doctor of political sciences, Professor (Volyn National University named after Lesya Ukrainka, Lutsk, Ukraine)

N.A. Gavrilyuk, Doctor of historical sciences (Institute of Archeology of National Academy of Sciences of Ukraine)

A.V. Glukhova, Doctor of political sciences, Professor (Voronezh State University)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, USA)

K.N. Lobanov, Doctor of political sciences, Associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russian Federation)

E.A. Molev, Doctor of historical sciences, Professor (Nizhniy Novgorod State University named after N.I. Lobachevskiy)

M. Phuviano, PhD in History (University of Genoa, Italy)

S.I. Posokhov, Doctor of historical sciences, Professor (Kharkov National University named after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, Doctor of historical sciences, Senior scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

E.M. Shagin, Doctor of historical sciences, Professor (Moscow State Pedagogical University)

S.B. Sorochan, Doctor of historical sciences, Professor (Kharkov National University named after V.N. Karazin, Ukraine)

N.P. Telnov, PhD in History (Institute of Archeology of National Academy of Sciences of Moldova)

I.M. Todorov, PhD in History, Associate Professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

Has prepared for release T.G. Lagutina
Dummy layout by V.V. Vasilenko,
N.Y. Pylenko
e-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Passed for printing 29.04.2011
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 13,02
Circulation 1000 copies
Order 58

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078,
In joint catalogue Pressa Rossii – 39723

Dummy layout is replicated at Belgorod
State University Publishing House
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

The Ukrainian (Kharkov) military settlement cavalries of the Russian Empire (1817–1857): main tendencies of development. **V.L. Tsybenko 131**

Sugar industry of the Kursk region in the 1920s of the XX century. **Yu.M. Mirgorodova 139**

The process of Christianizing of non-Russian people in Orenburg region and the problem of reverse conversion to Islam in the XIX century. **Yu.F. Suleimanova 145**

Kursk region and Turkish prisoners of war in wars of XIX century. **V.V. Poznakhirev 151**

Role of the Kursk zemstvo in development of the public education in the province at the turn of XIX to XX century. **T.P. Mamaeva 156**

Establishment of the independent Belgorod Eparchy (1917–1942): historical and canonic aspects.

P.Yu. Subbotin 165

Local government in post-reform Russia: mechanisms of power and their efficiency. **G.I. Starchenko 174**

POLITICAL SCIENCE

Main types of party consolidation on the post-communist space.

E.V. Brodovskaya, M.A. Varfolomeev 178

Interparty competition in Russia: modern realities and prospects.

V.N. Shilov 190

Features of the Russian regional electoral processes.

N.B. Chuvilina 199

Regional political communications under the Russian political system's transformation. **A.M. Maximov 204**

Public Chamber of the Belgorod region as an institute of the civil society. **I.N. Gukova 212**

Information about Authors 217

Information for Authors 219

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (38).03-06

ПРОКСЕНИЯ КАК ПРОЕКЦИЯ КСЕНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА МЕЖПОЛИСНУЮ КОММУНИКАЦИЮ

Д.В. КАЗАКОВ*Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова**e-mail: dvk-postage@mail.ru*

В статье рассматривается проблема возникновения феномена проксении и роли этого института в коммуникации между древнегреческими полисами V-IV вв. до Р.Х., а также анализируется сходство проксении и ксении и различия между проксенами и дипломатическими службами древности.

Ключевые слова: классическая Греция, проксения, ксения, дипломатия, межполисная коммуникация.

Актуальность определения места и роли института проксении в коммуникационной системе древнегреческих полисов вряд ли может вызывать сомнения. Достигнув расцвета в классический период, проксения практически повсеместно была важнейшим каналом связи и мощным политическим инструментом в отношениях между обособленными греческими городами. Стоит также отметить, что, несмотря на интересный и богатый материал, представленный как античными авторами, так и эпиграфикой, в отечественной литературе тема проксении разрабатывалась мало - можно назвать только несколько специальных статей И.П. Никитиной¹. В зарубежной историографии этот вопрос освещен гораздо полнее². Обратившись к западным трудам в области истории Древней Греции, мы обнаруживаем, что многие вопросы по данному аспекту остаются без ответов, вокруг проксении до сих ходят споры и дискуссии, в которых сложно поставить окончательную точку. В частности, многие представители западного мира однозначно считают, что проксены по своей сути являлись чем-то средним между дипломатическими службами и посольствами³, что, на наш взгляд, является не совсем корректным суждением.

¹ См., например: Никитина И.П. Проксения как правовой институт // Правовые идеи и государственные учреждения. Свердловск, 1980. С. 3-20.

² См., например: Monceaux P. Les proxenies grecques. Paris, 1886; Marek Ch. Die Proxenie. Frankfurt am Main etc., 1984; Herman G. Ritualised friendship and the Greek city. Cambridge etc., 1987.

³ Примером такого мнения могут послужить следующие работы: Herman G., Ritualised friendship and the Greek city. Cambridge, 1987; Hansen M.H. La democratie Athenienne. Odense, 1978.

Подобно исследователям, придерживающимся другой позиции⁴, мы считаем, что проксения являлась ни чем иным, как своеобразной проекцией ксении, т.е. частной формы дружеских отношений на отношения между полисами. Именно аргументации такого тезиса и будет посвящена настоящая работа.

Для начала необходимо разобраться в тонкостях такого феномена древнегреческой культуры, как ксения (ξενία). Ксения представляла собой специализированные и институционализированные отношения, становившиеся следствием сбалансированного обмена между людьми, причем, как правило, материального характера. Впервые подобные отношения были описаны в произведениях Гомера.⁵ Основной обязанностью ксеноса являлось гостеприимство, однако случалось, что ксенос способствовал благосостоянию своего друга и в более широком смысле, предоставляя политическую или военную помощь. Ксения часто напоминала родство в силу действий, ожидаемых от ксеноса, а также благодаря тому, что ксения передавалась по наследству,⁶ однако, в основе этих отношений всегда лежал взаимовыгодный обмен. Институт ксении существовал и в классический период: Эндий, сын Алкивиада Спартанского и Алкивиад, сын Клиния Афинского являются одними из самых известных ксеносов V века (Thuc. 8.6.3). Как и в других формах дружеских отношений, ксения, как правило, подразумевала равенство: традиционно она существовала между людьми одного социального статуса, а значит, от ксеноса ожидалось равные или лучшие услуги или подарки, получаемые в ответ.⁷ Даже сама ксения начиналась посредством преподнесения друг другу примерно равнозначных подарков.⁸

В IV в. до Р.Х. Ксенофонт рассказывает нам замечательную историю о ксении между Агесилаем и сыном Фаранабаза [Xen., Hell. 4.1.39-40]. Спартанский царь Агесилай участвовал в мирных переговорах с персидским сатрапом Фаранабазом в 395 г. в Даскилее, однако после провала переговоров, согласно Ксенофону, произошло следующее.

Фарнабаз оседлал свою лошадь и удалился, но его сын, цветущий юноша Парарита, поотстал от отца, подбежал к Агесилаю и сказал: «Я делаю тебя своим ксеносом». «Я согласен», - ответил Агесилай. «Запомни же это», - сказал Парарита и передал Агесилаю свое прекрасное копьё; Агесилай принял подарок, взял в руки прелестную сбрую, предназначавшуюся для коня Идея и передал ее юноше. После этого юноша вскочил на своего коня и последовал за отцом.

Ксенофонт также говорит, что впоследствии, когда юноша был лишен гражданства и предан изгнанию, Агесилай продолжал заботиться о нем, вплоть до оказания помощи в его любовных делах. Однако, несмотря на сходство с эпохой Гомера, отношения ксении в классический период были гораздо сильнее осложнены социальными и политическими изменениями. К примеру, стало очень сложным соблюдение правила о равенстве статусов. Эсхин являлся ксеносом Филиппа II Македонского,⁹ который, несмотря на известность в Афинах, был человеком отнюдь не благородного происхождения.

Не менее важное место в системе коммуникации древнегреческого мира занимала и проксения (προξενία). Это явление, на наш взгляд, представляющее собой институционализированную и политизированную версию ксении, получило активное развитие примерно в VII в. до Р.Х. Проксен по своей сути становился ксеносом целого полиса. Такие представители, действуя на официальном уровне, предоставляли услуги, подобные тем, которые ксенос мог предоставить отдельно взятому челове-

⁴ Wallace M.B., Gauthier Ph., Mosley D.M. etc.

⁵ К примеру, отношения Антенора и Одиссея, Антенора и Менелая (Il. 3.205-8), Сарпедона и Гектора (Il. 17.149-53), Леодама и Одиссея (Od. 8.208), Одиссея, Телемаха и Ментеса (Od. 1.104-5, 119-24, 187-8).

⁶ Herman G. Ritualized friendship and the Greek City. Cambridge, 2007. P. 18.

⁷ Cartledge P. The Greeks. Oxford, 2008. P. 47.

⁸ Herman G. Ritualized friendship and the Greek City. Cambridge, 2007. P. 58-69.

⁹ Mitchell L.G. Greeks bearing gifts: The public use of private relationships in the Greek world, 434-323 B.C. Cambridge, 1997. P. 14.

ку¹⁰. Однако, в отличие от ксении, являвшейся формой частных и личных отношений между индивидуумами, проксения по своей сути являлась публичной, официальной формой взаимоотношений полиса и отдельного человека. Именно этот аспект порой вводит исследователей в заблуждение относительно схожести между проксенами и посольствами. Мы же считаем, что проксения была уникальным явлением своей эпохи, не имевшим точных аналогов в последующей истории. Будучи не согласными с вышеуказанной позицией, предоставим аргументы в пользу тезиса о том, что проксения являлась не дипломатическим явлением, но видом ксении.

Наиболее очевидным аргументом нашего тезиса является лингвистическое родство терминов *προξενία* и *ξενία*. Не менее важным фактом является и то, что зачастую статус проксена передавался по наследству от отца к сыну, что напрямую подтверждает схожесть ксении и проксении. Однако на этом родство этих явлений не исчерпывается. Как и в случае с ксенией, фундаментальной особенностью проксении был взаимообмен: проксен отстаивал интересы покровительствующего полиса и его представителей. Так, в 427 г. до Р.Х. заложники родом из Коркиры, захваченные во время морских сражений при Сиботе, были отпущены на свободу после того, как их коринфский проксен якобы уплатил 800 талантов в качестве залога за них (Thuc. 3.70.1). В 428 г. до Р.Х. несколько афинских проксенов в Митилене, не числившихся в рядах политической группы, возглавившей восстание, проинформировали афинян о бунте (Thuc. 3.2.3). Проксены также принимали послов из покровительствующих им городов; так, когда в 328 г. до Р.Х. спартанские дипломаты прибыли в Афины, они остановились в доме Каллиаса, проксена Спарты (Xen. Hell. 5.4.22).

Проксен, в отличие от дипломатов, обладал почти неограниченной свободой выбора линии поведения. Порой это приводило к злоупотреблениям, невысказанным для дипломатических организаций. Подобным образом афинский проксен Никий Гортинский, используя свои связи и статус в Афинах, убедил граждан этого полиса выступить против Кидонии в 429 г. до Р.Х. (Thuc. 2.85.5). Полидам, по сути являвшийся тираном Фарсалы, апеллируя к тому факту, что он, как и его предки, был проксеном Спарты, обратился к спартамцам за поддержкой против посягательств Ясона Ферского (Xen., Hell., 6.1.2-19). Стоит отметить, что спартамцы вежливо отказались помогать Полидаму, и тогда последний вернулся домой, заключил союз между Фарсалою и Ясоном и стал помогать правителю Фер в его попытках стать правителем Фессалии.

Конечно, между проксеном и назначившим его полисом могли быть более близкие и тесные связи, но только в случае схожести интересов полиса и личных мотивов проксена. История знает ряд случаев, в которых проксены поддерживали принявший их полис, даже когда это противоречило интересам их собственного полиса. Во время Третьей Священной войны, тенедейский проксен беотийцев внес денежные средства в военный фонд беотийцев, несмотря на «непоколебимую лояльность» его полиса по отношению к Афинам (IG VII 2418.14-15)¹¹. В 349 г. до Р.Х. Мантитей, афинский таксиарх, собирал деньги в Митилене, принимая их от Аполлониды, афинского проксена в этом городе, не смотря на то, что Митилена находилась под контролем тирана Каммиса, который был врагом Афин и Мантитея, в частности (Dem. 39.17, 40.43, 36-7). Наконец, Каллиас, афинский проксен спартамцев в 390 г. до Р.Х. руководил афинскими гоплитами, вышедшими в Коринф против спартанских войск, несмотря на тот факт, что ранее он служил в нескольких посольствах Спарты (Xen., Hell. 4.5.13).

¹⁰ Однако следует принимать во внимание, как справедливо отмечает Готье, что позиция проксена является официальной только для полиса, наделившего его полномочиями. В родном полисе он остается частным лицом.

¹¹ Inscriptiones Graecae, vii 2418. 14-15: Ἀθανόδωρος | Διωνυσίω | Τενέδ[ιος] πρόξενος Βοιωτῶν χει<λ>ίας δρ[αχμῶν] «Афанадор, тенедейский проксен беотийцев, передал Дионисию тысячу драхм» (перевод автора).

Иными словами, статус проксена, в отличие от дипломатических статусов, во все не предполагал полной лояльности, а значит, поведение проксенов могло носить самый разный характер. Так, у Платона Мегилл, изображенный потомственным спартанским проксеном афинян, говорит о привязанности, которую должны чувствовать даже дети по отношению к городу, который они представляют в качестве проксенов (Plato, *Leges* 1, 642b-d). Тем не менее, Ясон из Феры, проксен фиванцев, хоть и откликнулся на призыв Фив, разубедил фиванцев в необходимости военной кампании и заключил от их имени перемирие со Спартой, совершив поступок, по всей видимости, ставшей куда более выгодным ему самому, нежели Фивам¹².

Все же, в первую очередь, проксения являлась гражданским институтом, создаваемым полисом во имя самого полиса и применимым во многих ситуациях. Проксены могли служить политическими посредниками в процессе установления отношений между полисами. Летом 431 г. до Р.Х. афиняне сделали Нимфодора, зятя одрисского царя Ситалка, своим проксеном, что стало политической уловкой, направленной на создание союза с Ситалком, которого жаждали Афины¹³. Зачастую предоставление проксении осуществлялось в предвидении каких-либо услуг в будущем. К примеру, те же афиняне наделили полномочиями проксена Нимфодора из Абдер чтобы поспособствовать развитию политических отношений с Фракией. В данном случае, между гражданами Афин и Фракией не существовало отношений проксении, предоставление Нимфодору полномочий проксена было вызвано исключительно политическими потребностями¹⁴.

Подводя итоги, можно сказать, что проксения была целенаправленно созданной формой гражданских отношений, ставшей важным средством установления формальных контактов между полисами в V и IV вв. до Р.Х. Проксения признавалась официально на самом высоком уровне, что подтверждают вышеприведенные примеры. Однако, несмотря на то, что современному миру известны многие имена проксенов, очень малое количество из таковых было действительно активно занято в процессах коммуникации между полисами¹⁵, что является наиболее убедительным аргументом в поддержку нашего тезиса. Попробуем развить данный аргумент.

История классической Греции знает множество примеров, когда коммуникация между полисами, направленная, к примеру, на создание союзов, объединение для восстаний и других случаев, устанавливалась, минуя проксенов. Не только посредством официальных каналов (военных командующих, послов и других должностных лиц), но и с помощью неформальных контактов: амфиктионий, ксенов и филлий. Наконец, следует также отметить, что в Древней Греции были дипломаты и послы, чьи должности не имели ничего общего со статусом проксена, за исключением официального признания.

Сравнительно небольшая степень участия проксенов в межполисной коммуникации отражает напряженное состояние частных и публичных аспектов взаимоотношений между городами, а также подчеркивает раздробленность в политике полисов. Если проксен был связан личными отношениями с гражданином принимающего полиса (например, ксенией), он зачастую мог стараться лоббировать интересы такого человека, даже если это противоречило интересам других политиков и политических групп. Мидий, будучи проксеном эретрийцев, поддерживал своего ксеноса Плутарха во время тяжбы в Афинах, несмотря на то, что Фокион, являвшийся политическим союзником Мидия, активно выступал против Плутарха (Plut., *Per.* 29.1-2)¹⁶.

Тут мы сталкиваемся еще с одной проблемой, которую зачастую игнорируют исследователи: в отношениях с принимающим полисом проксен не представлял об-

¹² Xen., *Hell.* 6.4.20-5. Его отец также филон фиванцев.

¹³ Mitchell L.G. *Greeks Bearing Gifts.* N.Y., 1997. P. 32.

¹⁴ Ibid. P. 35.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Herman G. *Ritualised friendship and the Greek city.* N.Y., 2007. P. 139-141.

щие интересы натального полиса, в лучшем случае он мог быть членом политической организации внутри принимающего полиса. Мы уже упоминали митиленских проксенов, которые информировали Афины о восстании. Эти люди являлись членами политической группы в Митилене, которая противостояла повстанцам, однако один из этих людей впоследствии раскаялся и пытался убедить Афины, что повода для беспокойства не было (Thuc., 3.4.4). Индивидуальные мотивы проксена часто имели непосредственное влияние на его действия, и обособленная природа политики в греческих городах лишь обостряла эту проблему.

Стоит обратить внимание и на то, что в конце V – начале IV в. до Р.Х. наделение человека полномочиями проксена стало носить все более формальный характер акта выражения почтения. Подтверждением этому служит факт, что в это время становится все менее категоричным для проксена проживать в своем родном полисе, напротив, в Афинах этого времени было принято решение о том, что проксен должен проводить значительное время в самих Афинах. В иных случаях подобные полномочия предоставлялись, чтобы задобрить получателя в надежде на отдачу, несмотря на низкие шансы подобной отдачи. В особенности, это становится очевидным во второй половине IV века до Р.Х., когда изменился баланс сил между греческими полисами, и Македония начала доминировать на Эгейских территориях¹⁷. В результате, полисы, от которых ранее считалось честью получить проксению, теперь добивались расположения македонцев посредством предоставления им таких почестей, как проксения. Именно в этом ключе следует оценивать наделение афинянами полномочиями проксенов македонцев Алкимаха и Антипатра, целью чего безусловно являлась желание получить поддержку в македонской судебной системе¹⁸. В результате формализации проксения окончательно утратила качества, которые ошибочно можно было бы трактовать как присущие дипломатическим организациям.

PROXENIA AS XENICAL RELATIONS PROJECTED TO COMMUNICATION BETWEEN POLEIS

D.V. KAZAKOV

*Linguistic University
of Nizhniy Novgorod
n.a. N.A. Dobrolyubov*

e-mail: dvk-postage@mail.ru

The following article deals with the problem of the rise of proxenia and its role within the communication between the poleis of 5–4 centuries B.C., as well as analyzes the similarities between xenia and proxenia and the differences between proxenoi and ancient diplomatic services.

Key words: classic Greece, proxenia, xenia, diplomacy, communication between poleis.

¹⁷ К этому см. Griffith G., *Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge, 1935.

¹⁸ Mitchell L. G. *Greeks Bearing Gifts*. N.Y., 1997. P. 37.

ГРЕЧЕСКИЕ ПОЛИСЫ И МАЛОАЗИЙСКИЕ САТРАПИИ: ТИПИЧНЫЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В.П. АЛЁХИН

*Белгородский
государственный
университет*

*Белгородский региональный
институт повышения
квалификации
и профессиональной переподго-
товки специалистов*

e-mail: vitaliy-alekhin@yandex.ru

В статье дана сравнительная характеристика греческих полисов и персидских сатрапий Малой Азии, рассмотрены основные проблемы их политической организации. Изучение данной проблемы показало, что полисы и сатрапии являлись различными формами организации общественной жизни, но при этом выполняли сходные функции по оптимизации государственного управления на соответствующих территориях.

Ключевые слова: полис, сатрапия, автономия, Ахемениды.

Тема полиса является одной из основных в историографии античности. На протяжении XIX – XX веков исследователи, подробно рассматривая отдельные аспекты полисной жизни, выявили типичные черты, присущие полису в целом¹. На протяжении длительного времени полис определялся как город-государство с особой формой организации социально-экономической и политической жизни. Хансен на основе подробного анализа античных письменных источников пришел к выводу, что «полис» обычно употреблялся в значении город, государство².

Действительно, античные авторы довольно часто использовали термин «полис» (πολις). Однако, по мнению А.И. Доватура, «контекст и реальные обстоятельства, имевшиеся в виду автором, решали вопрос о значении, в каком слово «полис» было употреблено в каждом отдельном случае: когда в него вкладывался государственно-правовой смысл и когда оно служило просто для обозначения населенного пункта определенного типа»³. При этом следует указать на недопустимость определения полиса как города в современном понимании, поскольку, во-первых, наличие городского центра не является основной детерминантой полиса (см., напр., Paus., X, 4),⁴ а во-вторых – помимо собственно городской территории полисы имели и сельскую территорию – хору, неразрывно образуя с ней единую систему.

Таким образом, только в системе «полис – хора» можно рассматривать полис как город, понимая под последним структуру с особым укладом жизни, отличным от сельского, и, в меньшей степени, с функциями урбанистического центра. В этом состоит принципиальное различие в современном и античном понимании города⁵. При этом мы не склонны противопоставлять понятия «полис» и «город» как это делает Г.А. Кошеленко, придавая античному городу определенные современные черты⁶.

Рассматривая сущность полиса, следует указать, что для самих древних греков полис был, прежде всего, гражданской общиной, обладающей рядом социально-экономических и политических функций. Так, Аристотель, рассматривая генезис по-

¹ Фролов Э.Д. Тема полиса в новейшей историографии античности (к постановке вопроса) // Античный полис. Вып. 5. Л., 1979. С. 3-7.

² Hansen M.N. The Polis as an Urban Centre as a Political Community. Copenhagen, 1997. P. 17-18.

³ Доватур А.И. Политика и политии Аристотеля. М.-Л., 1965. С. 16

⁴ В этом отношении показателен пример Спарты, которая на протяжении большей части своей истории представляла собой объединение из пяти деревень.

⁵ Андреев Ю.В. Историческая специфика греческой урбанизации // Город и государство в античном мире. Проблемы исторического развития. Л., 1987. С. 7-13.

⁶ Кошеленко Г.А. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 22.

лиса (дом – деревня – полис), считает его высшей формой человеческого объединения, возникшего «ради потребностей жизни, но существующее ради благой жизни» (Pol., 1, 6-8, 1252 b)⁷. Эту же мысль высказывает Фукидид – «полис – это люди, а не стены» (Thuc., VII, 77, 7).

Для полиса как общности людей одной из базовых характеристик является понятие гражданства, которое находит выражение в противопоставлении данной общности людей всем остальным группам населения, что подразумевает некую автономность, независимость. В сочетании с экономической составляющей такое состояние рассматривалось как автаркия (αυταρκεία)⁸.

Кроме того, для гражданского коллектива было характерно равенство перед законом – исономия (ισονομία) и равенство в свободе высказывать свое мнение – исегория (ισεγορία). Политически это означало демократическую форму правления с действенным народным собранием. Однако данную посылку не стоит абсолютизировать, как это делают некоторые исследователи. Так, Ю.В. Андреев считает, что монархия, тирания, олигархия, с одной стороны, и полис, с другой – это взаимоисключающие понятия⁹. Мы вынуждены не согласиться с этим мнением, поскольку оно рождает непреодолимое противоречие: приход к власти олигархов неизменно уничтожает полисную организацию. Это же в корне неверно, так как полисы продолжали существовать (и именовались полисами) и при олигархическом, и при тираническом, и даже при монархическом правлении. Понимая это, Ю.В. Андреев далее делает некоторое отступление, говоря о том, что установление олигархического или монархического строя свидетельствует либо о неразвитости, либо кризисе полиса.

Таким образом, полисная организация лишь в идеале предполагала демократическое правление, в действительности же политический строй мог быть самым различным.

Вышеизложенные основы полисной организации были характерны и для греческого населения Малой Азии. Однако в политическом плане малоазийские полисы нередко подчинялись ахеменидскому царю и входили в состав сатрапий, что в определенной степени сказывалось на их внутренней жизни.

Несмотря на принципиальные различия в институциональном плане, тенденции развития греческих полисов и сатрапий Малой Азии в IV веке до н.э. имели немало сходных черт. Однако для более полного понимания этих тенденций необходимо, прежде всего, рассмотреть типичные черты политической жизни и социально-экономической организации полисов и сатрапий.

Основу политической организации полиса составлял коллектив граждан, принадлежность к которому давала целый ряд преимуществ, а также налагала определенную ответственность. Во многих полисах в рассматриваемый нами период принадлежность к гражданскому коллективу ставилась в зависимость от гражданского положения родителей. Так, в Афинах для признания гражданских прав необходимо было, чтобы оба родителя были афинянами (Arist., Athen. pol., 42, 1; Plut., Per., 37). В Спарте же, кроме этого, существовала жесткая зависимость гражданства от наличия земельного надела (клера), прохождения системы спартанского воспитания (агогэ) и участия в общественных обедах (сисситиях, фитидиях). Таким образом, допуск в гражданский коллектив «случайных людей» был значительно ограничен. Однако в некоторых случаях, обычно, если полису была оказана неоценимая услуга, гражданские права могли получить иноземцы, метеки и даже рабы.

Важнейшим политическим институтом любого полиса было Народное собрание (экклесия, апелла, агора и др.), которое, прежде всего, подчеркивало идею равенства граждан и обеспечивало возможность непосредственного влияния на принятие государственных решений.

⁷ Доватур А.И. Политика и политики ... С. 8.

⁸ Мариневич Л.П. Полис и обмен: к концепции Аристотеля // ВДИ. 2003. № 4. С. 52 сл.

⁹ Андреев Ю.В. Античный полис и восточные города-государства // Античный полис. Вып. 5. Л., 1979. С. 25, прим. 33.

Обычно Народное собрание являлось высшим органом власти, однако, в разных полисах и в разные периоды IV века до н.э. оно было таковым лишь номинально. Исходя из особой роли Народного собрания, афинский политический строй определяется как демократия, поскольку полисом «управляет не меньшинство, а большинство народа» (Thuc., II, 37, 1). Аристотель в «Афинской политике» неоднократно подчеркивает значимость экклесии. Действительно, в Афинах экклесия решала важнейшие государственные вопросы: даровала гражданские права, избирала должностных лиц и принимала их отчеты, объявляла войну, заключала мир, занималась вопросами снабжения, рассматривала экономические, политические и религиозные дела (в том числе частного порядка). Кроме того, экклесия могла защищать демократический строй путем остракофории¹⁰.

Принятие решений (псефисмы) осуществлялось по жребию или поднятием рук. При этом любой желающий в соответствии с принципом исегории имел возможность высказать свои соображения по обсуждаемому вопросу¹¹. Таким образом, заседание экклесии нередко превращалось в настоящие дебаты, где главная задача состояла в том, чтобы убедить в своей правоте как можно большее число граждан.

Первоначально посещение экклесии было бесплатным и рассматривалось гражданами как почетное право/обязанность, но к концу V века до н.э. стало очевидным снижение политической активности демоса, что привело к введению оплаты за присутствие на собрании. Регулярность заседания экклесии (40 раз в год) давала возможность беднейшим гражданам не только участвовать в политической жизни полиса, но и, в большей степени, решать свои финансовые проблемы.

Кратко рассмотрев функции афинской экклесии, обратимся к обзору роли Народного собрания в Спарте, взяв за основу данные источников.

Согласно ретре Ликурга, апелла (απελλα) являлась, как и экклесия в Афинах, высшим органом власти в государстве – «господство и сила да принадлежит народу». Она решала широкий круг вопросов внутренней и внешней политики: избирала должностных лиц (геронтов и эфоров), занималась вопросами престолонаследия, принимала постановления об объявлении войны или заключении мира и т. д. Решения апеллы были окончательными и подлежали исполнению (Plut., Lys. 6).

Однако на практике от столь широких демократических прав не оставалось и следа. Во-первых, апелла не имела права какой-либо инициативы; она могла только принимать или отвергать принятые ранее герусией или эфорами постановления без всякого обсуждения. В.В. Латышев считает, что «правительство могло по своему усмотрению предлагать или не предлагать дело на решение народа и созывало его только для сообщения ему своих распоряжений или, в случае разногласия между правительственными властями, для того, чтобы узнавать мнения народа и его авторитетом утверждать или отвергать известное решение»¹².

Во-вторых, если решения апеллы по каким-либо причинам не устраивали геронтов и царей, то последние могли попросту распустить собрание. Об этом также сообщает Плутарх: «впоследствии толпа разного рода изъятиями и прибавлениями стала искажать и уродовать утверждаемые решения, и тогда цари Полидор и Феопомп сделали к ретре такую приписку: «Если народ постановит неверно, старейшинам и царям распустить», то есть решение принятым не считать, а уйти и распустить народ на том основании, что он извращает и переименовывает лучшее и наиболее полезное» (Plut., Lys. 6).

¹⁰ Подробно об институте остракизма см.: Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 123-160; он же. Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. №1. С. 3-30; Williams K.D., Forgas J. P., Hippel W. The Social Outcast: Ostracism, Social Exclusion, Rejection, and Bullying. Sydney, 2005; Williams K.D. Ostracism: The Power of Silence. N.Y., 2001.

¹¹ The Athenian Ecclesia: a collection of articles 1976-1983 / Ed. by M.H. Hansen. Vol. 1. Copenhagen, 1983. P. 161-176.

¹² Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч. I. СПб., 1888. С. 105.

Из текста понятно, что апелла часто противилась навязанным ей решениям герусии, которые, по мнению геронтов, а *prigoi* должны были содержать «лучшее и наиболее полезное». Однако апелла утвердила законодательные инициативы Полидора и Феопомпа, которые убедили народ, что такова воля бога.

Таким образом, апелла, *de jure* обладая верховной властью, *de facto* являлась только исполнителем решений царей и герусии. Соответственно, спартанским гражданам, по сравнению с афинянами, было намного сложнее влиять на принятие политических решений.

Народные собрания с похожими функциями существовали во многих других полисах Греции и Малой Азии¹³, но, с одной стороны, частая смена политического режима существенно снижала эффективность этого института власти, с другой – деятельность народного собрания даже при власти демоса была определенным образом ограничена иными политическими институтами.

В Афинах Совет пятисот (Буле), состоявший из представителей 10 территориальных фил (по 50 человек), в отличие от подобных Советов во многих других полисах, также как и экклесия был демократическим институтом¹⁴. В основные функции Совета входило: подготовка дел для экклесии, их обсуждение и вынесение предварительного заключения, а также назначение Народного собрания и решение основных текущих дел полиса¹⁵.

Таким образом, Совет играл важную роль в политической системе Афин, что, в частности, отражала формулировка псефисмы: «Совет и народ постановили».

Кроме экклесии и буле оплотом афинской демократии был суд присяжных (гелиэя), который, помимо чисто судебных дел, был ответственен за так называемую защиту демократии. В его обязанности входило рассмотрение любых законов (*νομοι*) и псефисм на соответствие демократическим принципам.

В Спарте подобных институтов (т.е. буле и гелиэя) не существовало, их функции исполняли герусия (*γερουσια*) и коллегия эфоров (*εφοροι*). Геронты ведали всеми текущими государственными делами и выносили решения, которые для формальности должны были быть утверждены апеллой. Кроме этого, герусия была высшей судебной инстанцией, которая разбирала уголовные дела и государственные преступления.

Герусия состояла из 28 пожизненных членов, избравшихся только из полноправных граждан не моложе 60 лет. Плутарх по поводу избрания геронтов писал: «Когда народ сходил, особые выборные закрывались в доме по соседству, так чтобы и их никто не видел, и сами они не видели, что происходит снаружи, но только слышали бы голоса собравшихся. Народ и в этом случае, как и во всех прочих, решал дело криком. Соискателей вводили по очереди... У сидевших взаперти были таблички, на которых они отмечали силу крика, не зная кому это кричат... Избранным объявлялся тот, кому кричали больше и громче других» (Plut., Лус., 26). Аристотель назвал этот способ голосования ребяческим и подверг критике сам институт геронтов в Спарте. Он указывал, что пожизненный статус геронтов в совокупности с их неподотчетностью и неподсудностью приводит к коррупции и всевозможным злоупотреблениям властью¹⁶ (Arist., Pol. II, 4, 17-18, p. 1270b-1271a). На протяжении длительного времени герусия сохраняла свои функции, пока значительно не усилился эфорат.

Аналогом спартанской герусии как аристократического органа в Афинах являлась коллегия девяти архонтов (архонт-эпоним, базилевс, полемарх и шесть фесмо-

¹³ Несколько в стороне стоят беотийские полисы (в том числе и Фивы), где до 379/378 г. до н.э. народные собрания отсутствовали.

¹⁴ В частности, Совет ежегодно избирался; его члены выбирались по жребию, и вторичное избрание гражданина разрешалось лишь спустя несколько лет.

¹⁵ Подробно о функциях Совета пятисот см: Arist., Athen. pol., 43-45.

¹⁶ О коррупции в Спарте см.: Печатнова Л.Г. История Спарты. Период архаики и классики. СПб., 2001. С. 474-493.

метов). Однако коллегия архонтов имела несравнимо меньший политический вес, обладая лишь второстепенными судебными, военными и религиозными функциями.

В Коринфе также известна герусия, которая первоначально рассматривает дела и выносила решение, прежде чем поставить вопрос на голосование перед народным собранием. Однако из-за скудности данных в источниках мы не можем однозначно судить о функциях коринфской герусии в целом. В частности, было ли решение герусии определяющим или нет? Косвенные данные источников позволяют положительно решить этот вопрос. Таким образом, коринфская герусия в плане взаимоотношения с народным собранием приближается к спартанскому варианту.

Для многих полисов рубежа V–IV веков до н.э. источники не упоминают о существовании каких-либо органов власти, предварительно рассматривающих вопросы перед внесением их на обсуждение в Народном собрании (такие данные имеются лишь для эллинистического и/или римского периодов). Однако можно предположить, что существовали определенные магистратуры, которые занимались подобными делами.

В Спарте к числу демократических институтов, которые совместно с апеллой принимали важнейшие решения, исследователи часто относят коллегия эфоров.

Учреждение коллегии эфоров, по свидетельству Геродота (Her. I, 65, 4) и Ксенофонта (Lac. pol. 8, 3), относится ко времени Ликурга, однако в Большой Ретре у Плутарха (Plut. Lys. 6) об эфорате не упоминается. В связи с этим, следует признать более верным утверждение Аристотеля о создании эфората при царе Феопомпе¹⁷ (Arist. Pol. V, IX, 1, p. 1313a). По свидетельству Плутарха, «цари, постоянно занятые походами, стали выбирать судей из числа своих друзей и оставляли их гражданам вместо себя, назвав «эфорами», то есть блюстителями. Сначала они были просто царскими слугами и помощниками» (Plut. Cleom. 10). Позднее эфорат значительно усилился при Астеропе, который «укрепил и расширил власть эфоров» (Plut. Cleom. 10), при Хилоне его власть приблизилась к царской, а к концу V – началу IV века до н.э. этот институт сосредоточил в своих руках фактически всю государственную власть, установив контроль за апеллой, герусией и царской властью¹⁸. Платон (Leg. IV, p. 712d), Аристотель (Pol. II, VI, 14, p. 1270b) и Ксенофонт (Lac. pol. 8, 4) прямо называют власть эфоров тиранической.

Действительно, коллегия из 5 эфоров обладала колоссальной властью, но вместе с тем, это был во многом противоречивый орган власти, заключавший в себе демократические черты. Во-первых, эфоры властвовали только в течение одного года без права переизбрания. Правда, в течение этого времени они никому не были подотчетны и не могли быть привлечены к ответственности. Определенный отчет эфорат давал только вновь избранной коллегии, но он носил, скорее всего, формальный характер (Arist. Rhet. III, 18, p. 1419a). Во-вторых, согласно Аристотелю, эфоров «выбирали из всего гражданского населения, так что в состав правительства попадают зачастую люди совсем бедные, которых вследствие их необеспеченности легко можно подкупить» (Arist. Pol. II, VI, 14, p. 1270b). Однако далее, как кажется, Аристотель противоречит сам себе, указывая, что «избрание на эту должность следовало бы производить из всех граждан и не тем слишком уж ребяческим способом, каким это делается в настоящее время» (там же, II, VI, 16, p. 1270b). Разрешить это противоречие весьма непросто, поскольку тяжело представить себе, чтобы из числа неполноправных граждан был избран человек на столь значимую должность с почти неограниченными полномочиями. К тому же важно помнить, что в это время эфоры являются председателями апеллы и могут использовать свои полномочия должным образом. Как отмечал В.Г. Васильевский, «нет никакого сомнения в том, что избрание их

¹⁷ Список эфоров-эпонимов начинается с 754 года до н.э. Apollod., 244 F 335a.

¹⁸ Подробнее о власти эфоров см., напр.: Michell H. Sparta. Cambridge, 1964. P. 90-133; Печатнова Л.Г. История Спарты... С. 60-80.

(т.е. эфоров) попадало тем или иным путем в руки господствующей олигархии; эфоры избирались из среды всех, но не всеми»¹⁹.

Кроме указанных органов власти в Спарте мы отмечаем существование еще одного института власти, которого нет в иных полисах Эллады – царской власти. Относительно царской власти в Спарте можно выделить несколько особенностей. Во-первых, наличие диархии, то есть двойной царской власти. В Спарте одновременно правили два царя (βασιλευς, ἀρχαυεταί) из династии Агидов и Эврипонтидов; оба царя были равны в правах и в спорных ситуациях должны были находить компромисс. Во-вторых, царская власть, по словам Аристотеля, «не является верховной властью в полном смысле: царь – верховный вождь военных сил лишь в том случае, когда он выходит за пределы страны; сверх того, царям предоставлено ведать религиозным культом. Таким образом, эта царская власть является как бы некоей неограниченной и несменяемой стратегией» (Arist. Pol. III, 9, 2, p. 1285a). Однако усиление эфората привело к «ограничению стратегии», когда царя в походе сопровождали несколько эфоров или коллегия советников (Her. IX, 76; Thuc. VIII, 39, 1; Xen. Hell. II, 4, 36; Lac. pol. 13, 5; Diod. XIV, 79 и др.). В целом спартанские цари пользовались лишь незначительными привилегиями и не должны были выделяться из общей массы спартиатов²⁰.

Таким образом, можно сказать, что демократические черты полисной жизни рубежа V–IV веков до н.э. нашли свое существенное выражение только в Афинах; в остальных полисах можно говорить лишь об элементах демократии или ее видимости.

Множество полисов рубежа V–IV веков до н.э. имели олигархическое или аристократическое правление. Ярким примером являются беотийские, фессалийские и малоазийские полисы, во главе которых стояли советы из представителей аристократических (олигархических) кругов. Иногда были сильны тенденции к единоличной власти, что выражалось в установлении тирании или эсимнетии.

Относительно последней можно привести в качестве примера Милет, где эсимнет мольпов был высшим магистратом полиса. Мольпы являлись членами мужского союза, представляющие правительство – коллегиям стефанофоров²¹. Глава этой коллегии именовался эсимнетом, его власть была выборной и ограничивалась определенным сроком²².

Подобные институты эсимнетов зафиксированы в других полисах Ионии (например, в Эфесе), а также за ее пределами. Однако в отличие от Милета (и возможно, Эфеса) здесь установление эсимнетии рассматривается как тирания. В связи с этим в источниках нередко «тиран» и «эсимнет» являются синонимами. Аристотель так определяет эсимнетию: «Такие виды правления, с одной стороны, были и являются тираническими, как основанные на деспотии, с другой стороны, относятся к видам царской власти, потому что эсимнетов избирают, причем добровольно» (Arist. Pol. III, 9,5-6). Определение Аристотеля вносит еще большую путаницу в определение сущности эсимнетии и вызывает горячие споры исследователей.

На наш взгляд, определение эсимнетии как тирании или как выборной экстраординарной магистратуры зависело от степени жестокости правления и, возможно, прежде всего, от политических взглядов древних авторов.

В целом, в политико-правовом плане эсимнетия была намного ближе и понятнее ахеменидским властям, чем демократические режимы. Она удачно вписывалась и в государственную систему управления империей, и в определенной степени соответствовала ахеменидской монархической идеологии.

¹⁹ Васильевский В.Г. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 130.

²⁰ Детальный анализ института царской власти в Спарте, а также деятельности отдельных царей см.: Печатнова Л.Г. Спартанские цари. М., 2007.

²¹ Коллегия стефанофоров формировалась из бывших эсимнетов.

²² Подробнее см.: Соломатина Е.И. Эсимнеты: тираны, верные традициям, или неверно понятая традиция? // ВДИ. 2004. № 2. С. 159-179.

Рассмотрев сущность полиса, его политическую организацию, мы можем говорить о том, что, наряду с характерными общими чертами (понятие гражданства, автономия, исономия, исегория и др.), имелись подчас существенные различия в плане практического воплощения этих понятий. В результате целого комплекса факторов сформировались полисы, отличные друг от друга в политическом плане, причем форма правления могла варьироваться от подлинно демократической до тиранической.

Прежде чем перейти к рассмотрению политической организации малоазиатских сатрапий, следует отметить одну немаловажную деталь. Полис являлся не единственной формой организации греческого общества. В остальных областях Греции (Аркадия, Ахайя, Фессалия и др.) как политические единицы важную роль играли этносы (племена). В современной науке подчеркивается сложность организации этноса, его знаковая роль в формировании политических образований «более территориальных» и сильных, чем полисы²³. Однако следует признать, что данная тематика является еще слабо разработанной и довольно перспективной для дальнейшего изучения.

Персидские сатрапии Малой Азии, подобно греческим этносам, были уникальными политическими образованиями, поскольку включали в себя народы, совершенно различные в социально-экономическом, политическом, религиозном отношении. При этом сатрапская организация оказалась не только жизнестойкой, но и способной к качественной модернизации в рамках основных структур империи Ахеменидов. Чтобы понять причины этого необходимо обратить внимание на типичные черты этой организации, прежде всего, в политическом плане.

Сатрапии рассматриваются нами как административно-территориальные единицы империи Ахеменидов во главе с наместниками – сатрапами, обладавшими рядом гражданских и военных функций.

Сам термин «сатрап» восходит к древнеперсидскому «xsaθgarāna», что означает «блюститель, защитник царства»²⁴. Таким образом, подчеркивается важная роль сатрапов – от их деятельности на местах зависела судьба государства. Греческие источники глав административных округов не всегда именуют сатрапами; так, Геродот и Фукидид нередко используют термины «архонт» или «гипарх»²⁵.

Согласно источникам, сатрапы обладали гражданскими функциями и должны были заниматься административными делами, осуществлять сбор податей, следить за выполнением повинностей, отвращать судебную власть, а также имели право чеканить монету. Под руководством сатрапов находились многочисленные чиновники – начальник канцелярии, сборщики налогов, писцы и т.д. В целом сатрапская канцелярия точно копировала царскую канцелярию²⁶.

Военные функции осуществляли военачальники, назначаемые царем и независимые от сатрапов (Хен., Оес., IV, 9-12). Однако, как подчеркивает М.А. Дандамаев, требование четкого раздела гражданских и военных функций строго не соблюдалось, и власть сатрапа зависела от многих факторов²⁷. Действительно, если при Дарии I сатрапы имели только отряд телохранителей (Нег., III, 128), то к концу V века до н.э. они обладали не только собственными войсками, но и привлекали греческих наемников²⁸.

Сатрапы контролировали начальников более мелких областей, местных династов, а также греческие полисы.

²³ Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению. М., 2007. С. 31-32.

²⁴ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 112.

²⁵ Petit T. Satrapes et satrapies dans l'empire achéménide de Cyrus le Grand à Xerxès Ier. Paris, 1990. P. 15-20.

²⁶ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика... С. 123.

²⁷ Там же. С. 113.

²⁸ Подробно об изменении функций сатрапов см. Petit T. Satrapes et satrapies dans l'empire achéménide de Cyrus le Grand à Xerxès Ier. Paris, 1990.

Таким образом, Малая Азия являлась территорией, где помимо сатрапской администрации присутствовали самые разнообразные политические объединения, а соответственно форма их зависимости от власти «царя царей» была различной.

Согласно Геродоту, Дарий I разделил империю на 20 административно-податных единиц – сатрапий²⁹. Малая Азия была разделена на четыре округа. Первый округ включал «ионийцев, азиатских магнетов, эолийцев, карийцев, ликийцев, милиев и памфилов», второй – «мисийцев, лидийцев, ласонцев, кабадиев и гитеннов», третий – «геллеспонтийцев, фригийцев, азиатских фракийцев, пафлагонов, мариандинов и сирийцев»; четвертым округом являлась Киликия. Для каждого из этих округов была установлена определенная дань (Her., III, 89-90).

Однако древнеперсидские эпиграфические источники дают иные списки сатрапий. Так, в Бехистунской надписи Дария I империя разделена на 23 провинции (dahyâva), а Малая Азия состоит из Лидии, Ионии, Каппадокии и «стран, которые у моря»³⁰ (DB, 1, 12-17). В надписи Дария I из Накш-и Рустама перечисляются Лидия, Каппадокия, Иония, а также Кария и «ионийцы, носящие на голове щит»³¹ (Yaunatakabara) (DNa, 1, 15-30). Персепольская надпись Ксеркса среди списка dahyâva также называет Лидию, Каппадокию, Карию и «ионийцев по обе стороны моря» (XPh, 3, 13-28). Наконец, список времен Артаксеркса II или Артаксеркса III, найденный в одной из персепольских гробниц, состоит из 30 подчиненных народов, среди которых названы лидийцы, карийцы, каппадокийцы, ионийцы и «ионийцы, носящие на голове щит» (A?P).

Таким образом, по древнеперсидским источникам, Малая Азия на протяжении более 150 лет подразделялась на 4-5 провинций, что противоречит греческим источникам.

Это противоречие вызывает многочисленные споры. Одна группа ученых (Ж. Позенер, Ю. Юнге, А.Р. Бэрн, Дж. Камерон и др.) рассматривает списки dahyâva только как перечень подвластных народов (или территорий), которые не являются административными единицами – сатрапиями³². Другая группа (Ж. Радэ и др.), наоборот, указывает, что персидские надписи содержат списки сатрапий, а греческие писатели, в частности Геродот, приводят списки податных округов³³. Однако, по нашему мнению, ближе всего к истине третья группа специалистов (М.А. Дандамаев, И.М. Дьяконов, О. Леуце, Э. Херцфельд, П. Бриан и др.), которые сходятся во мнении, что податные округа и сатрапии совпадали, и таким образом, греческие и персидские источники лишь дополняют друг друга³⁴.

Из источников известно, что сатрапии делились на более мелкие административные единицы вплоть до деревень. Это нашло отражение в теории О. Леуце, согласно которой каждая сатрапия («statthalterschaften») делилась на субсатрапии («unterstatthalterschaften»), а последние, в свою очередь, на мелкие области («bezirke»)³⁵.

Однако проблема состоит в том, что греческие источники в терминологическом плане не различают главных и подчиненных правителей областей, называя и

²⁹ Геродот использует несколько терминов: σατραπεία, νομοί, αρχαί.

³⁰ Очевидно, территория близ Геллеспонта.

³¹ Возможно, греки Фракийского побережья, северной Греции или островов Эгейского моря

³² Posener G. La Première Domination Perse en Egypte. Caire. 1963. P. 181; Junge J.P. Satrapie und Natio // Klio. Vol. 34. 1942. P. 1-55; Burn A.R. Persia and the Greeks, the Defense in the West, c. 546-478 B.C. London, 1970. P. 111; Cameron G.G. The Persian Satrapies and Related Matters // JNES. Vol. 32. 1973. P. 47-50.

³³ Radet G. Satrapies et Nomos // Mémoires Lagrange. Cinquantenaire de l'École Biblique et Archéologique Française de Jérusalem. Paris. 1940. P. 21.

³⁴ Дьяконов И.М. История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.-Л., 1956. С. 340-341; Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика... С. 110-111; Leuze O. Die Satrapieneinteilung in Syrien und im Zweistromlande von 520-320. Hildesheim. 1972. P. 204; Ehtésham M. L'Iran Sous les Achéménides. Fribourg, 1946. P. 139-140; Herzfeld E. The Persian Empire. Wiesbaden, 1968. P. 292-295; Briant P. From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire. Winona Lake, Eisenbrauns, 2002. P. 63-69.

³⁵ Leuze O. Die Satrapieneinteilung in Syrien... P. 204; CHI. Vol. II. Cambridge, 1985. P. 272.

тех и других сатрапами. Как следствие, для IV века до н.э. количество сатрапий Малой Азии варьируется в зависимости от того, как тот или иной автор понимает данные источники.

Так, Якобс делит империю Ахеменидов на великие, затем на главные, и, наконец, на малые сатрапии. Согласно его теории, Малая Азия является одной великой сатрапией – Лидия, которая состоит из двух главных сатрапий (Лидии и Каппадокии). Далее, главная сатрапия Лидия включает в себя в качестве малых сатрапий собственно Лидию, Геллеспонтскую Фригию, Большую Фригию, Карию и Фракию (с 512 по 479 гг. до н.э.), а главная сатрапия Каппадокия состоит из Каппадокии близ Понта, Каппадокии Тавра и Пафлагонии. Киликия относится к великой сатрапии Вавилония³⁶.

Мы категорически не согласны с мнением Якобса. Во-первых, ни один источник не сообщает о делении Империи на 7 великих сатрапий; это исключительно выводы автора, к тому же далеко не бесспорные. Во-вторых, многие ссылки на греческие источники, которые приводит автор в качестве доказательства соподчинения сатрапов Малой Азии³⁷ (кроме единичных случаев, и то более низшего административного уровня) трактуются вне хронологических рамок, весьма тенденциозно и в угоду рассматриваемой концепции. В реальности случаи подчинения одних сатрапов другим носят временный характер. Чаще всего это назначение царем одного из сатрапов на должность командующего всеми вооруженными силами малоазийских сатрапий на период ведения боевых действий. Как следствие, его приказы касались, прежде всего, военных, а не административных вопросов.

На наш взгляд, главной ошибкой Якобса является то, что он пытается распространить общие схемы на всю территорию державы Ахеменидов и не учитывает изменений, которые происходили в сатрапской администрации на протяжении V-IV веков до н.э.

Греческие города Ионии обладали определенной внутренней автономией и управлялись собственными тиранами или олигархами. Эти правители были настроены чаще всего проперсидски, поскольку видели в персах ту силу, которая была способна противостоять демократическим настроениям в собственных полисах. Персидскому царю было достаточно формального подчинения этих полисов и своевременной выплаты ими установленной дани. В связи с этим, как подчеркивает Якобс, сатрапии «Иония» скорее всего не существовало³⁸.

Собственно сатрапии, такие как Лидия, Каппадокия, Фригия (Большая и Геллеспонтская) до Ахеменидов были основными территориями независимых царств. Это было важной причиной установления здесь непосредственного персидского господства, что выразилось в учреждении сатрапской администрации.

Некоторые территории (Киликия, Кария, Ликия, Пафлагония и др.) управлялись собственными династиями, которые также иногда именовались сатрапами. Очевидно, это было связано с трудностью прямого сатрапского управления вследствие комплекса различных причин (сильная местная власть, относительная моноэтничность, труднодоступность территории и др.).

Наконец, существовали народы (кадусии, писидийцы, мисийцы и др.), которые входили в состав империи Ахеменидов на правах союзников и проводили относительно независимую политику.

В связи с тем, что этническая и политическая картина Малой Азии отличалась большим разнообразием, границы сатрапий могли варьироваться в зависимости от политической конъюнктуры.

³⁶ Jacobs B. Achaemenid Satrapies // Encyclopaedia Iranica Online, 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.iranica.com.

³⁷ См., например: Her., 5, 30; Xen., Hell. I, 4, 4-6; Nepos, Datames [14], 2, 5 и др.

³⁸ Jacobs B. Achaemenid Satrapies // Encyclopaedia Iranica Online, 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.iranica.com

Таким образом, рассмотрев основные черты политической организации греческих полисов и персидских сатрапий Малой Азии, мы пришли к следующим выводам:

- полисы и сатрапии были различными формами организации общественной жизни, соответствующими тем задачам, которые они должны были решать. Полисы объединяли граждан на основе исономии и исегории, что способствовало появлению большого числа полисов, а также попыткам утверждения в них основ демократического строя. Сатрапии, население которых весьма разнилось в этническом отношении, должны были содействовать укреплению державы Ахеменидов как монархического территориального государства.

- греческие полисы Малой Азии оказались в той приграничной области, где наблюдалось активное взаимопроникновение различных черт полисной и сатрапийской организации. Это привело к образованию особенного, «смешанного» объединения – полиса с относительно сильной личной властью (тирания, олигархия, эсимнетия), иногда номинально подчиненной сатрапу.

- в отсталых областях Греции и Малой Азии важной формой организации жизни были этносы (племена), которые не знали полисной системы или фактически не входили в состав сатрапий.

GREEK POLEIS AND ASIA MINOR SATRAPIES: TYPICAL FEATURES OF THE POLITICAL ORGANISATION

V.P. ALEKHIN

Belgorod State University

*Belgorod Regional Institute of
Improvement of Professional
Skills and Professional
Retraining of Experts*

*e-mail: vitaliy-
alekhin@yandex.ru*

In this article gives the comparative characteristic of the Greek policies and the Persian satrapies of Asia Minor the basic problems of their political organisation are considered. Studying of the this problem has shown, that poleis and satrapies were various forms of the organisation of a public life, but at the same time carried out similar functions on government optimisation in corresponding territories.

Key words: polis, satrapy, autonomy, Achemenides.

СРАЖЕНИЕ ПОД КАПУЕЙ 211 Г. ДО НАШЕЙ ЭРЫ

О.В. КАРМАЗИНА

Воронежский государственный педагогический университет

e-mail: olga.karmazina@mail.ru

Сражение 211 г. до н.э. под Капуей сыграло важную роль в ходе второй Пунической войны, поскольку в результате его Ганнибалу не удалось снять осаду города, предпринятую римлянами. Проблема исследования заключается в том, что Ливий и Полибий по-разному описывают ход военных действий под Капуей. С точки зрения Полибия, все римское войско находилось внутри укреплений и отбивало атаки карфагенян, поэтому действия Ганнибала он рассматривает как осаду. Однако, учитывая расположение отдельных римских соединений, описанное Ливием и сообщаемые им детали сражения, мы можем сделать вывод, что действия Ганнибала под Капуей являлись не осадой, а позиционным сражением.

Ключевые слова: вторая Пуническая война, Ганнибал, Капуя, 211 г. до н.э., Полибий, Тит Ливий.

Среди сражений второй Пунической войны битва под стенами Капуи 211 г. до н.э. занимает важное место. Оно определяется в первую очередь тем, что результатом этого столкновения стала неизбежная сдача римлянам города, являвшегося одним из сильнейших союзников Ганнибала в южной Италии.

Значение последующего падения Капуи неоднократно подчеркивалось в научной и научно-популярной литературе. Так, Т. Моммзен в своей многотомной «Истории Рима» отмечает моральное значение этого события для римлян: «Взятие Капуи было сигналом о восстановлении римского владычества над Италией»¹. «Поворотным моментом второй Пунической войны» называют возвращение Капуи римлянам авторы Кембриджской древней истории². Н. Бэгнелл в своей книге «Пунические войны (264-146)» подчеркивает, что Ганнибал не смог уничтожить римские армии у Капуи и тем самым освободить город. Однако, по его мнению, после этого сражения события еще не склонились решительно в пользу римлян³. Данная точка зрения расходится с мнением И.Ш. Кораблева, который считал, что судьба Капуи определила исход и самой кампании 211 г. до н.э., и военных действий в Италии вообще⁴. Сходную позицию выражают также авторы первого тома «Истории Европы»⁵.

Во многих научных работах подчеркивается тот факт, что сдача Капуи римлянам оказала огромное воздействие на итальянских союзников Ганнибала, которые «начали колебаться и подумывать о том, как бы возобновить союз с Римом»⁶. Историки единодушны во мнении о том, что неудачный исход сражения 211 г. до н.э. под Капуей вынудил Ганнибала совершить крайне рискованный и, как выяснилось, без-

¹ Моммзен Т. История Рима. Т.1. Книга 3. М., 2001. С.186.

² The Cambridge Ancient History (CAH). Second edition. V.VIII. Cambridge, 2008. P. 53. Такую же характеристику описываемым событиям дает Н. Филдс: Fields N. The Roman Army of the Punic Wars 264-146 BC. Oxford, 2007. P. 63.

³ Bagnall N. The Punic Wars (264-146 BC). Oxford, 2002. P. 66.

⁴ Кораблев И.Ш. Ганнибал. М., 1981. С. 205.

⁵ История Европы. Т.1. Древняя Европа / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1988. С. 103.

⁶ Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910. С.161. Сходная точка зрения выражена также в трудах: Разин Е.А. История военного искусства XXXI в. до н.э. — VI в. н.э. СПб., 1999. С. 323; Michael P., Fronda M.A. The Italians in the second Punic War: local conditions and the failure of the Hannibalic strategy in Italy. Dissertation presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy in the Graduate School of The Ohio State University. 2003. P. 323 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://etd.ohiolink.edu>

результатный маневр – поход на Рим⁷. Наконец, П. Коннолли обращает внимание на то, что победа под Капуей вселила уверенность в римлян, и они впервые за много лет «сочли возможным демобилизовать войска, прослужившие долее прочих»⁸.

Несмотря на все вышеизложенное, непосредственно само сражение 211 г. до н.э. под стенами Капуи не стало до сих пор предметом отдельного научного исследования. В немногочисленных описаниях этой битвы, существующих в современной исторической литературе, мы встречаем порой совершенно разные трактовки данного события.

Г. Дельбрюк полностью отрицал сам факт сражения. Во-первых, он считал свидетельства источников об этой битве крайне недостоверными. Во-вторых, немецкий историк был уверен, что Ганнибал не мог решиться на заранее безнадежное предприятие – штурм римских укреплений под Капуей: «Многочисленные победы, которые, по словам Ливия, римляне якобы одержали над Ганнибалом в период с 216 по 203 гг. до н.э., являются патриотическим римским вымыслом или, попросту говоря, хвастливыми выдумками... В то время как капуанцы делали вылазку, Ганнибал якобы сделал попытку взять приступом римскую укрепленную линию осады. Эти сведения почерпнуты из сокровищницы римских победных бюллетеней»⁹.

С точки зрения Т. Моммзена, битва все же имела место, однако в ходе ее римляне не предпринимали никаких действий, да и сам Ганнибал не помышлял о серьезном приступе: «...Римляне, успевшие окопаться в своем лагере и в своих укреплениях, как в настоящей крепости, не трогались с места и неподвижно смотрели с высоты своих земляных насыпей, как на их укрепления налетали с одной стороны кампанские всадники, а с другой – толпы нумидийцев. О серьезном приступе Ганнибал не мог помышлять; он предвидел, что его наступление привлечет в Кампанию другие римские армии...»¹⁰.

Однако М. О`Коннор, И.Ш. Кораблев, П. Коннолли по-иному рисуют ход сражения. Они отмечают активные действия римских легионов под командованием Квинта Фульвия против испанских наемников Ганнибала у самого вала римского лагеря: «Здесь Фульвий организовал ожесточенное сопротивление и серией контратак заставил пунийцев остановиться»¹¹. П. Коннолли пишет о действиях римской конницы: «В сражении участвовала и конница: союзническая – на севере, под командованием Нерона; римская – на юге, под командованием Флакка»¹².

Такая разная оценка событий, происходивших у стен Капуи, данная современными исследователями, вызвана, несомненно, противоречивостью имеющихся в нашем распоряжении источников. Описание сражения 211 г. до н.э. мы встречаем у Полибия, Аппиана и Тита Ливия. Аппиан ограничивается лишь кратким сообщением о том, что Ганнибал, «набросившись на круговые укрепления (римлян) и ничего не добившись» (*προσβαλὼν δὲ τῶ περιτειχίσματι καὶ μηδὲν νυνηθείς*), двинулся со всем своим войском на Рим (App. Hannib. 38). Таким образом, из текста Аппиана мы не можем ничего понять о характере боевых действий, историк отмечает лишь их неудачный исход для Ганнибала.

Полибий и Ливий более или менее подробно описывают ход сражения 211 г. до н.э. Но при знакомстве с текстом этих источников читатель сталкивается с тем, что каждый из этих двух историков совершенно по-разному представлял себе ход сражения. В данной статье мы предпринимая попытку, критически рассмотрев сообщения Полибия и Ливия, воссоздать картину тех событий, которые происходили под Капуей.

⁷ Кораблев И.Ш. Ганнибал. М., 1981. С. 206; Zlattner M. Hannibals Geheimdienst im Zweiten Punischen Krieg. Konstanz, 1997. P.20.; Разин Е.А. История военного искусства XXXI в. до н.э. – VI в. н.э. СПб., 1999. С. 323.

⁸ Коннолли П. Греция и Рим: энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 195.

⁹ Дельбрюк Г. История военного искусства. Античный мир. Смоленск, 2003. С.154.

¹⁰ Моммзен Т. История Рима. Т.1. Книга 3. М., 2001. С. 180.

¹¹ Кораблев И.Ш. Ганнибал. М., 1981. С. 206.

¹² Коннолли П. Греция и Рим: энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 194.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу хода сражения, необходимо вспомнить те события, которые ему предшествовали. Как известно, после поражения под Каннами в 216 г. до н.э. Капуя перешла на сторону Ганнибала и превратилась в опорную базу карфагенского полководца. У горы Тифата к северу от города Ганнибал устроил укрепленный лагерь; здесь, как отмечает Тит Ливий (Liv. 23.36.1), войско Ганнибала набиралось сил.

Римское государство в этот период находилось на грани катастрофы, однако ценой огромных усилий консулам удалось начать активные действия в Кампании. Римляне закрепились в Ноле, Свессуле, Казилине, Беневенте (Liv. 23.39.5). Наконец, в 212 г. до н.э., оба консула, Аппий Клавдий и Квинт Фульвий, приступили к осаде Капуи (Liv. 25.22.7-8). Вскоре к ним присоединился со своим войском претор Клавдий Нерон, который оставил в Свессуле лишь небольшой отряд, чтобы в случае опасности, защитить его от карфагенян. Как пишет Тит Ливий, «три полководца стояли теперь около Капуи, и три войска с трех разных сторон обводили город рвом и валом, возводили через небольшие промежутки укрепления» (Liv. 25.22.16). В результате этих действий город был опоясан двойным рвом и валом (*duplici fossa valloque*) (Liv.25.22.16).

Об оборонительных сооружениях, построенных вокруг Капуи, упоминают также Полибий и Аппиан. Первый отмечает наличие «вала и рва» (*χαράκα και τάφρον*) (Polib. 9.4.4), второй упоминает круговую стену (*τω περιτειχίσματι*), которая «охватывала весь (город) с разных сторон» (*την ελιτείχισιν πάντη περιλαμβάνουσαν*) (App. Hannib. 38).

Свою схему оборонительных сооружений, построенных римлянами под Капуей, предложил П. Коннолли¹³. С его точки зрения, сообщение Ливия о блокаде города с трех сторон нужно понимать в том смысле, что три римские армии должны были блокировать ворота Капуи, выходящие на наиболее важные дороги: северную, ведущую на Рим, восточную – на Свессулу, и юго-западную – в Неаполь. Напротив этих ворот П. Коннолли помещает на схеме три лагеря римских войск, соединенные между собой двумя рядами укреплений. Такое расположение представляется вполне логичным, кроме одного момента: внешние границы всех трех лагерей на схеме П. Коннолли вынесены за пределы оборонительных сооружений. Такое размещение вряд ли было бы оправдано, т.к. оно создавало угрозу атаки лагерей с флангов. Скорее всего, римские лагеря находились непосредственно между укреплениями, таким образом, что две параллельные границы лагеря и были, согласно Ливию, «двойным рвом и валом». Такой точки зрения придерживается, в частности, Д.Б. Кэмпбелл¹⁴. Он дает высокую оценку действиям римлян по организации осады Капуи, отмечая, что ничего подобного римская армия не предпринимала со времен осады Акраганта (262 г. до н.э.).

В 211 г. до н.э., когда стали сказываться последствия римской осады, жители города обратились за помощью к Ганнибалу, который в это время находился в Таренте. Карфагенский полководец сразу откликнулся на призыв кампанцев и поспешил со своим войском к Капуе. «Капуя значила больше, - пишет Тит Ливий, - на нее обращены были взоры всех союзников и врагов: ее судьба должна была стать примером» (Liv. 26.5.2). Римский историк сообщает, что Ганнибал оставил большую часть обоза и все тяжеловооруженное войско у Тарента и направился в Кампанию «с отборной пехотой и конницей, за которой следовали тридцать три слона. Он остановился в укромной долине за Тифатами... и обратился на осаждавших Капуе» (Liv. 26.5.3-4). Мы можем предположить, что Ганнибал проделал весь путь от Тарента до Капуи по территории Самния, поскольку города, расположенные на южных границах

¹³ Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков. М., 2000. С. 194.

¹⁴ Campbell D.B. Ancient siege warfare. Persians, Greeks, Carthaginians and Romans 546-146 BC. Oxford, 2005. P. 52.

Кампании, в то время контролировались римлянами. Таким образом, Ганнибал рассчитывал напасть на римские армии и, уничтожив их, снять осаду с города. Предварительно Ганнибал сообщил капуанцам, чтобы в то самое время, когда он нападет на римский лагерь, те открыли все ворота и предприняли атаку на врага (Liv. 26.5.3-5). Вместе с кампанцами должен был действовать и пунийский гарнизон Капуи во главе с Бостаром и Ганноном.

Полибий рассказывает о сражении 211 г. до н.э. в 9 книге своей «Всеобщей истории», причем этому описанию предшествует лакуна. Он начинает изложение событий с того, что «Ганнибал, окружив кольцом (*κύκλω περιλαμβάνων*) стоянку Аппия, пытался вызвать неприятеля к сражению (*μάχην*) мелкими стычками. Но, так как римляне не поддались искушению, ...дело получило вид осады (*πολιορκία*): конница Ганнибала илами устремлялась на неприятельский лагерь и с криком метала в строй (противника) копья, между тем как пехота нападала манипулами (*σπέρας*), стараясь прорваться через вал (*διασταν το χάρακωμα περρωμένων*). Однако и этим способом действий Ганнибал не мог вынудить римлян отказаться от усвоенного плана: легкие войска их отражали нападающих у вала (*αλετρίβοντο τους προσίπτοντας προς τον χάρακα*), а тяжеловооруженная пехота римлян, защищенная от копий (своим вооружением), находилась в боевом порядке согласно знаменам (*έμενον εν τάξει κατά τας σημαίας*)» (Polib. 9.3). Таким образом, по Полибию получается, что римское войско находилось внутри лагеря, окруженного рвом и валом, а войска Ганнибала штурмовали эти укрепления. Греческий историк несколько раз повторяет замечание о том, что карфагенянам не удалось «вызвать (*εκκαλεισθαι*) римлян (на битву)»: римляне «еще не дерзавшие останавливать противника (действуя) с фронта (*ου τολμώντες δε ката πρόσωπον έτι συκαθίστασθαι τοις υπεναντίοις*)», «римлянам даже на мысль не приходило прямо взглянуть в лицо (противнику) (*ουδ` επινοήσαντες οιοι τ` ησαν αντοφθαλμειν*)» (Polib. 9.4). Наконец он называет причину, по которой римляне отказались от битвы: «Римское войско не осмеливалось выходить на сражение (*εξιέναι μέν προς μάχην ουκ εθάρρει*) из страха перед неприятельской конницей; но оно спокойно держалось в своем лагере (*εν ταις μάχαις*) в твердом убеждении, что та самая конница, которая наносила поражения в открытых битвах, будет теперь безвредна для него» (Polib. 9.4).

Отдавая должное Полибию как историку и не сомневаясь в его знаниях и практическом опыте военных действий, хотелось бы все же обратить внимание на ряд моментов. Во-первых, при описании этого сражения Полибий пользуется источниками, явно не расположенными к римлянам и пытающимися «реабилитировать» Ганнибала. То, что для описания событий второй Пунической войны Полибий прибегал к прокарфагенским источникам, является общеизвестным фактом. Так, в 3 книге своего труда он ссылается на Сосила, друга и биографа Ганнибала (Polib. 3.20.5) и на Филина, сицилийского грека, сочувствовавшего Карфагену, современника описываемых событий (Polib. 3.26). Правда, к их сведениям Полибий относился с большой долей критики. О том, что Полибий неоднократно прибегал к запискам Силена, историографа Ганнибала, отмечает со ссылкой на Ф. Вальбанка (F.W. Walbank) С. Лансель¹⁵.

Во-вторых, вызывает настороженность то, что в при описании событий 211 г. до н.э. под Капуей Полибий следует заранее заданной схеме: Ганнибал осаждает римский лагерь, а римляне находятся внутри него. Здесь мы не видим характерных для греческого историка подробностей изложения, точности в передаче даже второстепенных деталей¹⁶.

В-третьих, при более подробном рассмотрении становится очевидным, что текст Полибия содержит ряд противоречий. Историк ничего не говорит о действии карфагенского гарнизона Капуи. Не понятно также, о какой осаде Капуи римлянами

¹⁵ Лансель С. Ганнибал. М., 2002. С. 205.

¹⁶ Там же.

может идти речь, если все их войско было сосредоточено в лагере, который Ганнибал окружил кольцом. Наконец, вызывает недоумение замечание Полибия о том, что тяжеловооруженная пехота римлян «оставалась в боевом порядке согласно знаменам», что довольно странно для войска, находящегося в лагере и отражающего осаду неприятеля. Ведь в данном случае эффективность тяжеловооруженной пехоты практически равна нулю. Ничего не сообщает Полибий и о действии конницы римлян.

Обратимся теперь к рассказу Тита Ливия. Исследователи творчества римского писателя неоднократно отмечали, что он пренебрегал карфагенскими источниками, чем в большой степени и «объясняются существенные различия между Ливием и Полибием в изложении международных отношений, отдельных битв...»¹⁷. Действительно, в описании хода второй Пунической войны римский историк использовал труд Цинция Алимента, современника событий, пленника Ганнибала (Liv. 22.38.3), сведения Целия Антипатра (Liv. 26.11.8), а также сочинения анналистов Луция Кальпурния Пизона, Валерия Анциата и Клавдия Квадригария (Liv. 25.39.15). Однако Тит Ливий, несомненно, был знаком и с трудом Силены, на которого он ссылается (Liv. 26.49).

Хотелось бы обратить внимание на то, что предвзятость римских историков в описании событий второй Пунической войны, которую принято подчеркивать в научной литературе, была ничуть не меньшей, чем стремление их прокафагенских «оппонентов» прославить гений Ганнибала или оправдать его ошибки. В этом смысле источники, которыми пользовался Полибий, и материалы, привлеченные Титом Ливием, в одинаковой степени сомнительны.

Текст Тита Ливия существенно отличается от описания битвы 211 г. до н.э. под Капуей, данного Полибием. Если второй ограничивается скухими замечаниями, следуя, как уже было сказано, заданной схеме, то первый сообщает массу подробностей, изложенных весьма непоследовательно и хаотично. Создается впечатление, что из имеющихся в распоряжении Ливия источников он выбрал лишь те эпизоды, с помощью которых можно подчеркнуть героизм рядовых участников сражения: центуриона Квинта Навия, легатов Луция Порция Лицина и Тита Попилия. При этом римский историк не задается вопросами о том, как, собственно, проходило сражение, в чем причина неудач Ганнибала, какие последствия имела битва для той и другой стороны.

Невнимание Тита Ливия к этим важным проблемам проявляется уже в том, что он употребляет разные термины для характеристики военных действий под Капуей. Историк использует несколько раз слово «сражение» (*proelium*) и один раз слово «осада» (*oppugnatio*). (26.5.11-13). Как нам представляется, это факт подтверждает предположение о том, что при описании данных событий Ливий пользовался различными источниками, одни из которых рассматривали происходящее как сражение, другие – как осаду.

Попробуем проанализировать текст Ливия, выбрав из него те факты, которые помогли бы нам реконструировать ход сражения. Во-первых, следуя тексту, мы можем определить место основного удара Ганнибала. Как уже было сказано, стоянка карфагенского полководца находилась на северо-востоке от города. Главной задачей его было напасть на лагерь Аппия одновременно с двух сторон, используя гарнизон Капуи. Тит Ливий отмечает, что кампанцы «бились у самых ворот Капуи, выходящих к Вультурну» (26.6.3), т.е. у северных ворот¹⁸. Т.о. сражение проходило на северной или северо-восточной окраине города, где и был, вероятно, размещен лагерь Аппия.

Далее историк рассказывает о расположении римских войск: «Чтобы в момент опасности не кинуться всем в одну сторону и не остаться где-нибудь без прикрытия, (римляне) разделили войско так: Аппий Клавдий против кампанцев; Квинт Фульвий против Ганнибала (*Ap. Claudius Campanis, Fulvius Hannibali est oppositus*), Гай Нерон, пропретор, с конницей шести легионов (т.е. всех легионов, стоящих под Капуей

¹⁷ Ревяко К.А. Пунические войны. Минск, 1988. С. 40.

¹⁸ То, что именно северные ворота назывались *Porta Volturni* см.: Помяловский И. Храм тифатинской Дианы. СПб., 1874. С. 15-16. Автор ссылается на надпись Momms. J. N. 3633.

– К.О.) «*via quae Svessulam fert est oppositus*» (Liv. 25.5-6). М.Е. Сергеенко переводит этот отрывок «вдоль дороги на Свессулу», однако, на наш взгляд, более подходящий перевод – «напротив дороги». В комментариях к этому месту В.М. Смирин поясняет, что задачей Нерона было охранять дорогу на Свессулу, чтобы Ганнибал не смог захватить Кастра Клавдиана¹⁹. Но следует заметить, что такое размещение римской конницы не могло стать для Ганнибала препятствием, поскольку он, как уже было сказано, свободно передвигался по Самнию. Значит, Гай Нерон выполнял какую-то другую задачу.

Наконец, четвертый римский командующий, легат Гай Фульвий Флакк с конницей союзников, согласно сообщению Ливия, «*constitit e regione Volturni amnis*». М.Е. Сергеенко переводит этот отрывок так: «находилась по реке Вультурн», но возможен и другой перевод – «находилась по направлению к реке Вультурн». Союзническая конница не могла располагаться по реке, поскольку после сражения (Liv. 26.7.9.) Ганнибал совершенно беспрепятственно переправился через нее. Таким образом, вся конница римлян находилась в непосредственной близости от места сражения и располагалась согласно классическому построению во время битвы: на правом фланге – конница римлян, на левом – конница союзников²⁰. Еще один отрывок из Ливия свидетельствует о непосредственном участии римской конницы в сражении. Историк сообщает, что во время отступления карфагенских войск Ганнибал вынужден был прикрывать пехоту с тыла конницей. И далее поясняет: «Легионеры рвались преследовать врага, но Флакк (командующий союзнической конницей – О.К.) велел бить отбой» (Liv. 26.6.7). Т.о. отступающей карфагенской пехоте непосредственно угрожала римская конница.

Далее Тит Ливий так описывает ход сражения. «Аппий легко отбросил кампанцев от вала; тяжелей приходилось Фульвию, на которого наступал Ганнибал с пунийцами. Шестой легион отступил (*loco cessit*); когорта испанцев с тремя слонами дошла до самого вала (*usque ad vallum peruasit*) и прорвала римский строй в середине; они надеялись ворваться в римский лагерь, но боялись, как бы не оказаться отрезанными от своих. Фульвий, видя, что легион в страхе и лагерь в опасности, уговаривает Квинта Навия и других старших центурионов напасть на вражескую когорту, сражающуюся под валом (*sub vallo*). Минута, говорит он, решающая: если дать врагам свободно пройти, они ворвутся в лагерь (*in castra inrupturos*), и это будет им легче, чем прорвать плотный строй войска (*condensam aciem*): надо их перебить под валом» (Liv. 26.5.10-13). Далее Тит Ливий отмечает, что Фульвий призвал воинов сомкнуть разорванный строй и сжать испанцев с обеих сторон как тисками, что и удалось сделать.

Из дальнейшего описания Тита Ливия мы видим, что «начальники лагеря легаты Луций Порций Лицин и Тит Попилий упорно бились на краю вала (*pro vallo*) и убили слонов, уже взбиравшихся на вал. Тушами слонов завалило ров: вот и мост для перехода врагу. На трупах слонов завязалась жестокая резня (*atrox caedes*)» (Liv. 26.6.11). Интересно то, что мы имеем косвенное подтверждение участия слонов в битве у стен Капуи. Павсаний в своем труде «Описание Эллады» (V.12.3) сообщает о том, что в храме богини охоты близ Капуи хранился череп слона. Под этим храмом Павсаний, несомненно, имел в виду знаменитый храм Дианы Тифатины, который находился к северу от города.

Таким образом, опираясь на рассказ Тита Ливия, мы можем предположить, что римская тяжеловооруженная пехота двух легионов под командованием Квинта Фульвия располагалась перед валом и рвом, где и развернулось сражение, в то время как часть римских воинов под командованием Лицина и Попилия обороняла вал, что соответствует сообщению Полибия. При такой расстановке сил тяжеловооруженная пехота римлян могла действовать эффективно, к тому же, в союзе с конницей, распо-

¹⁹ Комментарии // Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. 2. М., 1994. С. 485.

²⁰ Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков. М., 2000. С. 140.

ложенной по левому и правому флангу. Строй римлян был прорван неприятелем посередине между первым и вторым манипулом, в результате часть карфагенских войск дошла до вала (битва разгорелась даже на дне рва на трупах слонов), но атака Ганнибала была остановлена, и ему пришлось отвести войска.

Хотя Ганнибалу удалось сохранить свою армию, планы его не были реализованы, и в этом смысле итог битвы можно оценить как поражение карфагенского полководца. Говоря о причинах неудачных действий Ганнибала, следует согласиться с точкой зрения Полибия. Карфагенский полководец действительно не мог эффективно использовать конницу в данном сражении, поскольку строй римской армии, который, согласно нашим предположениям, располагался перед рвом и валом, был прикрыт с тыла оборонительными сооружениями, а, значит, была исключена возможность его окружения. К тому же, у Ганнибала, видимо, было не так много сил, о чем свидетельствует Ливий, утверждая, что Ганнибал оставил в Таренте все тяжеловооруженное войско.

Несмотря на то, что Ливий и Полибий по-разному описывают военные действия под Капуей 211 г. до н.э., оба они, а также Аппиан подтверждают, по крайней мере, два момента. Все три автора не отрицают факт сражения, поэтому мы не можем разделить точку зрения Г. Дельбрюка на то, что эта битва – выдумка римских историков. Ливий, Полибий и Аппиан единодушно подтверждают также, что Ганнибал не смог прорвать линию римских укреплений и проникнуть в лагерь. Из этого следует, что сражение, описанное Ливием, могло происходить только за пределами укреплений. Этот вывод дает нам возможность предположить, что военные действия Ганнибала под Капуей являлись не осадой, а позиционным сражением.

THE BATTLE AT CAPUA 211 B.C.

O.V. KARMAZINA

*Voronezh State
Pedagogical University*

e-mail: olga.karmazina@mail.ru

The battle at Capua, which took part in 211 BC played an important role in the second Punic war. As a result of this battle, Hannibal wasn't able to raise the siege of the most important city of Campania, undertaken by the Romans. Titus Livy and Poliby describe differently the course of military operations at Capua in 211 BC. From the point of view of Poliby, all Roman armies were in strengthenings and beat off attacks of Carthaginians, therefore the Grecian historian considers Hannibal's actions as a siege. However, considering the arrangement of separate Roman military connections and details of the battle described by Livy, we can draw a conclusion Hannibal's actions at Capua were not a siege, but a real positional battle.

Key words: Second Punic war, Hannibal, Capua, 211 BC, Poliby, Titus Livy.

ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ЭПОХИ В ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ АВТОРОВ ЛАТИНСКОГО ЗАПАДА IV-V ВВ.

Е.В. ЛИТОВЧЕНКО

Белгородский государственный университет

e-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

Позднеантичная эпоха на латинском Западе как переходный этап исторического развития Европы представляет для нас особый интерес сквозь призму мировосприятия наиболее характерных представителей культуры данного периода. Настоящее исследование посвящено проблеме репрезентации образа позднеантичной эпохи в сочинениях позднеримских авторов – Симмаха, Авсония, Клавдиана, Аммиана Марцеллина, Сальвиана, Сидония Аполлинария. Методологической базой исследования послужил микроисторический подход, позволяющий установить основные компоненты повседневной жизни представителей высшего слоя позднеантичного общества, реконструировать ментальные установки, особенности духовной жизни человека. Автор приходит к выводу о том, что картина бытия позднеантичного общества, представленная по письменным свидетельствам христианских авторов, имела амбивалентный (двойственный) характер, поскольку языческие традиции и обычаи, литературные риторические штампы, усвоенные посредством риторического образования, продолжали играть значительную роль в сознании римского интеллектуала IV-V вв.

Ключевые слова: поздняя античность, микроисторический подход, «последние римляне», риторическое образование, картина мира позднеримской аристократии.

Период римской истории IV-VI вв. – особая историческая эпоха, генетически связанная с предыдущей и последующей, – получил в современной историографии емкое название «Поздняя Античность». Относительно недавно (до 70-х гг. XX в.) данный период однозначно воспринимался историками как время кризиса и упадка Римской империи¹, но с выходом в свет работы английского историка Питера Брауна² в науку получило развитие новое направление, так называемая «постгиббоновская концепция» («Late Antiquity»³, «Postclassical World»), в соответствии с которой позднеантичное общество было не только кризисом и упадком, но и закономерным этапом развития античной цивилизации. Данный этап все больше воспринимается как время определенного внутреннего развития. Главная трудность в том, что нет четких критериев подхода к поздней античности как к самостоятельной целостной фазе развития античного общества⁴. Сам противоречивый материал эпохи, его недостаточная количественная репрезентативность во многих случаях создают основу для противоположных суждений. Поэтому к таким эпохам и периодам особенно важно применять системный подход, при котором характер общества, динамики его внутренних отношений может быть определен только через взаимосвязанное изучение его компонентов.

¹ Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vols. I-VI. London, 1776-1789.

² Brown P. The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad (AD 150-750). London, 1971.

³ Если рассматривать отдельно терминологию, то это название появилось еще в нач. XX в. в немецкой и австрийской историографии и звучало как «Spätantike» (Riegl A. Die spätromische Kunstindustrie nach den Funden in Oesterreich-Ungarn. Vienna, 1901), однако содержательно совпадало с «гиббоновской трактовкой» проблемы.

⁴ Подход к позднеантичной эпохе как целостной фазе развития общества рассматривается в книге: Bowersok G.W., Brown P., Grabar O. (eds.). Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World. Cambridge; L., 1999.

Относительно хронологических границ данного периода нет полной ясности: тот же Питер Браун предлагает ориентироваться на время между III и VIII веками (за точки отсчета приняты кризис III века и приход к власти Диоклетиана, а также исламские завоевания). Однако более целесообразным представляется несколько сузить данные рамки до IV-VI веков. Эти временные границы обусловлены такими критериями как культурно-цивилизационный и политический. *Культурно-цивилизационный* охватывает время от официального признания веры в Иисуса Константином Великим и внешней победы христианства при императоре Феодосии (379-395) до окончательного искоренения остатков язычества в начале VI в.⁵ В этот период Римская империя как государственное образование уже прекратила свое существование на Западе (476 г.), но, тем не менее, классическая латинская культура, по крайней мере, еще целое столетие продолжала сохраняться в сознании и произведениях многих позднеантичных авторов Запада, что было обусловлено бытованием остатков политической традиции (в отдельных провинциях и на уровне муниципий) и латинского языка как живого языка позднеримского этноса до середины VI в. *Политический* – от последнего «собираания земель» империи (395 г.) до первых десятилетий власти варваров в провинциях и превращения федератских образований в независимые королевства.

На наш взгляд, а также согласно исследованиям других историков⁶, своеобразие этой эпохи заключается в культурном континуитете между позднеантичной и раннесредневековой Европой, при этом двумя главными качественными характеристиками, как для любого переходного времени, выступают традиция и транзитивность (лат. *transitivus* - переходный), т.е. переходность, при сложном взаимодействии различных факторов исторического процесса и элементов культуры.

Позднеантичная эпоха на латинском Западе в силу консерватизма традиции и активной транзитивности представляет для нас особый интерес в «человеческом измерении», сквозь призму мировосприятия наиболее характерных представителей тогдашней культуры. Совершенно очевидно, что формирование целостной картины восприятия поздней античности невозможно без представления о мыслях и чувствах людей той эпохи, оставивших нам письменные свидетельства.

Целостная картина должна сопровождаться рассмотрением ощущений и обычаев, влияния религии, чувства патриотизма и поведения человека. Здесь, безусловно, разумно воспользоваться достижениями историков, работающих в русле микроистории (изучение подсознательного), истории повседневности и быта.

В своем наиболее известном варианте микроистория сложилась в Италии в конце 70-х годов (Д. Леви, К. Гинзбург, К. Пони, Э. Гренди). Впоследствии некоторые подходы итальянской микроистории были подхвачены и развиты рядом французских исследователей, включая таких известных современных представителей школы «Анналов» как Б. Лепети и Ж. Ревель. В Германии это направление развивается в рамках «истории быта и повседневности» (Г.-У. Велер, Дж. Кокка, В. Ульрих и др.).⁷

Именно микроисторики поставили задачей своего исследования изучение вопроса о способах жизни и экстремального выживания в условиях социально-политической нестабильности, кризиса, что, безусловно, актуально для реконструкции образа жизни людей поздней античности.

Микроисторики стремятся сосредоточить внимание на конкретных, легче обозримых аспектах прошлого, раскрыть существовавшие для индивида поведенческие альтернативы, выявить его личный выбор, мотивы этого выбора, его последствия.

⁵ Подробнее см.: Chuvin P. *Chronique des derniers païens*. P., 1990.

⁶ Cameron Av. *The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395-600*. L.-N.Y., 1993; Brown P. *Late Antiquity*. Cambridge, 1998; Brown P. *The World of Late Antiquity. AD 150-750*. London & Hudson Ltd., 1989. 216 p.; Уоллес-Хедрилл Дж.-М. *Варварский Запад. Раннее Средневековье 400-1000* / пер. с англ. А.П. Санина. СПб., 2002; Болгов Н.Н. *Поздняя античность: история и культура*. Белгород, 2009; Уколова В.И. *Античное наследие и культура раннего средневековья*. М., 1989.

⁷ Бессмертный Ю.Л. *Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории*. М., 1995. С. 10.

Именно полнота подобных микроданных позволяет конкретно проследить и изменение индивида, и связь таких изменений с окружающей социальной средой⁸.

Микроисторики, изучающие античную эпоху, работают с традиционными письменными памятниками. Среди них они выделяют, прежде всего, «эго-документы» – биографии, мемуары, дневники и письма. Именно они позволяют понять человека и его поступки в конкретной ситуации, то, что отличает его повседневность – от жизни и поведения других, находящихся в тех же обстоятельствах⁹.

Что касается методов, предлагаемых микроисториками и историками повседневности и быта, то здесь, прежде всего, используется метод «вчитывания в текст», размышлений об обстоятельствах высказывания запечатленных в нем идей и оценок, проникновения во внутренние смыслы сообщенного, учета недоговоренного и случайно прорвавшегося¹⁰. Иными словами, суть данного метода в интуитивной интерпретации, как самого текста источника, так и подтекста, скрытого за основным содержанием документа.

Решать поставленные задачи в русле микроисторического подхода возможно также, применяя герменевтический метод «вживания в эпоху» для воссоздания ее целостного образа, т.е. понимание эпохи «изнутри», из нее самой. Наиболее реальную картину любого периода времени возможно понять через реконструкцию ментальности, через раскрытие повседневной жизни представителей различных социальных и возрастных групп, особенности духовной жизни человека через изучение мотивов индивидуального поведения.

Использование предложенной методологии предполагает некоторые трудности, поскольку историку в таком случае необходимо глубоко разбираться и в психологии, однако интеграция отраслей современной науки явление уже не новое, что подтверждает развитие такой области исторического знания как историческая психология¹¹.

Итак, каков же образ поздней античности, предстающий перед современным исследователем на страницах произведений «последних римлян»?¹²

Анализ общей картины социально-политической и духовной жизни Поздней Римской империи показывает, что в этот переходный период ситуация практически во всех сферах была явно нестабильной. Такое положение было характерно для данного периода в целом - IV-VI века были самым большим переломом в истории Европы из происходивших до тех пор. Кризис всех систем (политической, социальной, религиозной) в их совокупности, в конечном итоге, приводит империю к гибели. За-

⁸ Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. М., 1995. С. 11-12.

⁹ Пушкарева Н.Л. История повседневности и частной жизни глазами историка // Социальная история - 2003. М., 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://el-history.ru/node/1>

¹⁰ Там же.

¹¹ См. Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. СПб., 1997, также: Шкуратов В. Историческая психология. М., 1997.

¹² Понятие «последние римляне» (*Ultimus Romanorum*) возникло еще в античные времена; считается, что впервые его употребил Юлий Цезарь, охарактеризовав им Марка Юния Брута, как одного из тех, в ком сохранился «старый римский дух». Зарубежная историография включает довольно много имен в список тех, кого можно назвать «последним римлянином», например, Флавий Велизарий – один из великих полководцев Византийской империи, последний из тех, в честь которых устраивался триумф; Флавий Аэций – командующий римскими войсками, защищавшими Галлию от франков и других варваров, и одержавшего победу над Атиллой в битве на Католаунских полях; Боэций Северин как один из последних значительных философов Рима; Григорий Великий – влиятельнейший папа, уроженец Рима; Ромул Августул – последний император Западной Римской империи *de facto*; Юлий Непот – последний император Западной Римской империи *de jure* и мн. др. (Cobham Brewer E. *Last of the Romans* // *Dictionary of Phrase and Fable* (1898) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Last_of_the_Romans). В отечественной науке это определение активно разрабатывается В.И. Уколовой. Она обозначила им тех представителей образованной знати, которые хронологически уже принадлежали средневековой эпохе, жили в варварских королевствах, но занимались активной переработкой античного наследия, приспособивая его к нуждам средневековой цивилизации (Боэций, Кассиодор, Исидор Севильский и др.). В ее интерпретации это, как правило, авторы уже VI века и позднее.

падная Римская империя как политическая единица сходит с международной арены, уступая место молодым варварским королевствам, однако античная культура, языческая в своей основе, еще целое столетие существует как самостоятельный, живой пласт культуры новой эпохи, раннего средневековья.

Уже в III веке в сознании рядового римлянина произошел надлом, вызванный временным распадом государства и варварскими вторжениями. Не прекращались религиозные и социальные конфликты. Кроме того, конец IV века даже по сравнению с его началом показывает резкое снижение интеллектуального уровня. В Риме «людей образованных и серьезных избегают как людей скучных и бесполезных» (Amm. Marc. XIV. 6, 15).

Полное падение жизненной активности и энергии среди последних римлян давно подмечено историками. К V веку процесс упадка интеллектуальной культуры и отмирания творческой мысли зашел столь далеко, что империя «уже не имела ни мудрых беспристрастных историков, ни вдохновенных и увлекательных поэтов; языческие писатели все больше впадали в цветистую риторичность и откровенное пустословие, а христианские авторы заботились лишь о прославлении своей религии, пренебрегая исторической достоверностью»¹³.

Так наглядно проявилось действие возраста римского этноса, который, исчерпав свои силы, начал перерождаться, равно как и возраста самой локальной цивилизации¹⁴.

Естественно, картина жизни позднеантичного общества воссоздается исключительно на основе свидетельств представителей слоя позднеримских аристократов-интеллектуалов, т.е. тех, кто имел возможность оставить нам письменное наследие¹⁵. Объединяла этих людей не только (и не столько) принадлежность к римскому нобилитету, сколько система риторического воспитания и образования, «пайдейя» римского образца, культивировавшая как когнитивный компонент сознания, так и целую систему общественных и культурных ценностей, типичных для классической античности. Практически все позднеантичные литераторы получили риторическое образование и, как следствие, тягу к художественному (в частности, литературному) самовыражению.

Что касается роли личности, степени проявления индивидуальных качеств, в позднеантичном обществе, то в условиях общей нестабильности и гипертрофированности императорского культа, она была невысока.

П.П. Шкаренков отмечает, что позднеантичное общество было очень высоко институционализированным. Действия человека имели значение, только если они находились в соответствии с санкционированной моделью поведения, связанной с исполнением определенной социальной роли, в которой они могли добиться успеха лишь при следовании моральному идеалу¹⁶. Сущность человека определялась через его общественное положение, сословный статус, род занятий, а не через его индивидуальные качества. По удачному выражению И. Кона, мыслителям поздней античности был близок и понятен образ человека, выполнявшего разные, не им самим сочиненные роли¹⁷. При доминировании такого способа восприятия мира мы все реже встречаем в текстах описания конкретных людей с их индивидуальными качествами. Личность человека скрывается за набором идеальных атрибутов, состав и количество которых зависит от места, занимаемого человеком в обществе»¹⁸.

Как нам кажется, именно этим объясняется стремление некоторых язычников не только принять христианство, но и занять пост в церковной иерархии, поскольку сделать что-либо заметное в тот период было возможно, находясь скорее не на госу-

¹³ Федорова Е.В. Люди императорского Рима. М., 1990. С. 321.

¹⁴ По подсчетам еще К. Леонтьева, локальная цивилизация западного типа живет не более 12 столетий.

¹⁵ Симмах, Авсоний, Павлин Ноланский, Рутилий Намациан, Сидоний Аполлинарий и др.

¹⁶ Шкаренков П.П. «Variae» Кассиодора в контексте позднеантичной интеллектуальной культуры // Диалог со временем. № 2. М., 2000. С. 102.

¹⁷ Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984. С. 50.

¹⁸ Шкаренков П.П. Указ. соч. С. 103.

дарственной службе, а в качестве священника, зачастую (в силу слабости центральной светской власти) бравшего на свои плечи заботы социально-политического характера (деятельность Северина в Норике и Сидония в Клермоне).

Безусловно, мы не можем отрицать искреннего желания людей чтить Христа, пришедших к этому через глубокие душевные потрясения, когда человеку приходилось переживать внутренний конфликт языческого воспитания и образования и новых установок, ориентированных, прежде всего, на Бога и отрицающих староримские ценности и добродетели (Иероним, Августин, Амвросий Медиоланский и др.).

Однако немало было и так называемых «формальных» христиан (Авсоний, Драконций, Сидоний Аполлинарий), которые обращались к христианству номинально, в душе оставаясь верными классическим античным традициям, когда приоритетной ценностью являлось служение не Богу, но Государству.

В поэзии Авсония (ок. 310-394 гг.) присутствуют стихотворения как чисто языческого характера, так и христианского содержания, однако доля последних значительно меньше, а чувства, испытываемые автором по отношению к христианскому Богу, значительно прохладнее, чем к языческим богам и героям. Авсоний черпает свой лексический арсенал из мифологии и истории культуры. Почти автоматически в его сознании всплывают образы Миноса и Солона, когда он пишет о справедливости, Пифагора и Нумы Помпилия – о божественной учёности; Аристарха и Зенодота – о книжной учёности; Феба и Эскулапа – о врачах, кентавра Хирона – об учителях. В «Распятом Купидоне», рассказывая о том, как коварный бог попал в руки женщин, пострадавших от несчастной любви, он перебирает все имена героинь-страдалиц древних мифов. В своих письмах к любимому ученику и другу Павлину он сравнивает себя и его с Орестом и Пиладом, Нисом и Эвриалом, Дамоном и Финтием, Перифоем и Тезеем, символизирующими примеры нерушимой дружбы¹⁹.

В произведениях Авсония жива идея вечности империи и олицетворявшего ее Рима («Рим золотой, обитель богов, меж градами первый»), а отношение к варварам довольно благодушное, с позиции сильного (Aus. Cons. Orat., 30-35).

Письма Сидония Аполлинария (430-488 гг.), галльского аристократа и епископа, содержат подробности бытовой жизни и основных занятий, которые мало чем отличались от традиционного образа жизни римского аристократа-язычника: визиты к друзьям, охота, изящная словесность, игры, посещение терм, разыгрывание сценок из пьес римских и греческих классиков (Sid. Epist. I). При этом каждое из так называемых «епископских» писем Сидония (книги VI-VII) заканчивается словами: «*memor nostri esse dignare, domine papa*» («достойный памяти современников, епископ наш»), что наводит на мысль о некоторой нарочитости такого постоянства, как будто он хочет убедить в том, что является истинным христианским священником, не только окружающих, но и самого себя. На наш взгляд, такие высказывания были своего рода данью времени стремительно надвигающегося христианского средневековья. Хотя в изображении более поздних христианских авторов, например, у Григория Турского в «Истории франков» (II. 21-25) Сидоний предстает перед нами в совершенно ином образе. Здесь он выглядит уже вполне канонично. За каких-то сто лет образ Сидония трансформировался из светского интеллектуала и политика в святого мужа, благодаря усилиям христианской апологетики. По словам Григория Турского: «Сидоний всецело был предан служению Господу и вел в миру святую жизнь».

Таким образом, в глазах современников ситуация того периода, воссозданная по источникам, представляется двумя совершенно различными картинками.

В произведениях языческих писателей мы видим золотовенчаный вечный Рим, гордящийся своей былой славой и благочестием, верный древним богам, сделавшим его своим избранником и даровавшим ему великую миссию господства над

¹⁹ Перфилова Т.Б. Две модели обучения философии в Римской империи // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3. С. 45-46.

миром. Об этом пишут поэты Авсоний, Клавдиан, Рутилий Намациан. Об этом же свидетельствует и переписка крупнейшего государственного деятеля того времени Квинта Аврелия Симмаха²⁰.

Регулярно и с большим тщанием отправляются языческие обряды, продолжают существовать коллегии авгуров, весталок, других римских жрецов. Знать увлекается литературой, риторикой, отчасти философией, но еще больше она следит за модами и строжайшим соблюдением этикета. Симмах сетует, что светские обязанности поглощают большую часть времени, но все же считает невозможным не отдавать необходимые светские визиты. Словом, кажется, что жизнь течет по искони заведенному порядку, которому ничто не угрожает²¹.

Другая картина складывается из свидетельств христианских авторов. Прежде всего, мы не видим никакого покоя и благоденствия. Напротив, жизнь общества и всех его слоев предельно напряжена: оно находится на краю пропасти, и помешать его гибели может только христианство, с неистовой энергией добивающееся политической и духовной победы. Страстными обличениями пороков римского общества наполнены страницы сочинений «отцов церкви» Иеронима и Августина. Ложная вера, моральная деградация, всеобщая продажность, разврат – это еще далеко не полный перечень грехов, обрекающих это общество на уничтожение.

Действительность в интерпретации Сидония и других языческих авторов получает «некий эталонный, вневременной характер»²², великие примеры прошлого заслоняют настоящее. Так, например, при виде Мантуи Сидоний вспоминает мятеж великого Цезаря, при виде Фано – смерть Гасдрубала (Sid. Epist. I, 5, 3), тогда как тот же Сальвиан при виде любого города замечает лишь грязь и пороки (Salv. VI, 13-15).

Таким образом, применяя микроисторический подход, легко можно убедиться в том, что картина бытия позднеантичного общества, представленная по письменным свидетельствам христианских авторов, имела амбивалентный (двойственный) характер, поскольку, на самом деле, не все из них действительно воспринимали мир по-новому. Языческие традиции и обычаи, литературные риторические штампы настолько прочно обосновались в подсознании таких «формальных» христиан, что вольно или невольно продолжали «жить» на страницах их произведений.

PROBLEM OF REPRESENTATION OF THE LATE ANTIQUITY IMAGE IN THE WRITTEN TRADITION OF AUTHORS OF LATIN WEST IN IV-V CENTURIES A.D.

E.V. LITOVCHENKO

Belgorod State University

e-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

The Late Antiquity in the Latin West as a transitional phase of European historical development is of a great interest to us through the alembic of the world-view of those times' most typical representatives. This investigation is dedicated to the problem of representation of the Late Antiquity's image in works of the Late Roman authors such as Symmachus, Ausonius, Claudianus, Ammianus Marcellinus, Salvian, Sidonius Apollinaris. As a methodological base of this research served the "microhistorical" approach which helps to reconstruct mentality, disclosing everyday life of Late Roman nobility, exposing features of an individual's spiritual life. The author is coming to a conclusion that the worldview of the Late Antiquity's society reversed by Christian authors' written testimonies had an ambivalent type because a pagan traditions and customs, a literary rhetorical cliché continued playing an important role in the consciousness of Roman intellectuals of the IV-V centuries A.D.

Key words: Late Antiquity, "microhistorical" approach, "Last of the Romans", rhetorical education, worldview of the Late Antiquity's nobility.

²⁰ Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М.: Наука, 1989. С. 13.

²¹ Там же. С. 14.

²² Шкаренков П.П. Римская империя в «эпоху упадка»: между мифом и реальностью // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 22.

К ВОПРОСУ О ЛАТИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

К.Н. БОЛГОВ

Белгородский государственный университет

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

В работе рассматривается круг проблем, связанных с латинской культурой Ранней Византии. Автор выделяет территориальные и содержательные аспекты распространения латинского языка в восточных провинциях. Выясняются основные причины падения роли и значения латыни в Византии к VII веку.

Ключевые слова: латинский, Ранняя Византия, Константинополь, культура.

Позднеантичный (ранневизантийский) период, охватывающий IV-VI вв. был переходным временем, неоднородным с точки зрения культурных процессов. На территории, входившей в состав Восточной Римской империи, окончательно сформировавшейся с конца IV в., сложилась, в отличие от двуязычного античного средиземноморского общества первых веков н.э., принципиально иная культурная и языковая ситуация.

В провинциях, начиная еще с кризисного III в., значительно оживились казались бы забытые языки местных народов, и это положение сохранилось в ранневизантийской культуре, спаянной христианской церковью. Если в искусстве и материальной культуре этнокультурные отличия проявлялись менее четко, то письменные памятники, эпиграфика и другие данные вполне определенно свидетельствуют о реальном двуязычии в негреческих провинциях.

Хорошо известно о вкладе в культурный сплав Ранней Византии помимо греков – сирийцев, египтян-коптов, народов Малой Азии, армян, евреев, арабов и др.¹

Значительная литература о ранней Византии и поздней античности в целом, в первую очередь, обобщающие работы, дают территориально-этнический обзор империи (А. Гийу², А.Х.М. Джоунз³, Д. Оболенский⁴ и др.).

В этом ряду можно поставить и латинский пласт ранневизантийской культуры. Однако, в отличие от вышеназванных, он более сложен, полифункционален и нуждается в более точном определении.

Первая и главная сфера распространения латинского языка в Ранней Византии была связана непосредственно с государством. Языком двора, управления, права и армии латынь оставалась до конца ранневизантийского периода. Основной письменный памятник этой сферы – Свод гражданского права Юстиниана. Территориальное сосредоточение – Константинополь как центр администрации, а также крупные города в провинциях.

Вторая сфера – территориально-этническая, аналогичная большинству других подобных. Однако, и здесь имелось глубокое своеобразие данного этнического пласта – он был в ранней Византии хотя и самостоятельным, но периферийно-маргинальным по отношению к своей «метрополии» – Западному Средиземноморью, где латинский язык играл ведущую роль. Ни один другой этнокультурный пласт не имел такой четко выраженной двойственности.

Наконец, третья сфера была также связана преимущественно со столицей и в определенной степени с государством, однако она представляет собой все же скорее автономный культурный феномен. Это разнообразные тексты:

¹ Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984.

² Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.

³ Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов-на-Дону-М., 1997.

⁴ Оболенский Д. Византийское Содружество наций. М., 1998.

- **поэтические:** поэмы Флавия Крескония Кориппа Африкана Грамматика «Иоанниада», «Похвала Юстину II»⁵;
- **исторические:** Хроника Марцеллина Комита⁶,
- **другие прозаические** тексты в классической традиции: филологические труды Флавия Харисия⁷, Присциана⁸, и др.

К кругу рассматриваемых нами аспектов можно отнести и творчество автономной группы этнических греков, живших и работавших на Западе и писавших по латыни в IV веке – Аммиан Марцеллин, Клавдиан и др. В VI веке будет иметь место уже обратный процесс – латинский грамматик Присциан получит назначение ко двору Юстиниана.

В области изящной словесности наиболее интересным феноменом латиноязычной культуры Византии предстает, конечно, эпический поэт Корипп. «Благодаря» своей культурной маргинальности, он не попал ни в одну серьезную историю литературы. О нем не упоминают ни К. Крумбахер, автор наиболее авторитетной «Истории византийской литературы», ни А.П. Каждан, начинающий свою «Историю византийской литературы» с более позднего времени, ни В.Н. Голенищев-Кутузов в «Средневековой латинской литературе Италии», ни В.В. Дуров и М. фон Альбрехт в своих «Историях римской литературы», ни С.С. Аверинцев в «Истории всемирной литературы»⁹, ни Л.А. Фрейберг¹⁰. Лишь энциклопедия классических древностей Паули-Виссова посвятила ему 10 колонок своего текста. Упомянут поэт и в польском справочнике «Античные писатели»¹¹. Прочие словари (Ф. Любкер, «Словарь античности» и др.) о нашем авторе также хранят полное молчание.

Вероятно, Корипп родился приблизительно в первом десятилетии VI века. Прозвище Африканский позволяет предположить, что местом его рождения была Африка. Также несомненно, что он значительное время пробыл в Африке в период ее отвоевания у вандалов.

Поэтическое наследие Кориппа в целом довольно обширно. Эпическая поэма «Иоанниада, или о Ливийской войне» в VIII песнях и почти 5000 гекзаметрах рассказывает о войне против мавров во главе с дуксом Иоанном в 545-548 гг.¹² Незадолго до того, в 533 г. византийцы во главе с полководцем Велизарием сокрушили королев-

⁵ Corippi Africani Grammatici libri qui supersunt / Rec. I. Partsch. B., 1879. XX; Flavius Cresconius Corippus. El Panegirico de Justino II. Sevilla, 1985; Болгов Н.Н. Кресконий Корипп и постантичный эпос между латинским и византийским мирами // Из истории античного общества. Вып. 11. Н. Новгород, 2008. С. 221-234.

⁶ Рус. перевод: Марцеллин Комит. Хроника (перевод и комментарии). Белгород, 2010.

⁷ Флавий Сосипатр Харисий (IV в.) - один из крупнейших позднеантичных грамматиков. Жил на востоке империи. Автор компилятивного сочинения *Грамматика* в V кн., из которых сохранились I-III, IV - с пропусками, а от V сохранился лишь отрывок. Изд.: Grammatici latini. Lipsiae, 1857 (rec. R. Keil). В книге II рассказывается о 8 частях речи, книга III представляет собой дополнительные сведения о глаголе. Харисий был компилятором, который порой просто переписывал используемые источники; наиболее часто цитируемые им грамматика - Реммий Палемон, Юлий Роман и Комиан. Русского перевода нет.

⁸ Присциан (2-я пол. V - нач. VI в.) - грамматик из Кесарии (Мавретания) при дворе восточного императора Анастасия. Сохранилось грандиозное *Грамматическое руководство (Institutio de arte grammatica)* в XVIII кн. - главное пособие по латинскому языку в средние века. Кроме того, до нас дошли фрагмент латинского перевода *Землеописания* Дионисия и ряд стихотворений (главное из которых - панегирик Анастасию: *De laude Anastasii imperatoris*). Полного русского перевода нет. Изд.: 1) Priscianus Periegesis // GGM. V. II. P. 190-191; 2) Prisciani grammatici Caesarensis Institutionum grammaticarum libri XVIII // Ed. M. Hertzil. V. 1-2. Lips., 1855. Перевод отрывков «Землеописания» // ВДИ. 1949. № 4. С. 299-303. Перевод отрывков из *Грамматики* // Античные теории языка и стиля. М.-Л., 1936 (репринт СПб., 1997). С. 70, 117, 123-126, 129-133, 137.

⁹ Аверинцев С.С., Гаспаров М.Л., Самарин Р.М. От античности к Средневековью (V-VI вв.): [Латинская литература] // История всемирной литературы: В 9 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М., 1984. Т. 2. С. 446-449.

¹⁰ Фрейберг Л.А. Византийская поэзия IV-X вв. и античные традиции // Византийская литература. М., 1974. С. 24-76.

¹¹ Античные писатели. Словарь. СПб., 1999. С. 198.

¹² В новейшей литературе об этих событиях см.: Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. Восточноримская армия в 491-641 гг. СПб., 2006. С. 158-160.

ство вандалов в этом регионе¹³ и подавили мятеж Стотцы в 536 г.¹⁴ военными силами во главе с Германом. У истоков нового мятежа стоял вакантный магистр и дукс Нумидии Гонтарис (у Кориппа – Guntarith). Войдя в сношения с маврами, он составил заговор для узурпации власти в Африке. Силами мавров при участии недобитых соратников Стотцы удалось разбить главные имперские силы во главе с Соломоном (*Joh.* III. 412-432) и даже захватить Карфаген. Поэма воспеваает, прежде всего, военные подвиги Иоанна¹⁵, подавившего этот мятеж и установившего прочный для тех условий мир почти на 15 лет. В сохранившемся тексте не хватает окончания последней книги.

Вполне вероятно, что *Иоанниада* была не первым поэтическим опытом *Кориппа*. Есть указания на более раннюю идиллическую поэзию, которую Корипп неудачно стремился сочетать с эпосом (напр., *Joh.* II, 336), но это грамматически невозможно установить.

Написание *Иоанниады* должно было иметь место вскоре после описанных в ней событий. Поэт должен был находиться в войске полководца Иоанна во время взятия Карфагена у мавров (548 г.). Карфаген и поэт находились еще под впечатлением от победы над маврами и вновь восстановленного мира.

В обоих произведениях нашего автора поэтическое искусство стоит не на первом месте. Как с исторической, так и с поэтической точки зрения *Иоанниада* превосходит второе произведение автора. В *Похвале Юстину*, поэт руководствуется довольно богатыми, но плохо используемыми им источниками. *Иоанниада* более важна не только как источник сведений о падении королевства вандалов и о войне с маврами, но и с точки зрения изображения страны и ее жителей. Это оказалось возможным благодаря тому, что Корипп был местным уроженцем и очень хорошо знал страну, а также умел неплохо излагать свои мысли и впечатления. В целом считается, что эпос Кориппа имеет больше значения как исторический и этнографический документ (описание жизни и быта мавров-берберов), нежели как поэтическое произведение.

Очень важно то обстоятельство, что для своего эпоса Корипп взял не эпикальные события – отвоевание Африки у вандалов – а гораздо менее важное нападение мавров десятилетие спустя. И дело здесь не только в придворных пристрастиях (не Велизарий или Герман, а Иоанн), сколько в классической эпической традиции внимания к сравнительно небольшому эпизоду и его гиперболизация до универсального уровня.

В *Похвале Юстину* еще в большей степени, чем в *Иоанниаде* можно увидеть панегирик Византийской империи, а это работает не в пользу точности исторических деталей. Исторический фон и смысл описываемых событий в *Иоанниаде* всегда четко видны и стоят на первом месте.

Корипп хорошо знал классическую поэтическую традицию. Он в целом удачно использовал классические обороты, зная, кто их уже применял. Инкорпорация деталей старого художественного целого в состав нового типична для постклассического мира¹⁶.

Христианство Кориппа, типичное для придворного византийца своего времени, выражено, прежде всего, тем, что в *Похвале Юстину* мы находим весь Никейский символ веры в стихах.

Язык и стиль Кориппа, его метрические и языковые формы – в целом превосходны для своего времени. Причина этого заключается в его глубоких познаниях в

¹³ Ср.: Marcell. Comit. *Chron.* под 534 годом. Диснер Г.-И. Королевство вандалов / Пер. с нем. СПб., 2002; Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 2. СПб., 1996. С. 88-100. О кампании в Африке в неолетописном стиле (местами пересказывая Кулаковского) недавно высказался А.А. Черетаев: Черетаев А.А. Византия. Юстиниановская эпоха. М., 2004. С. 233-250.

¹⁴ О решающей битве у Скале Ветерес (Сог. *Joh.* III, 318) см.: Шувалов П.В. Ук. соч. С. 234-237; также: Кулаковский Ю.А. Ук. соч. С. 132-134.

¹⁵ Иоанн – типичный представитель слоя военной знати. См.: Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.

¹⁶ Аверинцев С.С. Ук. соч. С. 281.

классической поэзии. Корипп – человек книжного знания и книжной культуры. Но эта ученость все же не защитила Кориппа от характерных для его эпохи ошибок: поэт часто ошибается в употреблении не только греческих собственных имен, но иногда даже и латинских.

Относительно редко в языке, усвоенном по лучшим эпическим образцам, пробивается позднелатинское наречие, например, в употреблении *Coniunct. Plusquamperf.* вместо *Coniunct. Imperf.*, предлогов и слитных с предлогами глаголов и в употреблении отдельных слов (необычные обратные образования: *ropulus* – «разграбление», *praeda* – «набег», *mansuescere* как переходный глагол, *fateri* – «обещать», *prograre* – «приближаться» под влиянием *progre*. В общем это часто встречающееся в поэтическом творчестве эпигонов семасиологическое явление.

Наконец, у Кориппа четко прослеживается восточно-римская имперская идеология. В ходе реставрации империи Юстинианом победный дух преобладал, и сложно было в полной мере представить себе историческую перспективу. Корипп, видимо, еще застал новый мятеж мавров в Африке в 569-571 гг.¹⁷, как и потерю Италии в результате нашествия лангобардов 568 г. Но политика Юстина II с позиции силы на внешней арене продолжалась, несмотря на начавшийся откат по всем направлениям.

Крупнейшим историческим сочинением латинской Ранней Византии является, бесспорно, Хроника Марцеллина Комита.

Хроника в основной своей части охватывает период с 379 по 518 гг. Поэтому мы можем предположить, что первое издание могло появиться вскоре после 518 г., т.е. за несколько лет до того, как Марцеллин начал служить Юстиниану. Второе издание хроники, которое дошло до наших дней, датируется 534 годом и, соответственно, доводит события до этого времени. Считается, что «продолжение» было написано в честь триумфа над вандалами в Африке, который праздновался в Константинополе в 534 г.

Преобладающие мотивы хроники – отношение Марцеллина к событиям в его родной местности – Иллирике, и в Константинополе, городе, где он приблизительно с 500 г. жил и писал свою летопись.

На социальном, политическом и религиозном фоне мировой империи сведения Марцеллина выглядят особенно впечатляюще. Хроника дает вполне законченную картину жизни латиноязычных общин в Константинополе, сравнивает образ жизни иллирийцев в столице и на их родине, например, в описании визита иллирийских епископов.

Марцеллин в значительной мере является образцом ярко выраженного позднеантичного имперского сознания, подпитанного успехами юстиниановской реставрации.

В написании хроники по канонам Иеронима Марцеллин Комит не придерживался определенного литературного стиля и не пытался добиться какого-либо риторического эффекта. Если у него и были стилистические и риторические способности, его летопись скрыла их. Напротив, его выражения были порой прямолинейными, формальными и краткими. Некоторые его описания привносят определенную свежесть и, возможно, являются отражением его собственных знаний и опыта. Временами, однако, его содержание сильно копирует целые главы текста его источников (Орозия, Геннадия). Что касается синтаксиса и словаря, то он демонстрирует нам обычный поздний латинский язык, который считается «неклассическим» и, возможно, является собой некоторую интеллектуальную и литературную ограниченность.

Принимая во внимание греческое влияние, неудивительно найти в хронике грецизмы. Как бы то ни было, исходя из того, что родиной историка была латиноязычная область на Балканах, естественно обнаружить в тексте соответствующий вариант латинского языка.

Территориальные микрзоны с преобладанием латинского языка в ранней Византии были, как правило, обособленными друг от друга и имели достаточно самостоятельную историческую судьбу. Среди важнейших можно выделить следующие.

¹⁷ Кулаковский Ю.А. Ук. соч. С. 137.

1. Северная Африка от Триполитании до Мавретании, завоеванная у вандалов полководцами Юстиниана в 534-536 гг.

2. Диоцез Дакия.

3. Малая Скифия на Нижнем Дунае – двуязычная область.

4. Пограничные области Иллирии и Македонии с Эпиром.

5. Равеннский экзархат в Италии.

По яркому выражению А.Х.М. Джоунза, греки никогда не прекращали считать римлян варварами в культурном отношении, и никогда ни один грек не изучал латинский язык кроме как из практических соображений.

Наиболее прочные позиции в Византии латынь занимала в армии. Здесь двуязычие официально не допускалось, а вся документация была исключительно латинской до конца V в.

Так же прочны были позиции латыни в области права. Помимо подготовки текстов, все юридическое образование велось только на латыни. Использовались лишь упражнения в греческом красноречии, а в начале V в. в школе права в Бейруте были изданы первые два греческих пособия.

В центральном управлении, императорской канцелярии все законы и рескрипты готовились на латыни, но с греческим переводом. С VI в. основной экземпляр готовился уже по-гречески, но латинский перевод, со временем все менее и менее точный, к нему прилагался.

Родным языком большинства императоров был греческий, исключая немногих, в том числе Юстиниана Великого – латиноязычного выходца из Иллирии.

Язык местного управления в империи с 439-441 г. стал греческим после реформы префекта Кира.

Все православные подданные императора считались единым «народом» - ромеями, независимо от родного языка¹⁸.

Практика начального обучения на латинском языке при подготовке чиновников была достаточно распространена на Востоке еще в первые века н.э. Многочисленные греко-латинские *abecedaria* (упражнения в переводах) и подстрочные переводы из латинских классиков сохранились на папирусах в Египте¹⁹.

Лексика многих грекоязычных авторов ранней Византии обнаруживает начальное знакомство с латынью (Иоанн Лаврентий Лид, Зосим²⁰ и др.), что было вполне объяснимо и даже почти неизбежно.

Исторические судьбы латинского пласта культуры Ранней Византии оказались плачевными. Лишившись государственного покровительства, латынь достаточно быстро исчезает из столицы. По мере потерь территорий западнее Греции исчезает и латинский территориально-этнический пласт в Византии.

С VII в. культурное развитие на основе латинской традиции окончательно сосредотачивается в Западной Европе.

TO QUESTION OF LATIN CULTURE IN EARLY BYZANTIUM

K.N. BOLGOV

Belgorod State University

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

At this article are research a circle of problems in context of Latin culture in Early Byzantium. An author distinguished a territorial and substantial aspects of spreading of Latin language at Eastern Provinces of Empire. Moreover turn out a mane reasons of fell of role and meaning of Latin to 7 cent. AD.

Key words: Latin, Early Byzantium, Constantinople, culture.

¹⁸ Оболенский Д. Ук. соч. С. 291.

¹⁹ Джонс А.Х.М. Ук. соч. С. 502.

²⁰ Болгов Н.Н. Соответствия греческих и латинских терминов в «Новой истории» Зосима // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. 2. Белгород, 2002. С. 163-172.

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БОГОСЛУЖЕНИЯ В ВИЗАНТИИ IV-VII ВВ.*

А.Д. СТРЖАЛКОВСКАЯ

Белгородский государственный университет

Strzhalkovskaya @ bsu.edu.ru

В работе рассматриваются основные этапы эволюции ранне-византийской литургии в сравнительно-историческом аспекте на протяжении периода IV-VII вв. Предпринята попытка классификации и систематизации ранневизантийской литургии.

Ключевые слова: литургия, Византия, церковь, православие.

Начало активного развития христианского богослужения в Византийской империи связано: во-первых, с прекращением гонений; во-вторых, с активным развитием богословия на фоне христологических споров и, в-третьих, с расцветом монашества.

Еще в III в. сложился довольно сложный чин отправления богослужения (зафиксирован у Иустина Философа), но уже в IV-V вв. он видоизменился, расширился и дополнился¹. Сложились основные литургии – Василия Великого и Иоанна Златоуста².

Литургии имеют источниками иерусалимскую, сирийскую, египетскую традиции.

Остановимся для начала на богослужениях, которые совершались или отпущались в течение суток, эти богослужения назывались – суточный богослужебный круг. Именно в IV-V вв. он сформировался в своих основных моментах, а уже в VI-VII вв. добавилась только гимнография.³

В первые века христианства (I-III вв.) центральное место в богослужении занимали так называемые агапы или как их еще называли «вечери любви» и «вечери Господни».⁴ А уже в IV-V веках самым важным моментом в области богослужебных чинов стало «уничтожение агап». Основной причиной этого стал внешний рост Церкви, в ней оказалось множество недостойных, которые, не понимая глубокого смысла агапы, превращали ее в пиршества. Кроме этого, началось развитие монашества и аскетизма, и агапы стали уже не вписываться в строгую аскетичную жизнь подвижников. Монашествующие аскеты часто вообще отказывались от пищи в любом виде, и в этом моменте получалось противоречие с традицией приема пищи во время агап. Эти причины и послужили для отказа Церкви от древней традиции проводить агапы. В 1-й пол. IV в. еще встречаются попытки искусственно сохранить агапу как древнейшую традицию. Со 2-й пол. IV в. уже встречались ограничительные меры против агап пастырей Церкви – таких, как Иоанн Златоуст, считавший, что агапы следовало заменить духовным празднованием, состоящим из молитвенного собрания в храме. Лаодикийский собор 360 г. запретил совершать приношение или евхаристию в домах, что присоединялось к агапам, и запретил совершать агапы в храмах.⁵

Естественная деградация агапы полным ходом шла уже в III веке. Но в IV в. ей был нанесен смертельный удар руками самих священнослужителей. Превращение Церкви в государственный институт привело к резкому понижению культурного уровня отдельных ее членов. И при таком низком уровне агапы повсеместно вырождались в обыкновенные попойки. А это пришло в противоречие с аскетическим духом раннего подвижничества. Христианское сознание тяжело смирялось с утратой

¹ Скабалланович М. Толковый типикон. М., 2004. С. 131.

² Mateos J. Evolution historique de la Liturgie de saint Jean Chrysostome. 1 // Proche-Orient Chretien. Vol. 15. 1965. P. 333-351.

³ Алымов В.В. Лекции по исторической литургике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liturgica.ru/bibliot/alymov/>. С. 121.

⁴ Архимандрит Киприан (Керн). Евхаристия. М., 2006. С.24; Connolly R.-H. Agape and Eucharist in the Didache // Downside Review. Stratton-on-Fosse, 1937. V. 55. P. 477-489.

⁵ Скабалланович М.Н. Толковый типикон. М., 2004. С. 132.

этого еще апостольского установления, но фрагменты агап сохранились в различных обрядовых элементах нашей Церкви и сейчас. Это – православные поминки; благословение хлебов на вечерне; чин о панагии; последование артоса; омовение рук священников во время проскомидии.⁶

Исчезновение агапы повлияло на весь круг суточных служб и ускорило его формирование. Он стал носить уже совсем иной, более духовный характер⁷.

Остановимся на утреннем и вечернем богослужении в IV-V вв., описания которых есть в «Апостольских постановлениях», «Путешествиях по святым местам» Эгерии (или Сильвии Аквитанской), «тайноводственных беседах» св. Кирилла Иерусалимского⁸ и древнейшем иноческом уставе. Утренняя и вечерняя были одинакового строя вплоть до VI века. В «Апостольских постановлениях» описывается, что утренняя и вечерняя имели одинаковый строй и отличались только содержанием молитв, подобранных под определенный момент дня. По сравнению с утренней и вечерней молитвами в III в., в IV веке они отличались большей стройностью, упорядоченностью и последовательностью. Это приближает их к современным утренним и вечерним службам. Но самый главный шаг в сравнении с III веком – тот, что вечерняя получает равноправное место в ряду суточных служб с утренней. Это стало следствием окончательного уничтожения агап и перенесения литургии на утро⁹.

Из «Путешествия по святым местам» Сильвии можно понять, что помимо будничных утренних и вечерних богослужений были еще воскресные и праздничные, которые отличались только местом совершения, а не составом. Будничная утренняя, описываемая у Сильвии, состояла из двух частей. Первая, менее торжественная ее часть, начиналась ночью еще до рассвета. На нее собирались обычно монашествующие, девственницы и самые усердно молящиеся миряне, эта часть состояла из гимнов, псалмов и антифонов; часто эти молитвы соответствовали вечерним молитвам, произносимым на вечерне. Вторая часть утреннего богослужения начиналась на рассвете, когда прибывало все духовенство во главе с епископом, и теперь звучали уже утренние молитвы и песни.¹⁰

Утренняя и вечерняя отличались только содержанием молитв. Утренняя состояла из следующих элементов:

1. утренний псалом – 62-й;
2. другие псалмы или антифоны;
3. вход епископа;
4. великая ектиния;
5. утренняя молитва епископа;
6. молитва главопреклонения;
7. благословение и отпуст.¹¹

Вечерняя описывается также в «Путешествия по святым местам» Сильвии Аквитанской и «Апостольских постановлениях». Вечерняя начиналась в десятом часу и, сравнивая оба эти описания, можно реконструировать следующую структуру вечерни:

1. светильничный псалом 140-й (позднее 103-й) (в храм вносились и зажигались различные светильники);
2. другие псалмы и антифоны;
3. вход епископа;
4. чтение Ветхого Завета;
5. Великая ектиния (молитва);

⁶ Алымов В.В. Лекции по исторической литургии. С.121.

⁷ Bradshaw P.F. The Search for the Origins of Christian Worship: Sources and Methods for the Study of Early Liturgy. N.Y., 2002.

⁸ Burreson K.J. The Anaphora of the Mystagogical Catecheses of Cyril of Jerusalem // Essays on Early Eastern Eucharistic Prayers. Collegeville, 1997. P. 131-151.

⁹ Скабалланович М.Н. Христианская православная утренняя: Историко-литургический очерк. Л., 1952.

¹⁰ Скабалланович М.Н. Толковый типикон. М., 2004. С. 150.

¹¹ Алымов В.В. Лекции по исторической литургии. С.125.

6. вечерняя молитва епископа;
7. молитва главопреклонения;
8. благословение и отпуст.¹²

Воскресная утренняя отличалась от будничной тем, что епископ являлся до рассвета и проводил службу с начала, а по будням он лишь продолжал ее. Храм на воскресной утрени более обильно освещался, и читалось Евангелие, чего не делалось по будням. В палестинских и месопотамских монастырях в воскресные дни братии давалось некоторое послабление в честь Воскресения Господня.¹³ Вечерня же совершалась по воскресеньям, как и обычно.

Кроме утра и вечера в IV-V вв. соблюдались уже установленные предшествующими веками часы третий, шестой и девятый.

В «Путешествиях по святым местам» Сильвии описывается шестой (в 12 часов) и девятый (в 15 часов) часы, был еще третий час (9 часов), но в ее времена совершался он только в Великий пост. К шестому часу все возвращались во второй раз в храм после утрани. Там пелись псалмы и антифоны до прихода епископа. Он, придя и не садясь, читал молитву и благословлял верных. То же самое происходило и в девятом часу¹⁴.

По свидетельству прп. Иоанна Кассиана, впервые в Вифлиемском монастыре было установлено особое служение, названное первым часом (6 часов). Но оно не создавалось отдельно, а получилось из-за отделения некоторых молитв от ночных бдений (молитвы утреннего богослужения), совершавшихся до зари. Причиной этого была необходимость удержать иноков от долгого сна между утреней и началом третьего часа¹⁵. Хотя это правило было введено по случайному поводу, оно восполнило седмичное число хвалений, которое заповедовал христианам царь Давид.¹⁶

Итак, на рубеже IV-V веков состав суточного круга богослужения определился окончательно¹⁷. По сравнению с III веком, вечерня и утренняя становятся в обрядовом отношении более упорядоченными, и структура их приближается к нынешней.¹⁸

За суточным богослужебным кругом следовал седмичный богослужебный круг – названный так по количеству дней, из которых он состоял (неделя). Следует отметить, что начиналась богослужебная неделя, как в IV веке, так и сегодня, с Воскресного дня, и символизировала Воскресение Христа и начало новой жизни.

Седмичный богослужебный круг состоял из 4-х опорных точек: воскресенья, субботы и 2-х постных дней (среды и пятницы). Воскресенье в IV в., наконец, стало официальным выходным днем для всей империи. Константин Великий выпустил эдикт об этом в 321 г. Феодосий Великий подтвердил этот эдикт и запретил в воскресные дни даже публичные представления и зрелища. Воскресная утренняя начиналась раньше обычного, не просто до рассвета, а глубокой ночью. В IV в. появляется обычай начинать воскресное богослужение в субботу вечером, то есть Великая вечерня переходила в утрению.¹⁹

Кроме воскресенья выделялась суббота, так как она была ранее выходным днем и в IV веке продолжала почитаться наравне с воскресеньем. В субботу, как и в воскресенье, служили литургию. Вспоминали сошествие Христа во ад и соблюдали пост.²⁰ Иоанн Кассиан упоминает, что если в обычные дни богослужение, которое начиналось ночью, просто называлось «бдением», то в субботу оно было бдением в собственном смысле, т.к. начиналось с вечера накануне субботы и продолжалось всю ночь. Объясняется это тем, что когда Христос был распят, его ученики, пораженные

¹² Алымов В.В. Лекции по исторической литургии. С. 125.

¹³ Скабалланович М.Н. Толковый типикон. М., 2004. С. 150.

¹⁴ Алымов В.В. Лекции по исторической литургии. С. 130.

¹⁵ Скабалланович М.Н. Толковый типикон. С. 147.

¹⁶ Алымов В.В. Лекции по исторической литургии. С. 130.

¹⁷ См.: Успенский Н.Д. Византийская литургия: историко-литургическое исследование. М., 2006.

¹⁸ Алымов В.В. Лекции по исторической литургии. С. 130.

¹⁹ Там же. С. 135.

²⁰ Там же.

произошедшим, бодрствовали всю ночь.²¹ О бдениях говорил Иоанн Златоуст, также он описывал утреню.²²

Среда и пятница в IV-V вв. по-прежнему были днями однодневных постов. В среду вспоминался суд над Иисусом Христом, а в пятницу – распятие. Однодневный пост в эту эпоху означал полное воздержание от пищи до девятого часа (до 15 часов, когда кончался богослужебный день). В некоторых Восточных Церквях (Александрийской) эти постные дни чтились Литургией, но без совершения Евхаристии, и здесь надо искать корни последующей Литургии Преждеосвященных Даров.²³

Помимо суточного и седмичного богослужебных кругов в IV в. сформировался еще и годовой круг, который подразделялся на подвижный и неподвижный церковный год. Подвижный годовой круг соотносится с Великим Постом, который в IV в. становится Четыредесятницей, т.е. достигает сорока дней. Свт. Афанасий Великий в «Посланиях IV-V» (332-333 гг.) говорит об этом. Первоначально в посте главным был не род пищи, а час вкушения (отменяли завтрак). В V веке к ограничениям во времени добавляются пищевые ограничения. Завершением Великого Поста была Страстная седмица. Это были дни особой аскезы. Начинаясь она со дня Входа Господня в Иерусалим и заканчивалась Пасхой.

В IV в. был окончательно решен вопрос о времени празднования Пасхи. I Вселенский Собор (325 г.) постановил праздновать ее в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния (21 марта). Об этом объявляли особым окружным посланием, а императорский эдикт в этот день давал амнистию всем преступникам (кроме убийц). Сам ритуал Пасхи мало изменился с III в.²⁴ Были также другие праздники, празднуемые в рамках подвижного годового богослужебного круга: это – Вознесение (начало этому празднику положило освещение в 330 г. базилики, заложенной еще царицей Еленой на Масличной горе) и Пятидесятница.

В IV-V вв. появляется еще большое количество праздников – так называемых неподвижных, которые празднуются в определенное число месяца из года в год: это – Рождество Христово, Сретение Господне, Крестовоздвижение и Богородичные праздники.²⁵

В IV-V вв. в христианской обрядовой практике появляются литании, т.е. торжественные процессии и крестные ходы. Литании имели место уже в III в., но тогда из-за гонений они ограничивались перенесением мощей мучеников и совершались большей частью ночью. Получили литании свое широкое распространение в IV в. и имели более торжественный характер.²⁶ Совершались они в целях усиления религиозного настроения народа и были заведены Иоанном Златоустом как ночные бдения с процессиями в предшествии креста и светильников. Допускались на них только мужчины.²⁷

Для более полной картины о богослужениях в IV-V вв. остановимся на Евхаристии или божественной литургии. Самый древний и полный текст евхаристического чинопоследования содержался в «Апостольских постановлениях», был передан Климентом Римским и назывался поэтому – «Климентовой литургией».²⁸ На основании общего ее строя можно считать, что это антиохийский обряд конца IV в., от которого произошел константинопольский.²⁹ Это было скорее теоретическое описание чино-

²¹ Скабалланович М.Н. Толковый типикон. М., 2004. С. 148.

²² Там же. С. 149.

²³ Алымов В.В. Лекции по исторической литургике. С. 135.

²⁴ Там же. С. 140.

²⁵ Там же.

²⁶ Скабалланович М.Н. Толковый типикон. С. 152.

²⁷ Кулаковский Ю.А. История Византии. Киев, 1913. Том I. С. 183.

²⁸ Уайбру Х. Православная литургия. Развитие евхаристического богослужения и византийского обряда. М., 2006. С. 53.

²⁹ Уайбру Х. Православная литургия. Развитие евхаристического богослужения и византийского обряда. М., 2006. С. 54.

последования литургии, которым в те времена пользовалось духовенство. Тем не менее, Климентова литургия служит достаточно хорошим путеводителем для изучения константинопольского богослужения.³⁰

Мы остановимся более подробно на константинопольской литургии. В конце IV в. в Константинополе епископскую кафедру занимал Иоанн Златоуст. Он много занимался реформированием богослужения, это впоследствии привело к тому, что православная литургия стала его имя связывать с одним из двух чинопоследований литургии, существующих и используемых до сегодняшнего времени.

Божественная литургия при Иоанне Златоусте начиналась со входа епископа в сопровождении клира. Иоанн Златоуст входил в храм через центральные царские врата, ведущие из нартекса в неф. Впереди него шла процессия со свечами и курильницами; диакон нес Евангелие. Так процессия доходила до алтаря.³¹ Затем следовало приветствие епископа, после чего начиналось чтение Писания.

Чтение состояло из трех частей, читали с амвона, сначала Пророков, потом Апостола и в завершении Евангелие. Читали обычно чтецы, хотя иногда встречалось, что наиболее важную часть, т.е. Евангелие, читали диаконы или священство. Позже в Константинополе Евангелие на Пасху стал читать епископ. Между чтениями, вероятно, пели ответный псалом.³²

После чтения Писания следовала проповедь. В те времена проповедовали почти всегда, а часто – и не один раз за время службы. Проповеди самого Златоуста были длинными и очень популярными, именно за них его и прозвали Иоанн «золотые уста», или Златоуст. Произносилась проповедь с трона в апсиде; епископ сидел, народ стоял. Обычай проповедовать или учить сидя был, по всей вероятности, воспринят от синагогальной практики иудеев. Иисус, по рассказам, садился, когда учил; раннехристианская живопись изображает его сидящим среди учеников.³³

За проповедью следовали молитвы. Сначала молились за оглашенных, отпускали их, а затем наступала очередь кающихся – это время, когда вносили хлеб и вино для Евхаристии.³⁴ В этот момент, когда диакон вносил дары, никто не пел, и наступала пауза, но дары вносили еще без особой пышности, в отличие от более позднего варианта «Великого Входа»³⁵. В этот момент хлеб и вино символизировали Христа, идущего на смерть.

Дары в храм приносили прихожане, оставляя их в специально отведенном для этого «сосудохранилище». Именно в этом помещении готовили хлеб и вино для Великого входа. Диаконы брали дары и просто вносили их в храм, через солею и амвон в алтарь. Следует еще раз отметить, что в IV в. Великий вход – абсолютно прост, в отличие от пышности, сопровождавшей его позднее, начиная с V века.³⁶

Епископ принимал дары у престола и вместе с клиром готовился совершить Анафору – Евхаристическую молитву, омывал руки и читал подготовительную молитву. В кодексе Барберини упоминается, что «молитва Проскомидии св. Иоанна Златоуста после того, как святое предложение помещено на святом престоле, и народ завершает пение мистического гимна...» Здесь речь идет о подготовительных молитвах за тех, кто приступает к обряду принесения даров в Анафоре. Бога просят сделать достойными приносящих жертву, и эта молитва называлась – Проскомидия. Позднее Проскомидию стали понимать как подготовку хлеба и вина. А в IV в. она была началом Евхаристической молитвы, сразу за которой следовала Анафора.³⁷ Во время

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 65.

³² Там же.

³³ Там же. С. 66.

³⁴ Там же.

³⁵ Taft R.F. The Great Entrance. A History of the Transfer of Gifts and other preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom. Rome, 1978.

³⁶ Уайбру Х. Православная литургия. С. 68.

³⁷ Уайбру Х. Православная литургия. С. 71.

Анафоры епископ, служащий Анафору, стоял лицом на восток и спиной к народу (как и сегодня). Когда дары лежат на престоле, они символизируют мертвое тело Христа, а приготовление даров в ризнице до начала причастия – его страдания, Евхаристия – это Воскресение.

После молитв следовало причащение; сначала причащалось все духовенство в алтаре, затем миряне. Хлеб и вино³⁸ подавали отдельно, хлеб клали на правую ладонь с подложенной под нее левой. Во время причащения пелся псалом. После того, как все причастились, совершался отпуст.³⁹

Вообще из описания литургии церковными писателями IV в. (как св. Иоанном Златоустом, так и другими) можно усмотреть уже значительную разработанность как отдельных действий, движений и жестов с оглашенными, кающимися и др. или во время причащения, или чтения Писания, так и самих выражений молитв. Гораздо более подробно очерчивается в евхаристической молитве момент сотворения мира, искупительный подвиг Христа, ангельское славословие, молитва призывания Святого Духа и т.д. Литургические формы принимают свою большую отделанность, выраженность и занимают прочное место в чине богослужения. Чин усложняется внесением разных подробностей. От прежней харизматической настроенности апостольского века не осталось и следа. Вероятно, был уже записанный формуляр службы, до нас не дошедший, но, конечно, уже связавший свободу творчества. Правда, такой формуляр службы не исключает возможности дальнейшего развития и усложнения чина. Литургия развивается и дальше, как на Западе, в Риме и др. областях, так и во всех поместных Церквях Востока. Происходит процесс изменения евхаристических молитв по разным поместным, национальным и историческим признакам. С этого времени можно говорить уже о систематизации евхаристических типов по группам или «фамилиям».⁴⁰

Если говорить о VI-VII вв., то эти века можно назвать наиболее решительным и окончательным периодом в образовании богослужебного устава⁴¹. И суточное богослужение, и церковный год теперь получают в основном нынешний вид. На долю последующего оставалась разработка одного и другого во второстепенных частностях. Но сведения о столь энергичной работе этого периода в области церковного устава очень скудны, в отличие от предшествующего периода IV-V вв. и последующих VIII-IX вв.⁴²

Если главным содержанием предшествующего периода (IV-V вв.) было становление литургических чинов, то последующий период (VI-VII вв.) характеризуется, прежде всего, развитием гимнографии. Это было обусловлено двумя причинами: завершением дидактического развития и появлением практики тайных молитв. С переходом к государственной парадигме жизнь Церкви стала зависеть, в основном, от воли императора. Когда все его подданные стали автоматически зачисляться в разряд христиан, институт оглашения и искусство проповеди стали быстро деградировать. Необходимо было искать какое-то другое средство воздействия на массы. И тогда на первый план стало выходить церковное пение.⁴³

В богослужении VI-VII вв. начинают складываться признаки так называемого песенного последования, подобные чины сохранились от IX в. и последующих веков. Мирское богослужение сводилось, главным образом, к пению. Пение начиналось певцом перед алтарем, за которым подпевал народ то, что знал наизусть.⁴⁴

³⁸ Taft R.F. Water and Wine. The Twice-mixed Chalice in the Byzantine Eucharist // *Museon*. 199. 1987. P. 323-342.

³⁹ Уайбру Х. Православная литургия. С. 77.

⁴⁰ Киприан (Керн). Евхаристия. С.35.

⁴¹ Gerken A. *Theologie der Eucharistie*. Munchen, 1973.

⁴² Скабалланович М.Н. Толковый типикон. М., 2004. С. 286.

⁴³ Альмов В.В. Лекции по исторической литургии. С.145.

⁴⁴ Скабалланович М.Н. Толковый типикон. М., 2004. С. 296.

Церковный год уже сложился, и ему осталось принять на себя впоследствии лишь позднейших святых. Состояние церковного года в VI-VII вв. описано в месяцесловах, древнейший из них - Иеронимов мартиролог, приписывавшийся блж. Иерониму (фактич. VII в.). Месяцеслов содержит 6000 имен, поминаемых Церковью каждый день; также в церковный год включались праздники и посты.⁴⁵ Еще отцам IV-V вв. приписывают попытки выделить из всех дней памяти праздники в честь Спасителя и отнести их в разряд особо торжественных. Св. Епифаний выделил таких праздников четыре: Рождество, Богоявление, Воскресение (Пасха) и Вознесение. Св. Прокл, патриарх Константинопольский (447 г.) насчитывает пять, добавляя к перечисленным праздникам – Сошествие Святого духа (Пятидесятница). Епископ Евбийский (VIII в.) насчитывает 11 важнейших праздников: это – нынешние двенадцатые, исключая Введение, Успение и Неделю вайй (неделя перед Вербным воскресеньем или Входом Господним в Иерусалим), присоединяя Зачатие.⁴⁶

Во многом распространению и возвышению некоторых праздников способствовала светская власть. Так император Юстиниан в 534 г. возобновил запрещение судебных заседаний 25 декабря (вероятно, Рождество) и 6 января (вероятно, Крещение). Он же впервые сделал праздник Сретение обязательным для всего государства. Маркиану приписывается введение праздников Рождества Богородицы, возобновление празднования Благовещения и Сретения. Получило начало в VI-VII вв. празднование Преображения и Введения во Храм.⁴⁷ Начал свое существование Рождественский пост.

В 536 г. в Константинополе вознеслась величественная Святая София, как ее называли «матерь всех церквей» византийского христианства, которая задавала тон в литургическом богослужении. Литургический обряд обрел теперь архитектурное оформление. На протяжении последних веков он вбирал в себя новые молитвы и формулы, а теперь начинает развиваться в сторону церемониальности.⁴⁸

Главным источником для изучения хода литургии к концу рассматриваемого периода для нас может служить «Тайноводство» (Мистагогия) Максима Исповедника, датируемое началом VII в.⁴⁹ В нем Максим Исповедник первым изложил и толкование константинопольской литургии. Ф. Брайтманом была проделана работа в отношении и других текстов⁵⁰. В его трудах мы имеем две схемы реконструированной литургии: одна по произведениям Исихия Пресвитера, Кирилла Скифопольского, Анастасия Синаита и Иоанна Дамаскина – это Сирийская литургия, и также другая литургия, описываемая в произведениях псевдо-Дионисия Ареопагита.⁵¹

Во времена Максима Исповедника литургия все еще начиналась входом епископа и народа в храм. Когда в литургии Великой церкви или одного из других главных городских храмов случалось участвовать императору, он в сопровождении своего кортежа ожидал прибытия патриарха в нартексе. Вероятно, мозаичные панно церкви св. Виталия в Равенне изображают именно такой вход императора и патриарха: император и императрица несут дары, приличествующие случаю и обычаю.⁵² Далее звучала молитва входа, которая ближе к VIII в. читалась во время процессии и называлась «Малым входом». Молитва входа ознаменовывала собой начало литургии. Епископ ее читал вслух в нартексе непосредственно перед тем, как войти во главе на-

⁴⁵ Там же. С. 320.

⁴⁶ Там же. С. 326-327.

⁴⁷ Там же. С. 327.

⁴⁸ Уайбру Х. Православная литургия. С. 86.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Brightmann F.E. The Historia Mystagogica and other Greek Commentaries on the Byzantine Liturgy // JThS. 9. 1908. P. 248-267, 387-397.

⁵¹ Киприан (Керн). Евхаристия. С. 36.

⁵² Уайбру Х. Православная литургия. С. 97.

рода в храм. Малый вход сопровождался антифонами и вступительными ектениями.⁵³ Уже в начале VI в. припевом к песнопению входа служило «Трисвятое».⁵⁴

Впереди процессии шел диакон с Евангелием в руках; за ним несли свечи и кадила. Когда шествие достигало алтаря, Евангелие, символ Иисуса Христа, Слова Божьего, возлагали на престол. Как и в более ранние времена, епископ и клир поднимались в апсиде на горнее место и после епископского приветствия («Мир всем») занимали свои места, чтобы слушать Писание. В Великой церкви на все это должно было уходить некоторое время, поэтому песнопение Малого входа было довольно продолжительным.⁵⁵

Далее сразу же после входа начинались чтения Писания. Их было по-прежнему три – из Ветхого Завета, из Апостола, из Евангелия. Они перемежались псалмами, в начале и в конце которых, а также между стихами, пели антифоны. Для этого певчие поднимались на амвон. Ветхий Завет и Апостол читали чтецы. В Великой церкви во времена Юстиниана насчитывалось их больше ста. Евангельское чтение сопровождалось пышным церемониалом. Сама книга Евангелия была богато украшена золотом и самоцветами. Переносившего его на амвон диакона сопровождали свечи и кадила, а на обратном его пути в алтарь люди теснились к солее, чтобы поклониться драгоценной книге.⁵⁶

За чтениями Писания в IV-V вв. следовала проповедь, которая имела достаточно весомое положение, но к VII в. проповедь в Константинополе приходит в упадок. Максим Исповедник в своем описании обряда о ней не упоминает. По крайней мере, некоторые епископы пренебрегали этой своей обязанностью даже по воскресеньям.⁵⁷

После Чтений, а если была проповедь, то после нее, молились об оглашенных, отпускали их и закрывали двери храма. Молитвы верных, как и прежде, читали после отпуста оглашенных, в виде диаконской ектении.⁵⁸

В VII в. хлеб и вино для евхаристии в Великой церкви вносили из сосудохранилища, расположенного близ северо-восточного угла храма⁵⁹. Так же были устроены и другие городские церкви. В сосудохранилище хранили священные сосуды и книги, там же священнослужители готовились к службе и приготавливали принесенные народом дары.

Пока епископ читал молитву об оглашенных, диаконы направлялись в сосудохранилище. Взяв дискос и чашу, они возвращались в сопровождении свечей, кадил и опахал. Каким путем они проходили – точно не известно. В св. Софии они могли проходить снаружи храма вдоль ее северной стены и входить обратно через большие двери в ее середине, а могли входить в храм у его восточной оконечности северного бокового нефа и, дойдя до его середины, сворачивать в центральный неф, чтобы через амвон попасть на солею. Известно, что в алтарь они проходили солеей. У престола их уже ожидал епископ. Если на литургии официально присутствовал император, то он встречал процессию у входа на солею и сопровождал ее до царских врат, расположенных посередине алтарной преграды, и возвращался на свое место в южном боковом нефе.⁶⁰

Внесение даров сопровождалось пением. Пение в этом месте литургии, как и в ее начале, стало общепринятым для всех церквей еще в V в. В VI в. в состав песнопений вошла Херувимская песнь в нынешнем варианте. Кедрин сообщает, что император Юстин II повелел исполнять ее, надо полагать, при вносе евхаристических даров –

⁵³ Уайбру Х. Православная литургия. С. 97.

⁵⁴ Там же. С. 98.

⁵⁵ Там же. С. 100-101.

⁵⁶ Там же. С. 101.

⁵⁷ Там же. С. 101-102.

⁵⁸ Там же. С. 102.

⁵⁹ Кунцлер М. Літургія церкви. Львів, 2001. С. 288.

⁶⁰ Уайбру Х. Православная литургия. С. 103.

на девятом году своего царствования (573-574 гг.). Тогда же было постановлено петь в Великий четверг гимн «Вечери твоей тайной».⁶¹

Пока диаконы торжественно вносили хлеб и вино, епископ готовился их принять. То есть епископ, а с ним – и пресвитеры, омывали руки в знак символического очищения и тихо молились, приготавливаясь к Анафоре. Диаконы доходили до алтаря, в соответствующем порядке возлагали на престол дары и, возможно, совершали перед ним каждение. Песнопение, сопровождающее внесение даров в византийском обряде, вводит во всю последующую часть литургии, которую следует воспринять как единое целое. В свете окончательно сложившейся системы символических толкований в этом песнопении стали видеть указание на Христа, символически представленного дарами и входящего, как бы, в самой процессии. Херувимская песнь призывала молящихся отложить все мирские заботы, чтобы в причастии принять Христа.⁶²

И Херувимская, и песнь Великой субботы выражают общую для всего Востока идею, которую ввел в обиход Дионисий Ареопагит: земная литургия есть отражение в соответствующих символах литургии небесной; там Христа сопровождают ангелы, здесь хлеб и вино – диаконы.⁶³

Итак, дары возложены на престол, епископ произнес приветствие: «Мир всем», народ и клир обменялись, как прежде, лобзанием мира, наступило время Анафоры. Но перед Анафорой следовал Символ веры. В раннем евхаристическом богослужении никаких формулировок вероучения не произносили. Когда, где и почему Символ веры включили в состав службы – неизвестно. Есть сведения, что этот обычай ввел в 473 г. патриарх Антиохийский Петр Сукновал, монофизит. В «Истории церкви» Феодора Студита читаем: «Тимофей (патриарх Константинопольский в 511-518 гг.) повелел, чтобы Символ веры 318-ти отцов читался...»⁶⁴ Введение символа веры в константинопольскую литургию было на самом деле церковно-политическим маневром, связанным с ересями и интригами вокруг них. Несмотря на довольно сомнительные мотивы, чтение Символа веры в константинопольском чинопоследовании закрепилось навсегда. Когда столичные епископы вернулись к ортодоксальному православию, удалять его не стали, так как его сформулировал почитаемый ими собор. Тем более, народу эта традиция нравилась.⁶⁵

Символ веры, читаемый на евхаристическом богослужении, служил мерилор ортодоксальности во времена доктринальных споров. Он вклинился разделяющим звеном между внесением хлеба и вина в алтарь и молитвой, через которую они приносились в жертву и освящались.

Символ веры спет, и епископ приступает к Анафоре, как правило – св. Василия Великого, реже – св. Иоанна Златоуста. К VIII в. большую часть Анафоры читали беззвучно, как принято и в современном нам православии. Император Юстиниан в VI в. боролся с новым обычаем произносить евхаристическую молитву тайно и даже издал закон, повелевающий всем епископам и священникам читать молитвы святого приношения и святого крещения не тихим голосом, а громким.⁶⁶ Несмотря на усилия императора, начиная с последних десятилетий VI в. главнейшую молитву божественной литургии уже больше не слышало и, следовательно, не знало подавляющее большинство византийских христиан, у которых не было служебников, где бы они могли бы хотя бы прочесть то, чего не могли услышать. Основная, центральная молитва литургии стала молитвой духовенства. Процесс клерикализации литургии, и без того весьма заметный, получил новый мощный импульс. После вступительного к Анафоре диалога в храме воцарялось молчание, священник возвышал голос только

⁶¹ Уайбру Х. Православная литургия. С. 104.

⁶² Там же. С. 105.

⁶³ Там же. С. 105-106.

⁶⁴ Цит. по: Там же. С. 106.

⁶⁵ Там же. С. 107.

⁶⁶ Там же. С. 108.

на вступлении и на заключительной части молитвы, а народ в знак подтверждения и согласия говорил «Аминь». Затем священник переходил к ходатайственной молитве.⁶⁷

Вслед за Анафорой, как и во времена Златоуста, шли Молитва Господня («Отче наш») и приглашение к причащению («Святая Святых»). Однако, к середине VII в. возник новый обычай совершать обряд «теплоты» (зеон) – в чашу с освященным вином доливали немного теплой воды. Это означало, что святые тайны являют собою, как им положено, не только воскресение Христа, но и Его смерть. Возможно, добавление горячей воды после освящения даров только дополнило добавление холодной перед ним, когда еще готовились Святые Дары. Холодная вода символизирует смерть, горячую можно было признать символом воскрешения жизни.⁶⁸

Затем следовал обряд причащения, сопровождаемый псалмопениями. Духовенству запрещали требовать мзду за причащение, а мирянам предписано было принимать освященный хлеб в руки, а не в плат или какой-нибудь сосуд. Причащение среди мирян не было частым – на каждой литургии находилось множество тех, кто от него воздерживался. Святые дары преподавали либо, как сейчас, перед царскими вратами и алтарным ограждением, либо (если солея доходила до самого алтаря, не оставляя зазора) – по одну или другую сторону от царских врат. Когда причащался император, он делал это непосредственно в алтаре, проходя туда тем же путем, которым вносили дары.⁶⁹

В 624 г., согласно «Пасхальной хронике», патриарх Сергий ввел по окончании причащения пение «Да исполнятся уста наши хваления Господи...» Далее следовала благодарственная молитва, диакон отпускал народ, и служба заканчивалась. Епископ и клир тоже уходили, вероятно, по более тем же путем, каким были внесены дары. Диаконы относили в сосудохранилище священные сосуды. Там же они снимали свои орари, а епископы – омофоры. К VIII в. епископ на выходе из храма стал останавливаться за амвоном, чтобы посреди готовой разойтись толпы прочесть заключительную молитву, так и называемую – «заамвонную».⁷⁰

Таков был ход ранневизантийской литургии, формирование которой завершается «Тайноводством» Максима Исповедника⁷¹.

TO HISTORY OF LITURGY DEVELOPMENT IN BYZANTIUM IN IV-VII CENT. A.D.

A.D. STRZALKOVSKAYA

Belgorod State University

Strzhalkovskaya@bsu.edy.ru

At this work are investigated the main periods of evolution Early Byzantine Liturgy in historical and comparative aspects at 4-7 Cent. AD. An author gives an experience of classification and systematization of Early Byzantine liturgy.

Key words: liturgy, Byzantium, Church, Orthodox.

⁶⁷ Уайбру Х. Православная литургия. С. 109.

⁶⁸ Там же. С. 110-111.

⁶⁹ Там же. С. 103.

⁷⁰ Там же. С. 112.

⁷¹ Шульц Х.Й. Візантійська літургія: свідчення віри та значення символів. Львів, 2002. С. 109-114.

ХОРИКИЙ ИЗ ГАЗЫ: АНТИЧНАЯ РИТОРИКА КАК ФОРМА ДЛЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ШКОЛЫ*

А.М. БОЛГОВА

*Белгородский государственный
университет*

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

В статье рассматривается роль и место позднеантичного ритора Хорикия из Газы (VI в.), в сочинениях которого нашла свое завершение античная риторика. Она стала внешней формой выражения для христианской высшей школы и представляет собой яркий образец ранневизантийского культурного синтеза.

Ключевые слова: риторика, школа, Византия, Поздняя античность, Газа.

Как известно, в Ранней Византии почти все были грамотными, но где и как они учились – почти неизвестно¹. Также топомосом считается, что по античной традиции на начальной и средней (*enklytios*) ступени образования византийца преобладала частная школа набиравшего себе учеников педагога², а высшее образование в ранневизантийский период (IV – нач. VII вв.) было сосредоточено в крупных регионально-специализированных школах. Региональных потому, что они были сосредоточены в том или ином провинциальном центре; специализированных потому, что они давали специализированное образование в какой-то определенной области (например, юридическая школа в Берите, риторическая школа в Газе и др.).

Риторские школы были одними из наиболее универсальных из специализированных высших школ, где сохранилась в наибольшей степени классическая традиция, так как в слово облекалась и словом выражалась сама суть античной культуры. Школа риторов в Газе Палестинской, газская «академия»³ была одной из самых ярких центров такого рода в V-VI вв.

Мозаическая карта из Мадабы⁴ (Медвы, совр. Иордания) середины VI в. представляет Газу как типичный ранневизантийский «мегаполис», устроенный по римскому образцу: улица с колоннами с севера на юг, амфитеатр и две христианские базилики. Сообщение паломника из Пьяченцы (ок. 570 г.) подтверждает это: «Газа – великолепный и восхитительный город, жители его очень почтенны и отличаются щедростью, они любят чужестранцев. В двух милях от Газы покоится святой отец Иларий».

Газа поддерживала отношения с Александрией, Константинополем и Антиохией. Благоприятное географическое положение у моря и на пересечении торговых путей в Египет и в Петру сделало город центром важным экономическим и культурным центром.

Императорский двор постоянно демонстрировал внимание к Газе. Имеются сведения об императорских дарах, как, например, корабль с 30 колоннами зеленого

* Исследование подготовлено в рамках работ по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Госконтракт П322 от 28.07.2009 г. «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия», 2009-2011 гг.

¹ См.: Безрогов В.Г. Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. М., 2008. С. 280-331 («Греческая школьная традиция во II-IV вв.»).

² Скабаланович Н. Византийская наука и школа // Христианское чтение. 1884, май; Каждан А.П. Никита Хониат и его время. СПб., 2005. С. 168. Эта система не изменилась, как считает А.П. Каждан, по меньшей мере, до XII века.

³ Seitz K. Die Schule von Gaza. Heidelberg, 1892.

⁴ Avi-Yonah M. The Madaba Mosaic Map. Jerusalem, 1954; The Madaba Mosaic Map [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.christusrex.org

мрамора, преподнесенный городу императрицей Евдокией (401-460) для постройки одного из храмов. Город Газа возводил статуи императоров⁵ и с большой пышностью праздновал их дни рождения.

Газа была крупным экономическим центром, из города шел экспорт вин. Палестинские амфоры LRA 1 и 4 найдены на пространстве от Кипра до Крыма, Дуная и Галлии⁶.

Христианизация города Газы окончательно побеждает ко 2-й половине V в. Парадоксальным образом, именно с этого времени начинается общеимперская слава высшей риторической школы в Газе.

Гленвилл Дауни в своей статье нарисовал яркую картину интеллектуальной жизни в ранневизантийской Палестине⁷. Его исследования в области истории образования в поздней античности не имеют аналогов. Однако, роль риторических школ в ранневизантийском синтезе классического и христианского в сиро-палестинском регионе⁸ еще предстоит уяснить.

На протяжении всего позднеантичного (ранневизантийского) периода Газа оставалась городом с преимущественно светским образом жизни и окружением⁹. Все источники рисуют ее как процветающий город и центр учености. Хорикий характеризует Газу как город, «который, по общему признанию, не мог соперничать лишь с красотой, богатством и пышностью Антиохии, Тира и Кесарии, но не уступал им достоинствами своих горожан» (Choric. VIII. 13).

Хорикий (ок. 500 - ок. 590 гг.)¹⁰ - наиболее известный греческий ранневизантийский оратор, ученик Прокопия Газского и наследник его кафедры риторики в Газе, христианин. Ему принадлежат несколько сохранившихся похвальных речей (λογος, oratio) в честь светских и церковных сановников (среди них две речи в честь епископа Маркиана (520-540 гг.), содержащие описание церквей в Газе и их росписей), погребальных (над могилой матери, на смерть Прокопия) и свадебных (для своих учеников) речей. Написал также 14 лекций (dialekseis, meletai) и 25 школьных декламаций, т.е. введений в речи.

Аттицист, он писал в риторическом стиле, старательно избегая несоответствий и используя акцентирующие паузы (клаузулы)¹¹.

По сути, если не знать времени и обстоятельств жизни Хорикия, многие его тексты будут казаться чисто античными, и в этом смысле прав Роберт Пенелла, исследователь трудов этого ритора, который видит в Хорикии завершение Второй софистики, нашедшей блестящее выражение в сочинениях Либания, Фемистия, Гимерия¹². С другой стороны, христианское вероисповедание нашло отражение в целом ряде мест текстов Хорикия, и его интонации характерны именно для культурного состояния VI века, когда античность перестала быть живой и опасной, а оказалась уже «засушенной» и «препарированной» для учебных и научных целей. В этом плане похожим на Хорикия (по отношению к античности) делается еще один автор из Газы

⁵ Эта античная традиция была весьма характерна для ранневизантийской культуры, как и некоторые другие явления материальной культуры. Подробнее см.: Иваницкая Я.Ю., Болгов Н.Н. Античные памятники Константинополя. Белгород, 2011 (в печати).

⁶ Laiou A.E., Morrisson C. The Byzantine Economy. Cambr., 2007. P. 35.

⁷ Downey G. The Christian School of Palestine: A Chapter of Literary History // Harvard Library Bulletin. 12. 1958. P. 297-319.

⁸ Van Dam R. From Paganism to Christianity in Late Antique Gaza // Viator. 16. 1985. P. 1-20.

⁹ Ashkenazi Y. Paganism in Gaza in the Fifth and Sixth Centuries // Cathedra. 60. 1991. P. 106-115.

¹⁰ Abel F.M. Gaza au VIe siecle d'apres le rheteur Chorikios // Revue Biblique. 40. 1931. P. 5-31.

¹¹ Litsas F.K. Choricus of Gaza: An Approach to His Work. Chicago, 1980; Browning R. The Language of Byzantine Literature // Greek Literature in the Byzantine Period / Ed. by Gregory Nagy. Routledge, 2001. P. 118.

¹² Penella R. Introduction // Rhetorical Exercises from Late Antiquity: A Translation of Choricus of Gaza's Preliminary Talks and Declamations / Ed. by Robert J. Penella. Cambridge, 2009. P. 1-32.

(живший при Анастасии на рубеже V-VI вв.) – Тимофей, автор трактата «О животных»¹³ и грамматического сочинения.

Все произведения Хорикия, независимо от типа, принадлежат ко всем известным жанрам эпидейктики. Это экфрасис (описание памятника), эпитафия (надгробная речь), энкомий (хвалебная речь), этопея (описание характера персонажа), монодия (песнь по торжественному или трагическому поводу), панегирик, эпиталамий (свадебная речь), апология (речь в защиту кого-то или чего-то).

Сочинения Хорикия дают прекрасный образец того, как античная форма и даже античное содержание находят новое, византийское выражение. Античная форма используется ритором и для изложения христианского содержания, например, экфрасис христианских храмов.

Как и другие софисты и риторы Газской школы, Хорикий смело использовал все богатство античного наследия, писал и на чисто античные сюжеты (например, одна из декламаций – о том, какие слова должна была произнести Афродита в поисках Адониса). Можно сказать, что античная тематика в названиях сочинений Хорикия преобладает.

Среди основных речей (λογοι) Хорикия мы видим следующие названия: 1) Эпитафия Прокопию, газскому софисту; 2) Энкомий и прохирон Сумму, достойному военачальнику; 3) Эпитафия Марии, матери газского епископа Маркиана и элевтеропольского епископа Анастасия; 4) мелетия «Тираноубийца» (= мелетия 7); 5) Слово I к епископу Газы Маркиану; 6) Слово II к Маркиану; 7) Слово к дуксу Палестины Аратию и архонту Стефану (консуляру Палестины I); 8) «О розе»; 9) этопея «Пастух»; 10) этопея «Купец»; 11) этопея «Афродита»; 12) этопея «Финикиец»; 13) экфрасис «Хорология» (Времена года); 14) экфрасис об установленном в городе Газа образе; 15) «О весне»; 16) Монодия; 17) панегирик «Об отторгнутой части»; 18) лекция «О воздаянии»; 19) мелетия «Дитя-убийца» (= мелетия 9); 20) мелетия «Патроклу от Ахилла» (= мелетия 10); 21) 2-е слово «Об отторгнутой части» и др.

Не менее античными являются названия (и содержание) мелетий: 1) Полидамас; 2) Приам; 3) Лидийцы; 4) Мильтиад; 5) Юный герой-воин; 6) Сердитый старец; 7) Тираноубийца; 8) Спартанский гражданин; 9) Дитя-убийца; 10) Патрокл; 11) Герой-воин; 12) Оратор.

25 введений в речи носят более громоздкие наименования, в которых не всегда видно античное содержание, но иногда прослеживаются учебные цели и «рекомендации» для обучающихся «студентов». Содержание же их полностью античное.

Собственно для античности представляет немалый интерес юношеская апология X «В защиту мимов» (*Hyper ton en Dionysu ton bion eikonizonton*), представляющая ценный источник для изучения античных драматических форм¹⁴.

Даже в чисто христианские сюжеты (Энкомий Прокопию) Хорикий вводил имена персонажей классической мифологии, примеры из жизни исторических деятелей античных времен¹⁵. По подсчетам Г.Л. Курбатова, Хорикий 274 раза упоминает Гомера, 356 раз Платона, 493 раза антиохийского ритора Либания¹⁶. Речь «В защиту мимов» защищала это осуждаемое церковью искусство, ссылаясь на «мимесис», характерный и для деятельности церкви. Христианство повлияло на особую эмоциональность стиля Хорикия, на элементы поэтического изложения, фигуративность и символизм.

Произведения Хорикия были вдохновлены его учителем Прокопием и матерью последнего – Марией. В речах ритор восхваляет добрые нравы указанных лиц и

¹³ См.: Тигрица и грифон. Сакральные символы животного мира [Тимофей Газский. О животных] / Подг. текста А.Г. Юрченко. СПб., 2002.

¹⁴ Litsas F.K. Choricus of Gaza and His Description of Festivals at Gaza // *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik*. 32-33. 1982. S. 427-436. Русский перевод отрывков см.: Памятники византийской литературы IV-IX веков. М., 1968. С. 153-156. Пер. Л.А. Фрейберг.

¹⁵ Несколько ранее в Египте в той же манере писал Исидор Пелусиот.

¹⁶ Курбатов Г.Л. Риторика // *Культура Византии*. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 356.

их благодеяния для городской жизни. Как можно понять из слов Хорикия, он благодарит Прокопия и Марию за приверженность христианству.

Читая Хорикия¹⁷, мы обнаруживаем его умеренное и деликатное отношение к христианству и церкви. С одной стороны, ритор хвалит своих героев за религиозное благочестие, а с другой – открыто говорит о том, что христианским священникам необходимо классическое образование¹⁸.

Во II речи к Маркиану Хорикий говорит об образовании епископа. При этом он употребляет термин «поэтические врата» (λοῖπτικὰς θύρας), заимствованный у Платона («Федр»). Это синоним грамматической школы. Главой риторической школы Газы в период обучения там Маркиана был знаменитый Прокопий Газский. Хорикий проводит аналогии со своим собственным опытом обучения в этой школе. Вывод, проистекающий из речи, вполне однозначен: епископ должен быть лицом с классическим образованием и добропорядочным гражданином города.

Хорикий пишет, что епископ Маркиан получил широкую известность не только в Газе именно благодаря своему классическому образованию, полученному в родном городе.

В речи, посвященной Прокопию, Хорикий пишет о «палестре Гермеса» (Ἑρμοῦ παλαίστραν), т.е., опять же о школе риторов¹⁹.

Хорикий также хорошо известен историкам искусства своими описаниями двух несохранившихся храмов VI века в Газе – св. Сергия и св. Стефана. В Экфрасисе церкви св. Стефана внимание слушателей достигает литературной кульминации именно в этой части²⁰. В целом этот пассаж заставляет исследователей предпринимать неоднократные попытки реконструкций данных храмов по описанию. Особенно это касается деревянного купола (II.41-45).

В разделе о живописной декорации храма св. Сергия лексика VI в. в области искусства показывают, что Хорикий тщательно зафиксировал евангельскую иконографию, не исключая и мелких деталей²¹. Хорикий может дать очень много важной и специфической информации для историка искусства и архитектуры.

Описание церкви св. Стефана составляет почти треть второго панегирика в честь епископа Маркиана Газского и может дать ответ о конструкции церкви. Хорикий, возможно, произнес эту речь после 535/6 г., но до смерти императрицы Феодоры в 548 г.

Обстоятельства постройки храма св. Стефана ясны из описания, и с тех пор они не являются дискуссионными для позднейших комментаторов.

Этот храм представляет собой базилику, фланкированную с каждой стороны галереями (II.46-48). Восточная сторона оканчивалась апсидой. Роскошная облицовка покрывала стену апсиды, в центре которой в мраморе было прорезано окно. Хорикий говорит, что участок вокруг окна был отделан другим сортом мрамора. Хорикий также говорит, что «другая сторона» была расписана изображениями Иоанна Крестителя слева от зрителя, а один из тех, «кто держит храм» - справа. Здесь могут быть различные интерпретации. Ф.-М. Абель²² и К. Манго определяют последний персонаж как незримого покровителя храма, св. Стефана. Гленвилл Дауни полагает, что

¹⁷ Choricii Gazaei Orationes Declamationes Fragmenta / Ed. J.F. Boissonade. Lips., 1846; Choricii Gazaei Opera / Ed. by R. Forster, E. Richsteig. Leipzig, 1929.

¹⁸ Ashkenazi Y. Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricus the Rhetor // Christian Gaza in Late Antiquity / Ed. Bruria Bitton-Ashkelony, Arieh Kofsky. Brill, Leiden, 2004. P. 196.

¹⁹ Невероятно интересно употребление Исидором Пелусиотом (несколько ранее) термина «палестра монахов» - παλαίστηριον μοναχικὸν (I, 262), где прямо смешано (лексически) античное и христианское.

²⁰ Laudatio Marciani. I, 17-76 (св. Сергий); II, 28-54 (св. Стефан). Англ. перевод этой речи см.: Hamilton R.W. Two Churches at Gaza, as Described by Choricus of Gaza // PEFQ. 1930. P. 178-191. Также: Mango C. The Art of the Byzantine Empire 312-1453. Englewood Cliffs, N.J., 1972. P. 60-72.

²¹ Maguire H. Truth and Convention in Byzantine Descriptions of Works of Art // DOP. 28. 1974. P. 118-119.

²² Abel F.-M. Gaza au Vie siecle d'apres le rheteur Chorikios // RBibl. 40. 1931. P. 5-31, особенно p. 24b not. 7. Mango C. Op. cit. P. 70, not. 84.

это зримый покровитель - донатор строительства²³. Вместе с тем, Абель и Манго помещают обе фигуры на триумфальную арку, тогда как Дауни – на окружающую апсиду стену.

Сразу после описания Хорикием апсиды следует пассаж о деревянном куполе (II. 41, 43-45). В своем комментарии к этому месту Абель утверждает, что Хорикий описывает полукупол на восточной аспиде, который был украшен деревянной конструкцией с клиньями, соединяющимися вдоль наверху. Также и ряд других мест несохранившегося храма может быть реконструирован с помощью Хорикия.

По Хорикию, создается впечатление, что в христианской Газе, как и в других городах позднеантичного мира, граждане обучались в своем большинстве в муниципальных школах. И место школ в жизни города Газы было выше, чем во многих других городах.

Хорикий дает очень мало информации о специальном христианском (богословском) образовании в школах Газы. Как представляется, христианское образование в школах Газы не включало подготовку священников.

Поскольку Эней Газский, знаменитый софист и философ, был братом Марии, матери епископа Маркиана, мы можем заключить, что между церковью и риторической школой существовали особые отношения. Христианское образование было частью образовательной программы Газской «академии». Хорикий отмечает, что глава школы Прокопий был очень искушен в Священном Писании (Or. fun. in Proc., 21). При этом Прокопий не был монахом и, как утверждает Хорикий, не был и священником.

Как известно, епископ в позднеантичном городе был одним из его руководителей, вел активную общественную, а нередко и хозяйственную деятельность²⁴. Хорикий описывает епископа Маркиана как организатора общественных празднеств, раздачу хлеба нуждающимся и т.п. Тот факт, что христианский епископ возглавлял короткое время риторическую школу, является исключительным. Он демонстрирует сотрудничество софистов и клириков в отдельно взятом высшем учебном заведении.

В посвятительной речи Марии Хорикий провозглашает, что священство выше всех городских чиновников (собственно – «лучше» - τὸ καλλίωτον). Епископ и его клир были частью среднего класса муниципалов своих городов в Поздней империи.

Если агиография изображает епископов прежде всего как святых, акцентируя внимание на чудесах и т.п., то Хорикий в своих речах изображает преимущественно общественную деятельность епископа, активное его участие в гражданской администрации.

Из речей Хорикия мы можем заключить, что церковь в Газе была неотъемлемой частью городской муниципальной и общественной жизни²⁵, а классическая риторическая высшая школа Газы обеспечивала образовательные потребности не только города, но и клира, включая значительную часть всего Палестинского региона²⁶.

Фотий, читавший Хорикия в IX веке (Miribibl., cod. 160)²⁷, отмечал, что оратор «находит свои лучшие проявления в описаниях и хвалебных речах», а стиль Хорикия характеризуется частым и чрезмерным украшательством речи.

Судьба Хорикия и его произведений была в целом достаточно позитивной в последующей византийской культуре. Свидетельство этому – сам факт сохранения его произведений. Но прямых цитат и рецепций все-таки не так много²⁸.

²³ Downey G. Gaza in the Early Sixth Century. Norman, 1963. P. 136.

²⁴ Brown P. Poverty and Leadership in the Late Roman Empire. Hanover, New Hampshire, 2002.

²⁵ Di Segni L. The involvement of local municipal and provincial authorities in urban building in Late Antique Palestine and Arabia // The Journal of Roman Archaeology (JRA). Suppl. 14. Munchen, 1974. P. 312-332.

²⁶ Sivan H. Palestine in Late Antiquity. Oxf.-N.Y., 2008; Gaza dans l'antiquité tardive. Archeologie, rhetorique et histoire / Ed. by C. Saliou. P., 2005.

²⁷ Русский перевод см.: Классическая и византийская традиция. 2010. Белгород, 2010. С. 118-119. Пер. Н.Н. Болгова, И.В. Зайцевой.

Особенностью всей ранневизантийской эпохи было то, что императорская власть и государство поддерживали существование городской риторики и, соответственно, риторических школ, вплоть до упадка городов со 2-й половины VI в. Риторические школы сыграли важную роль в христианской адаптации античного наследия²⁹.

Впоследствии Газа была известна не только классической интеллектуальной традицией, но также и великими христианскими учителями 2-й пол. и конца VI в. – Авва Исая, Варсануфий и Иоанн, Дорофей Газский, Север Антиохийский, Захария Ритор и др.

Арабское завоевание 1-й пол. VII в. положило конец развитию христианства в регионе, как и ранневизантийскому периоду его истории³⁰.

CHORICIUS FROM GAZA: ANCIENT RHETORIC AS A FORM FOR BYZANTINE SCHOOL

A.M. BOLGOVA

Belgorod State University

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

At this article is research a role and place of late ancient scriptor Choricus from Gaza, 6 Cent. AD, in works of it we have an end of ancient eloquentia. It was an outside form of representation for a Christian high school and a bright example of Early Byzantine cultural synthesis.

Key words: rhetoric, school, Byzantium, Late Antiquity, Gaza.

²⁸ Amato E. Epilogue. The fortune and reception of Choricus and his works // *Rhetorical Exercises from Late Antiquity: A Translation of Choricus of Gaza's Preliminary Talks and Declamations*. Cambridge, 2009. P. 261-302.

²⁹ Cameron Av. *Christianity and the Rhetoric of Empire*. Berkeley, 1991.

³⁰ Dauphin C. *La Palestine Byzantine: peuplement et population*. Oxf., 1998.

СЛАВЯНСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В МАЛОЙ АЗИИ В VII-VIII ВВ.

И.В. ДЕНИСОВА

*Белгородский государственный
университет*

e-mail: Evilo7@mail.ru

В работе делается попытка обобщить сведения источников о присутствии славянского этнического элемента в византийских провинциях Малой Азии. Хронологически пик этого присутствия приходится на VII-VIII вв. Расселение славян в Малой Азии было эпизодическим, очаговым и не имело исторической перспективы.

Ключевые слова: славяне, Византия, Малая Азия, этнос.

Как подневольные, так и добровольные переселения славян в Малую Азию начинаются, по всей вероятности, с VI в. и могут быть засвидетельствованы летописями VII столетия¹.

Первое упоминание о славянах в Малой Азии мы встречаем в летописи Феофана (664 г.), где сообщается о переселении из Македонии в Сирию 5 тысяч славян. Возникает вопрос о дальнейшей судьбе этих славян. П. Шафарик отмечает, что «дальнейшая судьба и конечное истребление этих славян нам совершенно неизвестно». Но в этом же столетии с Балканского полуострова в Малую Азию были переселены и другие колонисты, которые вряд ли бы селились в районы с неблагоприятными условиями. Как были устроены славяне на новых местах расселения, об этом сведений нет.

Ю.А. Кулаковский предполагает, что «переселение совершалось в составе целых племен с их князьями. Переселение славян, водворение их на новых местах жительства и устройство быта и отношений в новых для них условиях являлось делом весьма сложным и требовало немало времени, административных забот правительства, а также расходов из государственных средств. Когда славяне были устроены на новых местах жительства, Юстиниан II организовывал из них новое войско, численность которого наши источники определяют в 30 тысяч человек. Оно имело характер этнического ополчения, во главе которого стоял князь, - какой титул он носил, нам неизвестно, - по имени Небул. Новое войско получило от Юстиниана название «сверхкомплектного»².

По свидетельству Феофана и его современника патриарха Никифора, в 687 г. Юстиниан II отправляется в поход в Македонию с целью нападения на славян, живших близ Солуни. Летописец передает, что император некоторых из них победил и предписал им свои требования, а других смог убедить договорами переселиться из Македонии в Малую Азию, в провинцию Опсикию. Таким образом, некоторые славяне были подчинены силой оружия, другие, очевидно, считая сопротивление бессмысленным, сами признали власть императора. Славяне были переселены. От тех же авторов мы узнаем, что через несколько лет Юстиниан использовал их против мусульман³.

При Юстиниане II славяне общим числом не менее 80 тысяч человек, согласно В.И. Ламанскому, были перевезены в Опсикий, одну из фем Малой Азии⁴. М.Ю. Брайчевский утверждает, что «всего было переселено, во всяком случае, не менее 100

¹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.1. Период I (до 527 г.). Период II (518-610 гг.). М., 2001. С. 580.

² Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 3: 602-717 годы. СПб., 2004. С. 217.

³ Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. С. 107.

⁴ Ламанский В.И. Славяне в Малой Азии, Африке и Испании. СПб., 1859. С. 3.

тысяч славян»⁵. Одна часть из них (около 30 тысяч) была мобилизована императором и позже была использована в борьбе против арабов, во время которой изменила императору и перешла на сторону арабов. Из-за этого проступка оставшиеся славяне в Опсикии были подвергнуты страшным избиениям. Возникает вопрос – можно ли подсчитать численность славян, ушедших к арабам? Отметим, что источники дают взаимоисключающие факты: 20 тысяч у Феофана и Никифора, 7 тысяч у Михаила Сирийского. Довольно оригинальную гипотезу выдвинул М. Гребнер, который считал, что с самого начала славянских воинов не могло быть 30 тысяч, так как такой отряд составил бы непропорционально большую часть византийской армии (всей, и не только того войска, с которым Юстиниан пошел в поход); отсюда она, по видимому, представляет собой оценку численности всех переселенных славян, включая оставшихся во время похода в колонии мужчин, женщин и детей⁶. Численность же отряда, участвовавшего в походе, составляла 7 тысяч человек.

В вопросе изучения расселения славян на территории ранневизантийской Малой Азии существенную роль играет вещественный памятник, а именно, моливдовул, принадлежавший Русскому Археологическому институту в Константинополе, сомнений в достоверности которого нет – это печать славянской военной колонии в Вифинии, фемы Опсикия, которая сохранилась от того времени. Это ценный памятник, "новый фрагмент славянской племенной истории". Содержание легенды памятника предполагает, что памятник не может быть позднее VII века. В нем упомянута провинция Вифинская, о которой говорится в источниках только до конца VII века, именно в записях соборных актов того времени.

Б.А. Панченко подчеркивает, что памятник дает не только историко-географический факт из эпохи славянских передвижений, но и говорит об организации славянских политических общин на землях Империи, о положении федератов в Византийском государстве.⁷

Начиная с VII века, вопрос о славянских поселениях в Малой Азии приобретает большое значение. Славяне селились в основном в окрестностях Никомедии, где разместилось много славян из Солуни в 668 г., регионе Никеи, где проживали племена сагудатов и городосербов, и берега реки Артана недалеко от Босфора. Несколько позднее славянское население появляется в Каппадокии - Сирии. Это факт документально зафиксирован в округе Антиохии, где-то у Алеппо, южнее Тавриза, в окрестностях Апамеи и других местах.

Никифор рассказывает о добровольном переселении в 762-763 гг. 208 тысяч славян в Малую Азию, где также была основана славянская колония на реке Артане. В. Ламанский пишет, что «если передаваемое Никифором число 208 тысяч означало одних взрослых мужчин, то легко себе представить приблизительную численность всей миграционной массы, увеличив в обычном расчете эту цифру в четыре раза, и тогда остается заключить, что три четверти миллиона славянских выходцев в один прием переселились в область Вифинии»⁸.

Отметим, что присутствие славян в качестве воинов-колонистов в Малой Азии укрепляло свободное крестьянство и крестьянскую общину. На запущенных землях, где прежде были рабовладельческие хозяйства или трудились зависимые георги, теперь расселились свободные землевладельцы и воины. Славянские поселения, основанные в пределах империи, сохраняли известную автономию и отнюдь не были склонны немедленно признать в полной мере власть императора. Весьма любопытными являются сведения о походе Константа II на славян в 658 г. Войска императора прошли через Фракию и наложили дань на славян, обязавшихся, кроме того, выстав-

⁵ Брайчевский М.Ю. К истории расселения славян на Византийских землях // Византийский временник. Т. XIX, 1961. С. 135.

⁶ Там же.

⁷ Панченко Б.А. Памятник славян в Вифинии VII века // Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. VIII. Вып. 1-2. 1902. С. 60-61.

⁸ Там же. С. 35.

лять для защиты империи определенные военные силы. Отсюда следует, что в середине VII века еще только шла борьба за подчинение славян и использование их в качестве резерва материальных средств и военных сил для империи.

Ф.И. Успенский отмечает, «что византийские императоры, переселив славян в Малую Азию, не бросали их на произвол судьбы, старались достигать определенных политических целей, предоставляя колонистам средства для их осуществления: вероятно, давали им самоуправление, право самосуда, не лишали даже туземной власти»⁹. Поселения славян на территории Малой Азии не остались, да и не могли остаться без заметного участия в судьбах Византийской империи. В византийских источниках имеются совершенно определенные указания на то, что главной заботой империи по отношению к славянам было обеспечить исправное поступление налогов и выполнение воинской повинности.

Отметим, что, оседая на византийских землях, славяне на протяжении длительного времени сохраняли политическую автономию, зависимость их от императорской власти сводилась к уплате налогов и обязанности выставлять военные отряды, да и эти повинности византийской администрации приходилось реализовывать нередко с помощью оружия. Славяне, оседая на византийских землях, с одной стороны, в основном сохраняли до определенного времени свой общественный строй, а с другой неизбежно воспринимали многие элементы византийских порядков.

Население в Малой Азии в период господства Византии постепенно наслонилось на единую греческую и православную основу и восприняло ее. Это были славяне, значительное количество которых было переселено на эти территории в VII-VIII вв., арабы и сирийцы на юге, армяне – торговцы или военные, мардаиты, христианский народ, который в начале VIII в. обосновался в Памфилии, многочисленные евреи, как ассимилировавшиеся, так и жившие общинами, а также турки.

Таким образом, отметим, что славянские переселенцы в Малой Азии появляются впервые к середине VII века, тогда же можно увидеть славян на службе у мусульман. Причем, во второй половине VII – начале VIII вв. многие славяне переходят на службу к мусульманам и расселяются в приграничных крепостях. О существовании славянских общин здесь мы узнаем из источников лишь до VIII века. Основным занятием в этот период у славян является оборона границы, но иногда они выставляют халифам вспомогательные отряды для различных целей. Существенные изменения происходят в середине VIII века. С одной стороны, в результате войн славянские переселенцы в Халифате несут большие потери, с другой – пограничные крепости заселяются выходцами из восточных областей Халифата, прежде всего, хорасанцами, главной опорой Аббасидов. В итоге, после утверждения Аббасидов следы славянских общин в пограничных районах постепенно теряются.

В своих исследованиях Д.Е. Мишин полагает, что «славяне не отождествляли себя ни с одной из воюющих сторон и действовали сообразно с собственными интересами. Это тоже указывает на некоторые черты самосознания переселенцев: они считали себя особым народом, не византийцами и не мусульманами, что в свою очередь, свидетельствует о сохранении ими в течение долгого времени своей этнической и культурной самобытности»¹⁰.

Таким образом, отношение славян к Малой Азии в исторической науке – предмет, заслуживающий внимания, как в этнографическом, так и в археологическом, политическом и экономическом отношениях. Основной причиной исчезновения славянского элемента в Малой Азии была неукорененность славян на какой-либо конкретной территории компактного проживания, отрыв их от своего основного этнического массива, разнородный характер их этнополитических функций на данных территориях.

⁹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.1. Период I (до 527 г.). Период II (518-610 гг.) М., 2001. С. 352.

¹⁰ Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. С. 124-125.

SLAVIC ELEMENT IN ASIA MINOR IN VII-VIII CENT. A.D.

I.V. DENISOVA

Belgorod State University

e-mail: Evilo7@mail.ru

At this article are research a common situation in accordance of fonts about presence of Slavic ethnic element in Byzantinian provinces of Asia Minor. A rice of this presence is take in 7-8 cent. AD. A setting of Slavs in Asia Minor was an episodic, local and hasn't of historical perspectives.

Key words: the Slavs, Byzantium, Asia Minor, ethnos.

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КОНСТАНТИНА X ДУКИ*

А.С. МОХОВ

*Уральский государственный
университет им. А.М. Горького,
г. Екатеринбург*

e-mail: rkb2004@yandex.ru

В статье анализируется военная политика византийского императора Константина X Дуки (1059–1067). Этот император был выразителем интересов высшей столичной бюрократии, его политика была направлена на ослабление провинциальной военной знати. С этой целью правительство Константина X (кесарь Иоанн Дука, Константин Лихуд, Иоанн Ксифилин, Михаил Пселл) сократило финансирование вооруженных сил, расформировало многие военные подразделения, увеличило численность наемных отрядов. Результатом политики Константина X стал кризис императорской армии и тяжелые поражения византийских войск от сельджуков, норманнов и печенегов.

Ключевые слова: византийская армия, провинциальная администрация, политическая борьба, налоговая политика, кризис военной системы.

Константин X Дука занимал императорский престол с 23 ноября 1059 по 23 мая 1067 г.¹ В источниках данный период отражен кратко, авторы исторических хроник ограничиваются лишь общей характеристикой правления этого императора². Константин Дука происходил из малоазийской аристократической семьи, которой принадлежали значительные земельные владения в Пафлагонии и Фракисии. Сведения о древности его рода довольно противоречивы. Одни хронисты возводят генеалогию Дук к ранневизантийскому времени, другие, напротив, не считают их древней и знатной фамилией (Psellos, Chron., 296.6.1-11; Bryen., 83.11-14; ср: Zon., 675.18–676.8)³. Будущий император родился около 1006 г. О его карьере до 1057 г. известно мало. Михаил Пселл пишет, что Константин длительное время проводил в родовом поместье, «вдали от городского шума и суеты» (Psellos, Chron., 296.14-15). Первым браком он был женат на дочери Константина Далассина. В 1034/1035 г. по приказу Михаила IV Дука был арестован в числе других родственников Далассина и отправлен в ссылку на о. Плата. В столицу он вернулся только после воцарения Константина IX Мономаха⁴. С 1042 г. Константин жил в столице и входил в состав синклита. Вскоре после смерти первой жены он вступил в брак с Евдокией Макремволитиссой, племянницей патриарха Михаила Кирулария⁵.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

¹ См.: Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken. 1. Teil. Wien, 1975. S. 50.1-2, 160.17, 167.18; 2. Teil. Wien, 1977. S. 151-152.

² Основные источники о правлении Константина X: Psello Michele. Imperatori di Bisanzio (Cronografia) / Introd. di D. Del Corno, testo critico a cura di S. Impellizzeri, comm. di U. Criscuolo, trad. di S. Ronchey. Fondazione Lorenzo Valla, 1984. Vol. II. P. 292-318 (далее – Psellos, Chron.); Michaelis Attalioetae Historia / Rec. I. Bekker. Bonn, 1853. P. 70-92 (далее – Mich.Att.); Τσολάκης Ε. Ἡ συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη. Θεσσαλονίκη, 1968. Σ. 111-118 (далее – Skyl.Cont.); Nicéphore Bryennios. Histoire / Introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. Bruxelles, 1975. P. 77-85 (далее – Bryen.); Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri XVIII / Ed. Th. Büttner-Wobst. Bonn, 1897. T. III. P. 673-681 (далее – Zon.).

³ О происхождении Дук см.: Polemis D.I. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. London, 1968. P. 3-8.

⁴ Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. Berlin, New York, 1973. P. 396.22-24. См. также: Cheynet J.-Cl., Vannier J.-F. Études prosopographiques. Paris, 1986. P. 81.

⁵ У Константина Дуки и Евдокии Макремволитиссы было четверо сыновей и три дочери. См.: Polemis D.I. The Doukai. P. 28-32.

В 1057 г. Константин Дука и его младший брат Иоанн примкнули к мятежу малоазийской знати под руководством Исаака Комнина. К этому моменту Константин носил титул вестарха, но должности, которые он занимал в 40–50-е гг. XI в. неизвестны. Необходимо отметить, что среди всех византийских авторов об участии Дук в мятеже Комнина подробно пишет только Михаил Пселл, но свидетельства автора «Хронографии» крайне субъективны. Пселл был тесно связан с семейством Дук на протяжении многих лет, впоследствии именно он стал наставником старшего сына Константина Дуки, будущего императора Михаила VII⁶.

При Исааке I Комнине Константин Дука входил в ближайшее окружение самодержца. В 1059 г., после отречения Исаака I, он был выдвинут влиятельной придворной группировкой во главе с Константином Лихудом и Михаилом Пселлом в качестве претендента на престол⁷. Большая часть византийской аристократии поддержала провозглашение Константина X императором. Провинциальная военная знать рассчитывала, что новый василевс будет продолжать политику Комнина. Для этого были все основания – по происхождению как предки Константина, так и он сам принадлежали именно к этой группе византийской аристократии.

На Дуку возлагало надежды и столичное чиновничество. Придворная партия, которая привела его к императорской власти, выражала интересы значительной части гражданской бюрократии. Они надеялись на возвращение к ситуации, существовавшей до 1057 г., когда столичная знать безраздельно управляла государством. Как показали первые же мероприятия, предпринятые Константином X, бюрократия не обманулась в своих ожиданиях. Личные и родственные связи с синклитом и чиновной верхушкой Константинополя оказались для него более важными, чем интересы провинциальной военной аристократии, к которой он формально принадлежал⁸.

Придворная партия, добившаяся прихода Константина X к власти, в дальнейшем определяла внутреннюю и внешнюю политику Византии. В ее состав входили младший брат императора кесарь Иоанн Дука⁹, патриарх Константин III Лихуд (1059–1064)¹⁰, номофилак Иоанн Ксифилин¹¹ и проедр, ипат философов Михаил Пселл. Необходимо отметить, что данная политическая группировка сформировалась еще в 50-е гг. XI в., имела четкую программу действий и теперь, когда на престоле оказался ее ставленник, начала претворять эту программу в жизнь. Император, находившийся под сильным влиянием своего окружения, являлся несамостоятельной политической фигурой.

Первые мероприятия Константина X были направлены на отмену или исправление указов Исаака I. Лица, смещенные Комниным с высших придворных должностей, лишены земельных владений и доходов, восстанавливались в прежнем положении. Пселл и Атталиат упоминают о множестве людей, «впавших в отчаянье из-за притеснений Комнина», но «возвращенных к жизни» благодаря милости и щедрости Дуки. Император возвратил им конфискованное имущество и присвоил более высокие титулы (Mich. Att., 71.1-8; Psellos, Chron., 306.16.1-6). Для того чтобы вернуть этих людей на прежние должности, требовалось избавиться от ставленников Исаака Ком-

⁶ О взаимоотношениях Михаила Пселла с семейством Дук см.: Любарский Я.Н. Михаил Пселл. Личность и творчество (К истории византийского предгуманизма). М., 1978. С. 111-112.

⁷ См.: Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI в., от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884. С. 87-88.

⁸ См.: Крсмановић Б. Успон војног племства у Византији XI века. Београд, 2001. С. 165-168.

⁹ См. о нем: Polemis D.I. The Doukai. P. 34-41.

¹⁰ В правление Константина Мономаха Константин Лихуд возглавлял гражданскую администрацию империи, занимая пост мезазона. См. о нем: Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI в. С. 390-396.

¹¹ Иоанн Ксифилин возглавлял императорскую юридическую школу в Манганах. После смерти Константина Лихуда он с 1064 по 1075 гг. занимал патриарший престол. См. о нем: Любарский Я.Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. С. 49-55.

нина. В 1059/1060 г. сторонники отрешенного от престола императора постепенно заменялись чиновниками, лояльными правящей придворной группировке¹².

Проводя в начале своего правления масштабную чистку государственного аппарата, Константин X действовал в интересах столичного чиновничества, которое в короткий срок вернуло себе доминирующее положение в сфере гражданского управления. Дука и в дальнейшем проводил политику, направленную на защиту интересов высшей бюрократии. Одновременно, он стремился к увеличению своей популярности среди жителей Константинополя. Во время торжеств, посвященных провозглашению Константина X императором, синклитики и многие из «людей рынка» получили щедрые денежные подарки (Mich.Att., 71.12-13; Skyl.Cont., 111.15-16). По сообщению Пселла, император открыл для зажиточных горожан путь к чиновным должностям, ранее для них закрытый. Многие торговцы и даже ремесленники получили придворные титулы и это, по мнению автора «Хронографии», означало уничтожение стены, разделявшей «гражданское сословие» на синклит и горожан (Psellos, Chron., 306.15.4-9).

Объединение «гражданского сословия» было необходимо правящей группировке для успешного противостояния провинциальной знати. Император не мог открыто объявить себя противником военной верхушки, так как это неизбежно привело бы к вооруженному мятежу. Поэтому, правительство действовало постепенно, все более отстраняя противоборствующую партию от управления. Следует отметить, что среди самой провинциальной знати не было единства, подобного тому, которое наблюдалось в середине 50-х гг. XI в. Наиболее знатные и богатые семьи – Комнины, Далассины, Склиры, Докианы, Ааронии, Вотаниаты, Пигониты, Ватацы, Вурцы – сохраняли значительное влияние как в столице, так и в провинциях. Однако если в правление Комнина их деятельность была связана, в основном, с полевой армией и фемной администрацией, то при Константине X представители знатных фамилий устремляются в столицу, ко двору василевса. В Константинополе они имели большие возможности для продвижения по службе, но и правительству было легче контролировать их действия.

Таким образом, среди провинциальной знати происходит раскол. Некоторые представители этой социальной группы убедились, что защищать их интересы новый император не намерен. Недовольство в среде военных постепенно нарастало и, в итоге, вылилось 23 апреля 1060 г. (день св. Георгия) в попытку свержения Константина X с престола. Мятеж был подготовлен группой армейских офицеров и навархов флота, заговорщики рассчитывали, что их поддержат жители Константинополя. Однако реализовать свои планы им не удалось, и уже к концу дня большинство злоумышленников было либо убито, либо арестовано (Mich.Att., 71.19–74.22; Psellos, Chron., 312.22.1-314.23.13; Skyl.Cont., 111.9-26).

Несмотря на то, что о событиях 23 апреля 1060 г. сообщает большинство источников, ни в одном из текстов не названы имена руководителей мятежа. Михаил Пселл указывает, что в заговоре участвовали как безродные и безвестные, так и знатные люди. Подробности автора «Хронографии» интересуют мало, он лишь восхищается милосердием императора, который сохранил схваченным мятежникам жизнь (Psellos, Chron., 312.224-14). Михаил Агталиат считал, что мятеж возник из-за «пустых обещаний и неблагоприятных поступков» императора Дуки (Mich.Att., 72.8-10). Однако вряд ли эти причины могли подтолкнуть военных на вооруженное выступление. Возможно, прав был Н.А. Скабаланович, предполагавший, что заговорщики хотели свергнуть Константина X и восстановить на престоле Исаака Комнина¹³. Заговор был организован не высшими

¹² Например, на должность друнгария вила был назначен племянник номофилака Иоанна Ксифилина, которого также звали Иоанн. Кроме того, он получил титул магистра. См.: Guiland R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin, Amsterdam, 1967. Т. I. P. 573.

¹³ См.: Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI в. С. 94-95; Cheynet J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance (963-1210). Paris, 1990. P. 71.

военачальниками, а командирами среднего ранга, которые безуспешно попыталось вернуть военным ведущую роль в управлении государством.

Современники оценивали личность Константина X неоднозначно. Михаил Пселл и Никифор Вриенний отмечали его благочестие, доброту и милосердие. По их мнению, Дука стремился к торжеству правосудия, всюду искоренял несправедливость и установил в стране господство закона (Psellos, Chron., 306.15.1-4, 310.19.6-8, 312.22.12-15; Вруен., 83.11-13, 17-20). Михаил Атталиат и Продолжатель Скилицы, напротив, осуждают императора за его склонность к судебным тяжбам. Вместо того чтобы управлять государством, Константин занимался сутяжничеством и выдумыванием ненужных законов (Mich.Att., 76.1-3; Skyl.Cont., 112.8-16).

Атталиат особо упоминает о фискальной политике Константина X, который ввел новые, непомерные и непосильные, налоги и строго следил за их сбором (Mich.Att., 77.5-11)¹⁴. Повышение налогов стало причиной народных волнений, которые происходили во многих районах империи. Увеличение доходов казны стало настоящей страстью Дуки. Щедрость, которую он проявил в первые дни правления, сменилась крайней скупостью. Больше император никому не давал ни титулов¹⁵, ни доходных должностей; денежные раздачи из казны также прекратились. Казенные средства тратились очень умеренно, убедить Дуку выделить деньги для оплаты государственных расходов, даже самых необходимых, было крайне сложно. Константин не желал ничего знать о государственных делах, посвящая свои дни лишь судебным заседаниям, фискальству и подсчетам доходов казны (Mich.Att., 76.9-10, 77.13-19; Psellos, Chron., 308.17.1-4)¹⁶.

Политика, которую Константин X проводил по отношению к армии, большинством авторов расценивается как крайне неудачная и губительная для византийских вооруженных сил. Необходимо отметить, что главным виновником ослабления императорских войск современники считали самого Дуку. Даже в его ближайшем окружении высказывалось осуждение той военной политике, которую он проводил. Несмотря на то, что идеологом высшей столичной бюрократии следует считать Константина Лихуда, представления этой политической группировки о роли армии в государстве известны из сочинений Михаила Пселла. В «Хронографии» упоминается о том, что войско является неотъемлемой частью государства, без которой оно не может существовать. Главная задача армии – это борьба с внешними врагами, но вмешательство стратиотов – людей дерзких, необразованных и неразумных – во внутреннюю политику нежелательно. Военные должны стяжать себе славу на полях сражений, тогда как многотрудное дело управления государством предначертано людям опытным и образованным (Psellos, Chron., 226.6.1-9; 308.18.1-14; ср.: Зон., 666.2-3).

Оценки Пселлом военной политики Константина X неоднозначны. С одной стороны, он утверждает, что заботами о воинском сословии этот император превзошел всех своих предшественников (Psellos, Chron., 294.2.11-12). Однако позже он упрекает Дуку в пренебрежении интересами армии. Константин X, якобы, не понимал важности войска и не ведал, что с его ослаблением растет сила врагов. Император считал увеличение расходов на армию пустой тратой денег и предпочитал походным опасностям безмятежную жизнь во дворце (308.18.1-5). Заслуживает внимания также упоминание Пселла о том, что Константин X попал под влияние неких «дурных советников и придворных льстецов». Это может свидетельствовать о расколе в окруже-

¹⁴ Об одном из подобных выступлений, которое происходило в Фессалии, сообщает Кекавмен. См.: Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подг. текста, пер. и комм. Г.Г. Литаврина. М., 1972. С. 260.17 сл.

¹⁵ При Константине X на некоторое время была приостановлена начавшаяся еще в середине XI в. девальвация придворной титулатуры, прекратилась практика повышения в титулах сразу на несколько ступеней. См.: Cheynet J.-Cl. Dévaluation des dignités et dévaluation monétaire dans la seconde moitié du XIe siècle // Byzantion. 1983. Т. 53. Р. 455, 458.

¹⁶ О налоговой политике Константина X см.: Oikonomidès N. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe – XIe siècles). Athènes, 1996. Р. 237-239.

нии императора и начале борьбы придворных партий за влияние на Дуку (Psellos, Chron., 308.17.6-9; ср.: Mich.Att., 77.13-19).

Остальные авторы в своих оценках более категоричны: в короткий срок бое-способное и хорошо организованное войско превратилось в плохо вооруженную, неуправляемую и необученную толпу, которая не способна была противостоять внешней угрозе. Главной причиной упадка являлось то, что в 1059–1067 гг. войска получали минимальное денежное содержание (Mich.Att., 76.4-5; Skyl.Cont., 114.15-18). Солдаты и командиры регулярных тагм, которым и раньше денежное содержание выплачивалось нерегулярно, при Константине X совсем перестали получать опсоний (Mich.Att., 78.23–79.3). По этой причине началось массовое бегство солдат из подразделений регулярной армии, что привело к небывалому сокращению численности войск. Некоторые тагмы были из-за этого расформированы, а в сохранившихся оставалось так мало воинов, что сражаться они не могли, не имея возможности выстроиться в боевой порядок (Mich.Att., 103.2-8; Skyl.Cont., 125.8-12).

Младшие и средние командиры, которые со времен Василия II являлись основой византийской армии, также предпочитали покинуть военную службу. По сообщению Атталиата, они бросали свои отряды и стремились получить должность в гражданской администрации. Некоторым из них удавалось стать сборщиками податей или судьями. На новом месте службы они могли вновь рассчитывать на получение жалования, которое для многих было единственным источником существования. По всей видимости, данный процесс принял настолько массовый характер, что ряд подразделений совершенно лишился младших и средних командиров, хотя рядовые воины в них еще состояли (Mich.Att., 76.11-14; Skyl.Cont., 113.8-11).

От мероприятий Константина X особенно сильно пострадали стратиотские ополчения малоазийских провинций и контингенты восточных пограничных фем. Стратиоты исключались из войсковых каталогов и переводились на положение обычных налогоплательщиков (Mich.Att., 104.15-18). Ликвидация стратиотских отрядов во многих внутренних провинциях Византии повлекла за собой окончательное уничтожение системы территориального военного командования. Показательно то, что стратиги внутренних («ромейских») фем с 60-х гг. XI в. в источниках почти не упоминаются. На этих территориях, по мнению императора, не существовало военной угрозы, и сохранение здесь постоянных военных структур приводило к неоправданным расходам казны. Ради экономии средств «ненужные» военные контингенты расформировывались. Только в крупных городах размещались небольшие гарнизоны под командованием кастрофилаксов¹⁷.

Одновременно со снижением роли стратигов со второй половины XI в. усиливается значение преторов (фемных судей). Постепенно в руках этих должностных лиц были сосредоточены не только функции гражданского управления, но командование всеми вооруженными формированиями, размещенными на территории фемы (кроме отрядов иностранных наемников). Таким образом, полномочия претора «ромейской» фемы можно сравнить только с полномочиями дук (катепанов) пограничных провинций¹⁸.

Пограничные контингенты также оказались в критическом положении. Они лишились постоянной помощи из Константинополя и должны были рассчитывать только на собственные силы. Ранее военное командование пограничных дукатов имело возможность увеличить численность войск за счет стратиотских отрядов подчиненных им малых фем или же временного найма местных жителей во вспомогательные отряды. Теперь, из-за введенных правительством финансовых ограничений, такая возможность исключалась. Михаил Атталиат пишет о том, что когда сельджуки напали на Антиохию, дук Никифор

¹⁷ См.: Oikonomides N. The Donation of Castles in the Last Quarter of the 11th Century // Polychronion. Festschrift Franz Dölger / Ed. P. Wirth. Heidelberg, 1966. P. 413-417; Kühn H.-J. Das byzantinische Heer im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991. S. 133-134.

¹⁸ См.: Glykatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe – XIe siècles // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1960. T. 84. P. 67-68; Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 303-307.

Вотаниат собрал войско, но его солдаты отказались идти в поход пока им не выплатят жалование. Средств для этого не нашлось, и опытные воины покинули своего командира. Тогда Вотаниат за небольшую плату нанял несколько сотен юношей, плохо вооруженных и неопытных в военном деле. Во время первой же стычки с противником они бежали с поля боя (Mich.Att., 95.21–96.8).

Оборона всей линии восточной границы в подобных условиях была невозможна. Поэтому роль пограничных контингентов сводилась лишь к защите стратегически важных крепостей и крупных городов. Сельские районы оставались беззащитными, жившее там, преимущественно армянское и сирийское, население становилось легкой добычей сельджуков. Местные жители, убедившись в неспособности императорских войск противостоять нападениям тюрок, стали относиться к византийским военным крайне враждебно. В связи с этим, у командования пограничных фем появились проблемы со снабжением войск продовольствием и даже с беспрепятственным сообщением со столицей¹⁹.

Сокращение численности войск привело к тому, что многие из бывших младших командиров и рядовых воинов регулярных тагм оказались на грани нищеты. Далеко не все покинувшие военную службу смогли найти себе применение в иных сферах деятельности, а некоторые не желали этого делать, связывая свою жизнь исключительно с военной службой. Отметим, что для наиболее опытных воинов существовала еще одна возможность решения материальных проблем – служба в частных вооруженных отрядах (этериях). Формально подобные формирования являлись незаконными. Однако в отдаленных провинциях, особенно в районах боевых действий, правительство не могло препятствовать формированию этерий.

С 60-х гг. XI в. частные вооруженные отряды все чаще упоминаются в источниках. Как правило, они находились на содержании у военачальников, занимавших высокие должности в провинциальной администрации. В состав этерий входили родственники, земляки и наемные слуги аристократов. Плату за службу эти профессиональные воины получали незначительную, но находились на полном обеспечении у своего командира. В некоторых случаях частные отряды представляли серьезную военную силу, способную вести боевые действия в течение длительного времени²⁰. Личные этерии были у Никифора Вотаниата, Романа Диогена, Михаила Маврики, Баграта Вихкатци и других военачальников²¹. Сами Дуки окружили себя «рабами», которые не только охраняли своих господ, но и занимали важные государственные должности²².

Следует отметить, что на фоне значительного сокращения собственно византийских вооруженных формирований при Константине X возрастает численность наемных отрядов. После 1059 г. в составе византийских войск появилось множество «франков» (норманнов из Южной Италии), а с 1066 г. начался массовый приток в Константинополь англосаксов, вызванный покорением Англии Вильгельмом Завоевателем. Постепенно норманны и англосаксы – они были непримиримыми врагами – вытесняют из наемного корпуса варягов и русских²³.

¹⁹ В источниках сообщается о небольших армянских отрядах, которые нападали и на тюрок и на солдат императорской армии. Например, в 1065 г. один из таких отрядов захватил Мелитину, при этом погиб правивший городом от имени Константина X армянский аристократ Кринит. См.: *Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199)* / Éd. et trad. par J.B. Chabot. Paris, 1905. Т. 3. P. 164.

²⁰ См.: Papoulia B. *Blute und Untergang von Byzanz' eine dialektische Beziehung* // *Revue des études sud-est européennes*. 1971. Т. IX. S. 557-558; Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия. 976–1081. М., 1977. С. 256-257. Ср.: Арутюнова В.А. К вопросу об «ἀνδρῶλο» в «Типике» Григория Пакуриана // *Византийский временник*. 1969. Т. 29. С. 63-76.

²¹ См. напр.: Mich.Att., 42.19-20, 96.8-14 («слуги и оруженосцы» Никифора Вотаниата); 97.7-16 («доверенные люди» Романа Диогена); Skyl.Cont., 113.15-17 (вооруженные слуги Баграта Вихкатци).

²² См.: Арутюнова-Фиданян В.А. К истории падения Ани (о личности «царского раба» в «Истории» Михаила Атталиата) // *Вестник общественных наук АН Армянской ССР*. 1967. № 9. С. 97-103.

²³ См.: Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе // *Васильевский В.Г. Труды*. Т. 1. СПб., 1908. С. 355 сл.; Бибииков М.В. Византийские источники по истории

Командиры наемных отрядов получали придворные титулы и занимали высокие командные должности в регулярной армии, чего ранее не наблюдалось. Византийские авторы с возмущением пишут о том, что Константин Дука открыл путь в синклит всем варварам, поступившим в византийское войско. По их мнению, император предпочитал иноземцев собственным военачальникам, хотя наемники были алчны, неблагодарны и часто бунтовали (Mich.Att., 87.18-22; Skyl.Cont., 116.7-10, 135.2-4). Военные качества иностранных контингентов также оставляли желать лучшего. Они не принесли Византии ни одной крупной военной победы, но к 1067 г. именно наемные отряды обеспечивали оборону важнейших участков восточной границы и последних опорных пунктов в Южной Италии²⁴.

Кадровая политика Константина X в полевой армии и провинциальной администрации уже неоднократно становилась предметом специального исследования²⁵. В историографии сложилось мнение, что четкая политика в этом вопросе у правительства Дуки отсутствовала. Если чистка столичного бюрократического аппарата происходила достаточно быстро, то в фемах правящая политическая группировка вынуждена была действовать медленно и осторожно, опасаясь конфликта с могущественными кланами провинциальной военной знати. Например, не могло быть и речи о смещении с поста доместика схол Запада куропалата Иоанна Комнина, младшего брата Исаака I. Только после его добровольной отставки в 1060/1061 г. у Константина X появилась возможность произвести некоторые кадровые перестановки в западной армии и западных фемах²⁶. Однако и в дальнейшем среди правителей западных фем преобладали представители провинциальной военной знати: проедр Никифор Вотаниат²⁷, вестарх Роман Диоген (Mich.Att., 97.14-16, 20-23), проедр Феодор Далассин²⁸, магистр Василий Апокап (Mich.Att., 83.11-12) и др. О правителях восточных фем в правление Константина X известно меньше. С начала правления Дуки по всей линии границы в Закавказье и Северной Сирии развернулись военные действия против тюрок-сельджуков и их арабских союзников. Уже к 1065 г. система обороны Византии на Востоке оказалась дезорганизована, сопротивление противнику оказывали лишь в некоторых районах (Антиохия, Эдесса, Иверия).

Данные источников свидетельствуют, что среди назначенных Константином X фемных правителей присутствуют не только представители провинциальной военной знати, но и выходцы из столичной чиновной среды²⁹. Следует также отметить, что на высших должностях в фемах вновь появляются придворные евнухи. Например, в 1062/1063 г. дукой Антиохии являлся севастофор Никифорица (Mich.Att., 181.5-6; Skyl.Cont., 155.18-20). При Исааке I евнухи были полностью вытеснены с командных постов, но при Дуке у них вновь появилась возможность для продвижения по службе.

В 1059–1067 гг. среди правителей византийских фем значительно возрастает число военачальников армянского или армяно-ивирского происхождения. Большин-

Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1980. С. 87-91.

²⁴ Подробнее см.: Janin R. Les francs au service des byzantins // Echos d'Orient. 1930. Т. XXIX. Р. 64-65; Charanis P. Cultural Diversity and the Breakdown of Byzantine Power in Asia Minor // *Dumbarton Oaks Papers*. 1975. Vol. 29. Р. 17-18; Бибииков М.В. *Byzantinoglossica: Свод византийских свидетельств о Руси*. М., 2004. Ч. 1. С. 93-97.

²⁵ См.: Cheynet J.-Cl. *La politique militaire byzantine de Basile II à Alexis Comnène* // Сборник Радова Византолошког института. Београд, 1991. Кн. XXIX–XXX. Р. 69-72; Мохов А.С. Командный состав византийской армии в правление Константина X Дуки (1059-1067 гг.) // *Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия. Тез. докл. XV Всерос. науч. сессии византинистов* (Барнаул, 29 мая – 02 июня 1998 г.). Барнаул, 1998. С. 24-27; Крсмановић Б. *Успон војног племства у Византији XI века*. Београд, 2001. С. 163-168, 183-186.

²⁶ См.: Мохов А.С. Доместики схол Запада второй половины X – начала XII в. по данным сфрагистики // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2008. Вып. 38. С. 172.

²⁷ См.: Κυριακίδης Σ.Π. *Βυζαντινὰ Μελέτα. Θεσσαλονίκης*, 1934. Т. II. Σ. 315, 490.

²⁸ Oikonomides N. *A collection of dated Byzantine lead seals*. Washington, D.C., 1986. Р. 90-91, no. 92.

²⁹ Например, Андроник Филокал, катепан Болгарии в 1066 г. См.: *Советы и рассказы Кекавмена*. С. 264.17.

ство из них в предыдущее время в источниках не упоминается и, можно предположить, что столь высоких должностей они достигли впервые (Пехт, Даватин, Баграт Вихкатци, Григорий Пакуриан). Исключение составляет лишь магистр Василий Апокап³⁰. Однако говорить о том, что Константин X ориентировался на аристократию армянского происхождения, повсеместно возвышая ее представителей, вряд ли возможно. Большинство армянских военачальников командовали в фемах, где преобладало армянское население, а тесные связи с соплеменниками позволяли им более эффективно исполнять свои обязанности³¹. Для правительства подобные назначения также были выгодны, так как позволяли экономить значительные средства. Баграт Вихкатци, например, просил назначить его дукой в Ани без какой-либо оплаты за службу (Mich.Att., 80.12-15; Skyl.Cont., 113.13-15).

Высший командный состав полевой армии представлен в правление Константина X исключительно выходцами из влиятельных семей провинциальной военной знати. Западными регулярными войсками командовали: куропалат и domestik схол Запада Иоанн Комнин, проедр и domestik схол Запада Роман Склир, вест и дука всего Запада Никифор Ватац, магистр и дука всего Запада Лев Перен³². Среди военачальников восточной полевой армии известны магистр и стратилат Востока Эрве Франгопол³³, а также проедр и дука Анатолика Роман Склир³⁴.

Выше уже упоминалось, что правительство Константина X стремилось избежать открытого конфликта с высшей аристократией. Действуя крайне осторожно, императору и его окружению, в конечном итоге, удалось взять под контроль регулярные войска. Однако для этого им пришлось отказаться от назначения domestikов схол Востока и Запада. Отныне для проведения военных операций формировались смешанные группировки сил, состоявшие из тагм и наемных отрядов. Руководили ими не domestikи схол, а военачальники более низкого ранга (дуки или стратилаты). Такое командование, как правило, было экстраординарным и кратковременным, и после завершения похода военачальник лишался полномочий. Для правящей группировки это было особенно важно, так как не давало никому из политических оппонентов длительного контроля над большими воинскими контингентами.

В результате реорганизации системы военных командований изменилась вся организационная структура византийских вооруженных сил. Боеспособные регулярные формирования из провинций были перемещены к Константинополю, где отныне постоянно находилась крупная группировка войск. Часть этих сил могла быть направлена на Восток или на Запад, в зависимости от внешнеполитической ситуации. Однако контингенты пограничных провинций, которые и до этого испытывали значительные трудности, полностью лишились поддержки регулярных войск. Одними гарнизонами крепостей, этериями военачальников и немногочисленными отрядами наемников удержать протяженную линию византийской границы было невозможно.

Внешнеполитическое положение Византии в начале правления Константина X было достаточно стабильным, но уже через несколько лет обстановка на границах стала угрожающей. С начала 60-х гг. империи пришлось вести непрерывную войну сразу на трех направлениях – на Востоке, на Балканах и в Южной Италии. Противники Византии не ограничивались грабительскими набегами на приграничные районы, они перешли к территориальным захватам. В Южной Италии норманны постепенно вытеснили византийские войска из Калабрии и Лукании. Под контролем им-

³⁰ См. о нем: Степаненко В.П., Мохов А.С. Балканский этап карьеры Василя, сына Апухапа // Византийский временник. 2008. Т. 67(92). С. 63-75.

³¹ Армянские аристократы, как правило, за свой счет содержали этерии, сформированные из родственников и земляков. См.: Chronique de Matthieu d'Edesse (962–1136) avec la continuation de Grégoire le Prêtre jusqu'en 1162 / Ed. E. Dulaurier. Paris, 1858. P. 132, 158.

³² См.: Мохов А.С. Доместики схол Запада второй половины X – начала XII в. по данным сфрагистики. С. 172-175.

³³ Chronique de Matthieu d'Edesse. P. 115-120. Опубликована печать Эрве Франгопола, магистра, веста и стратилата Востока. См.: Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire byzantin. Paris, 1884. P. 334.

³⁴ См. о нем: Seibt W. Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie. Wien, 1976. S. 76-85.

ператорских сил оставались лишь хорошо укрепленные приморские города на юго-востоке Апеннинского полуострова³⁵. На Балканах с огромным трудом удалось отразить нападение узов (1064 г.), причем контингенты пограничных фем на Дунае понесли огромные потери. В связи с ослаблением византийских сил в данном регионе, жившие к северу от Дуная и в Добрудже печенеги начинают нападать на Македонию и другие западные фемы империи³⁶.

Однако наиболее сложная обстановка складывается на Востоке. Сельджуки нарушили ранее заключенное с Византией перемирие и перешли к активным военным действиям. К 1067 г. система обороны восточных границ империи рухнула окончательно. Были потеряны территории фем Васпуракан, Великая Армения, Тарон, большая часть Месопотамии. Летом 1067 г. сельджуки взяли Кесарию, разграбили окрестности Антиохии и едва не захватили ее. Византийские авторы приводят длинный список фем, опустошенных набегами кочевников: Иверия, Халдия, Мелитина, Армениак, Каппадокия, Фригия, Галатия, Онориада (Mich.Att., 78.9-22; Skyl.Cont., 112.21-113.6)³⁷.

Подводя итоги правления Константина X, можно констатировать, что для византийских вооруженных сил оно было поистине катастрофическим. Император и гражданское правительство нанесли по ним удар более сокрушительный, чем все противники империи вместе взятые. Первоначально избранный курс, обусловленный стремлением бюрократии ослабить политические позиции провинциальной военной знати, предусматривал лишь смену ключевых фигур в военном руководстве Византии. Однако постепенно он трансформировался в тотальное сокращение финансирования армии и численности войск. Возможно, определенную роль в том, что первоначальная политическая линия не была выдержана, сыграла смерть патриарха Константина III Лихуда и раскол в ближайшем окружении императора. После 1064 г. все боеспособные регулярные формирования были отведены к Константинополю. Именно этим объясняется, что походы сменившего Константина X на императорском престоле Романа IV Диогена против сельджуков начинались в столичном регионе. Можно констатировать, что ликвидация системы территориальных военных командований (фем) на Востоке произошла не после битвы при Манцикерте (1071 г.), а к концу правления Константина X Дуки.

THE MILITARY POLICY OF KONSTANTINOS X DOUKAS

A.S. MOKHOV

*Ural State University
n.a. A.M. Gorkiy,
Ekaterinburg*

e-mail: rkb2004@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the military policy of the Byzantine emperor Konstantinos X Doukas (1059–1067). He was the representative of the interests of the higher bureaucracy. His policy was aimed at the slackening of provincial military aristocracy. For this aim the government of Konstantinos X (caesar Ioannes Doukas, Ioannes Xiphilinos, Konstantinos Leichoudes, Michaelis Psellos) undertook the series steps: the restriction of the financing of armed forces, the disbanding lots of military sub-units, the increase in manpower of mercenary detachments. The results of the policy of Konstantinos X were the crisis of imperial army and severe defeats of the Byzantine troops by the Seljuks, Northmen and Pechenegs.

Key words: byzantine army, provincial administration, political struggle, fiscal policy, crisis of the military system.

³⁵ См.: Guillaume de Pouille. La Geste de Robert Guiscard / Éd., trad., comm. et introd. par M. Mathieu. Palerme, 1961. P. 157-163.

³⁶ См.: Diaconu P. Les Petchenègues au Bas-Danube. Bucarest, 1970. P. 79-86; Степаненко В.П., Мохов А.С. Балканский этап карьеры Васила, сына Апухапа. С. 63-75.

³⁷ Cahen Cl. La première pénétration turque en Asie Mineure (second moitié du XIe siècle) // Byzantion. 1946–1948. Т. XVIII. P. 5-67; Canard M. La campagne arménienne du sultan Saldjuquide Alp Arslan et la prise d'Ani en 1064 // Revue des Études Arméniennes. 1965. Т. 2. P. 238-259; Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. IX–XI вв. М., 1988. С. 228-235.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ О РЕКЕ ИТИЛЬ-АТЕЛЬ

А.Г. ЧЕРЕДНИЧЕНКО
А.Н. ЕФАНОВ

*Белгородский государственный
университет*

e-mail: cherednichenko@bsu.edu.ru

Статья посвящена проблеме локализации центра Хазарского каганата. Византийская традиция, сохранный Феофаном Исповедником, утверждает, что река Атель-Итиль впадает в озеро Меотиду (Азовское море). В связи с этим можно предположить, что река Итиль – не Нижняя Волга, а Дон или вся речная система Дон-Волга с волоком на месте современного канала. Столица Хазарского каганата Итиль-Атель – это, по всей видимости, комплекс Цимлянских городищ на Дону.

Ключевые слова: Хазария, Итиль (Атель), «Хронография» Феофана Исповедника, салтово-маяцкая археологическая культура, Цимлянские городища.

В исторической науке утвердилось мнение о том, что река Итиль (Атель) – Волга (по крайней мере, в низовьях), что Хазария была расположена по обе стороны великой реки, а Левобережное Цимлянское городище – это Саркел - Белая Вежа (см. классические работы М.И. Артамонова, А.П. Ковалевского, С.А. Плетневой, А.П. Новосельцева и др.)¹.

Отождествление Итиля и Волги основано на арабской и арабоязычной персидской традициях (Ибн Хордадбех, ал-Балазури, Ибн Фадлан, ал-Истахри, Ибн Хаукаль, ал-Мукаддаси, «Худуд ал-Алам» и др.)². Однако можно предположить, что арабские авторы воспринимали речные системы Волги и Дона как единую систему, связанную и с Каспием, и с Азовским и Черным морями. Указания на это есть, например, в трудах 'Али ал-Мас'уди (ум. 956 г.) «Промывальни золота и рудники самоцветов» и «Книга предупреждения и пересмотра»³. Ранние арабские географы вообще помещали исконные хазарские земли в Центральной Азии («Внутренней Скифии» Клавдия Птолемея). Так, Мухаммад ал-Хваризми (ум. после 847 г.) в «Книге картины Земли» сообщает о городе ал-Хазар, находящемся восточнее Хорезма⁴. Таким образом, кроме не всегда отчетливых представлений арабоязычных географов и историков⁵, какие-либо иные позитивные аргументы в пользу отождествления Итиля с Волгой привести трудно.

Так, положение русел Волги в эпоху раннего средневековья не совпадало с современным. Не исключено полное затопление низменности в дельте Волги в указанный период. Агроклиматические условия нижнего Поволжья не соответствуют тем же описаниям арабских географов. Там невозможно виноградарство. Очень скудные

¹ Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962; Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990; Плетнева С.А. Хазары. 2-е изд. М., 1986.

² Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Пер. с англ. В.Л. Вихновича; Науч. ред., послесл. и коммент. В.Я. Петрухина. М., Иерусалим, 1997/5757. С. 178–184; Ибн Фадлан. Путешествие до Волжска България. 921–922 / Л.-М. Бораджиева перевод от арабски. София, 1992; Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 5–44, 100–134; Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С. 5–23.

³ Крюков В.Г. Сведения ал-Мас'уди о народе ал-Ифранджа // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1978–1979. М., 1987. С. 73, 75–76.

⁴ Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата: Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 39–40, 74–76.

⁵ Исключением является, пожалуй, «Записка» («Рисале») Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии в Волжскую Булгарию в 921–922 гг. в качестве секретаря посольства багдадского халифа ал-Муктадира (908–932 гг.).

археологические свидетельства – так называемые нижеволжские памятники – свидетельствуют о бедном кочевом быте населения, они редки и содержат малое количество импорта. В низовьях Волги отсутствуют не только крупные городища, но даже сколько-нибудь обширные постоянные селища. Ничего подобного описанию города Итиля (Ателя) в арабской традиции в нижнем Поволжье не обнаружено⁶.

Все вышеперечисленные данные вынуждают исследователей вводить многочисленные вероятностные допущения: археологические остатки хазарской цивилизации были полностью смыты при трансгрессии Каспия, Итиль погиб от перемещения русла Волги, он сам покрыт толщей ила; агроклиматические условия в раннем средневековье, возможно, были мягче и благоприятнее, оттого в низовьях Волги были допустимы развитое виноградарство и садоводство⁷.

Но имеется давно известное свидетельство византийской традиции о том, что Итиль (Ател / Атель / Атиль / Астель / Итил) впадает в Азовское море (озеро Меотиду). В повествовании о событиях 679/680 г. из «Хронографии» Феофана Исповедника (ок. 760–818 гг.) сказано следующее (в переводе И.С. Чичурова): «В северных, противоположных частях Эвксинского Понта, у озера, называемого Меотидой, в которое впадает величайшая река, стекающая от океана по земле сарматов и называемая Атель, в которую (Атель) впадает река, называемая Танаис, сама вытекающая от Иверийских ворот, что в Кавказских горах, а от слияния Танаиса и Ателя выше уже названного Меотидского озера, когда Атель разделяется, течет река, называемая Куфис, и впадает в край Понтийского моря поблизости от Некропил у мыса, называемого Баранья морда. А от уже названного озера [течет] подобное реке море и впадает в море Эвксинского Понта через земли Босфора Киммерийского; в этой реке ловится [рыба], называемая мурзули, и ей подобная; в [землях], прилегающих к восточным частям озера, у Фанагории и живущих там евреев обитает множество народов; от самого же озера и до реки, называемой Куфис, где ловится болгарская рыба кистон, простирается древняя Великая Булгария и живут соплеменные булгарам котраги»⁸.

Предлагаем еще один вариант перевода рассказа Феофана о реке Атель (Итиль): «В самых северных частях по ту сторону Понта Эвксинского, у так называемой Меотиды-озера, в которую впадает величайшая река, от Океана несущая свои воды через землю сарматов, Ател (Атель) называемая, в которую впадает река, называемая Танаис, и к которой сама, исходя от Иверских Ворот, что в Кавказских горах, после (от) слияния же Танаиса и Ателя, (выше преждеупомянутой Меотиды разделяющегося Ателя) течет река, называемая Куфис, и впадает в конечность Понтийского моря вблизи Некропил к мысу Бараний Нос. От вышеупомянутой Меотиды-озера в реку, подобную морю, и впадает [эта река] в море Эвксинопонт через землю Босфора и Киммерия, откуда [из этой реки] ловится мурзуло называемая рыба и ей подобные. А в восточной части, прилегающей к озеру у Фанагории и живущих тут евреев, располагаются многие народы: от этого озера до реки Куфис, в которой ловится рыба куст болгарская, и есть старая Великая Булгария, и так называемые котраги сами там находились...».

Сколь ни сбивчиво изложение Феофана Исповедника, все же, из него явствует, что Атель (Ател / Итиль / Итил) соответствует Дону. Танаис у Феофана, по всей видимости, соответствует Северскому Донцу (этимологически «изначальному Дону, на берегах которого поселились северяне»)⁹, Куфис – Кубани.

⁶ Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 62–75, 152; Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С. 24–33; Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М., Иерусалим, 2000/5760. С. 177–205.

⁷ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 36–52, 213–215.

⁸ Цит. по: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 36–37, 60–61.

⁹ Трубачев О.Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 2-е изд. М., 1997. С. 96–98, 117–121, 148–151, 205–211.

Помимо данных византийской традиции, в пользу отождествления Дона с Ателем-Итилем свидетельствуют и результаты археологических изысканий в Подонье¹⁰. Агроклиматические условия в окрестностях реки Цимлы благоприятны для интенсивного земледелия, садоводства и виноградарства. В раннем средневековье ситуация была такой же, о чем свидетельствуют многочисленные находки виноградных ножей, большое количество тарной керамики. «Археологическая насыщенность» всего Подонья памятниками салтово-маяцкой археологической культуры (селища, могильники, городища, крепости, замки и т.д.) также свидетельствует о центральном положении этого региона в Хазарии. Наконец, именно в Подонье находится крупный урбанистический комплекс, состоящий из двух городищ – Правобережного и Левобережного Цимлянских. В нем обнаружены не только значительные фортификационные сооружения, ремесленные и торговые кварталы и многочисленные пригородные усадьбы, но и большое число всевозможных изделий ремесла и предметов локальной и транзитной торговли, многочисленные монетные находки, в том числе местного «хазарского» чекана. Здесь же отмечено скопление «рунических» надписей. По всем признакам перед нами не какой-то провинциальный центр, и тем более не окраинный укрепленный пункт (если в нем усматривать Саркел), а сам город Итиль (Итил / Атиль / Ател / Атель / Астель / Хазаран) – столица Хазарского каганата. Расположение комплекса Цимлянских городищ (на двух берегах), их особенности – белокаменный замок и кирпичная крепость, обширная возделанная округа, богатство археологических материалов вполне соответствуют описаниям Итиля в арабоязычных текстах.

Существует на Дону и предполагаемый Саркел – Маяцкое городище. Именно там отмечается наличие некоторых черт, характерных для римо-византийской провинциальной архитектуры. Согласно сообщениям Продолжателя Феофана и императора Константина VII Порфирогенета (913–959 гг.), крепость Саркел («Белый дом», Белая Вежа) была построена для хазар примерно в 833–834 гг. ромеями под командованием Петроны Каматира, направленными в Хазарию василевсом Феофилом (829–842 гг.) (Константин Багрянородный. Об управлении империей. 42; Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. III, 28)¹¹. Отметим также, что архитектурные особенности Цимлянских городищ никакого отношения к римо-византийским приемам городского и фортификационного строительства не имеют, а носят местный характер. Даже если миссия Петроны Каматира была скорее дипломатической и шпионской, чем строительной, вряд ли можно сомневаться в достоверности данных нарративных источников и отрицать участие византийцев в строительстве Саркела. Вообще влияние ромеев на дела в Хазарском каганате не следует недооценивать, если учесть, что, согласно последним исследованиям, византийцы до XII в. владели всем побережьем Таврики, включая Сугдайю (Судак) и Боспор (Керчь), хотя ранее предполагалась подконтрольность в VIII–X вв. данного региона каганату¹².

¹⁰ Артамонова О.А., Плетнева С.А. Стратиграфические исследования Саркела-Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Ред.-сост. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Вып. 6. Симферополь, 1998. С. 539–624; Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. С. 130–132; Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985; Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1964. Вып. 25. С. 55–59; Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 62–75, 152; Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С. 41–62; Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М., Иерусалим, 2000/5760. С. 24–131.

¹¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991. С. 170–171; Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я.Н. Любарский. СПб., 1991. С. 56–57, 284.

¹² Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 39–102, 167–236; Могаричев Ю.М., Сазанов

Как показал А.К. Шапошников, в пользу отождествления Итиля-Ателя и Дона, помимо сообщения Феофана Исповедника, свидетельствуют особенности концентрации арабской, еврейской и «рунической» эпиграфики (полное отсутствие ее на нижней Волге и обилие в Предкавказье и Подонье), странности маршрутов древнерусских рейдов в прикаспийские области Халифата и в Византию непременно по Дону и через Боспор, отсутствие доказательности у факта сохранения в языках Поволжья слов типа *едел / ядел* со значением «большая река, т.е. Волга / Кама / Белая», гипотеза о принадлежности нижневолжских памятников салтово-маяцкой культуры хуннским племенам хайландуров, савиров, барсилов, уар-хунни, кучи-булгаров, отогхонтор-булгаров, чдар-булгаров, булхов, гипотеза о смешанном хунно-славяно-венгро-чувашском происхождении кутригуров-котрагов¹³.

Таким образом, согласно византийской традиции, сохраненной Феофаном Исповедником, Итиль-Атель – это, скорее всего, не Нижняя Волга (на ее месте в хазарскую эпоху мог находиться обширный мелководный залив Каспийского моря), а Дон или, возможно, вся система Дон-Волга с волоком на месте современного канала. Следовательно, столицу Хазарского каганата Итиль-Атель можно отождествить с комплексом Цимлянских городищ (Право- и Левобережного) и обширной возделанной округой, бывшей некогда самым северным в Европе центром виноградарства и виноделия. Крепость Саркел – Белая Вежа – это, судя по всему, Маяцкое городище на верхнем Дону, имевшее стратегическое значение хазарского форпоста для противостояния русам, варягам и восточным славянам. Данной картине не противоречит описание Хазарии, представленное в письме хазарского царя (бека) Иосифа сановнику кордовских халифов Абд ар-Рахмана III (912–961 гг.) и ал-Хакама II (961–976 гг.) и главе иудейских общин Испании Хасдаю ибн Шафруту (915–970 гг.).

THE BYZANTINE TRADITION ABOUT ITIL'-ATEL'-RIVER

A.G. CHEREDNICHENKO

A.N. EFANOV

Belgorod State University

e-mail:

cherednichenko@bsu.edu.ru

The article is devoted to the problem of localization of the center of the Khazarian state. The Byzantine tradition from “Chronographia” by Theophanes Confessor asserts that the Atel’/Itil’-river flows into the Maeotis-lake (the Azov sea). The authors suppose that Itil’ (Atel’) is not the Lower Volga. Itil’ is the Don or the Don-Volga river system. Probably, the complex of Tsimlianskiye settlements upon the Don are ruins of the capital of the Khazarian state Itil’-Atel’.

Key words: the Khazarian state, Itil’ (Atel’), “Chronographia” by Theophanes Confessor, the Saltovo-Mayatskaya archaeological culture, Tsimlianskiye settlements.

А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 104–174, 193–226.

¹³ Шапошников А.К. Опыт реконструкции реликтового языка (по материалам, связанным с Хазарским каганатом): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Институт языкознания РАН. М., 1992; Шапошников А.К. Место Потисья и Паннонии в древнейших этногенеалогических преданиях славянских народов // *Slavica Slovaca* (Bratislava). 2004. R. 39. Č. 2. S. 97–106.

Н.П. КОНДАКОВ И VI АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В ОДЕССЕ (1884)

А.В. ШАМАНАЕВ

*Уральский государственный
университет им. А.М. Горького,
г. Екатеринбург*

e-mail: shamanaev@mail.ru

Статья посвящена участию Н.П. Кондакова в подготовке и проведении VI Археологического съезда в Одессе (1884). На основе официальных документов съезда, мемуаров и архивных документов (частные письма), представлены различные аспекты деятельности ученого. В центре внимания труды Н.П. Кондакова как исследователя и организатора науки. Автор рассматривает вопросы взаимоотношений организаторов съезда с официальными лицами и научными организациями.

Ключевые слова: Кондаков Никодим Павлович, археологические съезды в России, история археологии, Одесское общество истории и древностей.

Научные заслуги Никодима Павловича Кондакова (1844-1925) были высоко оценены уже при его жизни¹. В последние годы отмечается устойчивый интерес к изучению жизни и научного творчества этого выдающегося представителя российской науки конца XIX – начала XX в.² Начало научно-педагогической деятельности Н.П. Кондакова оказалось тесно связанным с Одессой. В стенах Новороссийского университета (1871-1887) ученый прошел путь от начинающего исследователя, до всемирно известного специалиста в области археологии и истории искусства (древнерусского и византийского)³.

Н.П. Кондаков, судя по его мемуарам, не очень высоко оценивал научный потенциал Одессы и рассматривал свое пребывание в этом городе «с точки зрения ее выгод и удобств для первого периода собственной научной деятельности». В частности, он отметил, что «Отсюда мне было легко и в какие-нибудь два дня выехать за границу и даже на Восток»⁴. Конечно, Новороссийский университет, созданный в 1865 г. на базе Ришельевского лицея, был новым по сравнению с другими высшими учебными заведениями России. В период работы Н.П. Кондакова на историко-филологическом факультете этого университета процесс формирования исследовательских традиций и научных школ находился на начальной стадии. Сам Никодим Павлович оказал большое влияние на развитие византиноведения в Одессе⁵.

Нужно отметить, что еще до создания Новороссийского университета, изучением истории и археологии Северного Причерноморья активно занималось Одесское общество истории и древностей (ООИД). Оно было образовано в 1839 г. и являлось первым археологическим научным обществом России⁶. Н.П. Кондаков стал действи-

¹ Вернадский Г.В. О значении научной деятельности Н.П. Кондакова // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласовой. М., 2002. С. 228-323.

² Тункина И.В. Н.П. Кондаков: обзор личного фонда // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под. ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. С. 93-119; Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым // Скифский роман / Публ. Г.М. Бонгард-Левина, В.Ю. Зуева, И.Л. Кызласовой, И.В. Тункиной. М., 1997. С. 431-460; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 57-61; Непомнящий А.А. Историчне кримиозавство (кінець XVIII – початок XX століття): Біобібліографічне дослідження. Сімферополь, 2003. С. 264-269.

³ Вернадский Г.В. О значении научной деятельности Н.П. Кондакова. С. 267-279.

⁴ Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. С. 165-166.

⁵ Мерзлякова С.А. К истории византологии в Новороссийском университете: по фондам научной библиотеки ОНУ // Вісник Одеського національного університету. 2009. Т. 14. Вип. 19. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. С. 28-29.

⁶ Юргевич В.Н. Исторический очерк пятидесятилетия Императорского Одесского общества истории и древностей (1839-1889). Одесса, 1889. С. 43-70; Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археологический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 49.

тельным членом ООИД 12 сентября 1875 г., через четыре года после переезда в Одессу⁷. В «Записках» ООИД ученый опубликовал три статьи, написанных при использовании коллекции античных древностей музея общества⁸.

В 1884 г. важным событием научной жизни России стал VI Археологический съезд, проходивший в Одессе с 15 августа по 1 сентября⁹. В его работе приняли участие 372 депутата из 61 города. На съезд собрались представители Императорской археологической комиссии, Академии наук и Академии художеств, Императорского Эрмитажа, Археографической комиссии, Русского и Московского археологических обществ, Одесского общества истории и древностей, Русского географического общества, Православного Палестинского общества, восьми университетов, трех духовных академий, Археологического института, Историко-филологического института в Нежине, двух архитектурно-художественных обществ и др. Своих депутатов на форум российских ученых прислали Греческое филологическое общество в Константинополе (Турция), Хорватское археологическое общество в Загребе и Археологический музей в Ольмюце (Австро-Венгрия)¹⁰. Вниманию участников VI съезда были предложены 137 докладов и сообщений широкого тематического и хронологического диапазона¹¹. Как отметил известный российский филолог и историк И.В. Помяловский (1845-1906): «съезд вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды: по обилию материалов, которые были представлены..., по вниманию, с которым относилась к нему образованная публика, он нисколько не уступал ни одному из предшествовавших съездов»¹².

Н.П. Кондаков принял непосредственное участие в подготовке и проведении VI Археологического съезда. Идея об организации очередного собрания российских археологов в Одессе была озвучена на закрытии V съезда в Тифлисе осенью 1881 г.¹³. Так как инициатива была высказана от имени Новороссийского университета, при нем был сформирован Распорядительный комитет (1883) для организации подготовительных мероприятий. Председателями комитета стали А.С. Уваров (1825-1884), Н.П. Кондаков и Ф.И. Леонтович (1833-1911)¹⁴.

Весной 1884 г. Никодим Павлович принял участие в научной экспедиции в Константинополь для изучения византийских древностей, организованной Распорядительным комитетом съезда. Кроме него, в состав группы вошли профессор Ф.И. Успенский (1845-1928), В.Г. Васильевский (1838-1899), художники А.Ф. Красовский и Э.С. Вилье, архитектор А.Г. Люикс, фотограф Ю. Рауль. Основные средства для этой поездки (1200 из 1650 руб. общих расходов) были получены из казны при посредничестве великого князя Сергея Александровича (1857-1905)¹⁵. Можно предположить, что участие последнего было обусловлено как его вниманием к деятельности Московского археологического общества, так и статусом председателя Православного Пале-

⁷ Летопись общества, с 14 ноября 1871, по 14 ноября 1877 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1877. Т. 10. С. 367.

⁸ Кондаков Н. П. Мраморный рельеф из Пантикапеи // Там же. Т. 10. С. 16-25; Он же. Древнехристианская патера из Керченских катакомб // Там же. Одесса, 1879. Т. 11. С. 67-73; Он же. Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии и быту // Там же. С. 75-179.

⁹ Правила, выработанные предварительным комитетом и утвержденные министром народного просвещения 30 июля 1883 г. // Тр. VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса, 1886. Т. 1. С. XXI.

¹⁰ Личный состав съезда // Там же. С. XLIX-LXII.

¹¹ Уварова П.С. Обзор деятельности 12-ти первых археологических съездов // Тр. Двенадцатого археологического съезда в Харькове. М., 1905. Т. 3. С. 421.

¹² Помяловский И.В. Шестой археологический съезд в Одессе 1884 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Ч. 237. Январь. С. 25.

¹³ Протокол заседания съезда 21 сентября, утром // Тр. V-го Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. XCV.

¹⁴ Отчет Распорядительного Комитета по устройству VI Археологического съезда в Одессе // Тр. VI Археологического съезда. Т. 1. С. XLIII.

¹⁵ Отчет Распорядительного Комитета по устройству VI Археологического съезда в Одессе. С. XLIII-XLIV, XLVII-XLVIII.

стинского общества (основано в 1882 г.)¹⁶. По итогам экспедиции в Турцию Н.П. Кондаков представил съезду доклады («По вопросу о влиянии византийского искусства» и «Церкви Константинополя») и опубликовал обширное исследование по средневековой христианской архитектуре столицы Византии¹⁷. По мнению Е.Ю. Басаргиной, во время этой поездки зародилась идея о создании в Стамбуле российского научно-исследовательского центра. Во всяком случае, в 1887 г. Н.П. Кондаков принял участие в разработке проекта учреждения «Русского ученого института в Константинополе». Документ, подготовленный ученым совместно с Ф.И. Успенским и А.И. Кирпичниковым (1845-1903), также профессорами Новороссийского университета в Одессе, стал основой для разработки устава Русского археологического института в Константинополе (РАИК), созданного в 1894 г.. Никодим Павлович поддерживал с этим учреждением научные связи, а в 1895 г. был избран почетным членом РАИК¹⁸.

В дни работы VI съезда Н.П. Кондаков исполнял обязанности председателя ученого комитета, а также председателя отделения «Памятники искусства»¹⁹. Позже, П.С. Уварова (1840-1924) писала в мемуарах, что Алексей Сергеевич Уваров «с удовольствием вспоминал о занятиях и успехах съезда, о работах Никодима Павловича Кондакова, которого считает душой съезда»²⁰.

Интересные сведения о деятельности Н.П. Кондакова по проведению VI съезда содержатся в письмах вице-президента Одесского общества истории и древностей В.Н. Юргевича (1818-1898), адресованных настоятелю Херсонесского монастыря св. Владимира архимандриту о. Пахомию (руководителю археологических раскопок на Херсонесском городище по поручению Одесского общества истории и древностей). Эти документы были выявлены в фондах Государственного архива г. Севастополя²¹. Тема съезда затронута в письмах от 3 ноября 1883 г., 1 и 26 июля, 20 августа, 17 сентября и 17 октября 1884 г.²².

Интерес к раскопкам, проводившимся на Херсонесском городище Одесским обществом истории и древностей с 1876 г., организаторы съезда проявили уже на начальном этапе подготовки этого научного мероприятия. В письме от 3 ноября 1883 г. В. Н. Юргевич сообщил о. Пахомию о готовности Предварительного комитета съезда финансировать исследования в Херсонесе в связи с предполагаемой экскурсией на памятник: «Летом около 1 сентября, в будущем году буду иметь случай побывать в Херсонесе, куда отправляюсь вследствие предложения, сделанного мне Приготовительным комитетом по устройству VI археологического съезда, для руководства предполагаемой экскурсией в Херсонис. Поэтому весьма было бы желательно, чтобы раскопки наши продолжились и в сентябре, но можно ли найти рабочих в это время года и будут ли у нас деньги? Мы просили Министра Народного Просвещения давать нам по прежнему пособие, но до сих пор не получили ответа. Надеюсь, что ответ будет скоро и ответ желанный. Впрочем Комитет делал мне предложение, высказав свою готовность назначить сумму на раскопки из суммы ассигнованной на съезд, так что нужно будет только позаботиться о рабочих»²³. Так как средства на раскопки были

¹⁶ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. М., 2008. С. 248-249.

¹⁷ Перечень рефератов, прочитанных на VI Археологическом съезде, по отделениям // Тр. VI Археологического съезда. Т. 1. С. LXVI, LXVIII; Кондаков Н.П. Византийские церкви и памятники Константинополя // Тр. VI Археологического съезда в Одессе (1884). Одесса, 1887. Т.3. С. I-IV, 1-229, I-V.

¹⁸ Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999. С. 21-22, 25-32, 206.

¹⁹ Личный состав съезда. С. LI.

²⁰ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 129.

²¹ Полностью письма опубликованы: Шаманаев А.В. Письма вице-президента Одесского общества истории и древностей В.Н. Юргевича об организации археологических исследований Херсонесского городища в 1884 г. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2007. Вып. 7. С. 392-417.

²² Государственный архив города Севастополя (далее ГАГС). Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 211-211об.; 232-232об.; 233-233об., 246; 235-235об.; 237-237об., 245-245об.; 238-238об., 244.

²³ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 211-211об. Здесь и далее орфография, пунктуация и стиль подлинника.

выделены министерством народного просвещения, отпала необходимость предоставления денег Распорядительным комитетом²⁴.

Вопрос об организации экскурсии участников съезда в Херсонес не был решен до 19 августа 1884 г. Наконец, были определены сроки и получено согласие Русского общества пароходства и торговли, бесплатно доставить ученых в Севастополь и обратно в Одессу. Как сообщил В.Н. Юргевич настоятелю о. Пахомию, посещение раскопок было запланировано на 1 сентября²⁵. Поездка в Крым состоялась после завершения работы съезда. Его участники (90 человек) осмотрели не только Херсонес, но и другие памятники в окрестностях Севастополя и Бахчисарая²⁶.

Особый интерес представляет письмо В.Н. Юргевича от 17 сентября 1884 г., в котором изложены любопытные подробности проведения VI съезда²⁷. Вице-президент ООИД сообщил настоятелю монастыря: «Ну этот съезд! Попомню я его. Если бы он принес с собою труды и хлопоты, еще бы ничего, но пришлось претерпевать незаслуженные шипки. Утешаю себя только тем, что наше Общество ничего от них не потеряло, тогда как наш приятель Кондаков был сильно наказан за свою безтактность и скомпрометирован в глазах съезда. Дело в том, как наше Общество, старейшее из русских обществ, было оставлено в стороне, как незаслуживающее внимания, так поступлено было и с нашим Генерал Губернатором Х.Х. Роопом, к которому Кондаков явился после открытия съезда с приглашением почтить заседания археологов своим присутствием. На приглашение генерал губернатор ответил ему, что как бывший сам профессором, он хотя и сочувствует гг. ученым, но на съезде не будет, потому, что его как начальника края следовало бы уведомить гораздо раньше. Вследствие этого гг. ученые лишились и обеда, которым, как известно, хотел их угостить генерал Губернатор. За то они устроили свой обед, сложившись по 8 рублей, которым остались весьма недовольны. Что касается меня, то в этом случае не имею повода быть недовольным, раз потому, что не был на этом обеде а во вторых потому, что, хотя скверным вином но пили мое здоровье. Говоря о вине и обеде замечу кстати, что наш припонтийский город оставил в наших гостях воспоминание о древнем названии Черного моря Ἀξεινος т.е. негостеприимное. Жалобы на негостеприимство одеситов проникли и в газеты. В особенности должна была поразить всех археологов участвовавших в Тифлисском съезде, четыре года тому назад, разница в приеме. В Тифлисе, как мне рассказывали один из приезжих кавказских ученых, угощали всех наповал, вина выпили по крайней мере тысяч 20 бутылок, а у нас обошлось на сухо»²⁸. Вероятно, история о «приятном» времяпрепровождении в Грузии так заинтриговала В.Н. Юргевича, что в письме от 17 октября 1884 г. он счел нужным снова вернуться к этой теме: «В Тифлисе было все прекрасно, по тому, что всех поили Кахетинским до упаду. Говорят, выпили слишком 20 тысяч бутылок; мне говорил это человек, бывший на Тифлисском Съезде»²⁹.

Необходимо признать, что В.Н. Юргевич был не вполне объективен в своем видении обстоятельств, сопровождавших VI съезд. Судя по всему, нет оснований говорить об отсутствии внимания организаторов съезда к деятельности Одесского общества истории и древностей или намеренном игнорировании его заслуг. Это было бы трудно сделать, так как в состав Распорядительного комитета (41 человек) входили 17 членов ООИД (включая В.Н. Юргевича)³⁰. Вероятно, вице-президент ООИД ощущал, в большей степени, недостаток внимания к себе. Это вполне объяснимо тем,

²⁴ Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1883 по 14 ноября 1884 г. Одесса, 1885. С. 10-11.

²⁵ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 235-235об.

²⁶ [Подшивалов А.А.] Заметка об экскурсии, состоявшейся после закрытия VI Археологического съезда, в Крым // Тр. VI Археологического съезда. Т. 1. С. LXXVIII-LXXX.

²⁷ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 237-237об., 245-245об.

²⁸ Там же. Л. 27-237об., 245.

²⁹ Там же. Л. 238об., 244.

³⁰ Личный состав съезда. С. XLIX-L.

что он возглавил общество после смерти 15 октября 1883 г. Н.Н. Мурзакевича (1806-1883). Николай Никифорович входил в состав Предварительного комитета VI съезда, принимал участие в подготовке, проведении и работе предыдущих Археологических съездов³¹. В.Н. Юргевич, не пользовавшийся известностью и авторитетом своего предшественника, был вынужден довольствоваться более скромной ролью.

Инцидент с Христофором Христофоровичем Роопом (1831-1917?), командующим Одесским военным округом, и новороссийским генерал-губернатором также нельзя рассматривать как личный просчет Н.П. Кондакова. Х.Х. Рооп был избран почетным членом Распорядительного комитета съезда³². Однако, 15 августа 1884 г. съезд был открыт исполняющим обязанности попечителя Одесского учебного округа И.С. Некрасовым (1836-1895)³³. Что произошло между организаторами съезда и генерал-губернатором, не известно. Трудно предположить, что все они проявили равнодушие к вопросу о присутствии высшего должностного лица края на открытии съезда.

Интересен и сюжет об особенностях неформального общения участников съездов. В XIX в., как и сейчас, официальные мероприятия часто сопровождалось употреблением спиртных напитков. Археологические съезды не были исключением. В их программы обычно входили разного рода обеды и приемы. При этом опубликованные протоколы съездов вполне откровенно сообщают о характере таких форм общения и количестве тостов, поднятых их участниками. В «Трудах» V съезда, проходившего в Тифлисе в 1881 г., есть сведения о трех банкетах и одном фуршете (последний, правда, затянулся до часу ночи). Конечно, нет оснований говорить о безудержном пьянстве депутатов съезда, который продолжался две недели. Первый прием сопровождал его открытие (8 сентября), а последующие пришлись на последний день работы (19 сентября), день закрытия съезда (20 сентября) и следующий за ним (21 сентября)³⁴. Разумеется, способы развлечений участников съезда вне официальной программы в протоколах не учитывались. Вполне возможно, что некоторые из участников съезда посвятили время пребывания в Грузии не столько научным докладам, сколько знакомству с достижениями местных виноделов.

Сведения о VI Археологическом съезде и Н.П. Кондакове, представленные в письмах В.Н. Юргевича, позволяют обратить внимание на те стороны научной жизни прошлого, которые, как правило, недоступны современным исследователям. Изучение информации такого рода позволяет лучше представить личные отношения между известными учеными XIX в., особенности проведения крупных научных мероприятий, отойти от традиции создания идеализированных биографий в упрощенной манере.

Для Н.П. Кондакова Археологический съезд в Одессе стал одной из вех его научной деятельности. Участие в подготовке и проведении масштабного научного форума, возможность изучить и ввести в научный оборот новый материал по истории византийского искусства, расширение круга знакомств с коллегами и влиятельными лицами во время работы съезда, способствовали как накоплению научного опыта, так и организаторских навыков Никодима Павловича. Стоит отметить, что вопросы об его участии в работе Археологических съездов, взаимоотношениях с Московским археологическим обществом остаются не исследованными. При этом они представляют большой интерес как для биографии Н.П. Кондакова, так и для изучения истории отечественной науки.

³¹ Н.Н. Мурзакевич. Некролог // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Ч. 230. Декабрь. С. 81-89; Тункина И.В. Мурзакевич Николай Никифорович // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1 (А-М). С. 411.

³² Личный состав съезда. С. XLIX.

³³ Бюллетени VI Археологического съезда в Одессе (Из газеты «Новороссийский телеграф»). Одесса, 1884. № 1. С. 3-7.

³⁴ Протоколы заседаний Съезда // Тр. V-го археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. XVII, LXXXIII-LXXXIV, LXXXV-LXXXVII, XCV-XCVIII.

N.P. KONDAKOV AND VI ARCHEOLOGICAL CONGRESS IN ODESSA (1884)

A.V. SHAMANAEV

*Ural State University,
Ekaterinburg*

e-mail: shamanaev@mail.ru

The article is devoted to the participation of N.P. Kondakov in the organization of the VI Archaeological congress in Odessa (1884). The activity of the scientist was reconstructed on the data of the official documents, memoirs and archives documents (private letters). The special attention was paid to N.P. Kondakov as the investigator and scientific manager. The author describes the problems of interrelations between the organizers of the Archaeological congress and official persons and scientific societies.

Key words: Kondakov Nikodim Pavlovich, Archaeological congresses in the Russia, history of archaeology, Odessa's societies of the history and antiquities.

УДК 94(430).087

ПРИТЯЗАНИЯ ОБЪЕДИНЕННОЙ ГЕРМАНИИ НА МЕСТО ПОСТОЯННОГО ЧЛЕНА СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН (1990-е - 2005 гг.)

А.И. ЕГОРОВ

*Дзержинский политехнический институт
Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева*

e-mail: sekretar@dfngtu.nnov.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы дипломатической борьбы Германии за место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Достижение этой цели отвечало интересам ФРГ, ибо позволяло повысить ее международный статус. Наибольшие усилия для решения данного вопроса приложило федеральное правительство, возглавляемое канцлером Г. Шредером. Однако на мировой арене Германия столкнулась с противодействием влиятельных сил, что не позволило ей реализовать свои намерения.

Ключевые слова: Германия, ООН, постоянный член Совета Безопасности ООН, дипломатия, международная безопасность, статус, интересы.

Уникальность постбиполярной системы международных отношений, становление которой пришлось на 1990-е – начало 2000-х гг., состояла в борьбе двух противоречивых тенденций. Одна из них характеризовалась централизацией международной власти в лице единственной сверхдержавы мира – США, обладавшей совокупностью эффективных рычагов воздействия на ход мировой политики. Речь шла преимущественно о военной мощи, которая использовалась в двух аспектах: как средство устрашения потенциального противника (или давления на него), а также в качестве ресурса прямого воздействия на ситуацию в регионе и политическое положение в отдельно взятой стране.

Принципы, исповедуемые сверхдержавой, внедрялись в сфере идеологии, где преобладали либерализм и демократия. В связи с ускорением глобализационных процессов значительная часть государств была вынуждена как в добровольном, так и принудительном порядке придерживаться этих принципов в своей внешней и внутренней политике.

Начало 2000-х гг. можно назвать апогеем однополярной системы, что нашло отражение в Концепции внешней политики РФ, подписанной президентом В.В. Путиным 28 июня 2000 г. «Тенденция по направлению формирования униполярной мировой структуры усиливается...», – подчеркивалось в документе¹.

Одновременно набирала силу другая тенденция, зафиксировавшая процесс относительного падения влияния и веса сверхдержавы на мировой арене. Перевес возможностей, который был у США по сравнению со странами Западной Европы, Китаем и Японией, постепенно сокращался. Сошлемся на мнение специального консультанта администрации президента США Дж. Буша-старшего Р. Блэквилла, в 1995 г. отмечавшего: «Сегодня ведущая роль Соединенных Штатов выглядит слабее, чем в прошлом»². Ему вторил профессор международной политики Ш. Бирлинг (университет Регенсбурга, ФРГ), полагавший, что «США как сверхдержава кажется истощенной. С момента окончания конфликта между Востоком и Западом изменилась не только структура международной системы, но и внешнеполитические обязательства Соединенных Штатов. Экономические и внутривнутриполитические соображения теснят классические постулаты в сфере политики безопасности на задний план; кратко-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // Российская газета. 2000. 11 июля.

² Blackwill R. Der geschwächte Riese. Amerikas Führungsrolle im neuen Zeitalter // Internationale Politik. 1995. №. 5. S. 44.

срочные соображения, обусловленные тактической предвыборной борьбой, играют все большую роль в американской внешней политике»³.

Практика односторонне принимаемых решений и действий на их основе шла вразрез с объективными процессами в мировой экономике, прежде всего глобализацией и транснационализацией, делавшими мир более взаимосвязанным и взаимозависимым.

Вызовы постбиполярного периода объективно требовали повышения политической роли международных институтов, прежде всего ООН, обладавшей статусом организации самого высокого уровня. По сути, она являлась единственной миротворческой организацией с универсальным членством, выступавшей площадкой для проведения политики по поддержанию международного порядка, основанного на силе права.

Статус ООН детерминировался рядом объективных факторов, одним из которых можно считать потребность в многостороннем регулировании ввиду участившихся конфликтов и нанесения ущербов, что диктовало потребность пресекать конфликты по возможности превентивно, используя широкий инструментарий мирного урегулирования. Кроме того, увеличивалось количество ситуаций, когда предупредительные мероприятия не могли предотвратить эскалацию насилия, и тогда не оставалось иного выхода, как интервенция международного сообщества, которая должна была проводиться на основании мандата Совета Безопасности ООН. Далее, роль этой организации подчеркивалась тем обстоятельством, что она обладала правом вмешиваться в государственный суверенитет. Хотя с международно-правовой точки зрения предпосылкой такого вмешательства являлась защита прав и свобод, ООН могла исполнять эту роль на законных основаниях. Наконец, значение ООН росло в связи с нарастанием нестабильности в мировой политике ввиду дестабилизации ситуации в ряде государств, что грозило непредсказуемыми последствиями для международной безопасности.

Объединенная Германия рассматривала ООН в качестве инструмента, позволяющего ей укрепить свои позиции на международной арене. Такое видение сложилось не сразу, поскольку первоначально взаимоотношения с ООН во многом определялись ролью Германии во Второй мировой войне. Российский ученый Н.В. Павлов писал: «С точки зрения своего происхождения ООН была союзом, направленным против стран, выступавших в роли агрессоров в войне. Положение последних иллюстрируют пункты о «вражеских государствах» в статьях 53 и 107 Устава ООН, которые, хотя и считается, что они не приложимы более к ФРГ, остаются частью Устава»⁴.

ФРГ была принята в ООН 18 сентября 1973 г., и в сжатые исторические сроки сумела занять в организации достойное место. Так, по состоянию на 1997 г. во всех подразделениях ООН в общей сложности работало 18 тыс. специалистов из различных государств, из которых 750 являлись гражданами ФРГ. В процентном соотношении доля Германии в распределении ведущих постов в системе ООН составляла 9 %. На территории ФРГ в этот период располагался ряд специализированных органов ООН, таких как Международная организация труда, бюро Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Союз волонтеров ООН, штаб-квартира Международного морского суда⁵.

Неуклонно росла доля, вносимая ФРГ в бюджет ООН (табл. 1).

Таблица 1

Вклад ФРГ в бюджет ООН

Год	Вклад, %
1973	6.6
1989	8.08
2000	9.857

Источник: Павлов Н.В. Современная Германия. М.: Высшая школа, 2005. С.429, 432.

³ Bierling St. Supermacht ohne Führungskraft. Amerikanische Außenpolitik im neuen Zeitalter // Internationale Politik. 1996. №. 8. S. 71.

⁴ Павлов Н.В. Современная Германия: учебное пособие по страноведению. М., 2005. С. 429.

⁵ Там же. С. 431.

Как следует из таблицы 1, вклад ФРГ в бюджет ООН в 1973 г. составлял 6.6 %, в 1989г. вырос до 8.08 %, а в 2000 г. достиг 9.857 %. По этому показателю Германия превзошла Францию (6.545 %), Италию (5.437 %), Великобританию (5.092 %), Россию (1.077%), уступая только США (25 %) и Японии (20.573 %)⁶.

Претендуя на глобальную ответственность в мире, а также руководствуясь соображениями престижа, объединенная Германия выразила готовность взять на себя повышенную ответственность за международную безопасность в рамках ООН. Такая готовность подкреплялась стремлением ФРГ решить две взаимосвязанные задачи. Прежде всего, Германия надеялась утвердиться в статусе влиятельного миротворца, в связи с чем 12 июля 1994 г. Федеральный конституционный суд вынес постановление, допускающее использование бундесвера за пределами оперативной зоны НАТО в рамках участия ФРГ в международной системе коллективной безопасности ООН⁷.

Второй задачей Германии являлось приобретение места постоянного члена Совета Безопасности – органа ООН, несшего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Эта задача могла быть решена только после принятия решения о структурной реорганизации ООН, на идеологическую и политическую подготовку которого были направлены усилия германских дипломатов. Требовалось доказать, что сложившийся механизм Организации Объединенных Наций является детищем своего времени, порожденным двумя разрушительными мировыми войнами XX столетия. Поэтому ее органы и принципы действия отражают тогдашнее соотношение глобальных сил, не учитывая происшедших с тех пор изменений. К тому же число политических игроков увеличилось многократно, равно как и количество существующих и потенциальных конфликтов.

В 1993 г. состоялись первые научные дискуссии по данной проблеме, инициированные внешнеполитическим журналом Германии «Europa-Archiv»⁸. Одновременно с ними был проведен опрос представителей германской элиты, призванный выявить их мнение по поводу приоритетов внешней политики ФРГ (табл. 2).

Таблица 2

Приоритетные внешнеполитические цели Германии

Цели	Результаты опроса, %
Принятие на себя международной ответственности посредством участия в миротворческих операциях ООН	76
Получение Германией места постоянного члена Совета Безопасности ООН	65
Ускорение процесса европейского объединения	62

Источник: Noelle-Neumann E. Öffentliche Meinung und Außenpolitik. Die fehlende Debatte in Deutschland // Internationale Politik. 1995. №. 8. S. 127–134.

Как следует из табл. 2, одной из важнейших целей Германии в области внешней политики было признано получение места постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Однако интерес германской элиты к деятельности ФРГ в рамках ООН вскоре пошел на спад, что наглядно продемонстрировали данные нового опроса, проведенного в марте 1995 г. Согласно ему, только 49 % опрошенных назвали в качестве клю-

⁶ Павлов Н.В. Современная Германия: учебное пособие по страноведению. М., 2005. С. 432.

⁷ Rühle V. Deutsche Sicherheitspolitik. Die Rolle der Bundeswehr // Internationale Politik. 1996. №. 4. S. 6.

⁸ См., например: Wagner W. Der ständige Sitz im Sicherheitsrat: Wer braucht wen: die Deutschen diesen Sitz? Der Sicherheitsrat die Deutschen // Europa-Archiv. 1993. №. 19. S. 533–552.

чевой цели приобретение Германией места постоянного члена СБ ООН⁹. И это при том, что 24 октября 1995 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла заявление, в котором, в частности, говорилось о необходимости расширения Совета Безопасности¹⁰.

Коалиционное правительство социал-демократов и партии «зеленых», пришедшее к власти после парламентских выборов 1998 г., в скором времени обозначило свою готовность к более активной борьбе за место постоянного члена СБ ООН. 4 сентября 2000 г. в Берлине состоялось совещание руководителей германских дипломатических представительств за рубежом, в ходе которого федеральный канцлер Г. Шредер заявил: «Государства-члены ООН заинтересованы в том, чтобы Совет Безопасности соответствовал реалиям XXI века, и самые мощные из них не остались бы обделенными. У Федеративной Республики Германия достаточно силы и веса, и не только в Европе, чтобы принять на себя ответственность в Совете Безопасности»¹¹.

Пик дипломатической активности Германии, нацеленной на получение места постоянного члена СБ ООН, пришелся на 2000–2004 гг., что совпало с попыткой правительства Г. Шредера отвлечь внимание немецкой общественности от нарастающих внутренних проблем. Обнаружились просчеты в социально-экономической сфере, угрожающе росла безработица, модернизационный рывок, о котором мечтал федеральный канцлер, не состоялся.

В этих условиях правительство активизировало внешнюю политику. Две ключевые фигуры – федеральный канцлер и министр иностранных дел – действовали в унисон, проводя целенаправленный курс на укрепление позиций Германии в международных институтах¹².

На заседании Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2000 г. федеральный канцлер Г. Шредер настаивал на необходимости реформы Совета Безопасности, который, по его мнению, должен был стать эффективнее и представительнее¹³.

Дипломатические усилия канцлера поддержал министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер, выступивший с речью 14 сентября 2000 г. на том же форуме. Он подчеркнул глобальность устремлений Германии и ее способность браться за решение любых проблем. Фишер говорил о правах человека, поднял тему глобальной бедности, актуализировал вопрос об обеспечении мира в конфликтных зонах. Отвечая на сетования Генерального секретаря ООН К. Аннана по поводу недостатка квалифицированных кадров, Фишер от имени федерального правительства предложил образовательную программу для гражданских служащих ООН. Кроме того, он объявил о германской акции «Гражданский мирный персонал», в рамках которой планировалась подготовка группы квалифицированных экспертов для международных миссий ООН¹⁴.

Притязания Германии опирались на систему весомых аргументов, с помощью которых она стремилась подготовить дипломатическую почву для продвижения своих интересов в Совете Безопасности ООН.

Прежде всего, следует отметить усилившуюся геополитическую и экономическую мощь державы. ФРГ принадлежала к числу немногих государств, потенциал которых в ходе международных событий конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. значительно

⁹ Noelle-Neumann E. Öffentliche Meinung und Außenpolitik. Die fehlende Debatte in Deutschland // Internationale Politik. 1995. № 8. S. 128.

¹⁰ Dokumente zum 50. Jahrestag der Gründung der Vereinten Nationen / Mantzke M. // Internationale Politik. 1996. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.internationalepolitik.de/27.08.09>.

¹¹ Цит. по: Bierling St. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Normen, Akteure, Entscheidungen. Oldenbourg, 2005. S. 125.

¹² Германские исследователи считают, что предшественнику Г. Шредера на посту федерального канцлера Г. Колю не удалось в полной мере обеспечить согласованность действий главы правительства и министра иностранных дел. Об этом см.: Maull H.W. Quo vadis, Germania? Außenpolitik in einer Zeit des Wandels // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1997. №.10. S. 1245–1256.

¹³ Bierling St. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Normen, Akteure, Entscheidungen. Oldenbourg, 2005. S. 203.

¹⁴ Ibid. S. 204.

увеличился. Благодаря объединению, она расширила свою ресурсную базу, заняв лидирующие позиции среди стран Западной Европы по численности населения, а также утвердившись на третьем месте в мире по производству ВВП (после США и Японии).

К этому добавлялись такие важные конкурентные преимущества, как высокий уровень образования и материальное благополучие населения, сравнительно благоприятная окружающая среда, распространенность немецкого языка, главным образом в государствах Восточной и Центральной Европы.

Германию отличали серьезная экономическая мощь и достаточно стабильное положение на рынке высоких технологий. Ей удалось воспользоваться шансами, предоставленными дальнейшей интенсификацией процессов углубления международного разделения труда. Будучи сверхиндустриальной державой, ФРГ удерживала прочные позиции в производстве готовой продукции, активно осваивая рынки стран Центральной и Восточной Европы, Восточной Азии, Латинской Америки, Африки.

Такие успехи позволили германским политикам заявить об особой ответственности их державы за стабильность постбиполярной международной системы. Эффективное выполнение этой миссии ФРГ прямо связывала с повышением своего статуса путем вхождения в круг постоянных членов Совета Безопасности ООН.

В пользу притязаний Германии говорило активное применение бундесвера за рубежом. К середине 2000-х гг. почти 8 тыс. германских военнослужащих были задействованы в операциях на трех континентах¹⁵. По сути, произошел ренессанс внешнеполитического курса Германии с милитаристским уклоном, причем силы своей страны официальные лица вновь стали измерять военными величинами. С апреля 2000 г. в Берлине начал функционировать Центр международных исследований, основанный при тесном взаимодействии федерального правительства и бундестага. Он занялся анализом ситуаций в зонах предполагаемого использования бундесвера с последующим направлением рекомендаций в адрес федерального правительства.

Сильной стороной явилось наличие внутривластного консенсуса по вопросу о предоставлении Германии места постоянного члена Совета Безопасности ООН. Положительное мнение по этому вопросу имели не только партии правительственной коалиции, но и оппозиция из консервативно-либерального лагеря. Так, 19 марта 2004 г. федеральный канцлер Г. Шредер выступил с докладом, в котором аргументировал желание Германии получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН¹⁶. В свою очередь, позицию Шредера поддержали христианские демократы в лице своих лидеров А. Меркель и В. Герхардта¹⁷.

В борьбе за место постоянного члена Совета Безопасности ООН Германии удалось заручиться дипломатической поддержкой авторитетных акторов мирового политического процесса, прежде всего России и Франции. 3 июля 2003 г. на встрече с федеральным канцлером Г. Шредером в Калининграде президент РФ В.В. Путин благосклонно отнесся к германским устремлениям, а в июне 2004 г. президент Франции Ж. Ширак сделал заявление о том, что, учитывая степень международного влияния Германии, Франция поддерживает получение ею статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН¹⁸.

О предпосылках такой поддержки бывший директор исследовательского института Германского общества внешней политики К. Кайзер рассуждал следующим образом: «Политика Германии, направленная на примирение с бывшими противниками, на европейскую интеграцию, мультилатерализм, ответственное обращение с

¹⁵ Rede des deutschen Bundeskanzlers G. Schröder zur Eröffnung der Bundesakademie für Sicherheitspolitik // Internationale Politik. 2004. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.internationalepolitik.de/>

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Их позиции изложены в газетных публикациях, см.: Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung vom 13.05.2004; Welt am Sonntag vom 25.05.2004.

¹⁸ Rahr A. Der kalte Frieden. Putins Russland und der Westen // Internationale Politik. 2005. №. 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.internationalepolitik.de/>

возросшей властью, большие взносы в бюджет ООН сделали Германию естественным кандидатом на место постоянного члена Совета Безопасности»¹⁹. Однако, скорее всего позиция России и Франции объяснялась их стремлением реализовать свои долгосрочные интересы, заключавшиеся в построении мультиполярного мирового порядка. Политики обеих стран рассматривали Германию в качестве одного из центров силы, укрепление которого было способно создать противовес американскому влиянию в Европе, а также позволяло надеяться на формирование оси Париж-Берлин-Москва.

Специалисты приступили к разработке проектов безболезненного решения вопроса о получении ФРГ места постоянного члена Совета Безопасности ООН. Так, возник совместный проект представителей Германии, Бразилии, Японии и Индии, предусматривавший увеличение постоянных членов СБ ООН до 11, а непостоянных – до 14²⁰.

Вместе с тем дипломатические усилия Германии натолкнулись на противодействие со стороны влиятельных сил, объединенных в лагерь «мягких» и «жестких» противников предоставления ФРГ места постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Во главе первого лагеря оказались США, не заинтересованные в расширении состава Совета Безопасности, что грозило подорвать их исключительное влияние. Учитывая, что ФРГ была важна в качестве стратегического партнера на европейской арене, администрация Дж. Буша-младшего стремилась лавировать, открыто не обозначая своего негативного отношения к притязаниям Германии. По этому поводу профессор Боннского университета К. Хакке отмечал: «Дипломатическая вежливость Вашингтона породила надежду в Берлине, хотя ее нужно было интерпретировать скорее как «нет», чем «да»²¹.

К тому же вскоре правительство Г. Шредера само подтолкнуло американского партнера к более четкому выражению своего неприятия притязаний Германии. ФРГ стала активным участником неформальной международной коалиции выступавшей против войны в Ираке, продемонстрировав стремление вместе с Россией и Францией к локализации влияния США. По мнению К. Хакке, этот шаг похоронил надежды Берлина на осуществление его дипломатических замыслов. «Тот, кто желает войти в круг постоянных членов Совета Безопасности ООН, должен знать, как это сделать. Во всяком случае, не с помощью конфронтации с самой сильной державой мира, а скорее путем искусного приспособления к сложившейся ситуации», - считал Хакке²².

Жесткое противодействие германским притязаниям оказали государства, объединившиеся в группу «Единство в согласии». Ее членами являлись Италия, Китай, Аргентина, Канада, Мексика, Пакистан и Южная Корея. Они сочли дипломатические усилия Германии шагом к подрыву сложившегося международного режима и высказались категорически против увеличения количества держав, обладающих статусом постоянных членов СБ ООН²³.

Решительные возражения выдвинули африканские государства, указывавшие, что от их континента в ООН входят 53 страны, однако ни одна из них не обладает привилегированным положением постоянного члена Совета Безопасности²⁴.

Противником германских притязаний выступил Европарламент, разрабатывавший планы кооперативного членства ЕС в ООН. Политики Евросоюза указывали на то, что линия Берлина противоречит стратегии ЕС, а кроме того, объективно ослабляет его усилия по укреплению общей внешней политики и политики безопасности²⁵. В этом случае Германия оказалась заложницей европейской интеграции, не до-

¹⁹ Kaiser K. Der Sitz im Sicherheitsrat. Ein richtiges Ziel deutscher Außenpolitik // Internationale Politik. 2004. №. 8. S. 36.

²⁰ Ibid. S. 239.

²¹ Hacke Chr. Neudeutscher Willhelminismus. Die UN-Politik der Bundesregierung war völlig verfehlt // Internationale Politik. 2005. №. 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.internationalepolitik.de/>

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Inacker M. Italiens verdeckte Eifersucht. Blockade gegen den deutschen Sitz im UN-Sicherheitsrat // Internationale Politik. 1997. №. 2. S. 59.

²⁵ Hacke Chr. Neudeutscher Willhelminismus. Die UN-Politik der Bundesregierung war völlig verfehlt // Internationale Politik. 2005. №. 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.internationalepolitik.de/>

пускающей преобладания части над целым, т.е. национальных интересов над обще-европейскими. Более того, появилось мнение, что принятие в СБ ООН новых постоянных членов – несвоевременная идея, так как оно означает возвращение «концерта властей», и мировая политика становится в этом случае подчинена игре национальных интересов.

Притязаниям Германии не способствовали ее неядерный статус и традиционализм мышления мировой политической и финансовой элиты, привыкшей видеть в ФРГ политического карлика²⁶.

Усилиям Германии объективно препятствовало нарастание трудностей в ее финансовой сфере. Эксперты заговорили даже об опасности кризиса, а сам федеральный канцлер был вынужден признать, что «границы допустимой нагрузки на финансы Германии достигнуты»²⁷. В этой ситуации страна не могла позволить себе лишние траты, неизбежные в случае приобретения места постоянного члена СБ ООН. Напротив, данные свидетельствуют о том, что, начиная с момента объединения ФРГ, постепенно сокращала бюджетные расходы на внешнюю политику: с 21.5 % в 1990 г. до 12 % в 2003 г. Одновременно были увеличены финансовые вливания в социальную сферу – с 23 % до 36 %, что нашло понимание и поддержку подавляющего большинства населения страны²⁸.

Смена правящей коалиции после парламентских выборов 2005 г. способствовала значительному снижению дипломатической активности Германии. Она исключила из числа приоритетных направлений внешней политики вопрос о получении места постоянного члена Совета Безопасности ООН, хотя неоднократно поднимала эту проблему на международных форумах.

Таким образом, объединенная Германия предприняла попытку повысить свой международный статус путем приобретения места постоянного члена Совета Безопасности ООН. Ее притязания опирались на возросшую политическую и экономическую мощь, консенсус основных политических сил, международный авторитет. Однако официальный Берлин переоценил свои дипломатические возможности, и к тому же совершил ошибку, войдя в конфронтацию с США на почве неприятия войны в Ираке. В результате надежды Германии на обретение места постоянного члена Совета Безопасности ООН не оправдались.

PRETENSION OF UNITED GERMANY TO BE A PERMANENT MEMBER IN THE UNO SECURITY COUNCIL (1990S-2005)

A.I. EGOROV

*Dzerzhinsk Polytechnic Institute
of Nizhny Novgorod State
Technical University
n.a. R.E. Alekseev*

e-mail: sekretar@dfngtu.nnov.ru

The article deals with the problem of Germany diplomatic fight for the place of a permanent member in the UNO Security Council. If Germany had achieved this goal, it would have raised its international status. The achievement of the goal answered the interests of FRG. The Federal Government under the head of Chancellor G. Shreder made the most efforts to solve this problem. However Germany met with the counteraction of influential force on the world arena and that fact didn't give it the chance to realize its own intentions.

Key words: Germany, UNO, a permanent member of the UNO Security Council, diplomacy, international security, status, interests.

²⁶ См.: Wolf R., Hellmann G. Neuer Spielplan auf der Weltbühne. Der Auftritt muss abgesagt werden // Internationale Politik. 2004. №. 8. S. 71–78.

²⁷ Schröder G. Neue Direktbeihilfen sind für Deutschland zu teuer // Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 16.06.2002.

²⁸ Hellmann G. Agenda 2020. Krise und Perspektive deutscher Außenpolitik // Internationale Politik. 2003. №.9. S. 44-45.

УДК 94(100)"/05"

НОВЫЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД О ПРОИСХОЖДЕНИИ, РАННЕЙ ИСТОРИИ И МИГРАЦИЯХ ПРОТО-ИНДООЕРОПЕЙЦЕВ

Н.П. ПИСАРЕВСКИЙ

*Воронежский государственный
университет*

e-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Разработка проблемы происхождения и распада племён индоевропейской общности – актуальнейшей и наиболее дискуссионной в науке – в связи с публикацией труда американского археолога Д.В. Энтони вышла на качественно новый уровень исследования.

Ключевые слова: индоевропейцы, археология, культура, общность.

Antony D.W. The Horse, the Wheel and Language: How Bronze Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. – Princeton, 2010. – 568 p.

Разработка проблем прародины, ранней истории и миграции племён индоевропейской общности (ИЕ) – одна из актуальнейших и дискуссионных проблем археологической науки и лингвистики – в последние годы вышла на качественно новый уровень своей разработки. Ценность моноцентрических концепций лингво- и этногенеза древних обществ вообще, племён ИЕ общности, в частности (вторжение, миграция, исход, конвергенция, диффузия), к настоящему времени почти исчерпана. Очевидным становится понимание данного процесса, как броуновского по своему содержанию, реализовавшего свои потенции в расселении племён и складывании этнографической карты Старого Света к середине II тыс. до н.э.¹ Аналогичные наблюдения можно распространить и на сами методы, пути и средства анализа-синтеза – интерпретации источниковой базы, равно как и на историческое объяснение названных процессов в контексте накопленных к настоящему времени фактов, что по самому принципиальному вопросу нашло своё выражение в утверждении только двух теорий происхождения ИЕ – анатолийской (неолитической) и евразийской (степной).² По образному выражению Дж. Мэллори, «поиск происхождения ИЕ подобен завораживающему эффекту яркой электромагнитной вспышки в ночном летнем небе: в особенности он очаровывает тех, кто занимается его изучением». Понятно, что принимаются и попытки синтеза данных двух концепций, а также иные, альтернативные, поиски индоевропейской прародины, но одна тенденция является определяющей – потребность в переходе на базе достижений археологии и лингвистики на уровень исторического осмысления проблемы. Этому способствовала и разработка шкалы радиоуглеродных (калиброванных) дат, позволившая сдвинуть все без исклю-

¹ Герценберг Л.Г. Новые книги // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2007. Вып. 11. С.53; Дыбо А.В. Язык-этнос-археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. М., 2003. С. 65-79; Клейн Л.С. Прародина и миграции индоевропейцев, СПб., 2007. С. 47-49; Van der Linden M. The Roots of the Indo-European Diaspora: New Perspectives on the North Pontic Hypothesis // Proceedings of the 15th Annual UCLA Indo-European conference. Washington, 2004. P.138-154; Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Proto-Indoeuropean World. Oxford, 2006.

² Dergachev V. Two Studies in Defence of the Migration Concept // Ancient Interactions: East and West in Eurasia. Cambridge, 2002. P. 93-112; Gray R.D., Atkinson Q.D. How old is the Indo-European family? Progress or more moths to the flame? // Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages. Cambridge, 2006. P. 91-109; Harke H. Archeologists and Migrations: A problem of attitude (and Comments and Reply) // Current Anthropology. 1998. Vol. 39. Nr. 1. P. 19-45; Renfrew C. Time Depth, Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European: "Old Europe" as PIE Linguistic Area // Language in Prehistoric Europe. Heidelberg, 2003. P. 34-42.

чения культуры евразийской степи и лесостепи эпохи бронзы в III тыс. до н.э. и даже дальше.³ Наконец, нельзя не отметить знакомство широкого круга западных археологов и лингвистов с публикациями материалов Хвалынского и Синташтинского могильников с колесницами, указавших на индоевропейский характер евразийской степной истории в эпоху энеолита-бронзы.⁴ В указанном отношении выдержавший за последние три года два издания обобщающий труд крупного американского археолога, принимавшего в том числе и непосредственное участие в раскопках разнотипных памятников эпохи бронзы на территории России, Дэвида В. Энтони, является весьма показательным.

В противовес всем имеющимся, он на основании «перекрёстного допроса» данных лингвистики и археологии предпринял попытку обоснования новой концепции - концепции складывания протоиндоевропейского языка (ПИЕ) и его диалектов в обществах носителей археологических культур степи и лесостепи Евразии между 4500-2500 гг. до н.э., которые и являлись движущей силой их распространения от «Старой (т.е. неиндоевропейской - *Н.П.*) Европы» до Китая.⁵

Во введении автор формулирует основы собственной позиции относительно предполагаемой прародины ИЕ и заявляет о том, что, разделяя и уточняя взгляды М. Гимбутас и Дж. Мэллори,⁶ он связывает протоиндоевропейцев (ПИЕ) данного региона с носителями доямных и ямных культур степей Восточной Европы (С. 121-132, 361-366). Что касается Анатолийской теории, связывающей выделение ИЕ с серединой VI тыс. до н.э., то она, по его мнению, противоречит распространению понятий «колеса» и «колесницы» в индоевропейских диалектах (С. 63-80). К этому Д. Энтони добавляет диаметрально противоположную точку зрения А. Парполы предположение, согласно которому на северо-востоке евразийских степей, возможно, на юге Урала, происходили длительные и регулярные контакты ИЕ общности с финно-угорскими языками уральских народов, объясняющие присутствие в них заимствованной ИЕ лексики (С. 93-97).

Основу взгляда Д. Энтони составляет доказательство представления о ПИЕ языке как материнском языке, распад которого около 3700/3400 гг. до н.э. на территории степей Евразии имел своим следствием формирование и распространение между 3400 и 2300 гг. до н.э. отдельных ветвей ИЕ языков и их носителей (С. 98-101). Первыми, по мнению исследователя, от ПИЕ общности отделились анатолийские языки, затем тохарские, а после них - кельтские (итало-кельтские) (С. 43-47). Считая вопрос сложным, тем не менее, он считает возможным в качестве очередных по счёту рассматривать языки греко-армянской ветви и, вопреки существующим представлениям о существовании греко-арийской общности, основываясь, в основном, на археологических данных, полагает, что индоиранские, балто-славянские и пра-германские языки олицетворяли некий диалектный континуум, находившийся внутри себя к тому же в постоянном контакте и единстве, но распавшийся окончательно на стадии т.н. Позднего Триполья между 2500-2300 гг. до н.э. (С. 48-49). Последние группы диалектов, как полагает Д. Энтони, локализовались ещё в понто-каспийских степях, откуда, собственно, и началась их миграция на запад и север ещё в IV тыс. до н.э. (С. 50-58).

Основными причинами распада ПИЕ языка и возникновения на его основе диалектного разнообразия дочерних лингвистических ветвей автор считает прогресс

³ Епимахов А.В., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92-102; Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Феномен Майкопской общности и её радиоуглеродная хронология // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 252-275.

⁴ Стефанов В.И. О культурной принадлежности Большого Синташтинского кургана // РА. 2009. № 6. С. 18-24.

⁵ Mallory D.W. Op. cit. P. 20. Последнее весьма актуально в связи с имеющимися попытками переориентации на противоположный основного вектора развития этно-лингвистических и культурных связей между земледельческим и скотоводческим населением западных и восточных областей евразийской степи. См.: Манзура И.В. Владеющие скипетрами // Stratum plus. 2000. Т. 2. С. 237-295.

⁶ Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford, 2006.

в экономике степного населения: возникновение стадного по форме, пастбищного по содержанию, выпаса крупного рогатого скота и овец, domestикацию лошади, изобретение колёсного транспорта, колесниц и верховой езды (ок. 3300 г. до н.э.), придавших новый, связанный с разделением земледелия и скотоводства, с зарождением общинных ремёсел, импульс динамике общественного и языкового развития, выразившегося в образовании дихотомии двух взаимодействующих хозяйственно-культурных типов (ХКТ) (С. 59-82). Особую роль Д. Энтони отводит преимуществам верховой езды, возникшей, по его мнению, на самых ранних стадиях развития пастушеско-скотоводческих обществ и обусловившей экономические, социальные и политические преимущества их представителям. Данное обстоятельство имело, как полагает исследователь, во-первых, весьма существенное значение потому, что пастух верхом на лошади может обслуживать значительное количество голов, находившегося в его собственности (или общины) скота, количество которого позволяло извлекать добавочную прибыль. Во-вторых, оно инициировало, в том числе связанную с миграциями и войнами, подвижность населения. А в-третьих, оно закладывало основы социальных взаимоотношений между племенами, развивавшихся на «взаимном договоре» как между членами общины (гость-хозяин, патрон-клиент), так и между ними, включая сюда и связь человека с божествами-покровителями. Самым же важным социально-политическим следствием указанных перемен в истории скотоводческих племён степи и лесостепи Евразии Д. Энтони называет появление престижной собственности, социальное расслоение пастушеских обществ и выделение своего рода «элиты всадников» – носителей ИЕ языка (языков), который (которые), навязанный (навязанные) автохтонному населению, стал (стали) доминантным (доминантными) не только в экономическом и социальном планах, но, благодаря данному обстоятельству, и господствующим (господствующими). Более того, он склонен связывать с пастушескими скотоводами евразийских степей зарождение основанной на распределении социальной иерархии.

Иными словами, непосредственной причиной, как возникновения, пришедшего на смену диалектам предшествующего автохтонного населения, материнского ПИЕ языка, так и его членения на отдельные ветви с последующим распространением по просторам степной Евразии, автор считает наличие «престижа социальности» у завоевателей в глазах местного населения (в работе приводятся аналогичные феномены, относящиеся и к более позднему времени) (С. 321-327).

Следует подчеркнуть, что констатация данного факта построена исследователем на совершенно определённой методологической основе. Давая оценку соотношению языка с памятниками материальной культуры, автор особо подчёркивает противоречивость, многоаспектность, многоуровневость, непосредственный и опосредованный характер данного процесса: протоэтнос, по убеждению исследователя, всегда формировался как слияние нескольких этносов и культур точно так же, как и язык соотносился с носителями нескольких археологических культур, т.е. сам этот процесс являлся полиэтничным (и полиантропологическим) по своему содержанию.

В концепции Д. Энтони важное место отведено рассмотрению миграции, которую, несколько абсолютизируя её значение и роль, он считает определяющей формой расселения ИЕ племён и объясняет её историческое содержание как строго определённую стратегию мигрирующей группы или социума, в ходе которой происходит складывание устойчивых границ их материальной культуры (С. 108-113). Без учёта миграции, по убеждению автора, «мы не поймём ИЕ проблемы вообще» - вывод, который нашёл отклик в сходном по тематике труде Л.С. Клейна.⁷

В результате скрупулёзного анализа всей совокупности данных Д. Энтони приходит к заключению, согласно которому в истории степного населения Евразии могли иметь место три, связанных с расселением потомков ПИЕ общности, потока миграции. Самым ранним из них была экспансия её диалектов на Восток. За ней по-

⁷ Клейн Л.С. Прародина и миграции индоевропейцев. СПб., 2007. С. 12.

следовала миграция на Запад. И только на заключительном этапе (ок. 2500 г. до н.э.) – на юг (в Иран и Северо-Западную Индию) (С. 340-367). Показательно, что исследование ведётся автором в контексте отождествления различных археологических культур степи и лесостепи с отдельными ветвями ИЕ языка.

В указанном отношении привлекает внимание идентификация и соотношение автором памятников абашевской и синташтинской археологических культур, а также срубной, одной из великих в оценке В.М. Массона, общностей, которые можно назвать примечательными (и представляющими интерес) с точки зрения их соотношения с памятниками, отображающими складывание и распад племён и языков греко-арийской общности на территории евразийской степи и лесостепи. С первой из них он связывает *абашевскую эру* в Уральско-Тобольском междуречье, которая имела место на стадии Позднего Абашево в период до того, как носители синташтинской культуры построили здесь свои крепости (С. 385). Именно здесь, по мнению автора, впервые становятся весьма существенными орнаментальные, олицетворяемые геометрическим меандром, мотивы абашевской керамики, производимой в Уральском регионе (С. 386. Рис. 15.7.). Только на памятниках этого региона встречаются баночные сосуды абашевского типа, которые, равно как и меандрообразный орнамент, а также металлическое оружие и дисковидные псалии, с одной стороны, отображали воздействие сибирского Абашево на Синташту, а с другой – обратный культурный импульс со стороны Синташты на Абашево (Там же.). Другой особенностью данной культуры Д. Энтони называет отсутствие захоронений животных в больших масштабах, значительное разнообразие орнаментации и металлических изделий. К этому он добавляет и наблюдение, связанное с констатацией нетипичности оборонительных сооружений для абашевских поселений в сравнении с Синташтой (С. 387). В связи с этим автор, преувеличивая место носителей синташтинской культуры в процессе этногенеза степного населения, связываемого им с индоиранцами, Д. Энтони предлагает своё видение её истоков и источников. Первым по счёту он называет Полтавкинскую культуру, которую он считает Волго-Уральским продолжением ямного горизонта. В Урало-Тобольское междуречье её носители - группы пастухов-скотоводов - двинулись между 2800-2600 гг. до н.э. Признаком, на который опирается учёный, выступает декоративный ряд полтавкинской орнаментации, присутствующий и на синташтинской посуде, единичные погребения в окружённых каменными оградами курганах и то обстоятельство, что один из полтавкинских могильников расположен в 400 м южнее будущего Аркаима. Вторым по счёту источником и истоком традиций синташтинской общности учёный называет родственную и современную ей Потаповскую археологическую культуру Средней Волги (2100-1800 гг. до н.э.) с аналогичным ритуалом и обрядом погребений, металлом, оружием, погребениями лошадей и колесничной атрибутикой, которая, в свою очередь, пришла на смену предшествовавшей Полтавкинской культуре. Третьим, одним из важнейших факторов формирования культуры Синташты, как уже отмечалось, автор рассматривает воздействие материальной и духовной культуры носителей абашевской археологической общности (С. 387). Насколько можно понять из логики рассуждений автора, симбиоз указанных компонентов определил происшедший между 2300-2000 гг. до н.э. процесс обособления локальных вариантов синташтинской культуры. Последнее вполне вписывается и в оценки Е.Е. Кузьминой, одной из первой обратившей внимание на билингвизм населения-носителей Абашевской культуры.⁸ Сам же исследователь полагает возможным относить к этому времени контакты абашевцев с носителями финно-угорских языков, что выразилось в появлении в них заимствованных слов из ИЕ словаря (С. 382). Некоторая прямолинейность трактовок зарубежного археолога, вытекающая из недостаточного знакомства с абашевскими и родственными им памятниками других территорий, по нашему мнению, связана ещё и с невниманием к тому, что формы и орнаментация сосудов отображают самые различные состояния обще-

⁸ Kuznina E.E. The origin of the Indo-Iraniens. Vol. 3 / Ed by J.P. Mallory. Leiden, 2007. P. 169-170, 222.

ства, а, следовательно, и развития диалектов той или иной языковой ветви, проявляющихся в соотношении адстрата и субстрата. Тем не менее, направление, избранное автором, следует считать весьма и весьма перспективным.

Принимая во внимание позицию автора, согласно которой археологические культуры ПИЕ были многокомпонентными и отображающими язык и культовую обрядность в большей степени, чем их этническую атрибуцию, нельзя не обратить внимания на факты, позволяющие, на наш взгляд, выделить среди них прото-греческие и прото-индоиранские признаки. В самом деле, в качестве иллюстрации своего мнения о позднем выделении языка эллинов из Анатолийской ветви, сформировавшейся, напомним, по мнению автора, в степях Евразии, Д. Энтони, после рассмотрения взаимоотношений Триполья, Майкопской и Новослободненских культур, посылавших свои импульсы в степь и лесостепь, а также роли, которую сыграли шнуровая и ямные культуры, ближе к дате распада Греко-индоиранского прадиалекта, приводит такие показатели, как засвидетельствованные для Урало-Тобольского междуречья меандрообразный орнамент и каменные оградки курганных захоронений, хранивших в себе скорченные на разных боках погребения с охрой или меловой обкладкой тел умерших в сопровождении керамики (С. 388-405). Тот факт, что аналогичные по типу сооружения характерны для Балканской Эллады начала II тыс. до н.э. (поселения Гла, Эвтресис, курганные могильники Фессалии, Эпира, Лерны и Элевсина), с учётом наблюдений Д. Энтони и принимая во внимание свидетельства античной традиции о близости языков эллинов и гипербореев, как нам представляется, позволяет усматривать в Поздней абашевской культуре Урало-Тобольского междуречья материальное воплощение мифологических представлений древних греков о местоположении их Гипербореи.

Впрочем, существует и альтернативная трактовка представленных Д. Энтони наблюдений: рассматривать абашевскую эру как пра-греко-индоиранскую археологическую общность с её вариантами (культурами), отображающей диалектное разнообразие её носителей в рамках родственного пра-языка, подтверждение чему можно усматривать в возникновении у племён абашевской общности (в особенности на Среднем Дону) знаковой протописьменности.⁹ В связи с названными аспектами, как нам представляется, нельзя также игнорировать и данных относительно планиграфии, конфигурации и архитектуры поселений евразийской степи и лесостепи (от Сев. Донца до Тобола) энеолита – бронзы вообще, Синташтинских городищ-крепостей в частности, круглые и квадратные (овальные) формы которых впоследствии присутствуют, в том числе и в Северо-Западной Индии и Северо-Западной Греции. Их, наряду с другими, можно рассматривать, как один из показателей векторов миграции племён абашевской эры из евразийской лесостепи и степи. Иными словами, приведённые Д. Энтони факты, внося дополнительную ясность, позволяют уточнить существующие к настоящему времени представления относительно этногенеза эллинов (и фрако-фригийцев), ведических ариев и древнейших иранцев.

Несмотря на то, что, на первый взгляд, эти маркеры этничности не совсем совпадают с теми, которые действительно присущи абашевской культуре (сказалось недостаточное знакомство автора с трудами отечественных и украинских археологов), тем не менее, с учётом того, что формирование определённого единства культур абашевской общности (включая сюда и Синташту), если рассматривать её материальные компоненты в качестве отображения этапов этно-и политогенеза, они, по всей видимости, как раз и отображают характерную особенность миграционных волн её носителей на Восток, Юго-Восток и Юго-Запад: полиэтничных по своему содержа-

⁹ Захарова Е.Ю. О преемственности графических знаковых систем абашевского и срубного населения // Эпоха бронзы Дону-Донецкого региона: материалы 5-го Украинско-Российского полевого семинара. Киев-Воронеж, 2001. С. 38-40; Писаревский А.Н., Писаревский Н.П. Древнейшее письмо скотоводческих племён степи и лесостепи Восточной Европы эпохи бронзы (К интерпретации знаков на перекрестии рукояти бронзового кинжала срубной культуры) // Норция. Вып. 6-7. Воронеж, 2003 / Под ред. д.и.н. Н.П. Писаревского. С. 46-88.

нию, разнотипных по форме и темпам, включавших моменты конвергенции, дивергенции и диффузии, а также подвергавшихся воздействию «эффекта маятника». В этом смысле рассуждения автора на данную тему следует признать весьма и весьма плодотворными.

Обобщающий труд Д. Энтони содержит множество и других, ценных и плодотворных в своей совокупности идей и решений, достигнутых автором с точки зрения необходимости привязки данных лингвистики и археологии друг к другу на базе шкалы калиброванных датировок. Фундаментальность поднятых Д. Энтони проблем археологии племён ПИЕ языковой общности, тщательность и скрупулёзность анализа, осторожность, проявляемая автором при формулировке предлагаемой читателям новой и оригинальной концепции, позволяет назвать публикацию его обобщающего труда существенным вкладом в исследование проблем происхождения и истории индоевропейских племён в современной науке.

NEW FUNDAMENTAL WORK ON ORIGIN, EARLY HISTORY AND MIGRATIONS OF PROTO-INDO-EUROPEANS

N.P. PISAREVSKY

Voronezh State University

e-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

The research of the problem of origin and dissolution of tribes of the Indo-European affinity – very acute in the contemporary science – is to reach a qualitatively new level of study due to the work by the American archaeologist D.W. Antony.

Key words: Indo-Europeans, archaeology, culture, affinity.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (470. 4) "18"

КАЗАНСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

А. Н. БИКТАШЕВА*Казанский (Приволжский)
федеральный университет**e-mail: biktashi@mail.ru*

В статье анализируются источниковые возможности мемуарной литературы применительно к изучению института губернаторства. По мнению автора, воспоминания позволяют реконструировать общественную, неофициальную оценку человеческого фактора в политике, судить о социальной психологии провинциального общества.

Ключевые слова: губернатор, мемуары, слухи, общественное мнение.

Уловить в официальных источниках неартикулированные сведения о российских губернаторах не просто. Власть не любит рассказывать нелицеприятные вещи о себе. Лишь в случае отставки или в результате перевода на другое место службы можно обнаружить сведения о профессиональных качествах правителя губернии, стиле его руководства, умении ладить с должностным и выборным окружением. Возможность увидеть связь между «высокой» политикой и частной жизнью «человека власти» предоставляет мемуарная литература. В ней фиксировались неофициальные факторы социального контроля, слухи, описание групповых и индивидуальных интересов, общественное мнение о представителях местной администрации и многое другое.

Под воспоминаниями (мемуарами) принято понимать повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти автора. Специфика мемуаров состоит в их ярко выраженном субъективном характере. Благодаря этому, они позволяют восстанавливать общественную, неофициальную оценку человеческого фактора в политике, судить о социальной психологии провинциального общества. Применительно к исследованию реалий административной жизни казанских губернаторов немаловажное значение приобретают воспоминания их современников, самих губернаторов, людей из их служебного окружения.

Важнейший вопрос о достоверности воспоминаний должен решаться в каждом конкретном случае, методы исполнения этой задачи достаточно полно изложе-

ны в источниковедческих трудах¹. Одно из необходимых условий – учитывать отношение автора к тем, о ком он пишет. Исследовательское доверие к содержащимся в них инвариантным оценкам резко возрастает, если они подтверждаются другими мемуарными свидетельствами, иными видами источников.

Количество опубликованных мемуаров, затрагивающих в той или иной степени проблемы казанской губернской администрации в изучаемый период, сравнительно невелико (всего более десятка), причем значительно отличающихся по объему. Обнаруженные воспоминания можно поделить на три условные группы. Первая объединяет мемуары, вышедшие из-под пера высших сановников, осуществлявших ревизии Сената Казанской губернии². Вторую представляют мемуары чиновников, служивших в органах губернской администрации³. В это число вошли воспоминания российских губернаторов, однако выявить свидетельства казанских начальников губернии так и не удалось. Воспоминания современников о состоянии губернского управления, по роду деятельности вращавшихся в интересующей нас среде, образуют третью группу⁴.

Мемуары дают возможность более полно почувствовать дух исследуемого времени, анализировать бюрократическую ментальность, знакомят с бытом, нравами и повседневной жизнью провинциальных чиновников. В них обнаруживаются сведения, о которых не принято было говорить открыто в период службы. Но по прошествии времени, бывшие чиновники подробно описывали различные способы обогащения губернских канцеляристов, механизмы неофициального властвования, вскрывали управленческие язвы.

Наиболее подробная информация о служебной и приватной жизни казанских военных губернаторов содержится в воспоминаниях их адъютантов – Мамаева, Ильина, Половцева, но и она требует критического осмысления. В этих текстах наблюдается переоценка своих личностных качеств. К примеру, у Половцева в силу разницы в уровне образования сложились непростые отношения с военным окружением губернатора П. Ф. Козлянинова. Да и губернатор с его слов был с «корнетскими замашками». Наряду с ценнейшими сведениями об отмене крепостного права в Казанской губернии, его мемуары сквозят высокомерием, снобизмом, обидой за несправедливое увольнение.

¹ См. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991; Зайончковский П. А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976. Т. 1. С. 3–15.

² Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь: записка действительного тайного советника. М., 1866; Бумаги Ивана Борисовича Пестеля // Рус. архив. 1875. Кн. 1. С. 370–374; Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим // Рус. архив. 1884. Кн. 1. С. 69–73; Соловьев Я. А. Записки сенатора // Рус. старина. 1882. Т. 36, № 10. С. 137; [Казначеев А. Г.]. Между строками одного формулярного списка, 1823–1881 / А. К. // Рус. старина. 1881. Т. 32, № 11. С. 837.

³ [Малышев А. А.]. Губернатор доброго старого времени: воспоминания старожила // Рус. старина. 1907. Т. 131, № 7. С. 188–196; Михайлов И. И. Казанская старина: (из воспоминаний) // Рус. старина. 1899. Т. 100, № 10. С. 99–113; № 11. С. 399–419; [Половцев Ф. А.] Из воспоминаний 1859–1861 годов / Ф. А. П-в // Ист. вестник. 1907. Т. 110, № 10. С. 100–123; № 11. С. 462–486; Записки Петра Зиссермана (внука Петра Алексеевича Ильина – адъютанта И. А. Боратынского). Ч. 2. Дедушка. 1913. С. 60–84. (хранятся в личном архиве правнучки П. А. Ильина Сусанны Леонидовны Высоцкой); Де-Пуле М. Ф. Отец и сын // Рус. вестник. 1875. Т. 118. С. 56–107; Т. 119. С. 121–181; Фадеев А. М. Воспоминания (1790–1867). Одесса, 1897. Ч. 1. С. 157–199; Лучинский Ф. Я. Провинциальные нравы за последние полвека: (воспоминания) // Рус. старина. 1897. Т. 91, № 9. С. 650–657; Жиркевич И. С. Записки // Рус. старина. 1890. Т. 67, № 7. С. 79–80; Арцимович В. А. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904.

⁴ Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1864. Ч. 2; Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / сост. Ю. А. Лимонов. Л., 1991; Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. С. 72–181; Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003; Шомпулев В. А. Из прошлого Саратовской губернии: (Записки старого помещика). Провинциальные типы сороковых годов // Рус. старина. 1898. Т. 95, № 8. С. 322–331; Мамаев Н. И. Записки // Ист. вестник. 1901. Т. 86, № 11. С. 429–470; Вистенгоф П. Ф. Из моих воспоминаний // Ист. вестник. 1884. Т. 16, № 5. С. 344–347.

Ф. А. Половцев воспринимал Козлянинова как типичного представителя николаевских управленцев, наделив его следующими чертами: «имел природный своеобразный ум, познаниями ни в каких отраслях не обладал... умел носить мундир с надлежащим достоинством, танцевал хорошо, верхом ездил отлично и по французски говорил... был отличный и очень храбрый офицер»⁵. Снисходительный тон автора выдавал не столько личное его отношение, сколько общие оценочные симптомы, витавшие в воздухе в отношениях между народившимся поколением профессионально-образованных администраторов с отживавшими свой век николаевскими генералами. Данный конфликт поколений уже обозначился в бюрократической среде и более всего ощущался в университетских городах.

Подтверждение сведений из воспоминаний адъютанта Ф. А. Половцева обнаруживаются в материалах III Отделения СЕИВК. В донесениях жандармских офицеров относительно губернатора П. Ф. Козлянинова много места уделялось обстоятельствам его назначения, обсуждению свойств его характера, личным пристрастиям, отношениям с местным дворянством, способам накопления личных средств. Эта палитра секретных сведений, позволяет составить достаточно емкий портрет этого управленца. Но вместе с тем, судя по воспоминаниям, появление столь заурядного губернатора, неприметного служаки встревожило местное общество. Назначение П. Ф. Козлянинова стало предметом бурного обсуждения в дворянских кругах тогдашней Казани.

Описание аристократической верхушки казанского общества содержится в воспоминаниях профессора Казанского университета Д. А. Корсакова. Он пишет, что казанское «благородное общество» делилось тогда на два круга: аристократический и неаристократический. Аристократический круг разделялся на три категории: «туземцев, коренных и прибывших, постоянно меняющихся». Во главе «туземцев» находились Молоствовы, и бывшие в родстве с ними Граве, Депрейс, Хованские, Осокины. К «коренному кругу» относились Мергасовы, Баратынские, Лебедевы, Рычковы, Наумовы, Львовы. «Приезжими» считались губернатор, вице-губернатор и другие, меняющиеся по долгу службы статские и военные чиновники⁶. По воспоминаниям другого современника «действительных аристократов» в казанском обществе «...было две или три семьи, не более. Остальные не могли похвалиться древностью рода и только кичились обширностью поместий или состояний»⁷. На этом фоне губернатору Козлянинову и кичиться-то было нечем: ни знатностью рода, ни приближенностью к трону, ни столичными связями. У него не было даже имения. Его супруга Анна Яковлевна дочь генерал-майора Шредера была также ничем не приметна. Культурный уровень губернаторской четы не позволял их дому стать центром городской салонной жизни, как это было с предыдущими казанскими губернаторами. По всем перечисленным позициям он уступал своим предместникам. В итоге губернатору с «корнетскими замашками» (как о нем поговаривали) так и не удалось преломить негативное отношение со стороны местной элиты.

Авторы воспоминаний обычно писали не только о себе, но и о своих родственниках, знакомых, описывали местное общество, жизнь которого в буквальном смысле была пропитана слухами. Молва спланивала местное аристократическое общество в период назначения, увольнения или перевода начальника губернии на новое место. Получение П. Ф. Козляниновым поста военного губернатора также обросло слухами, будто бы губернаторство он купил через директора департамента общих дел МВД, бравшей взятки за назначения на должности самым бесцеремонным образом»⁸. Подобное, конечно, сложно проверить. Вместе с тем, в жандармском ведомстве стали

⁵ [Половцев Ф. А.] Из воспоминаний 1859–1861 годов // Ист. вестник. 1907. Т. 110, № 10. С. 100–101, 107.

⁶ Корсаков Д. А. Мои воспоминания / Д. А. Корсаков // ОРКК НБ КГУ. Ед. хр. 9448. Л. 100.

⁷ Вагнер Н.П. Воспоминания // Материалы к биографии Н.И. Лобачевского / Под ред. Л.Б. Модзалевского. М., Л. 1948. С. 636.

⁸ [Половцев Ф. А.] Из воспоминаний 1859–1861 годов // Ист. вестник. 1907. Т. 110, № 10. С. 101–102.

накапливаться анонимные доносы на казанского губернатора. Проведя служебное расследование, полковник Ларионов посчитал, что распространителем негативных слухов являлся никто иной, как казанский помещик Алексей Петрович Горский. Отвод его кандидатуры на предводительство перечеркнул планы Горского войти в аристократические верхи казанского общества. Вероятно поэтому, его личная неприязнь к начальнику губернии вылилась в доносительство. В доносах Козлянинов был представлен карточным шулером, мошенником, купившим свою должность.

Благодаря жандармским перлюстрациям обнаруживаются и другие мнения. Своими впечатлениями о губернаторе делился Александр Петрович Перцов⁹ (член казанского дворянского комитета). Он писал в письме брату: «...На днях Козлянинов получил письмо от своего брата, который пишет ему, что об нем ходят самые дурные слухи, что он только занят картами, делами не занимается, что выбрал правителя канцелярии известного взяточника. Такие известия чрезвычайно огорчили Козлянинова, тем более, что все это клевета. В карты он играет очень редко, делами занят очень усердно, Павлов (правитель канц.) до сего времени не подает ни малейшего повода подозревать его во взятках. Одним словом, враги Козлянинова распускающие такие слухи, плохо себя рекомендуют. Что у Козлянинова много недоброжелателей, это не удивительно, он одних удалил, других удержал в пределах благоразумия, иных влияние и силу ослабил. Каждый имел и имеет свою партию, своих друзей. Все это шумит, волнуется, тем более что, К. своим откровенным характером подает средства судить его действия и нападать на него со всех сторон. Я не думаю, чтобы все эти вредные для него слухи, могли серьезно ему повредить, но все таки, жаль, потому что энергичный и деятельный характер Козлянинова очень полезен здесь в стране запустения и апатии, где привычка и рутина господствуют беспрекословно, где давность освятила и утвердила самые гнусные злоупотребления, а ненаказанность их породила убеждение, что иначе управление идти не может»¹⁰. Такова, видимо, была реальность Казанской губернии. Деятельная натура губернатора одних раздражала, других толкала на клевету, и только незначительная просвещенная часть общества осознавала необходимость поддержания такого рода начинаний.

Таким образом, специальное изучение технологий тайной полиции, имеет реальную перспективу раскрытия прикладного использования слухов, как источника контролирующего властью. Сочетание делопроизводственных материалов жандармских офицеров с мемуарными свидетельствами о казанских губернаторах, позволяет использовать слухи как самостоятельный источник неформальной коммуникации. Вот несколько примеров с участием одного и того же казанского губернатора – С. С. Стрекалова. Узнав, что советник палаты уголовного суда Н. Н. Иванов не чист на руку, он обратился в III Отделение относительно несправедливых доходов этого чиновника, и получил информацию что «общая постоянная молва всегда справедлива». Не сумев доказать вину Иванова по косвенным свидетельствам, при содействии министра юстиции, губернатор все же добился его перевода в другую губернию.

В то же время в воспоминаниях И. И. Михайлова содержатся сведения, что военный губернатор С. С. Стрекалов «по делам, правда, взяток не брал, но с откупщиков получал ежегодную дань. Это считалось в то время доходом безгрешным. За несколько десятков тысяч рублей, Стрекалов предоставлял откупщикам, а их в губернии было несколько, грабить обывателей, как им хотелось»¹¹. Далее мемуарист приводит весьма характерный случай подобного грабежа, когда в течение двух месяцев откупщик при содействии властей производил «осмотр» городских погребов, взимая штрафы даже за густой квас. В результате этому «питейному баскаку» город заплатил «страшную контрибуцию». Когда же сам С. С. Стрекалов решил жениться вторично, молва о его избраннице могла значительно поколебать репутацию самого военного

⁹ Казанский университет, 1804–2004: биобиблиогр. словарь. Казань, 2002. Т. 1. С. 402.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. за. Д. 2004. Л. 3–4.

¹¹ Михайлов И. И. Казанская старина // Русская старина. 1899. Окт. С. 101.

губернатора. Поэтому заслуженному свитскому генералу было предложено новое место службы в столице.

Итак, фиксируемые в воспоминаниях слухи как форма массовой коммуникации, служили средством распространения новостей, формирования и разрушения репутаций у представителей власти. Не случайно тайная полиция держала этот общественный канал связи под особым контролем, используя слухи в качестве индикатора «настроения масс». Между тем, в отечественной научной литературе продолжает доминировать мнение, что информативная ценность этого источника невелика, что слухи являются негативным атрибутом отсталости и что их следует опровергать. Сочетание информационных возможностей донесений жандармских офицеров с «зафиксированными» слухами в мемуарной литературе по Казанской губернии, доказывают обратное. Власть активно использовала этот коммуникативный канал в области управления, а также для поддержания имиджа местных властей. Ведь в слухи верят, не потому что они фальшивы, а потому что они оказываются правдой.

KAZAN GOVERNORS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY IN THE MEMOIRS OF THEIR CONTEMPORARIES

A.N. BIKTASHEVA

*Kazan (Volga Region)
Federal University*

e-mail: biktashi@mail.ru

The article analyses the possibilities of memoirs as a source material in conformity with the study of the institute of governorship. According to the author, memoirs allow to reconstruct social, informal assessment of the human factor in politics, to form an opinion about social psychology of the provincial society.

Key words: governor, memoirs, rumours, public opinion.

УДК 94 (47) 081/083 – 334

ТЕМАТИКА ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ГУБЕРНАТОРОВ В НАЧАЛЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА)

А.С. МИНАКОВ*Орловский государственный университет**e-mail: minakovas@bk.ru*

В статье анализируется проблематика обязательных постановлений губернаторов, изданных в начале XX в. в губерниях Черноземного центра. Показано соотношение постановлений, принятых собственной властью и органами общественного самоуправления. Отражена роль центрального руководства в инициации издания постановлений. Тематика постановлений рассмотрена в контексте событий Первой Русской революции и начала Первой Мировой войны.

Ключевые слова: система местного управления, губернаторы, Первая Русская революция, Первая Мировая война.

В последней четверти XIX в. одной из ключевых задач внутривластного развития России было укрепление системы местного управления. Вскоре после окончания Русско-турецкой войны 1877-78 гг., самодержавие столкнулось с ростом социальной напряженности. Она была вызвана истощением хозяйственного потенциала страны, серией локальных неурожаев, слухами о скором переделе земли. Покушение В.И. Засулич на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова 24 января 1878 г. и другие последовавшие акты индивидуального террора также нагнетали ситуацию в обществе. Все это требовало укрепления властной вертикали, особенно на ее местном, губернском уровне. Поэтому предоставление губернаторам права издавать с 1876 г. обязательные постановления оказалось важнейшим и своевременным шагом, расширившим управленческий арсенал коронной администрации.

Значимость данной меры была подмечена исследователями самодержавной системы управления еще в досоветский период. Так, И.А. Блинов, отмечал в своей книге, что предоставлением губернаторам права издавать обязательные постановления правительство стремилось усилить губернаторскую власть после «Великих реформ»¹. Функциональная составляющая деятельности губернаторов в контексте работы правительства, в том числе издание обязательных постановлений, была проанализирована составителями юбилейного пятитомника, посвященного истории Комитета министров². Известный юрист Э.Н. Берендт относил обязательные постановления к числу мер, восстановивших и укрепивших статус «хозяев губерний». Тем самым была компенсирована временная утрата полномочий губернаторов, после учреждения органов земского самоуправления³.

Советская историография видела в обязательных постановлениях закономерную реакцию самодержавия на рост революционного движения в стране. Например, П.Н. Зырянов связывал их введение с установлением режимов усиленной и чрезвычайной охраны, существенно расширявших полномочия местной администрации⁴. Н.П. Ерошкин также считал, что обязательные постановления укрепили власть гу-

¹ См.: Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 256.

² Исторический обзор деятельности Комитета министров Т. I – V /Сост. С.М. Середонин, И.И. Тхоржевский, Н.И. Вуич. СПб. 1902.

³ Берендт Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб., 1913. С. 268-269.

⁴ Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861-1914 гг.) //Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 291.

бернаторов, а М.М. Шумилов подчеркивал, что они продемонстрировали беспочвенность надежд на продолжение либеральных преобразований⁵.

Таким образом, историографический опыт со всей очевидностью показал тесную взаимосвязь данного вопроса с магистральной проблемой эффективности губернаторской власти. Между тем, есть ряд вопросов, ответы на которые историография пока не дала. Как часто губернаторам приходилось прибегать к изданию обязательных постановлений? Только ли репрессивно-карательной тематикой они отличались? Какие еще области управления они затрагивали? Еще П.Н. Зырянов верно подметил, что тематика обязательных постановлений охватывала разные стороны народно-хозяйственной жизни⁶, даже затрагивая сферу ответственности органов местного самоуправления. Кроме того, изучение тематики постановлений, поможет уточнить те вопросы, которые в первую очередь нуждались в применении чрезвычайного законодательства.

Действительно, законодательные основы принятия и реализации обязательных постановлений предусматривали их составление не только губернаторами, но и органами общественного управления⁷. Это была сложная процедура согласования, редактирования, а порой и жесткой полемики по разным вопросам подготовки постановлений⁸.

Интенсивность издания обязательных постановлений особенно возросла в начале XX в. С одной стороны это объясняется ростом антиправительственных выступлений. С другой стороны, в это время обязательные постановления становятся наиболее оптимальной мерой административного регулирования на местах.

Рассмотрим тематику обязательных постановлений изданных в губерниях Черноземного центра в 1905 г. Этот год дает возможность анализа действий власти в экстремальных условиях Первой Русской революции. Тогда от губернаторов требовалось как управление краем, так и одновременное противодействие антиправительственным выступлениям. Количественные данные нам дает местный официальный печатный орган – «Губернские ведомости», где принятые постановления обнародовались.

В первый революционный год в среднем по каждой губернии исследуемого региона было принято около двадцати постановлений. В Воронежской губернии – 18, Курской – 23, Орловской – 18, Рязанской – 18, Тамбовской – 21.

В Воронежской губернии большая часть постановлений составлялась городскими думами. Так по инициативе Воронежской городской думы были приняты следующие постановления – «Об убое скота на воронежской городской скотобойне»; «О ветеринарном осмотре привозимого в Воронеж мяса», «О торговле скотом в г. Воронеже», «О мерах к предупреждению к прекращению скотских падежей»; «О содержании в чистоте и опрятности дворов в г. Воронеже»; «О времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в г. Воронеже в воскресные и праздничные дни»; Бобровской городской думы – «О порядке устройства торговцами г. Боброва весов для взвешивания хлебных и других продуктов и о воспрещении производить покупку хлеба и других продуктов вне базарной площади»; «О мерах предосторожности в пожарном отношении в г. Боброве»; Богучарской городской думы – «О воспреще-

⁵ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России [Научно-педагогические труды]. М., 2008. С. 247; Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-е – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 77.

⁶ Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861-1914 гг.) // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 293-294.

⁷ См. Минаков А.С. Формирование законодательных основ обязательных постановлений губернаторов в пореформенной России // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 3. Ч. 1. С. 103-106; Практика издания орловскими губернаторами обязательных постановлений на рубеже XIX-XX вв. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XII Всероссийской научной конф. Калуга, 2008. С. 150-152.

⁸ См. Минаков А.С. Архивные документы о взаимодействии губернаторов и земств Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв. // Отечественные архивы. 2010. № 1. С. 38-45.

нии устройства печей в лавках находящихся в корпусах деревянных торговых помещений на базарной площади в г. Богучаре”; Задонской городской думы – “О времени открытия и закрытия в г. Задонске торговых заведений в праздничные дни”; Острогожской городской думы – “О времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в г. Острогожске в воскресные и праздничные дни”⁹.

Павловская городская дума дважды принимала постановление “О времени открытия и закрытия торговых заведений в г. Павловске Воронежской губ. в воскресные, высокаторжественные и праздничные дни”. Первый раз оно последовало в отмену ранее изданного постановления 1899 г. по тому же вопросу. Второй раз оно было издано уже взамен предыдущего, принятого весной 1905 г.¹⁰.

Собственной властью воронежского губернатора были изданы следующие постановления: “О способе перевозки по улицам города досок и теса” (для жителей Нижнедевицка), “О распорядке на ярмарках и базарах в г. Валуйках”; “О пользовании жителями города Воронежа и Воронежской губернии оружием”; “Для жителей городов Воронежа и Острогожска об объявлении полиции о лицах, прибывающих в дома и выбывающих из оных”¹¹. Наконец, 18 декабря 1905 г. на основании п. 1 и 2 ст. 19 “Правил о местностях состоящих на военном положении” издано постановление заступающее организацию и проведение сходок, и прочих собраний¹².

В Курской губернии большинство обязательных постановлений также было подготовлено городскими думами. Так, по инициативе Белгородской городской думы – “Об установлении сбора за взвешивание продуктов и товаров на городских общественных весах”; Грайворонской городской думы – “О внутреннем распорядке на базаре в г. Грайвороне”; Корочанской городской думы – “О порядке содержания городской общественной скотобойни в Короче и пользовании ей и о ветеринарно-санитарном осмотре мясных туш и продуктов поступивших в продажу”, “По разным предметам городского благоустройства (о мерах охранения от пожаров, о порядке содержания улиц и тротуаров, о санитарных мероприятиях, о внутреннем распорядке на рынках и базарах, о предупреждении опасностей от животных, о времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в праздники); Курской городской думы – “О времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в г. Курске”. Обоянской городской думы – “Об установлении сбора за взвешивание продуктов и товаров на городских общественных весах”, “О распределении предметов торговли по роду товаров на городской площади в г. Обояни” (дважды); Путивльской городской думы – “О времени назначения для очистки отхожих мест от нечистот в городе Путивле”; Рыльской городской думы – “Для лиц, занимающихся извозным промыслом в гор. Рыльске”, “О торговле в городе Рыльске в воскресные и праздничные дни”; Старооскольской городской думы – “О воспрещении скупки предметов первой необходимости в городе Старом Осколе”; Суджанской городской думы – “О внутреннем распорядке на ярмарках, рынках и базарах г Суджи”, “О мерах против холеры в городе Судже”, “Об устройстве и содержании тротуаров, водосточных труб и канав, а также о содержании площадей и улиц”, “О мерах предосторожности от домашних животных”, «Об ограничении торговли в воскресные и праздничные дни в гор. Судже»; Фатежской городской думы – “О времени открытия и закрытия торговых заведений в воскресные, праздничные и табельные дни”¹³.

⁹ Воронежские губернские ведомости. 1905. 12 января. С. 1-2, 19 марта. С. 1, 9 апреля. С. 1, 9 июля. С. 1, 13 июля. С. 1, 20 августа. С. 1-2, 5 ноября. С. 1, 26 ноября. С. 1.

¹⁰ Воронежские губернские ведомости. 1905. 19 марта. С. 1, 5 ноября. С. 1.

¹¹ Воронежские губернские ведомости. 1905. 9 июля. С. 1-2, 10 сентября. С. 1, 10 декабря. Прибавление. 24 декабря. Прибавление.

¹² Воронежские губернские ведомости. 1905. 21 декабря. С. 1.

¹³ Курские губернские ведомости. 1905. 28 января. С. 1-2, 5 апреля. С. 1, 5 апреля. С. 1-2, 12 апреля. С. 2, 26 апреля. С. 1-2, 29 апреля. С. 1, 22 июня. С. 1-2, 5 июля. С. 1-2, 31 августа. С. 1-2, 27 сентября. С. 2, 14 октября. С. 1-3, 13 декабря. С. 3-4, 16 декабря. С. 1, 30 декабря. С. 1-2.

2 сентября 1905 г. курским губернским земским собранием было утверждено постановление “О порядке убоя скота и содержания Борисовской общественной скотобойни в сл. Борисовке Грайворонского уезда”¹⁴.

Курским губернатором были приняты три постановления: “О порядке приемки на вес зерновых хлебов, размольных продуктов и семян при покупке их торговцами в г. Новом Осколе”, “Об ограничении торговли в г. Мирополье в воскресные и праздничные дни”, “О порядке содержания городской общественной скотобойни в г. Льгове и пользовании ей”¹⁵.

Похожую ситуацию можно наблюдать в Орловской губернии. По инициативе Елецкой городской думы – “О мерах к ограждению безопасности от бродячих собак в гор. Ельце”, “О воспрещении содержания в пределах города Ельца оптовых складов яиц, с целью противопожарной безопасности”; “О времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в воскресные и праздничные дни в г. Ельце”; “Об убое скота на Елецких городских бойнях”; “Об осмотре привозимого в г. Елец мяса”; “О торговле скотом”; “О порядке мясной торговли”; “О торговле скотом”, “Об убое скота на Елецких городских бойнях”; Карачевской городской думы – “О времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в воскресные и праздничные дни в г. Карачеве”; “О мерах к ограждению безопасности от домашних животных”; Мценской городской думы – “О времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в воскресные и праздничные дни в г. Мценске” (дважды), (о необходимости наличия у всех владельцев недвижимой собственности табличек с номерами домов и фамилией владельца); Орловской городской думы – “О времени открытия и закрытия торговых заведений в г. Орле”; Севской городской думы – “Об ограничении торговли в г. Севске в воскресные и праздничные дни”¹⁶.

Орловским губернатором были изданы постановления “для городов Орла, Брянска, Ельца с их пригородами, Брянского рельсопрокатного завода, для фабрик и заводов Мальцевского акционерного общества: Радицкого вагоностроительного, Любохонского, Радицкого стеклянного, Ивотского, Дятьковского, Зноберской и Чернятинской фабрик, а также для всех населенных мест Брянского уезда и для села Чернавск Елецкого уезда” (на основании циркуляров МВД 12.03.1901 и 3.12.1901) и “Для всех местностей”. Данные постановления устанавливали порядок продажи и хранения огнестрельного оружия¹⁷.

В Рязанской губернии также имела место активность городских властей. Городские думы подготовили следующие постановления: Егорьевская городская дума – “Об установлении времени перекупа всякого рода съестных припасов, привезенных в город Егорьевск во время базаров, с целью перепродажи их”, “О содержании в исправности общественного сада”; Зарайская городская дума – “О перевешивании хлеба”, “Об убое скота и об осмотре битого мяса”, “Об очистке отхожих мест”, “Об ограничении времени торговли в воскресные и праздничные дни”; Касимовская городская дума – “О внутреннем распорядке на рынках и базарах”; Рязанская городская дума – “Об убое скота и торговле мясом”, “Об ограничении торговли в праздничные дни” и Ряжская городская дума – “О порядке езды на велосипедах”, “О порядке содержания лесных складов”¹⁸.

Михайловская городская дума дважды принимала постановление “Об ограничении времени торговли в воскресные и праздничные”. Первый раз оно было издано

¹⁴ Курские губернские ведомости. 1905. 13 сентября. С. 13-14.

¹⁵ Курские губернские ведомости. 1905. 5 апреля. С. 2, 1 июля. С. 2, 29 июля. С. 1-2.

¹⁶ Орловские губернские ведомости. 1905. 9 апреля. С. 1, 21 мая. С. 1-2., 18 июня. С. 1, 9 июля. С. 1, 27 июля. С. 2, 3 августа. С. 1, 3 сентября. С. 1, 1 октября. С. 3-4, 19 ноября. С. 1, 21 декабря. С. 1-2, 31 декабря. С. 1-2.

¹⁷ Орловские губернские ведомости. 1905. 15 января. С. 1, 3 декабря. С. 1.

¹⁸ Рязанские губернские ведомости. 1905. 5 января. С. 1, 9 марта. С. 1, 6 апреля. С. 2, 4 мая. С. 1, 15 июня. С. 1, 13 июля. С. 1, 20 июля. С. 2, 10 сентября. С. 1, 8 октября. С. 3, 15 октября. С. 1, 19 ноября. С. 1.

9 марта 1905 г. (в отмену ранее вышедшего в 1900 г.) Второй раз 10 сентября, уже в место предыдущего¹⁹.

Рязанское губернское земское собрание представило на утверждение губернатора три постановления: “Об убое скота в пригородных слободах г. Рязани”, “О содержании колодцев” (для жителей Скопинского уезда) и “О содержании колодцев” (для жителей Данковского уезда)²⁰.

11 мая 1905 г. рязанский губернатор утвердил постановление “Меры для охранения жизни рабочих во время работ и при помещении их в фабричных жилых домах”, подготовленное Рязанским по фабричным и горнозаводским делам присутствием²¹. 10 декабря 1905 г. от рязанского губернатора было объявлено постановление “О порядке пользования, хранения и продажи огнестрельного и холодного оружия”²².

Наконец, в Тамбовской губернии были приняты следующие постановления. По инициативе Борисоглебской городской думы – “О времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в праздничные дни” (дважды – 12 мая и 24 ноября 1905 г.); Кирсановской городской думы – “О времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в праздничные дни”, “О производстве извозного промысла и типе извозчичьих экипажей”; Козловской городской думы – “О содержании в чистоте дворов”; Лебедянской городской думы – “О времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в праздничные дни”; Липецкой городской думы – “О времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в праздничные дни” (дважды – 24 мая и 27 августа 1905 г.), “О производстве извозного промысла”, “Об упорядочении содержания парикмахерских заведений” и “Об устройстве и порядке содержания в санитарном отношении боен”; Моршанской городской думы – “Об устройстве и порядке содержания ассенизационных обозов для вывоза нечистот”; Тамбовской городской думы – “О мерах безопасности и порядке движения по улицам велосипедов и автоматических экипажей”, “О времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в праздничные дни”. Как и в остальных подобных случаях, оно принималось дважды, 31 мая и в дополнение к нему 20 июля 1905 г. Наконец, единственное постановление приняла Усманская городская дума – “О времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в праздничные дни”²³.

От Тамбовского губернского земского собрания на утверждение губернатору было подано принятое 8 апреля 1905 г. постановление “Об установлении таксы сборов за взвешивание товаров и продуктов на общественных весах”²⁴.

10 декабря 1905 г. на основании п. 1 и 2 ст. 19 Правил о местностях состоящих на военном положении генерал-губернатор издал обязательное постановление о запрещение собраний и т.п. 14 декабря тамбовский губернатор собственной властью издал подобное постановление на основании ст. 23 и п. 5. “Положения о чрезвычайной охране”. 5 декабря на основании ст. 15 и 16 “Положения об усиленной охране” им было утверждено постановление об ограничении использования оружия, а 15 июля постановления для жителей города Спасска “О мерах предотвращения от пожаров”²⁵.

Видимо губернаторы в своих действиях ориентировались на жесткие установки из центра. Так, основанием издания обязательных постановлений о контроле над использованием оружием стало решение, принятое правительством 24 ноября 1905 г. В соответствующей мемории Совета министров отмечалось, что “исключительные обстоятельства настоящего тревожного времени в связи с задачей представителей

¹⁹ Рязанские губернские ведомости. 1905. 9 марта. С. 2., 10 сентября. С. 1.

²⁰ Рязанские губернские ведомости. 1905. 23 февраля. С. 2, 28 сентября. С. 2.

²¹ Рязанские губернские ведомости. 1905. 21 мая. С. 1.

²² Рязанские губернские ведомости. 1905. 10 декабря. С. 1.

²³ Тамбовские губернские ведомости. 1905. 9 февраля. С. 1, 14 мая. С. 1, 19 мая. С. 1, 2 июня. С. 1, 9 июня. С. 1, 21 июля. С. 1, 29 июля. С. 1, 1 сентября. С. 1, 7 сентября. С. 1, 20 сентября. С. 1, 6 ноября. С. 1, 2 декабря. С. 1.

²⁴ Тамбовские губернские ведомости. 1905. 21 апреля. С. 1.

²⁵ Тамбовские губернские ведомости. 1905. 21 июля. С. 1, 6 декабря. С. 1, 14 декабря. С. 1, 16 декабря. С. 1.

крайних противоправительственных партий, задумавших произвести насильственным путем изменение государственного и общественного строя в империи и стремящихся для сего к организации наивозможно больших вооруженных масс, вызывают необходимость с особой осмотрительностью отнестись к порядку пользования населением огнестрельным оружием, дабы по возможности предупредить его распространение людьми злонамеренными”²⁶. Подчеркивая неотложность принятия соответствующих мер, Совет министров указывал на необходимость издания губернаторами обязательных постановлений в тех местностях, которые не были объявлены на положении усиленной охраны.

После Первой русской революции издание обязательных постановлений рассматривалось правительством не только как одна из мер по поддержанию общественного порядка, но и способ решения важных задач управления на местах вообще. Это оправдывалось тем, что в отдельных районах изучаемого нами региона, опасность антиправительственных выступлений оставалась высокой. Так 28 марта 1907 г. император утвердил Особый журнал Совета министров сохраняющий, по ходатайству тамбовского губернатора, положение усиленной охраны на территории Тамбовской губернии²⁷. В Орловской губернии наиболее взрывоопасным районом оставался Брянск и Брянский уезд, где были сосредоточены промышленные предприятия и основная масса пролетариата губернии. Именно там наиболее часто находили проявления неповиновения властям и фабричной администрации. 6 апреля 1907 г. по представлению министра внутренних дел Брянск и Брянский уезд “в виду происходящего среди рабочих на местных заводах брожения, угрожающего возможностью возникновения серьезных беспорядков и волнений”²⁸ был объявлен на положении усиленной охраны. Вскоре после этого, по инициативе орловского губернатора, в Брянске и Брянском уезде было запрещено проживание и нахождение лиц, подвергаемым по судебным приговорам полицейскому надзору²⁹. 1 июня 1907 г. еще ряду губернаторов, в том числе рязанскому, было подтверждено право издания обязательных постановлений по предметам, “относящимся к предупреждению нарушения общественной безопасности”³⁰.

Интересный материал дает тематика постановлений за 1914 г. В этот год произошел резкий перелом в организации работы всего губернского аппарата с учетом начавшейся Первой Мировой войны. В Воронежской губернии, в 1914 г. было издано 18 постановлений. Из них военной тематике было посвящено только семь. Первым делом воронежский губернатор запретил распивочную торговлю спиртными напитками³¹. Особенно это касалось буфетов железнодорожных станций, через которые проходили воинские поезда. Вскоре антиалкогольные санкции были усилены. Обязательным постановлением от 4 августа 1914 г. воспрещалось хранение “крепких спиртных напитков в помещениях частных лиц в количестве, явно превышающем

²⁶ Мемория Совета министров о порядке хранения и продажи огнестрельного оружия. 24 ноября 1905 г. // Совет министров Российской империи. 1905-1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 72.

²⁷ Особый журнал Совета министров 27 марта 1907 г. «О дальнейшем оставлении Тамбовской губернии на положении усиленной охраны» // Особые журналы Совета министров царской России. 1907 год. Часть III. М., 1984. С. 643-644.

²⁸ Особый журнал Совета министров 6 апреля 1907 г. «Об объявлении города Брянска с его уездом, Орловской губернии, на положении усиленной охраны» // Особые журналы Совета министров царской России. 1907 год. Часть III. М., 1984. С. 685-686.

²⁹ Особый журнал Совета министров 13 апреля 1907 г. «Об отнесении города Брянска с его уездом, Орловской губернии, к числу местностей, в коих воспрещается жительство и пребывание лицам, подвергаемым по судебным приговорам надзору полиции» // Особые журналы Совета министров царской России. 1907 год. Часть III. М., 1984. С. 711-713.

³⁰ Особый журнал Совета министров 1 июня 1907 г. «О предоставлении Архангельскому, Вологодскому, Новгородскому, Олонекскому, Псковскому, Рязанскому, Смоленскому, Тверскому и Ярославскому губернаторам права издавать обязательные постановления» // Особые журналы Совета министров царской России. 1907 год. Часть IV. М., 1984. С. 874-875.

³¹ См.: Воронежские губернские ведомости. 1914. 26 июля. С. 1.

потребности лиц, населяющих эти помещения”³². А постановление 10 августа³³ и все запретило продажу спиртных напитков нижним воинским чинам.

Другое обязательное постановление, принятое воронежским губернатором по инициативе валуйской городской думы устанавливало в качестве летнего головного убора для извозчиков фуражку цвета «хаки»³⁴. Постановление от 10 октября³⁵ вводило принудительный и безвозмездный сбор с населения предметов военного обмундирования.

В Рязанской губернии в 1914 г. было издано 26 обязательных постановлений. Из них 12 были посвящены установлению правил торговли, 9 санитарным вопросам, 6 поддержанию общественного порядка. Первое постановление, принятое после начала войны, было утверждено 5 августа 1914 г. Оно было издано в связи с объявлением Рязанской губернии на положении чрезвычайной охраны³⁶. Следующее постановление, от 29 августа, как и в Воронежской губернии, касалось ограничения торговли спиртными напитками³⁷. По поводу оказания материальной помощи армии в Рязанской губернии 17 октября 1914 г. было принято постановление «для владельцев кожевенных заводов, суконных фабрик и оптовых складов, банков и торговцев готовым платьем и прочими предметами потребными и пригодными для нужд действующее армии»³⁸. Всего главноначальствующим Рязанской губернии было издано 8 постановлений, касавшихся перехода жизни региона на условия военного времени.

В Орловской губернии в 1914 г. было издано 15 обязательных постановлений. Только шесть из них касались наступившего военного времени. Первое и самое объемное из них было утверждено 26 июля 1914 г. по случаю введения в Орловской губернии Положения об усиленной охране. Постановление делилось на шесть отделов. Первый отдел «Для жителей городов и сельских местностей Орловской губернии» вводил запрет на проведение собраний, обсуждение политических вопросов и прочих проявлений подобных акций в том числе, например, пение революционных песен. В нем содержался подпункт «О езде на моторах» устанавливавший номерные знаки на всех механических средствах передвижения и предписывавший остановку по требованию полиции. Второй отдел «Для полосы отчуждения под железные дороги Орловской губернии» содержал требования аналогичные указанным в первом отделе. Третий отдел «Для жителей городов, сельских местностей и полосы отчуждения под железные дороги Орловской губернии» был посвящен общим вопросам охраны правопорядка. Например, он тщательно прописывал запреты на появление в нетрезвом виде в общественных местах, вторжение в чужое жилище. Его отличала детальность проработки вопросов. Например, воспрещалось “назойливое приставание к кому-либо” или “умышленно резкие расталкивания публики” и т.п. Четвертый отдел «Для жителей гг. Орла, Ельца, Брянска, поселков: Чугунной Радицы, Паровозной Радицы, Стеклоплавильной Радицы, Дубровки, Жуковки, Льговского и Бежицы и села Дятьково, Брянского уезда» вводил обязательную регистрацию всех пребывающих и останавливающихся лиц. Отдел пятый «Для жителей города Брянска и Брянского уезда» устанавливал запрет на ношение мелкого неогнестрельного оружия (кастетов, ножей, рогаток и т.п.). В шестом отделе «Для жителей местностей Орловской губернии, о пользовании оружием» содержались без особого разрешения ношение и торговля огнестрельным оружием (кроме охотничьего). Наконец, в заключении постановления был пункт «Об ответственности за нарушение обязательных постановлений» по

³² Воронежские губернские ведомости. 1914. 13 августа. С. 2.

³³ См.: Воронежские губернские ведомости. 1914. 13 августа. С. 1.

³⁴ См.: Воронежские губернские ведомости. 1914. 27 августа. С. 1.

³⁵ См.: Воронежские губернские ведомости. 1914. 18 октября. С. 1.

³⁶ Рязанские губернские ведомости. 1914. 9 августа. С. 1.

³⁷ Рязанские губернские ведомости. 1914. 3 сентября. С. 1.

³⁸ Рязанские губернские ведомости. 1914. 22 октября. С. 1.

которому виновным полагалось наказание в виде трехмесячного заключения или ареста либо штраф в размере трех тысяч рублей³⁹.

Вслед за этим постановлением последовали другие, тематика которых была схожа с аналогичными распоряжениями властей других губерний. Так, 31 июля 1914 г. последовало постановление, запрещающее повышение цен на предметы первой необходимости⁴⁰. 17 октября, 27 октября и 4 ноября 1914 г. были изданы три последовательно дополнявших одно другое постановления о реквизиции для нужд армии предметов обмундирования, обуви и сырья для их изготовления. Особенное внимание уделялось производителям и торговцам кожевенными изделиями (в основном обувью). Им предписывалось еженедельно сообщать сведения об имеющейся готовой продукции, а также график получения соответствующего сырья. Кроме того, устанавливались фиксированные цены на комплектующие к обувной продукции⁴¹. 26 октября 1914 г. орловский губернатор доносил в Департамент полиции МВД: «командующий войсками Московского округа в видах полученных сведений, что торговцы укрывают подлежащие реквизиции для нужд армии предметы, телеграммой просил меня об издании обязательного постановления, в силу которых торговцы и другие учреждения и лица, имеющие в своем распоряжении реквизируемые предметы, сами обязаны заявить о нахождении у них этих предметов»⁴². В постановлении, принятом 27 октября 1914 г. воспрещалось «сапожникам мастерам заменять выданный им товар другим, а равно употреблять в место новой кожи старую и соответственно и недоброкачественный приклад, владельцы кожевенных заводов и оптовые торговцы кожами обязываются еженедельно доставлять местной полиции точные сведения об имеющихся у них кожевенных товарах, с указанием также откуда и когда ожидается ими получение названных товаров»⁴³.

3 августа 1914 г. министр внутренних дел отправил телеграмму губернатору: «сообщая текст обязательного постановления, одобренное Советом министров, прошу сделать распоряжение о немедленном издании этих постановлений в порядке действующего губернии исключительного Положения, проект обязательного постановления: 1. воспрещается распитие крепких напитков на улицах, дорогах, площадях и в других местах; 2. воспрещается появление в общественных местах в состоянии явного опьянения; 3. воспрещается хранение в селениях крепких напитков в помещениях «частных лиц»⁴⁴. 4 августа 1914 г. соответствующие обязательные постановления «для жителей городов и местностей Орловской губернии»⁴⁵ были изданы.

Наряду с этим первая половина 1914 г. в Орловской губернии была по обыкновению отмечена вполне «мирными» обязательными постановлениями, посвященными по большей части городскому благоустройству, торговле, а также санитарным вопросам. Например, 12 февраля 1914 г. по инициативе Ливенской городской думы было принято восстановление «о посадке деревьев на улицах гор. Ливен, перед домами частных лиц и содержании их в исправности»⁴⁶. Трижды обязательные постановления принимались по инициативе собрания уполномоченных города Кром. 9 января 1914 г. – «о постройках на маломерных усадьбах в городе Кромах», 29 мая 1914 г. – «для жителей гор. Кром, о постройках и техническом надзоре за оными» и 13 июля 1914 г. – «об открытии и содержании в городе Кромах складов для кратковременного хранения костей»⁴⁷ и др.

³⁹ Орловские губернские ведомости. 1914. 26 июля. Прибавление.

⁴⁰ Орловские губернские ведомости. 1914. 2 августа. С. 2.

⁴¹ Орловские губернские ведомости. 1914. 18 октября. С. 1-2, 1 ноября. С. 2, 5 ноября. С. 1-2.

⁴² ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3762. Л. 163.

⁴³ ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3762. Л. 165.

⁴⁴ Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 580. Ст. 2. Д. 3762. Л. 142.

⁴⁵ ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3762. Л. 163; Орловские губернские ведомости. 1914. 4 августа. С. 2.

⁴⁶ Орловские губернские ведомости. 1914. 19 февраля. С. 2.

⁴⁷ Орловские губернские ведомости. 1914. 22 января. С. 2, 4 июня. С. 1, 19 июля. С. 1.

В Тамбовской губернии в 1914 г. было принято 35 обязательных постановлений. Первое постановление, посвященное военному положению – “об исполнении требований полиции, направленных к ограждению внешнего порядка и о распространении среди населения ложных слухов” было утверждено губернатором 4 августа 1914 г.⁴⁸ Всего за оставшуюся половину года было принято восемь постановлений касающихся условий военного времени. Так, дважды принимались постановления ограничивающие торговлю и употребление спиртных напитков, а также по борьбе со спекуляцией и т.п. 10 октября 1914 г. тамбовский губернатор утвердил подобное другим регионам постановление о реквизиции одежды для нужд армии, а 16 октября о принудительной закупке по фиксированным ценам продукции кожевенного производства⁴⁹.

В первую половину года принимались постановления, посвященные правилам торговли, санитарной охране, а также общим вопросам правопорядка. Например, 12 мая 1914 г. по инициативе Моршанской городской думы было составлено постановление “об упорядочении водовозного промысла”⁵⁰. 3 июня 1914 г. Тамбовская городская дума приняла постановление “о порядке производства в городе Тамбове торговли сеном и соломой”⁵¹. 7 июня 1914 г. было утверждено постановление Козловской городской думы “о мерах безопасности и порядке движения по улицам велосипедов, мотоциклеток и автомобилей”⁵² и др.

Наряду с этим, даже после объявления войны, губернатор продолжал утверждать постановления, подготовленные по инициативе органов самоуправления, касавшиеся вполне «мирных» вопросов. Так Борисоглебская городская дума 13 сентября составила постановление “о порядке мощения тротуаров и содержания как их, так и улиц, канав и мостов через канавы в исправности”⁵³. 7 ноября Елатомская городская дума подготовила постановление “об убое на городской скотобойне домашних животных, а также об осмотре привозимых в город Елатьму мясных туш и о содержании скотобойни”⁵⁴.

Таким образом, анализируя состав и периодичность издания обязательных постановлений можно сделать следующие выводы. Во-первых, наибольшее участие в их подготовке принимали органы самоуправления. Посредством этих мер главным образом решались вопросы городского благоустройства, санитарного состояния населенных пунктов. Большое число постановлений касалось правил торговли и в целом оказания каких-либо услуг. Очевидно, что к началу XX в. такая форма реализации полномочий органов общественного управления (главным образом городского) стала привычной и устойчивой. Многие постановления по отдельным частным вопросам городского благоустройства изменялись и заменялись посредством издания новых постановлений.

Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что постановлений изданных собственной властью и инициативной губернаторов невелико. Однако, они касались вопросов общественной безопасности, поддержание которой, как нам думается, было ключевой задачей в то время. Нам известно, что активные антиправительственные выступления в исследуемом регионе начались уже в начале 1905 г. Например, в Тамбовской губернии они были отмечены в январе, в Воронежской и Орловской губерниях в феврале, Рязанской губернии в марте и т.д.⁵⁵ Между тем, обязательные поста-

⁴⁸ Тамбовские губернские ведомости. 1914. 6 августа. С. 1.

⁴⁹ Тамбовские губернские ведомости. 1914. 11 октября. С.1; 18 октября. С. 1.

⁵⁰ Тамбовские губернские ведомости. 1914. 21 мая. С. 1.

⁵¹ Тамбовские губернские ведомости. 1914. 11 июня. С. 1.

⁵² Тамбовские губернские ведомости. 1914. 14 июня. С. 1.

⁵³ Тамбовские губернские ведомости. 1914. 24 сентября. С. 1.

⁵⁴ Тамбовские губернские ведомости. 1914. 15 ноября. С. 1.

⁵⁵ Страницы истории Тамбовского края. Воронеж, 1986. С. 79-80; Панова В.И. История Воронежского края. Воронеж, 2007. С. 133; Воробьева В.Я., Емельянов И.Н., Кострица А.Ф. Край наш Орловский. Тула, 1976. С. 11; История Рязанской власти: руководители Рязанского края, 1778-2008. Рязань, 2008. С. 193.

новления по вопросам охраны правопорядка появляются лишь в декабре 1905 г. С началом Первой Мировой войны с их помощью продолжали регулироваться важнейшие стороны жизни губернии. Хотя территория изучаемого региона была далека от театра военных действий, посредством обязательных постановлений все губернии были вовлечены в работу по тыловому обеспечению фронта.

SUBJECTS OF OBLIGATORY DECISIONS OF GOVERNORS IN THE BEGINNING OF XX CENTURY (ON MATERIALS OF PROVINCES OF THE BLACK-SOIL CENTER)

A.S. MINAKOV

Oryol State University

e-mail: minakovas@bk.ru

In the article the problematics of obligatory decisions of the governors published in beginning of the XX-th century, in center the provinces of the Chernozemny center is analyzed. The parity of decisions accepted by own power and bodies of public self-management is shown. The role of the central management in initiation of the edition of decisions is reflected. The subjects of decisions are considered in a context of the events of the First Russian revolution and of the beginning of the First World War beginning.

Key words: system of local management, the governors, the First Russian revolution, the First World War.

УДК 94(47).084.3

НЕВЬЯНСКОЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ 1918 ГОДА***М.И.ВЕБЕР**

*Институт истории
и археологии
Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург*

e-mail: mikeveber@mail.ru

Статья посвящена антибольшевистским восстаниям на заводах Среднего Урала в июне 1918 года. На основе архивных материалов и мемуаров автор реконструирует события Невьянского восстания и других, более мелких, восстаний. Впервые в исторической литературе эти восстания рассмотрены в контексте общей ситуации на Северо-Урало-Сибирском фронте. Автор делает вывод, что благодаря серии антибольшевистских рабочих восстаний в районе Екатеринбурга, Чехословацкий корпус мог захватить Екатеринбург уже в июне 1918 г.

Ключевые слова: Гражданская война в России, 1918 г., г. Невьянск, восстания, повстанчество, Чехословацкий корпус.

27 мая 1918 года началось вооружённое выступление частей Чехословацкого корпуса, обозначив тем самым новый этап в развитии Гражданской войны в России. На Урале действовала группа чешских войск под командованием подполковника С.Н.Войцеховского, сосредоточенная к началу мятежа главным образом в районе Челябинска¹. Общая численность группы Войцеховского на момент восстания составляла 8750 человек (включая сюда нестроевых солдат и солдат вспомогательных подразделений)². Ядро группы составляли 2-й и 3-й полки первой дивизии корпуса³. Учитывая размер театра боевых действий, сил этих для эффективной борьбы с большевиками, на порядок превосходящими чехов своим организационно-мобилизационным потенциалом, было недостаточно.

Однако, в тылу у большевиков в июне 1918 года вспыхнули многочисленные восстания⁴. Наибольший резонанс из них в исторической литературе вызвало — потому что было первым и одним из самых крупных — рабочее восстание в г.Невьянске. Вместе с тем, если говорить о советской историографии, то большинство авторов ограничивались простым упоминанием о событиях в Невьянске, а иногда — как в случае с вышедшими в 1980-е гг. обобщающими работами по истории рабочего класса и Гражданской войны — не упоминали о них вовсе. Наиболее подробно Невьянское восстание было описано в советской историографии в историческом очерке В.Рыбина, опубликованном в журнале «Урал» (№7 за 1978 год)⁵. Но так как В.Рыбин в своей работе опирался исключительно на воспоминания, совершенно не используя другие виды исторических источников, в его публикации много неточностей, совершенно не описан ход боевых действий и т.д. Немало ошибок в описании Невьянского восстания и в коллективной монографии Т.Г.Кина, Г.П.Софронова и П.Г.Феофанова, также изданной в 1978 году⁶. Что касается документальных публикаций по данной

* Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного контракта № 02.740.11.0348 по теме «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов».

¹ Константинов С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1997. С. 79.

² Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1. С. 195.

³ Константинов С.И. Указ. соч. С. 79.

⁴ См: Плотников И.Ф. Специфика партизанского движения белых и красных на Урале в Гражданской войне//Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей / Под ред. И.В. Нарско-го и О.Ю. Никоновой. М., 2001. С. 98-110.

⁵ Рыбин В. Мятеж автомобилистов//Урал. 1978. №7. С. 150-154.

⁶ Кин Т.Г., Софронов Г.П., Феофанов П.Г. Первый рабоче-крестьянский. Боевой путь первого рабоче-крестьянского полка 1918-1922 гг. Свердловск, 1978. С. 9-12.

теме, то они ограничиваются опубликованными в сборнике 1957 года воспоминаниями невянского комиссара финансов Н.М.Матвеева⁷.

В современной российской историографии однозначно негативные оценки Невьянского восстания, присущие исследованиям советских авторов, были преодолены, что нашло отражение в ряде работ энциклопедического характера⁸. Тем не менее, описания восстания по-прежнему грешат ошибками и неточностями и, зачастую, основаны на недопустимо узкой источниковой базе. Например, в монографии Д.О.Чуракова, посвященной формам рабочего протеста в 1917-1918 гг., этим событиям отведено всего 3 страницы из 367⁹. Причём написаны они не столько на материалах российских архивов, сколько на документах и воспоминаниях, опубликованных ещё в 1982 году в известном сборнике документов «Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919» американского историка М.С.Бернштама¹⁰. Бернштам же, не имевший возможности получить полноценный доступ к советским архивам, описывает Невьянское восстание на основе всё тех же воспоминаний Н.М.Матвеева, перепечатанных из упоминавшегося советского сборника 1957 года.

В целом, практически у всех авторов, и советских, и современных, слабо отражён ход боевых действий во время подавления Невьянского восстания. Кроме того, Невьянское восстание, как правило, рассматривается изолированно от ряда других восстаний на заводах Среднего Урала, вспыхнувших в районе г.Екатеринбурга в середине июня 1918 года. Цель данной статьи — описать и охарактеризовать на основе архивных материалов ход и последствия Невьянского и более мелких рабочих восстаний вокруг Екатеринбурга в контексте общей ситуации на Северо-Урало-Сибирском фронте.

Восстание в г.Невянске — центре одноименного горного округа — началось 12 июня 1918 года¹¹. В рассматриваемый период Невьянск с 14 000 жителей был одним из крупнейших населённых пунктов Пермской губернии. В городе находились механический и артиллерийский заводы, на которых в 1917 году трудились до 4000 рабочих¹². Недалеко от города, в районе ж.д. станции Невьянск, располагался также большой цементный завод¹³.

По воспоминаниям современников, одной из главных причин восстания послужило обострение продовольственного кризиса, ответственность за который население возлагало на большевистскую власть¹⁴. Собранное большевиками в конце мая в связи с выступлением чехов общее собрание фронтовиков Невьянска фактически выразило вотум недоверия местной власти, отказавшись воевать с чехами и потребовав немедленно выдать фронтовикам оружие¹⁵. Начало восстания, как это нередко случалось в ходе Гражданской войны¹⁶, спровоцировали распространившиеся по Невьянску 11 июня слухи о приближении чешских отрядов к Екатеринбургу и эвакуации

⁷ В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов-участников Октябрьской революции и Гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957. С. 137-142.

⁸ См.: Плотников И.Ф. Невьянское восстание//Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000; Военная история Урала: События и люди / Под ред. А.В.Сперанского. Екатеринбург, 2008. С. 183-187.

⁹ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России (1917-1918). М., 2004. С. 104-106.

¹⁰ Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919. Документы и материалы / Под ред. М.С. Бернштама. Париж, 1982. С. 81-88.

¹¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 2. Д. 386. Л. 28.

¹² Воробьев В. Перед рассветом (Невянск 1916-1917). Воспоминания. Л., 1925. С. 12-13.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 202. Л. 41а.

¹⁵ Там же. Д. 386. Л. 11.

¹⁶ См: Вебер М.И. Слухи как элемент Гражданской войны 1917-1921 гг. в России: условия возникновения, механизм распространения, влияние на окружающую реальность//Восьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 2010. С. 174-177.

из него большевиков¹⁷. Инициаторами выступления стали т.н. автомобилисты — работники 4-й тыловой автомобильной мастерской Северного фронта, эвакуированной в Невьянск в конце марта 1918 года (около 200 человек)¹⁸.

В духе веяний революционной эпохи ещё в 1917 году автомобилисты сформировали для самозащиты боевую дружину, на вооружении которой было 100 винтовок без патронов¹⁹. Однако, начальнику этой дружины эсеру А.Н.Елисеенко под предлогом борьбы с мятежом чехов удалось получить в начале июня 1918 года от Екатеринбургского военкомата для своего отряда ещё 100 винтовок, 75 000 патронов и 2 пулемёта²⁰. Елисеенко решил воспользоваться тем, что 8 июня местный красногвардейский отряд выехал на фронт и невяньские большевики потеряли вооруженную опору²¹. 12 июня в 11 часов утра Елисеенко с отрядом в 16 человек захватил здание исполкома совдепа и арестовал всю местную большевистскую верхушку, при этом был убит председатель невяньской следственной комиссии П.П.Шайдуков и ещё 3 большевика ранены²². Ночью автомобилисты расстреляли председателя исполкома большевика С.Ф.Коськовича (партийная кличка «Авотын»)²³.

13 июня заводскими гудками восставшие собрали общий сход населения, на котором были выбраны новые органы власти. Для руководства боевыми действиями был создан военный штаб, в который вошли представители автомобилистов (П.Кукушкин, Милентьев, Васильев и др.) и местные жители (правый эсер заводской служащий А.М.Воробьев, меньшевик Бахтин, офицеры В.Миллер, Фролов, Бродовский, Хионин и др.)²⁴. Гражданскую же власть в Невьянске возглавил бывший начальник почтово-телеграфной конторы Арбузов²⁵. Вопреки утверждениям ряда советских историков, лозунги Невьянского восстания не были антисоветскими. Как отмечалось в большевистской газете «Известия Уральского обл.совета» (№136 от 19 июня 1918 года), восставшие выступали только против диктата большевиков, за народовластие на демократических началах²⁶. Создаваемые повстанцами в качестве органов местного самоуправления органы «Крестьянского союза», судя по всему, отличались от советов крестьянских депутатов только вывеской. С другой стороны, опыт заводских поселений, в которых повстанцам в 1918 году удалось на длительный срок удержаться у власти (Куса, Сатка, Ижевск, Воткинск и др.), показывает, что рано или поздно советы депутатов или другие подобные органы социалистической окраски полностью вытеснялись земствами (Куса, Сатка) либо специальными милитаризованными органами управления (Ижевск и Воткинск).

В этот же день, 13 июня, произошли антибольшевистские выступления на соседних с Невьянском небольших Верх-Нейвинском железоделательном и Нейво-Рудянском (производящим серную кислоту) заводах. В Верх-Нейвинском заводе восстание спровоцировал прибывший из Невьянска отряд повстанцев под командованием поручика Фролова²⁷. Верх-нейвинских мятежников возглавили бывший управляющий завода эсер Печковский и офицер В.Н.Бочкарев²⁸. Они разоружили красногвардейский отряд и арестовали около 20 местных большевиков во главе с председа-

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 386. Л. 13.

¹⁸ Там же. Л. 4-7.

¹⁹ Там же. Л. 12-13.

²⁰ Там же.

²¹ В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов-участников Октябрьской революции и Гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957. С. 138.

²² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 386. Л. 28.

²³ В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов-участников Октябрьской революции и Гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957. С. 138-139.

²⁴ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 386. Л. 56.

²⁵ Там же. Л. 28.

²⁶ Там же. Л. 29-31.

²⁷ Рыбин В. Мятеж автомобилистов//Урал. 1978. №7. С. 152.

²⁸ Кин Т.Г., Софронов Г.П., Феофанов П.Г. Указ. соч. С. 9.

телем совдепа Ф.Тююшевым, отправив их под конвоем в Невьянск²⁹. Таким образом, Невьянское восстание в сжатые сроки охватило довольно значительный район, включающий Быньговскую, Таволжскую, Шуралинскую, Верхне-Тагильскую, Рудянскую и Верх-Нейвинскую волости. Всего, по воспоминаниям невянского комиссара финансов Н.М.Матвеева, повстанцами было арестовано в самом Невьянске около 40 большевиков, и до 60 большевиков в окрестных волостях³⁰.

Чтобы добыть оружие, которого не хватало, утром 13 июня отряд повстанцев численностью около 50 человек при 2 пулемётах во главе с автомобилистом Адамчуком совершил налёт на г.Нижний Тагил³¹. Так как в этот день отмечался крупный церковный праздник (Троицын день), большая часть охранявшей Нижний Тагил красногвардейской роты была распущена по домам³². Это сыграло на руку повстанцам. Они сравнительно легко разоружили взвод красноармейцев на ж.д. станции Нижний Тагил и арестовали в самом городе в гостинице «Эрмитаж» сотрудников исполкома совдепа и ЧК³³. Но при попытке занять здание тагильского совдепа повстанцы получили вооруженный отпор со стороны маленького отряда, на скорую руку собранного зам.председателя совдепа В.Р.Носовым и политкомиссаром тагильского военкомата П.Н.Овчинкиным³⁴. После небольшой перестрелки повстанцы были выбиты из города и уехали на поезде назад в Невьянск, захватив 180 винтовок и несколько тысяч патронов³⁵.

Можно согласиться с оценкой Д.О.Чуракова, полагающего, что этот момент был переломным для развития восстания³⁶. Несомненно, организуй повстанцы налёт на Нижний Тагил большими силами, им бы удалось захватить город. В этом случае масштабы и последствия восстания резко увеличились бы — до уровня Ижевско-Воткинского восстания. История, однако, не знает сослагательного наклонения. Отбив повстанцев, тагильские большевики запросили по телеграфу помощь у совдепов Екатеринбурга и соседних заводов³⁷. Восстание было локализовано силами подоспевших красногвардейских отрядов. Боевые действия велись, главным образом, вдоль линии Горнозаводской ж.д.: у ст.Анатольской со стороны Нижнего Тагила и у ст.Нейво-Рудянка со стороны Екатеринбурга.

Какова была численность повстанцев? Однозначного ответа на этот вопрос нет. В советской, а затем и в российской исторической литературе чаще всего фигурировала цифра в 5 000 человек, взятая из воспоминаний невянского комиссара финансов Н.М.Матвеева³⁸. Но не стоит забывать, что Н.М.Матвеев весь период восстания провёл в тюрьме и не имел возможности лично наблюдать описываемые им события. На мой взгляд, предпочтительней воспользоваться воспоминаниями начальника отряда Красной гвардии Бисерского завода фронтовика И.П.Ермакова, участвовавшего в боях с повстанцами со стороны Нижнего Тагила. Он оценил силы противника в 1500-2000 человек³⁹. Учитывая, что часть повстанцев сражалась на екатеринбургском направлении, их общую численность можно определить примерно в 2500-3000 человек.

Много это или мало? Для июня 1918 года 3000 бойцов — серьёзная величина, это даже не заноза, а настоящий нож в спину большевистским отрядам, сражающимся с чехами. Достаточно упомянуть, что большевики, только начинающие строить

²⁹ Рыбин В. Мятёж автомобилистов//Урал. 1978. №7. С. 152.

³⁰ В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов-участников Октябрьской революции и Гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957. С. 138-141.

³¹ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 386. Л. 56.

³² Кин Т.Г., Софронов Г.П., Феофанов П.Г. Указ. соч. С. 10.

³³ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 202. Л. 23-24.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Д. 386. Л. 15.

³⁶ Чураков Д.О. Указ. соч. С. 106.

³⁷ Кин Т.Г., Софронов Г.П., Феофанов П.Г. Указ. соч. С. 10.

³⁸ См.: Кин Т.Г., Софронов Г.П., Феофанов П.Г. Указ. соч. С. 10 ; Чураков Д.О. Указ. соч. С. 106.

³⁹ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 202. Л. 12.

массовую Красную армию, имели, согласно докладу военкома С.А.Анучина, к 15 июня 1918 года всего около 20 000 солдат на весь Уральский военный округ⁴⁰. Однако, повстанцы испытывали острую нехватку стрелкового оружия. Как вспоминал И.П.Ермаков, «на наше счастье белобандиты не были достаточно вооружены, хотя и имели в своем распоряжении несколько пулеметов, сотни две винтовок, основную массу оружия составляли охотничьи ружья и наспех скованные железные копья, насаженные на деревянные пики»⁴¹. По оценкам белых, всего на вооружении у невянских повстанцев было до 450 винтовок и 8 пулемётов⁴².

Характерно, что современный российский историк В.Л.Телицын в статье, посвященной антибольшевистскому повстанчеству на Урале, отрицает наличие у невянских повстанцев пулемётов и бронеавтомобилей⁴³. Между тем, многочисленные архивные источники недвусмысленно подтверждают наличие у повстанцев пулемётов, 1-2 орудий и как минимум одного исправного бронеавтомобиля⁴⁴. По моему мнению, ошибка В.Л.Телицына обусловлена тем, что он определяет социальный состав восставших как крестьянский, в то время как ядро повстанцев составляли рабочие крупного военного завода — Невьянского артиллерийского, а также технический персонал военной автомастерской, среди имущества которой были находящиеся на ремонте бронеавтомобили.

Стоит отметить, что командование красных хорошо осознавало угрозу, созданную Невьянским восстанием, и было готово бороться с ним любыми средствами. Сохранилась инструкция, данная 17 июня 1918 года и.о. командира 3-го Екатеринбургского интернационального полка Р.П.Вайняну, назначенному руководить подавлением восстания. В ней, в частности, говорится «Вам штаб фронта поручает не позже чем в 3-дневный срок вырвать с корнем контрреволюционное гнездо, засевшее в районе между Шайтанской и Таватум... Ваша задача беспощадно выжечь все те заводские поселки, население которых принимало участие в контрреволюционном выступлении. Штаб фронта считает, что если первое восстание будет жестоко подавлено и об этом будет широко оповещено всё население Урала, то это отобьёт всякую охоту к дальнейшим выступлениям одураченных меньшевиками, правыми эсерами, белогвардейцами рабочих масс, недовольных ухудшением продовольственного вопроса и предстоящей мобилизацией. Решительное подавление Невьянского бунта сэкономит нам в будущем отправки живых сил на карательные экспедиции»⁴⁵.

Сохранившиеся свидетельства о ходе боевых действий достаточно противоречивы, но всё же позволяют восстановить общую картину. Со стороны Екатеринбурга бои шли в районе ст.Нейво-Рудянка. Первоначально большевики направили на подавление восстания из Екатеринбурга команду железнодорожной охраны во главе с Родионовым (200 человек), которой пришлось вести оборонительные бои с превосходящими силами повстанцев⁴⁶. Затем к ней на помощь подошёл отряд латышских интернационалистов в количестве 100 человек под командованием Осипова⁴⁷ (очевидно, из состава 3-го Екатеринбургского интернационального полка). Так как перелома в боях не наблюдалось, 17 июня на фронт был командирован Р.П.Вайнян с чрезвычайными полномочиями и дополнительными силами интернационалистов. В подавлении восстания был задействован весь 2-й батальон 3-го Екатеринбургского

⁴⁰ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 46.

⁴¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 202. Л. 12.

⁴² Там же. Д. 386. Л. 17.

⁴³ Телицын В.Л. Антибольшевицкое бунтарство на Урале в годы гражданской войны: численность формирований, тактика и вооружение // Урал в событиях 1917-1921 гг. Актуальные проблемы изучения: Материалы регионального научного семинара 24-25 апреля 1999 г., г. Челябинск / Под ред. И.В. Нарского. Челябинск, 1999. С. 37-52.

⁴⁴ См.: ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 102. Л. 47; Оп. 2. Д. 359. Л. 4; Д. 362. Л. 42.

⁴⁵ Там же. Ф. 41. Оп. 2. Д. 359. Л. 63-66.

⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 102. Л. 47.

⁴⁷ Там же. Оп. 2. Д. 359. Л. 63.

интернационального полка в количестве 323 человек⁴⁸. Тем не менее, только 19 июня большевикам удалось занять Нейво-Рудянку и Верх-Нейвинский завод⁴⁹. Трофеем интернационалистов стал броневедомоцил повстанцев⁵⁰.

Значительно успешнее для красных шло наступление на Невьянск со стороны Нижнего Тагила. На призыв комиссара П.Н.Овчинкина о помощи прислали свои красногвардейские отряды совдепы Алапаевска, Лысьвы, Бисера, Пашии, Кушвы, Сосьвы, Вологды, Верхней и Нижней Салды и др.⁵¹. Сформированный из них сводный отряд повёл с утра 14 июня наступление на Невьянск вдоль линии ж.д. Повстанцам на 2 дня удалось задержать большевиков около ж.д. разъезда 116⁵². Но наступление красных возобновилось, когда на помощь им прибыл отряд железнодорожников из Перми⁵³. Как сообщалось в срочной телеграмме члена коллегии Наркомвоена РСФСР В.А.Трифоновца из Перми в Екатеринбург, «железнодорожников под Невьянском отряд в 150 человек с пульмановской платформой»⁵⁴. В наступлении также принял участие отряд мадьяр численностью 40 человек⁵⁵. Что касается местных красногвардейских отрядов, то И.П.Ермаков в своих воспоминаниях оценивает их численность в 230 человек⁵⁶, П.Н.Овчинкин — в 350 человек⁵⁷, в переписке штаба Северо-Урало-Сибирского фронта можно также встретить цифру в 700 человек⁵⁸. Возможно, расхождения обуславливаются тем, что из прибывших красногвардейцев только часть принимала непосредственное участие в боях, а остальные находились в резерве и охраняли Нижний Тагил.

Несмотря на то, что повстанцы укрепились около города, вырвав там, в частности, окопы полного профиля⁵⁹, 17 июня 1918 года большевики, наступавшие со стороны Нижнего Тагила, заняли Невьянск. При отступлении из города восставшие забросали гранатами помещения, где содержались под арестом местные большевики⁶⁰. В результате погибло 11 человек (а не 30, как ошибочно утверждали советские историки⁶¹), и ещё 11 было ранено⁶². На следующий день повстанцы были выбиты также из района цементного завода и ж.д. станции Невьянск⁶³. По воспоминаниям красногвардейца Пашийского завода К.А.Субботина, трофеями большевиков в Невьянске стали: 3-х дюймовое орудие, 2 пулемёта и походная кухня⁶⁴. 19 июня красным прибыли из Перми новые крупные подкрепления. Согласно телеграмме пермского начопштаба Никонова в штаб Северо-Урало-Сибирского фронта от 22 июня 1918 года, «19 июня по горнозаводской линии в Ваше распоряжение [выслана] одна 4-х орудейная батарея с прислугой 120 человек и пехотный отряд в 250 шт., командир тов. Леман, комиссар Ганезин»⁶⁵.

С прибытием этого отряда на фронт организованное сопротивление повстанцев было сломлено: не выдержав артиллерийского огня они рассеялись по лесам⁶⁶.

⁴⁸ Кин Т.Г., Софронов Г.П., Феофанов П.Г. Указ. соч. С. 11.

⁴⁹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 362. Л. 42.

⁵⁰ Там же. Д. 359. Л. 4.

⁵¹ См.: Там же. Д. 202. Л. 9-10; Л. 24.

⁵² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 359. Л. 5.

⁵³ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 202. Л. 10.

⁵⁴ Там же. Д. 361. Л. 97.

⁵⁵ Там же. Д. 202. Л. 9.

⁵⁶ Там же. Л. 9-11.

⁵⁷ Там же. Л. 25.

⁵⁸ Там же. Д. 361. Л. 95.

⁵⁹ Там же. Д. 202. Л. 10.

⁶⁰ В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов-участников Октябрьской революции и Гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957. С. 140.

⁶¹ Кин Т.Г., Софронов Г.П., Феофанов П.Г. Указ. соч. С. 11.

⁶² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 386. Л. 57.

⁶³ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 202. Л. 11.

⁶⁴ ГАПК. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 359. Л. 5.

⁶⁵ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 361. Л. 101.

⁶⁶ Там же. Д. 202. Л. 26.

Наступавшие со стороны Нижнего Тагила красные отряды соединились в районе Нейво-Рудянки с частями, наступавшими со стороны Екатеринбурга⁶⁷. Таким образом, к 20 июня 1918 года Невьянское восстание было окончательно подавлено. Начались репрессии против активных участников восстания, не успевших скрыться. Среди прочих в Невьянске был расстрелян один из руководителей восстания А.М.Воробьев⁶⁸. Части повстанцев удалось пересидеть период большевистской власти в лесах около дер. Кунары, другие после поражения попытались группами и в одиночку пробраться на территорию, контролируемую чехами⁶⁹. Их ловили и расстреливали на месте. В документах штаба Северо-Урало-Сибирского фронта есть следующие записи от 28 июня 1918 года: «комендант военными силами Верх-Нейвинского района тов. Пукнис доносит, что им пойманы 2 шпиона из Невьянской автомобильной роты с оружием в руках, которые 27 [июня] расстреляны... в Билимбае расстреляли 5 невянцев, одного из них бывшего прапорщика Карманова, руководителя восстания»⁷⁰. Кроме того, в Екатеринбурге был опознан и во время задержания застрелился лидер повстанцев А.Н.Елисеенко⁷¹.

Всего, по данным белой печати, жертвами красного террора в Невьянске стали 300 человек⁷². Эта цифра представляется завышенной, но реальное число жертв, учитывая характер инструкций, данных командиру карательной экспедиции Р.П.Вайняну, должно быть велико. Как вспоминал военком П.В.Жебенёв, чьи отряды были расквартированы в Невьянске в начале августа 1918 года: «Невянск был терроризирован частями, которые там были раньше, было что-то ужасное. Я хотел собрать митинг, разъяснить какие мы имели цели и задачи, население заперлось и никто не выходит»⁷³.

Характерно, что число жертв террора с обеих сторон превысило боевые потери, которые были невелики. Согласно воспоминаниям И.П.Ермакова, потери красных отрядов, наступавших на Невьянск со стороны Нижнего Тагила, составили 10 убитых и 20-30 раненых⁷⁴. Эти данные подтверждаются архивными документами⁷⁵. В большевистских отрядах, наступавших со стороны Екатеринбурга, потери были ещё меньше. Как отмечал в своём докладе на заседании Екатеринбургского городского совета депутатов 19 июня 1918 года председатель его исполкома С.Е.Чуцкаев, «во время сражений под Невьянском убит тов.Родионов и ещё один человек и пятеро оказались ранеными»⁷⁶. Потери повстанцев, судя по сохранившимся свидетельствам, были сопоставимы с потерями красных⁷⁷. Низкий уровень боевых потерь объясняется, на мой взгляд, низким уровнем боевой подготовки и красногвардейцев, и повстанцев. Фактически, с обеих сторон друг против друга воевали не профессиональные солдаты, а рабочие, большинство из которых, в силу работы в оборонной промышленности, не имело боевого опыта Первой мировой войны.

Почему Невьянское восстание потерпело поражение? На мой взгляд, можно выделить две основные причины. Во-первых, как уже упоминалось, повстанцы испытывали большую нехватку стрелкового оружия. Фактически, лишь у одного повстанца из семи была винтовка. Низкая огневая мощь свела на нет трёхкратное численное превосходство невянцев над карательными отрядами красных, позволив ликвидировать восстание относительно небольшими силами. Во-вторых, и это главное, пов-

⁶⁷ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 361. Л. 11.

⁶⁸ Воробьев В. Указ. соч. С. 74.

⁶⁹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 386. Л. 18.

⁷⁰ Там же. Д. 359. Л. 99-100.

⁷¹ Рыбин В. Мятёж автомобилистов//Урал. 1978. №7. С. 154.

⁷² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 386. Л. 18.

⁷³ Там же. Д. 198. Л. 16.

⁷⁴ Там же. Д. 202. Л. 12.

⁷⁵ Там же. Д. 362. Л. 45.

⁷⁶ Там же. Оп. 1. Д. 102. Л. 47.

⁷⁷ Там же. Оп. 2. Д. 386. Л. 16.

станции не получили помощи от чехов из группы Войцеховского, которые в период восстания находились в районе г. Кыштым, в 110 км к юго-западу от Екатеринбурга и в 185 км от Невьянска, и активных наступательных действий на этом направлении не вели. Отправленный повстанцами к чехам с просьбой о помощи гонец — автомобилист Мильчевский — был перехвачен большевиками⁷⁸.

Политическое значение Невьянского восстания в контексте эпохи заключалось в том, что оно впервые в таком масштабе и очень наглядно показало раскол в том классе, от имени которого осуществляла свою диктатуру и в котором видела свою главную опору партия большевиков. Оказалось, что значительной части уральских рабочих пришлась не по вкусу радикальная внутренняя и внешняя политика большевиков. К июню 1918 года количество недовольных на заводах Урала достигло критической массы. В ряде случаев большевикам, действуя быстро и решительно, удалось не допустить открытого восстания. Например, уже упоминавшийся нижнетагильский комиссар П.Н.Овчинкин вспоминал, как в 20-х числах июня на главной площади города по случаю мобилизации в РККА на борьбу с чехами собралась полуторатысячная толпа, скандировавшая «долгой братоубийственную войну!», «долгой большевиков!»⁷⁹. От стихийного бунта большевиков спасло только то, что Овчинкин немедленно лично расстрелял одного из протестующих⁸⁰.

Похожий инцидент, но в больших масштабах и грозящий более значительными последствиями, произошёл в Екатеринбурге непосредственно в дни Невьянского восстания. 12 июня 1918 года⁸¹ (а не 10 июня, как это ошибочно указывается в ряде советских исследований, а также в вышеупомянутых работах М.С.Бернштама и Д.О.Чуракова⁸²) рабочие расположенного рядом с городом Верх-Исетского завода собрались на митинг, организованный местным «Союзом фронтовиков», во главе которого стояли есаул Мамкин и гвардейский штабс-капитан Ростовцев⁸³. Поводом к митингу послужила готовящаяся мобилизация в РККА. Как отмечал в докладе от 14 июня 1918 года Высшему военному совету командующий вновь образованным Северо-Урало-Сибирским фронтом Р.И.Берзин «рабочие Верхне-Исетского завода на многотысячном митинге не давали говорить представителям советской власти и заявляли, что с чехо-словаками у них вражды нет»⁸⁴. В ходе митинга рабочие выдвинули требование вооружить «Союз фронтовиков» и разоружить отряды Красной гвардии⁸⁵. С этими требованиями ими был послан парламентёр в исполком совета депутатов.

В распоряжении большевиков был лишь сравнительно небольшой отряд в 60 пехотинцев, 20 кавалеристов и 12 пулеметчиков, но они действовали быстро и решительно⁸⁶. Арестовав парламентаря, большевики установили в здании исполкома 3 пулемета, а на площадь к митингующим отправили конный отряд во главе с П.З.Ермаковым⁸⁷. Ермаков, оставив отряд в засаде, вышел на импровизированную трибуну и потребовал от рабочих разойтись, а когда они отказались, выстрелил в лидера митингующих Мамкина⁸⁸. В этот момент на площадь ворвался конный отряд красных и в толпе началась паника, люди разбежались по домам. Непосредственно на площади большевиками был расстрелян один человек, пойманный с гранатами, и

⁷⁸ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 386. Л. 16.

⁷⁹ Там же. Д. 202. Л. 41а.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Оп. 1. Д. 102. Л. 44.

⁸² См.: Роцевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 72; Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919. Документы и материалы / Под ред. М.С. Бернштама. Париж, 1982. С. 85; Чураков Д.О. Указ. соч. С. 106.

⁸³ Бессонов Ю. Рабочие Верхисетского завода в гражданской войне. 1918. Свердловск, 1935. С. 94.

⁸⁴ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 359. Л. 21.

⁸⁵ Там же. Оп. 1. Д. 102. Л. 43.

⁸⁶ В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов-участников Октябрьской революции и Гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957. С. 91.

⁸⁷ Бессонов Ю. Указ. соч. С. 96-101.

⁸⁸ Там же.

арестованы лидеры «Союза фронтовиков», в том числе Мамкин⁸⁹. Ростовцеву удалось бежать с площади, но позже он был убит патрулем при попытке добраться до жд вокзала Екатеринбург, чтобы уехать из города⁹⁰.

Всю ночь после разгона митинга в посёлке Верх-Исетского завода шли аресты и обыски. Всего, по сведениям Ю.Бессонова, было арестовано 140 человек⁹¹. В ходе допросов выяснилось, что у «Союза фронтовиков» были установлены связи с кавалерийским дивизионом под командой поручика Г.А.Ардашева⁹² (сына двоюродного брата В.И.Ленина). Ардашев был арестован и расстрелян, несмотря на своё родство с вождём российской революции⁹³. Утром в Екатеринбург прибыл с фронта 3-й Екатеринбургский интернациональный полк и положение стабилизировалось⁹⁴. Но зачастую ситуация выходила из-под контроля большевистских властей.

Одновременно с восстанием рабочих Невьянского и Верх-Нейвинского заводов произошло также выступление рабочих Каслинского чугунолитейного завода, расположенного в ближайшем тылу красных отрядов, обороняющих Екатеринбургско-Челябинское направление. В одном из архивов Урала сохранились воспоминания С.К. Полякова, избранного весной 1918 года в Каслях комиссаром земледелия и организовавшего позднее на заводе красногвардейский отряд⁹⁵. Поляков отмечает, что в отряд записалось всего 30 человек. Это совсем немного, учитывая что на заводе работало порядка 2000 рабочих⁹⁶, и, на мой взгляд, свидетельствует о слабости социальной базы большевиков в указанный период. После того, как этот красногвардейский отряд ушел на фронт, большевистская власть в Каслях пала. На заводе был сформирован отряд самообороны, возглавляемый местными эсерами⁹⁷.

В телеграмме в Москву от 13 июня 1918 года за № 123 военрук советских войск на Екатеринбургско-Челябинском фронте Муравьев докладывает, что «Совета в Каслях нет, вчера арестовано 12 наших, организуется отряд в 200 коней против Советов... 4 красноармейца расстреляно»⁹⁸. В документах штаба Северо-Урало-Сибирского фронта имеется следующая запись от 16 июня 1918 года: «5) поручено занять Каслинский завод, в котором по самым последним сведениям образовался Комитет общественной безопасности, расстреляно 2-3 красноармейца. Свести самые строгие счёты с местными кулаками Каслинского завода»⁹⁹.

Директива красного командования была выполнена в этот же день. Согласно воспоминаниям С.К.Полякова на подавление восстания выступили 70 человек из отряда П.И.Жебенёва и 150 человек из отряда С.В.Мрачковского¹⁰⁰. После упорного боя, в ходе которого красные потеряли 19 человек убитыми, им удалось разбить отряд повстанцев и занять завод¹⁰¹. Как отмечается в оперативной сводке Уральского окрвоенкома № 017 от 17 июня 1918 года, «белогвардейцы, оставив в наших руках 4 убитых,

⁸⁹ Бессонов Ю. Указ. соч. С. 96-101.

⁹⁰ В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов-участников Октябрьской революции и Гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957. С. 91.

⁹¹ Бессонов Ю. Указ. соч. С. 102.

⁹² Там же.

⁹³ Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале (1917-1922). Энциклопедия и библиография. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 214.

⁹⁴ В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов-участников Октябрьской революции и Гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957. С. 91.

⁹⁵ Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-596. Оп. 1. Д. 330. Л. 121-122.

⁹⁶ Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919. Документы и материалы / Под ред. М.С. Бернштама. Париж, 1982. С. 55.

⁹⁷ ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 330. Л. 122.

⁹⁸ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 359. Л. 89-90.

⁹⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰⁰ ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 330. Л.121-122.

¹⁰¹ Там же.

1 раненого, отшли в направлении на Кыштым»¹⁰². Победители сразу же начали мстить не успевшим эвакуироваться сторонникам повстанцев. По данным Полякова, всего на Каслинском заводе было арестовано и предано военно-полевому суду 72 человека¹⁰³.

16 июня 1918 года вспыхнуло рабочее восстание в непосредственной близости от Екатеринбурга — на Нижне-Исетском заводе. Как отмечалось в уже упоминавшемся докладе С.Е.Чуцкаева от 19 июня, в Нижне-Исетском заводе «фронтвики в воскресенье свергли власть Совета и начали наводить свои порядки. По распоряжению Коменданта [Екатеринбурга] в Нижне-Исетск были двинуты войска, которые захватили там главных виновников и восстановили [большевистскую] власть»¹⁰⁴.

В это же время произошло антибольшевистское восстание на Полевском и Северском железодобывательных заводах, расположенных в 40 км к юго-западу от Екатеринбурга¹⁰⁵. Рабочие арестовали местные советы депутатов и организовали отряды самообороны. По сведениям С.Е.Чуцкаева, «после выступления мятежники там окопались и приготовились к сопротивлению»¹⁰⁶. Однако, ввиду отсутствия помощи со стороны челябинской группы чехов и белых, которая в данный момент готовила наступление на Златоуст и на екатеринбургском направлении активных боевых действий не вела, восстание было быстро подавлено снятыми с фронта частями красных. Так, оперативная сводка Уральского окрвоенкома от 19 июня 1918 года отмечает, что «высланный в Полевской завод отряд Стаканова после 2-часовой перестрелки занял этот завод и подавил восстание, контрреволюционеры бежали в направлении Колчедан»¹⁰⁷. (Интересно, что уже 21 июня 1918 года эта оперативная сводка была с ошибками перепечатана в четвёртом номере петроградской газеты меньшевистского толка «Новое дело народа», причём Полевской завод превратился в ней в Павловский, откуда попала на страницы упоминавшейся книги М.С.Бернштама¹⁰⁸, который говорит о восстании на мифическом Павловском и реальном Полевском заводах как о двух разных восстаниях¹⁰⁹).

Обобщая, можно утверждать, что во второй половине июня 1918 года серия рабочих восстаний на заводах Среднего Урала сотрясла тылы Северо-Урало-Сибирского фронта красных. Таким образом, для группы С.Н.Войцеховского сложилось крайне благоприятное положение для захвата Екатеринбурга. Однако, чехи его не использовали. Заняв 10 июня 1918 года г.Кыштым, они приостановили наступление на Екатеринбург. На мой взгляд, это объясняется тем, что численность чехов была слишком незначительна, чтобы активно действовать одновременно по 3 операционным направлениям — на Уфу, на Екатеринбург и на Омск. Приоритет же отдавался соединению с группой С.Чечечка и, соответственно, наступлению по линии ж-д на Златоуст-Уфу.

Наступление чехов на Златоуст было успешным, так как в июне 1918 года на Южном Урале также вспыхнула целая серия антибольшевистских рабочих и крестьянских восстаний¹¹⁰. Соединившись в начале июля 1918 года с Волжской группой С.Чечечка, группа Войцеховского возобновила наступление на Екатеринбург, но к этому времени большевикам удалось подавить восстания на заводах в районе Екатеринбурга.

¹⁰² Гражданская война на Южном Урале(1918-1919).Сборник документов и материалов. Челябинск, 1957. С. 99.

¹⁰³ ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 330. Л. 122.

¹⁰⁴ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 102. Л. 47.

¹⁰⁵ Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919. Документы и материалы / Под ред. М.С. Бернштама. Париж, 1982. С. 70.

¹⁰⁶ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 102. Л. 47.

¹⁰⁷ ЦДООСО. Оп. 2. Д. 362. Л. 45.

¹⁰⁸ Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919. Документы и материалы / Под ред. М.С.Бернштама. Париж, 1982. С. 112.

¹⁰⁹ Там же. С. 71.

¹¹⁰ См: Вебер М.И. «Златоустовская катастрофа» и её значение в контексте общей ситуации на Северо-Урало-Сибирском фронте//Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 11. Екатеринбург, 2010.

THE NEVYANSK UPRISING AGAINST BOLSHEVIKS, 1918

M.I. VEBER

*Institute of History
and Archaeology,
Ural Branch of
Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg*

e-mail: mikeveber@mail.ru

The paper deals with uprisings of workers against bolsheviks at factories of Middle Urals region in June, 1918. On the basis of archival materials and memoirs the author reconstructs events of the Nevyansk uprising and other, not such greater, uprisings. For the first time in the historical literature these uprisings are considered in a context of the general situation on the North-Ural-Siberian front. The author does a conclusion, that owing to the series of antibolshevik uprisings of workers in area of Yekaterinburg, the Czechoslovak corps could seize Yekaterinburg in June, 1918.

Key words: the Civil war in Russia, 1918, Nevyansk, uprisings, insurgency, the Czechoslovak corps.

МОСКОВСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ XVI в.: ДЕСПОТИЯ ИЛИ «ГАРМОНИЯ» ИНТЕРЕСОВ НАРОДА И «ВОЖДЕЙ»?¹ (К вопросу о происхождении русского авторитаризма)

Т.М. ПЕНСКАЯ

*Белгородский государственный
университет*

e-mail: penskaya@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с процессами становления и развития русской государственности во 2-й пол. XV – нач. XVII вв. и происхождением русского авторитаризма. Автор статьи подвергает сомнению устоявшийся в историографии тезис о решающем влиянии ордынской политической традиции на формирование политических отношений в Русском государстве. Автор подчеркивает, что ордынская политическая традиция в силу особенностей функционирования кочевых социумов не могла оказать решающего воздействия на формирование русской авторитарной традиции. По его мнению, влияние ордынских порядков проявилось прежде всего в ускоренном формировании в Русском государстве конца XV – XVI вв. единого военного механизма. Вместе с тем, автор обращает внимание на архаичность и неразвитость государственной машины Московского государства XVI в. в сравнении с аналогичными учреждениями ведущих западноевропейских государств того времени. Вывод, к которому приходит автор, состоит в том, что в Московском государстве отношения между властью и обществом строились на своеобразной «гармонии» интересов «народа» и «вождей».

Ключевые слова: образование единого Русского государства, Российское государство во 2-й пол. XV – нач. XVII вв., монархия, авторитаризм.

Поводом к написанию этой статьи послужило известное высказывание имперского дипломата С. Герберштейна, дважды посетившего Русское государство при Василии III (1505-1533 гг.) и считающегося внимательным и достаточно объективным наблюдателем. В своих нашумевших записках о московских делах он отмечал, что «...Всех одинаково гнетет он (Василий III – П. Т.) жестоким рабством... Свою власть он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него; ни один не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они прямо заявляют, что воля государя есть воля божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле божьей»².

Это высказывание, впоследствии неоднократно растиражированное, стало своего рода аксиомой, наглядной демонстрацией сложившегося в нач. XVI в. русского деспотизма и авторитаризма, от которого лежала прямая дорога через тиранию Ивана Грозного к абсолютизму петербургского периода и сталинскому тоталитаризму. Но так ли это было на самом деле? Вопрос этот далеко не случаен, поскольку есть все основания сомневаться в такой оценке русской действительности, какую дал имперец. Но для того, чтобы обосновать этот тезис, нужно вернуться на триста лет назад, в нач. XIII в.

События конца 30-х – нач. 40-х гг. XIII в. по устоявшейся традиции и в отечественной, и в зарубежной исторической науке традиционно считаются переломными в истории Руси. Древняя Русь, представлявшая к тому времени рыхлое, неконсоли-

¹ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). СПб., 2003. С. 176.

² Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 72, 74.

дированное государственное объединение, своего рода «конфедерацию» княжеств, успешное функционирование которого во многом зависело от субъективного фактора³, столкнулась в 30-х гг. XIII в. с мощным внешним вызовом в лице Орды и потерпела неудачу.⁴ Большая ее часть так или иначе надолго вошла в «монголосферу» и вполне естественным было бы предположить, что ордынские порядки не могли не оказать своего воздействия на русские порядки. И здесь трудно не согласиться с мнением А.Б. Каменского, который, характеризуя процесс становления Российского государства, отмечал, что на его «...нравах, как и на вновь возникавших политических традициях, не могло не сказываться влияние ордынских образцов Это были образцы централизованного государства со строго иерархизированным милитаризованным обществом с деспотическим режимом и развитой инфраструктурой подавления и управления населением. Степень влияния этих образцов на Московскую Русь опять же невозможно выразить математически, но само оно было неизбежным уже потому, что новое государство создавалось таким, чтобы его политические структуры могли успешно конкурировать с ордынскими...»⁵.

Итак, влияние Орды на Русь очевидно, и с этим спорить сегодня мало кто решится⁶. Но какова была степень этого влияния? В чем именно оно заключалось? Какие сферы бытия средневекового русского общества оно затронуло в наибольшей степени? Не секрет, что весьма распространенной и популярной является та точка зрения, которая исходит из того, что «монгольский» фактор оказал чрезвычайно отрицательное развитие на дальнейшее развитие Русской земли. Характерный пример. Ю.Н. Афанасьев в одной из своих последних работ, «Опасная Россия», указывая на причины современных проблем, которые переживает российское общество и государство, связывал их с «нашей ордынской генетикой»⁷. С ним солидаризируется французская исследовательница, считающаяся квалифицированным русистом, Э. Каррер д'Анкосс, которая также дает крайне негативную характеристику ордынского правления на Руси, обозначив его как «монгольская ночь» и связав с ней обозначившуюся отсталость Русской земли, до того динамически развивавшейся, от Запада⁸. Примечательно также ее высказывание, сделанное в рецензии на работу Ю.Н. Афанасьева: «Россия – это его первая характеристика – "опасна". Для себя самой, для русских и для всего мира. Эта черта, свойственная России, связана с условиями ее образования: московская власть, ставшая российской, была создана Золотой Ордой в 13 веке для противостояния – "Литовской России", открытой западным традициям, католицизму и римскому праву. В этом и заключается первородный грех, который Рос-

³ Как отмечал известный украинский историк Н.Ф. Котляр, в XII в. на Руси сложилась новая политическая система, в которой управление русскими землями взяла в свои руки группа «самых авторитетных и сильных князей. Коллективный сюзеренитет обеспечил **относительную** (выделено нами – П.Т.) стабильность общественно-политической жизни Древней Руси...» (Котляр Н.Ф., Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 370).

⁴ Напрашиваются аналогии с Англией времен завоевания ее нормандским герцогом Вильгельмом: «Народ, не осознававший еще себя как единое этнокультурное целое, не был способен на массовые патриотические выступления, и борьба с нормандцами для широких масс крестьянства исчерпывалась сугубо местными конфликтами. Сил знати – основного носителя этнического сознания – были раздроблены, интересы борьбы были узко локальными, лидер масштаба Вильгельма отсутствовал. В целом, недостаточная степень этнической и политической гомогенности Англии к XI в., преобладание в менталитете англосаксов локальных ценностей над принадлежностью к единому этносу и государству определила их неспособность к эффективному сопротивлению как датским завоевателям, так и норманским» (Горелов М.М. Датское и норманское завоевания Англии в XI веке. СПб., 2007. С. 159-160). Насколько все схоже с тем, что происходило на Руси в конце 30-х – нач. 40-х гг. XIII в.!

⁵ Каменский А.Б. Российская империя в XVIII в: традиция и модернизация. М., 1999. С. 27.

⁶ Подробный разбор существовавших и существующих точек зрения по этой проблеме см., например: Кривошеев Ю.В. «Монгольский вопрос» в русской историографии // Кривошеев Ю.В. Собрание. СПб., 2010. С. 157-190.

⁷ Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yuri-afanasiev.ru/dangerous_rus/glava1.htm

⁸ Каррер д'Анкосс Э. Незавершенная Россия. М., 2005. С. 35-39.

сия унаследовала от монголов и от которого не смогла избавиться ни при Петре Великом несмотря на его стремление к западничеству, ни при Ленине и Сталине»⁹.

Но действительно ли ордынская власть была такой «абсолютной, безмерной, безграничной, максимально жестокой, непредсказуемой и недосыгаемой, а потому – притягательной и зачаровывающей»¹⁰. или же это не более чем историографический фантом? Насколько деспотичной, централизованной она была и какие именно ордынские политические традиции в наибольшей степени сказались на становлении и развитии Российского государства? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Соглашаясь в целом с мнением А.Б. Каменского относительно определенного воздействия политической практики Орды на Русь, отметим, тем не менее, что наш взгляд преувеличивать степень ханского деспотизма не стоит хотя бы в силу особенностей кочевого общества и его властных институтов. «Если в оседлом земледельческом обществе основы власти покоились на управлении обществом, контроле и перераспределении прибавочного продукта, то в степном обществе данные факторы не могли обеспечить устойчивый фундамент власти. Прибавочный продукт скотоводческого хозяйства нельзя было эффективно концентрировать и накапливать...», – отмечал российский востоковед Н.Н. Крадин, и добавлял, что «...значительное притеснение мобильных скотоводов со стороны племенного вождя или другого лица, претендующего на личную власть, могло привести к массовой откочевке от него»¹¹. В итоге, по мнению исследователя, функции кочевого правителя в условиях, когда кочевое хозяйство носило практически автономный, самодостаточный характер, были минимальны и не могли равняться с функциями правителя земледельческого государства. Анализируя далее особенности функционирования властных механизмов в хуннском государстве, заложившем основы политической традиции, свойственной кочевым империям эпохи Средневековья, Н.Н. Крадин отмечал, что «...власть хуннских шаньюев, как и власть правителей других степных империй Евразии, основывалась на внешних источниках. Шаньюй являлся верховным военачальником Хуннской конфедерации и имел монополию на представление державы во внешнеполитических и иных связях с другими странами и народами. В этом плане он являлся посредником, который перераспределял «подарки», дань и полученную во время набегов добычу. В делах же внутренних он обладал гораздо меньшими полномочиями... Если в военное время могущество правителя Хуннской империи держалось на необходимости руководства военными действиями, то в мирное время его положение определялось его способностями перераспределять китайские подарки и товары...»¹².

Заменим в этой картине хуннского шаньюя на хана Орды, и совпадение по основным позициям будет почти 100 %. В процитированном высказывании обратим внимание на ту его часть, где речь идет о представительских функциях шаньюя-хана и его обязанностях как верховного военного вождя. Запомним это, а пока, продолжая аналогии, снова обратимся к мнению востоковеда. «Империя Хунну, – писал он, – казавшаяся со стороны незыблемой иерархической пирамидой, на деле являлась в известном смысле достаточно хрупким механизмом. Теоретически шаньюй мог требовать от подданных беспрекословного подчинения и издавать любые приказы, однако в реальности его политическое могущество было ограничено рядом объективных обстоятельств... Поэтому политические связи между племенами и органами управления степной империи не были чисто автократическими... В то же время политические отношения между племенами и властью нельзя считать чисто консенсусными. Империя Хунну являлась конфедеративной по сути, но она не была простой федерацией надплеменных сегментов. Будучи **военным** (выделено нами – П.Т.)

⁹ Каррер д'Анкосс Э. Разочарование Россией // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yuri-afanasiev.ru/otziv.htm>

¹⁰ Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yuri-afanasiev.ru/dangerous_rus/glava1.htm

¹¹ Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2002. С. 182-183.

¹² Там же. С. 187.

ксенократическим государствовподобным обществом, Хуннская держава всегда нуждалась в централизованной системе управления. Иерархия и единоначалие входили в число принципиальных черт ее политического устройства. Все это в конечном итоге обусловило ее двойственную, противоречивую политику... и явилось важным фактором нестабильности политической системы в целом...»¹³.

Эти замечания, на наш взгляд, чрезвычайно важны для понимания сущности реального воздействия ордынского фактора на развитие российской государственности. Сама по себе Орда представляла не такое уж и мощное централизованное государство с сильной и тем более деспотической властью правителя (очевидно, здесь и кроется ответ на вопрос – почему она просуществовала по историческим меркам относительно недолго и быстро распалась на практически независимые друг от друга улусы, одним из которых и стала Золотая Орда). Власть хана была достаточно непрочной, равно как и степень политической централизации империи¹⁴. Однако этого нельзя сказать о ее, ханской власти, военной составляющей. Как верховный главнокомандующий, хан действительно обладал огромной властью. Но иначе и быть не могло. Основанная мечом, Орда поддерживала свое существование насилем¹⁵, и ее жизнь зависела от того, насколько успешно будет функционировать ордынская военная машина, что немислимо было без поддержания в ней определенной иерархии и единоначалия, жесткой, если не сказать жестокой, дисциплины и безусловного подчинения в походе и в бою низших высшим.

Очевидно, что именно эта военная составляющая власти хана и должна была вызвать наибольший интерес на Руси и именно она и должна была быть заимствована в первую очередь русским князьями, если они хотели снова стать «самодержцами», т.е. независимыми государями, а не чьими-то вассалами или слугами. И не случайно именно военная централизация была достигнута в Северо-Восточной Руси прежде, чем политическая и экономическая¹⁶. Само же Российское государство, его политические структуры, на первых порах, оставалось слабым, «недоцентрализованным», существенно уступая ведущим западноевропейским государствам по уровню развития центрального аппарата власти. Петербургский исследователь М.М. Кром в одной из своих последних работ, «Вдовствующее царство», попытался сопоставить уровень развития бюрократических машин Русского государства начала XVI в. и средневековой Франции. Выводы, к которым пришел историк, выглядят парадоксально, но от того они не становятся менее наглядными. По его подсчетам, в период «боярского» правления в 1534-1548 гг. в источниках упоминается 157 дьяков и подьячих, московских, новгородских и псковских, тогда как во Франции в 1515 г. насчиты-

¹³ Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2002. С. 199-200.

¹⁴ В этом отношении весьма примечательны отношения между ханами и аристократией Крымского ханства. Последняя обладала значительной автономией по отношению к ханам и не без успеха влияла на их внешнюю и внутреннюю политику. См, например: Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 3-71; Филлюшкин А.И. Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II. СПб., 2008. С. 321-322; Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III-IV. Part I. 1979-1980. Pp. 445-466.

¹⁵ Как отмечал А.М. Хазанов, «кочевое скотоводство в хозяйственном отношении не является автаркичным, и до тех пор пока оно остается кочевым, нуждается в экономических ресурсах оседлого, прежде всего земледельческого и городского мира, при этом для кочевников наиболее выгодны были **внеэкономические способы приобретения недостающих им продуктов, особенно путем подчинения различных оседлых групп, обществ, государств** (выделено нами – П.Т.)...» (Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. СПб., 2008. С. 250). Отметим, что этот мотив в определенной степени присутствовал в политике московских государей того же XVI в. как реакция на требования служилого «чина». Последний был заинтересован в получении дополнительных доходов за счет военной добычи, поскольку вотчины и поместья обеспечивали ему, как правило, минимум средств, необходимых для поддержания своего статуса и несения государственной службы.

¹⁶ Смирнов А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 35.

валось порядка 4 тыс. чиновников. Соответственно, на порядок различалась и «производительность» (термин М.М. Крома) московских приказов – за то же время он выдали порядка 3,6 – 4 тыс. грамот, тогда как в той же Франции двумя столетиями раньше (sic - !) королевская канцелярия выпускала в год до 60 тыс. разного рода актов¹⁷. И, как следствие, вывод, сделанный исследователем: «маломощность» центрального бюрократического аппарата неизбежно вела к тому, что «...использовались различные способы для облегчения нагрузки, лежавшей на центральном аппарате, и перенесения части функций на местные структуры управления (выделено нами – П.Т.)...»¹⁸.

Но могло ли быть иначе на Руси в то время? Содержание значительного бюрократического аппарата, который мог бы стать верной опорой авторитаризма, требовало больших средств, а русское общество того времени, русская экономика, оставшиеся в значительной степени «деревенскими», нетоварными, ориентированными на натуральное хозяйство и простое воспроизводство, дать их не могли. К тому же для создания соответствующего бюрократического аппарата, который смог бы взять на себя все нити управления, в тогдашнем молодом Российском государстве не было ни соответствующей традиции (напомним, что тот же самый византийский бюрократизм опирался на многовековую бюрократическую практику Римской империи), ни опыта создания и функционирования такого рода государственной машины (в отличие от стран Западной Европы, которые имели возможность ознакомиться с таким опытом на примере бюрократических структур Римской империи).

К чему вело на практике такое положение дел? Приведем интересную мысль академика Н.Н. Покровского, которое, на наш взгляд, проливает свет на особенности формирования и функционирования политической системы Русского государства в конце XV – XVI вв. В предисловии к книге санкт-петербургского историка Ю.Г. Алексеева историк писал, что «власть эта (Ивана III и, следовательно, его сына Василия – П.Т.) была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве... Система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины, дворянские корпорации-«города» и пр. – П.Т. Добавим к этому, что и само государство, судя по всему, способствовало развитию этих «первичных социальных организмов», заинтересованное в том, чтобы переложить на них часть управленческих функций и разгрузить тем самым немногочисленный центральный бюрократический аппарат – см. тезис, выдвинутый М.М. Кромом). Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны...»¹⁹.

На чем же держалось в таком случае единство Российского государства, созданного Иваном III, если центральная власть не могла полноценно контролировать развитие событий на местах, держать их под своим контролем и навязывать свою волю? Упомянутый выше Ю.Г. Алексеев высказал интересные соображения по этому поводу, которые заслуживают того, чтобы быть приведенными здесь. Он писал, что Российское государство, которое возникло во 2-й половине XV в., «...можно на-

¹⁷ Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М., 2010. С. 374, 492-493. В этом контексте неважно, что на самом деле число московских дьяков и подьячих могло быть больше – в любом случае «крапивного семени» в Русском государстве было на порядок меньше, чем в той же Франции.

¹⁸ Там же. С. 375.

¹⁹ См.: Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 5-6.

звать земско-служилым – русским вариантом централизованной монархии позднего средневековья... Реальной основой этого государства явились служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России. Вопреки мнению, долгое время господствовавшему в нашей историографии, Русское государство не знало «закрепощения сословий». Обязанность государственной службы, т.е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстоять независимость и целостность России, с другой же стороны – патернализмом как основной формой отношений между главой государства и его подданными. Средневековый патернализм не укладывается в категории политического и юридического мышления XIX – XX вв. с его повышенным рационализмом и формализмом... В силу патерналистского характера политического сознания в России не было и не могло быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье²⁰. Отсутствие договорных отношений было не проявлением «бесправия», «восточного деспотизма», а высшей степенью доверия между властью и народом – тем морально-политическим единством, которое обусловило сохранение Россией ее государственного единства, независимости и самого ее существования...»²¹.

Итак, главная идея, буквально выстраданная русским обществом, перенесшим многовековое ордынское иго и вынужденного постоянно отражать внешнее давление то с Востока, то с Запада – идея служения государству, объединенному под властью одного государя²². Это государство, центром которого стала Москва, должно было сыграть, и в конечном итоге сыграло, роль своего рода защитной оболочки, кокона, внутри которого оригинальная русская православная цивилизация получила и воспользовалась шанс на выживание и дальнейшее развитие. По существу, речь идет о модернизированном соответственно изменившимся условиям «гомеровском» «договоре» между властью и подданными (хотя сам термин «подданные» здесь не очень то и применим – о каком подданстве может идти речь, если эти самые подданные активно участвуют в управлении государством, делегируя государю и его аппарату часть своих властных полномочий).

Можно ли назвать такое государство автократическим, более того, деспотическим или, как это было принято у европейцев, посещавших Россию в это время, тираническим? Едва ли! Ни прежняя древнерусская политическая традиция, ни византийское, ни даже ордынское влияния не давали поводов оснований полагать Московское государство таковым. На первых порах своего существования Российское государство, Московия, никак не могла считаться деспотическим государством. И что с того, что Иван Грозный в своем послании князю Андрею Курбскому утверждал – московские государи «...жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны

²⁰ Даже введение Иваном III пресловутого «Юрьева дня» можно трактовать по разному – с одной стороны, как начало реального закрепощения крестьян, а с другой стороны – как «отеческую» заботу государя о своих «детях»-подданных, помещиках и крестьянах. Нам ближе второй вариант. «Он (т.е. Юрьев день – П.В., П.Т.) играл роль естественного регулятора норм эксплуатации в частновладельческих землях... В системе Юрьева дня Иван III нашел устойчивый баланс интересов земледельцев и землевладельцев. Нарушение этого баланса не могло остаться безнаказанным...» – отмечал российский историк Н.С. Борисов (Борисов Н.С. Иван III. М., 2003. С. 582).

²¹ Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 431-433.

²² Здесь к месту упомянуть знаменитую фразу «последнего летописца» Н.М. Карамзина, за которую он повергся и продолжает подвергаться критике: «Россия основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластиа, а спаслась мудрым самодержавием...» (Карамзин Н.М. О древней и новой России. М., 2002. С. 382). Но обращал ли внимание кто-либо из критиков Карамзина, не историка-профессионала, но писателя, что он вряд ли случайно применил к самодержавию Ивана III прилагательное «мудрое», подчеркивая тем самым его отличие от «грозного» правления Ивана IV?

же...»?²³ Для реального воплощения в жизнь этой формулы ни у него, ни тем более у его отца и деда не было реальных сил. Наполнению этой чеканной формулы абсолютного самодержавия препятствовал как достигнутый к тому времени реальный уровень политического, экономического и социального развития Российского государства и общества, так и складывавшаяся веками традиция взаимоотношений власти и общества, «земли». С крепнувшей властью московского государя сотрудничали достаточно мощные силы, препятствовавшие его быстрому превращению в тирана и деспота. Это и православная церковь, и боярство, и служилый люд²⁴, посадские и крестьянство, в особенности черносошное (напомним, что классического крепостного права в ту эпоху не было и в помине, и даже помещичьи крестьяне в конце XV – XVI вв. были зависимы постольку, поскольку их прикрепленность к земле было их службой общему интересу, их «тяглом»²⁵. И если дети боярские и дворяне, которых они содержали своим трудом, платили подати своей кровью, то крестьяне – своим потом и тяжким земледельческим трудом). Другое дело, что спокойное отношение москвитов к таким деспотическим изречениям своего монарха нельзя считать проявлением их извечных рабских наклонностей. Российское самодержавие, подчеркнем это еще раз, было выстрадано многовековым опытом исторического развития русского государства и общества. Подданные московского царя инстинктивно чувствовали, что только могучий, грозный государь, способный содержать сильную армию, мог обеспечить внутреннюю и внешнюю «тишину», спокойствие, стабильность, необходимую для нормальной жизни общества.

Естественно, что Московское государство времен Ивана III или его сына Василия, тем более внука Ивана, нельзя считать неким «островом свободы». Авторитарная тенденция в нем присутствовала, и между ней и старой традицией «земской» вольности постоянно шла борьба за доминирование. Однако до поры до времени у авторитарной тенденции шансов одержать верх не было – для установления действительно авторитарного режима в России необходимы были соответствующие политические, социальные и экономические условия, «великие потрясения», способные потрясти до основания сложившуюся систему взаимоотношений между государством и обществом, между властью и «землей», поставить под сомнение выбранный в конце XV в. путь развития. Очевидно, что исход этой борьбы зависел от сочетания различных факторов, и, на наш взгляд, не последнюю роль в этом должен был сыграть тот самый внешний фактор. Именно он, на наш взгляд, сыграл не последнюю, если не самую важную роль в постепенном угасании прежней «вольности» и развитии авторитарного начала, превращения его постепенно, шаг за шагом в классическое самодержавие Петра Великого. Однако рассмотрение этой проблемы выходит за рамки этой статьи.

²³ Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 30.

²⁴ И.Л. Андреев писал, что «...в XVII в. сложилась своеобразная идеология и психология службы, равно важная как для соучаствующих в ней сторон – власти и дворянства, первая в этот период не без успеха приспособлявала «философию службы» к потребностям и установкам формирующегося абсолютизма. Вторая же с еще большим успехом использовала ее для предъявления сословных требований. В сознании дворян и детей боярских любое утеснение их сословных интересов воспринималось как посягательство на службу и, следовательно, на «государево дело»...» (Андреев И.Л. Дворянство и служба в XVII веке // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164). Однако, надо полагать, что эта психология не является детищем именно XVII века, а начала формироваться значительно ранее.

²⁵ И снова напрашивается сама собой аналогия со знаменитой средневековой латинской трехчастной моделью деления общества на «молящихся» (oratores), «сражающихся» (bellatores) и «трудящихся» (laboratores), которая, выходит, в молодой России получила едва ли не идеальное воплощение (О трехчастной модели см., например: Дюби Ж. Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе. М., 2000).

THE MOSCOW POLITICAL TRADITION OF XVI CENTURY: THE DESPOTISM OR "HARMONY" OF INTERESTS OF THE PEOPLE AND "LEADERS"? (to question of origin of Russian authoritarianism)

T.M. PENSKAYA

Belgorod State University

e-mail: penskaya@bsu.edu.ru

In this article are considered some questions connected with processes of formation and development of Russian statehood in 2nd half XV - beginning XVII centuries and an origin of Russian authoritarianism. The author of article calls in question the thesis about solving influence Orda's political tradition on formation of political relations in Russian state which has settled in a historiography. The author underlines, that Orda's political tradition could not render solving influence on formation of Russian authoritative tradition owing to features of existence of nomadic societies. The influence of Orda's usages was showed first of all in the accelerated formation in Russian state of the end XV - XVI centuries of the uniform military mechanism in its opinion. The author pays attention to archaism and backwardness of state machinery of the Moscow state of XVI century comparison with similar establishments of the leading West European states of that epoch at the same time. The author comes to the conclusion that of the relation between the power and a society in the Moscow state were under construction on original "harmony" of interests of "people" and "leaders".

Key words: formation of the Moscow state, the Russian state in 2nd half of XV – beginning of XVI centuries, a monarchy, authoritarianism.

ТАКТИКА РАННИХ СЛАВЯН И «СТЕНА» СВЯТОСЛАВА В «ИСТОРИИ» ЛЬВА ДИАКОНА (к проблеме военно-технической революции в Восточной Европе в IX – X вв. и образования Древнерусского государства)

**А.Н. ЩЕНДРЫГИН
В.В. ПЕНСКОЙ**

*Белгородский государственный
университет*

e-mail: silence_era@mail.ru

e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Вопросы военной истории раннего Средневековья в отечественной историографии длительное время оставались на периферии сферы научных интересов профессионального исторического сообщества. В настоящее время в связи с возросшим интересом общества к историческим проблемам, в т.ч. и связанным с историей военного дела, есть все основания для того, чтобы уделить им большее, чем ранее, внимание. В данной статье рассматриваются малоизученные в отечественной историографии вопросы, связанные с развитием вооружения и тактики восточных славян во 2-й пол. I тыс. н.э. Авторами статьи предпринята попытка с учетом последних достижений российской и зарубежной исторической науки дать целостное представление о развитии военного дела восточных славян во взаимосвязи с переменами в их политическом устройстве и показать роль норманнов в этом процессе.

Ключевые слова: Европа в раннем Средневековье, восточные славяне, образование Древнерусского государства, история военного дела.

Проблемы, связанные с историей развития военного дела раннесредневековых славян, в т.ч. и восточных, в до- и раннегосударственный период, несмотря на кажущееся обилие больших и малых работ по этому вопросу¹, тем не менее, представляются весьма далекими от разрешения. Причин тому несколько. С одной стороны, трудно не согласиться с мнением А.К. Нефедкина, который связывал слабую изученность этого вопроса с явным недостатком письменных источников и скудностью археологических материалов, которые в силу этого могут полагаться только в качестве вспомогательных при анализе первых². С другой стороны, несомненно также и влияние сложившегося с течением времени общего невнимания отечественной исторической науки к проблемам истории военного дела.

Между тем такое пренебрежительное отношение к вопросам, связанным с развитием военного дела, в особенности у варварских народов раннего Средневековья, явно ошибочно, особенно если учесть то воздействие, которое оказали войны на становление раннесредневековых государств³. Не утратило своей значимости и замечание, сделанное почти полтора столетия назад Ф. Энгельсом, отметившим взаимосвязь между изменениями в экономическом строе общества (и, следовательно, в со-

¹ См., например: Арциховский А.В. Русское оружие X – XIII вв. // Московский ордена Ленина государственный университет им. М.В. Ломоносова. Доклады и сообщения исторического факультета. Вып. 4. М., 1946; Рабинович М.Г. Из истории русского оружия IX – XV вв. // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. I. М.-Л., 1947; Рыбаков Б.А. Военное дело (стратегия и тактика) // История культуры Древней Руси. Т. I. М.-Л., 1951. С. 397-416; Разин Е.А. История военного искусства. Т.2. М., 2000. С. 42-63 и др.

² Нефедкин А.К. Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских авторов) // Византийский временник. 2003. № 62 (87). С. 79.

³ О роли войны в истории раннеклассовых и предклассовых обществ и значении войны для процессов политогенеза см.: Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. С. 19, 25-26, 28-30 и далее; Шнирельман В.А. Война и мир в традиционных обществах. М., 1992. С. 4-5 и далее.

циально-политическом устройстве) и в военном деле⁴. Как отмечали отечественные оружиеведы А.Н. Кирпичников и А.Ф. Медведев, «...анализ предметов боевой техники закономерно приводит к постановке ряда широких вопросов, связанных с производством, использованием и развитием комплекса вооружения, снаряжением родов войск, оснащением армии на отдельных исторических этапах, международными культурными влияниями в сложении военной техники...»⁵. Следовательно, наблюдения за развитием военного дела, изменениями в тактике и стратегии (насколько эти термины приложимы к характеристике военного искусства той эпохи), комплексе защитного и наступательного вооружения и пр., позволяют сделать определенные выводы относительно изменений в самом обществе, его социальном, политическом, культурном устройстве.

Восточные славяне отнюдь не являются исключением в этом вопросе. Примечательно, что А.Н. Кирпичников и А.Ф. Медведев, касаясь проблем анализа развития комплекса вооружения восточных славян, писали, что «...большинство форм и видов оружия IX – X вв. не имеют местных корней в культуре предшествующей поры. Объясняется это тем, что боевые средства славян VI – VII вв. были весьма скудными и в этом смысле ни в какое сравнение не идут с тем, что появляется в киевский период. У обитателей Восточной Европы середины I тысячелетия н.э. преобладали лук и стрелы, метательные дротики; мечи, шлемы и кольчуги почти отсутствовали...»⁶. Между тем комплекс вооружения, в равной степени наступательного защитного, именно в эти два столетия, IX и X, радикально изменяется и складывается столь привычный нам внешний облик древнерусского воина⁷. От себя мы добавим, что в это время формируется и Древнерусское государство, и совпадение двух этих процессов при пристальном рассмотрении отнюдь не смотрится таким уж случайным.

Трудно не согласиться с выдвинутым А.Н. Кирпичниковым тезисом о том, что «прогресс вооружения нередко определял тактику боя и перевороты в способах его ведения»⁸. Но если принять его в качестве аксиомы, то тогда вполне закономерно встает вопрос – а сопровождался ли такой прогресс в комплексе вооружения восточных славян аналогичными серьезными переменами в тактике? И, абстрагируясь от частных случаев, ответ на него, по нашему мнению, может быть только утвердительным – да, в военном деле славян Восточной Европы действительно произошла не только «техническая революция» (термин А.Н. Кирпичникова и А.Ф. Медведева)!

Для начала определимся с тем, каким был комплекс вооружения восточных славян в VI – VIII вв. При попытках проанализировать состояние военного дела у восточнославянских племен в это время неизбежно возникает серьезная проблема – как сочетать сведения, которые дает археология, с данными письменных источников? Ведь не секрет, что относительно особенностей развития военного дела славян догосударственного периода наиболее информативны византийские источники, особенно VI – нач. VII вв. Но они повествуют о славянских племенах, непосредственно граничивших с Империей, т.е. расселившихся в ходе Великого переселения народов в Подунавье, тогда как племена, вошедшие в состав Киевского государства, жили много севернее. Однако мы полагаем, что положение отнюдь не является абсолютно безвыходным. Во-первых, есть все основания вслед за А.К. Нефедкиным полагать, что у разных народов «примерно на одинаковых стадиях развития складывались сходные общественные институты и нормы поведения (включая организацию военного дела)» и, как следствие, можно прибегнуть к использованию сравнительно-исторического

⁴ См., например: Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961. С. 171. Ср.: Кирпичников А.Н. Опыт изучения вооружения средневековой Руси // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 319-320.

⁵ Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 320.

⁶ Там же. С. 320.

⁷ См., например: Кирпичников А.Н. Опыт изучения вооружения средневековой Руси... С. 320.

⁸ Там же. С. 319.

метода.⁹ Во-вторых, на протяжении VI – нач. VII вв. византийцы имели дело преимущественно с антами и склавинами¹⁰, славянство которых не вызывает сомнений, равно как и их связи с другими восточнославянскими племенами¹¹. Следовательно, с определенной степенью уверенности можно утверждать, что присущая антам военная культура была свойственна в большей или меньшей степени и другим славянским племенам, в т.ч. и восточным. Следовательно, византийские описания вооружения и тактики славян могут быть использованы и для характеристики военного дела славян той эпохи (тем более что и свидетельства арабских авторов, относящиеся к недунайским славянам, подтверждают это).

Для начала приведем выдержку из сочинения готского историка Иордана. Повествуя о событиях 2-й пол. IV в. н.э. и о деяниях полулегендарного готского короля Германариха, он писал, что «...после поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за [слабости их] оружия, были, однако могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое множество негодных для войны, особенно в том случае, когда и Бог попускает и множество вооруженных подступают...» (*Iordanis*. § 119). Примечательно, что противопоставляя готов и венетов (которых он полагал предками известных из византийских источников антов), готский хронист подчеркивал слабость и недостаточность их, венетов, вооружения, что и способствовало их поражению в войне с готами. Теоретически можно допустить, что это не более чем литературный прием. Однако результаты исследования археологических памятников зарубинецкой, киевской и черняховской культур, так или иначе связанных с событиями, описанными у Иордана и в формировании которых принимали участие праславяне, свидетельствуют об их бедности на оружие. Подавляющее число находок предметов вооружения составляют наконечники копий и стрел¹².

Более определенно характеризуют вооружение славян Прокопий Кесарийский и автор «Стратегикона» (традиционно считается, что им был византийский император Маврикий, правивший в 582-602 гг.). Реалии, отраженные в этих трактатах, были свойственны, судя по всему, славянам в сер. – 2-й пол. VI в. н.э. Прокопий, описывая вооружение славян, подчеркивал его чрезвычайную легкость – «вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают» (*De bello Gotico*. III. 14)¹³. О том же самом говорит и автор «Стратегикона»: «Каждый мужчина (славянский – **Щ.А., П.В.**) вооружен двумя небольшими дротиками, а некоторые из них и щитами, крепкими, но трудно переносимыми. Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом...» (*Mauric*. XI. 4). Из контекста дальнейшего рассказа автора этого военного трактата следует, что славяне в массе своей не имели доспехов¹⁴. Примечательно, что Иоанн Эфесский в своей «Церковной истории», говоря о славянах конца VI в., также указывал на то, что они вооружены 2-3 лонхидия-

⁹ Нефедкин А.К. Тактика славян в VI в... С. 85.

¹⁰ См., например: Литаврин Г.Г. Славинии VII – IX вв. – социально-политические организации славян // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 519, 521.

¹¹ См.: Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 191, 195, 204-205, 223, 227, 253, 261-263, 312, 542, 547-549.

¹² См.: Магомедов Б. Черняховская культура: проблема этноса // Monumenta Studia Gothica. Т. I. Lublin, 2001. С. 77-81; Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993. С. 28-29, 50, 113, 146.

¹³ Нами был использован перевод текста «Войны с готами», сделанный С.П. Кондратьевым. Этот же отрывок в переводе Л.А. Гиндина и В.Л. Цымбурского звучит несколько иначе: «Вступая в битву, большинство идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают...» (Гиндин Л.А. и др. Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. Т. I. М., 1994. С. 185.).

¹⁴ «В сражениях для них (славян – **Щ.А., П.В.**) губительны метания стрел, ... рукопашные бои пехоты, особенно псиллов (легковооруженной византийской пехоты, преимущественно метателей – **Щ.А., П.В.**) ...» (*Mauric*. XI. 4).

ми-дротиками (*Jon. Ephes. Hist. Eccl. III. 6, 25*)¹⁵. Далее, автор т.н. «Пасхальной хроники», повествуя об осаде Константинополя, предпринятой аvaraми и их подданными славянами в 626 г., называет славян легковооруженными воинами, завязывающими бой¹⁶. Прошло два с половиной столетия, и арабский географ Абу Али Ахмад ибн Умар Ибн Русте (больше известный как Ибн Русте), говоря о славянах, характеризует их как преимущественно пехотинцев и подчеркивал, что «их оружие – дротики, щиты и копья, а другого у них нет»¹⁷. И хотя многие специалисты датируют эти сведения Ибн-Русте последней четвертью IX в., очевидно, что они относятся к более раннему времени, так как между описываемыми событиями и записью сведений о них, сделанной Ибн Русте, прошел определенный промежуток времени.

Т.о., из письменных источников следует, что славяне в VI – VIII и на протяжении большей части IX вв. в случае войны выставляли преимущественно легковооруженную пехоту и немногочисленную конницу, и это подтверждается данными археологии¹⁸. Примечательно и то, что металлургия и железоделательное производство у славян в это время были развиты достаточно неплохо¹⁹, однако же предметов оружия находится немного. Очевидно, что если бы у славян той эпохи уже сформировалась бы характерная воинская культура, свойственная, к примеру, кельтам или германцам, то находок оружия было бы не в пример больше, и сам набор вооружения был бы богаче, чем тот, что мы имеем на сегодняшний день.

В соответствии с комплексом вооружения была и тактика славян. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, так как это уже было сделано А.К. Нефедкиным²⁰, отметим лишь, что на поле боя для них было характерно стремление вести дистанционный бой посредством метания дротиков, прикрываясь щитами (обычными и/или стационарными ростовыми – этот вопрос требует дополнительного изучения). Лук, который, судя по всему, был обычным охотничьим, использовался достаточно редко, и еще реже славяне переходили к рукопашному бою, к которому они не были готовы ни технически (из-за отсутствия в сколько-нибудь большом количестве доспехов и холодного оружия ближнего боя – боевых топоров, мечей, кинжалов и больших ножей типа германских скрамасаксов), ни психологически (слой профессиональных воинов у них, судя по всему, еще только начал формироваться²¹). Отсюда естественным образом вытекала и «большая» тактика славян, уклонявшихся от «правильных» сражений в открытом поле строй на строй и стремившихся к «малой» войне на пересеченной местности, в лесах, стремнинах и узкостях с ее неожиданными нападениями из засад, изматыванию неприятеля набегами внезапными атаками и т.п.

¹⁵ «Люди простые, которые не осмеливались показаться из лесов и защищенных деревьями [мест] и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, а именно это – метательные копья» (Иоанн Эфесский. Церковная история. Пер. Серикова Н.И. // Гиндин Л.А. и др. Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. Т. I. С. 279).

¹⁶ Пасхальная хроника. Пер. С.А. Иванова // Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. Т. II. М., 1995. С. 77. Примечательно, что о славянах как застрельщиках сражения у авар говорит и т.н. «Хроника Фредегара» применительно к 20-м гг. VII в. (*Chronicarum quae dicuntur Fredegarii libri quattuor. IV. 48*).

¹⁷ Ибн Русте. Книга дорогих драгоценностей // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. Восточные источники. М., 2009. С. 45. Ср.: Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен-Омар Ибн-Дада. СПб., 1869. С. 31). Эти сведения о славянах вслед за Ибн Русте повторили и многие другие арабские и персидские географы – например, в трактате «Худуд ал-'алам», написанный столетием спустя, или в сочинении Гардизи «Краса повествований» (30-е гг. XI в.). См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. С. 54, 57).

¹⁸ О вооружении восточных славян V – VIII вв. см., например: Археология Украины. Т. 3. Киев, 1986. С. 145, 170-171, 184, 199, 206; Археология Беларуси. Т. II. Минск, 1999. С. 310, 331-332, 342-343, 355, 400, 406, 416.

¹⁹ См., например: Археология Украины. Т. 3. С. 150, 163-164; Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. М., 1982. С. 240-241; Археология Беларуси. Т. II. С. 335.

²⁰ См.: Нефедкин А.К. Тактика славян в VI в... С. 79-91.

²¹ См., например: Горский А.А. Древнерусская дружина (к истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989. С. 26-27; Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. С. 247.

Резким контрастом с этими описаниями выглядит информация византийского историка 2-й пол. X в. Льва Диакона, и не доверять его свидетельствам нет оснований. Хотя он сам, видимо, и не участвовал в походе Иоанна Цимисхия на Дунай, однако, как отмечал М.Я. Сюзюмов, «все подробности о боях и наружности Святослава он заимствовал из устных показаний очевидцев и из какого-то официального источника»²². В своей «Истории» уже в первом описании воинов Святослава он сообщает, что они вооружены щитами и мечами (*Leo Diac.Hist. V. 2*). Регулярно Лев Диакон упоминает и воинов-русов в кольчугах, шлемах, вооруженных мечами, боевыми топорами и длинными копьями (*Leo Diac.Hist. VI. 11-13; VIII. 6; IX, 2, 5, 8*). Примечательно, что радикальные изменения во внешнем виде воинов, сражавшихся под знаменами Святослава, в сравнении со славянскими воинами более раннего периода, подтверждаются и данными археологии. Подсчеты, сделанные А.Н. Кирпичниковым почти столетия назад, показывают, что к тому времени в ходе раскопок было обнаружено 108 мечей, 17 сабель, 9 скрамасаксов, 290 наконечников копий и 13 сулиц, 211 боевых топоров, 27 кольчуг и 8 шлемов, относящихся к X – XI вв.²³ За относительно короткий период количество находок оружия возрастает в разы, а некоторые, например, шлемы, и вовсе появляются впервые – так, А.Н. Кирпичников писал, что «датировать находки шлемов на Руси можно примерно тем же временем, когда о них впервые сообщают византийские и русские письменные источники. О боевых наголовьях более раннего периода можно строить только догадки. Находки шлемов VI, VII, большей части VIII в. на территории Восточной Европы неизвестны». Более того, оружейвед отмечал, что «экземпляры (шлемов – **Щ.А., П.В.**) X в. **не имеют непосредственной связи** (выделено нами – **Щ.А., П.В.** Очень важное замечание!) со шлемами предшествующего периода...»²⁴.

Не менее радикальными стали и перемены в тактике, «большой» и «малой». Если ранее византийские авторы сообщали, что славяне «...ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном строю не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают» (*Mauric. XI. 4*), то теперь все выглядело совершенно иначе. Тот же Лев Диакон неоднократно подчеркивал, что русы Святослава не только не избегают рукопашного боя. Напротив, они стремятся к нему, видят в нем едва ли не единственный способ решить исход войны и битвы (*Leo Diac.Hist. V. 2; VI. 12-13; VIII. 4, 72, 9-10; IX. 2, 5-6, 8-10*. Ср. высказывание автора «Стратегикона»: «Светловолосые народы (германцы – **Щ.А., П.В.**) ... решительно вступают в рукопашную схватку и верхом, и в пешем строю...» (*Mauric. XI. 3*). При этом, что характерно, русы сражались в глубоком сомкнутом строю, который Лев Диакон сравнивает с византийской фалангой, пешей или конной (см., например: *Leo Diac.Hist. VIII. 9; IX. 8*). О стремлении русов к рукопашному бою и об их тяжелом вооружении (копье, щит, меч, «оружие наподобие кинжала» – скрамасакс?) говорит в описании их нападения на Барда'а в 943-944 гг. и перс ибн Мискавайх²⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что Диакон сравнивает строй руссов в сражении под Доростолом со стеной (*Leo Diac.Hist. VIII. 9*). Случайно ли такое сравнение? Не связано ли оно с хорошо известной из истории военного дела раннесредневековых германцев и скандинавов «стеной щитов» (древнеангл. *Scildburh*)? В пользу такого предположения говорит очень многое. Случайным ли является то, что переворот в военном деле на востоке Европы совпадает по времени с началом активной норманнской экспансии в этом регионе?²⁶ Случайным ли является совпадение

²² Сюзюмов М.Я. Лев Диакон и его время // Лев Диакон. История. М., 1988. С. 145.

²³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1 // Свод археологических источников. Е 1-36. М.-Л., 1966. С. 23, 71, 91-93; Вып. 2. М.-Л., 1966. С. 16, 40, 99; Вып. 3. Л., 1971. С. 8, 83-84.

²⁴ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 22.

²⁵ Ибн Мискавайх. Книга испытаний народов и осуществления заданий // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. С. 101.

²⁶ См., например: Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. С. 286; Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 35-41 и др.

многих обычаев и нравов, воинской культуры русов, противопоставляемых и византийскими (например, Константином Багрянородным), и арабскими авторами славянам²⁷, с обычаями и нравами скандинавов?²⁸ Даже такая, казалось бы, малозначимая, но вместе с тем говорящая в пользу такого предположения деталь, как описание одежды русов. Они, по словам ибн Русте, «носят широкие шаровары, на которые идет по сто локтей материи», и на изображении скандинавского всадника на погребальном камне с острова Готланд мы также можем видеть точно такие же шаровары²⁹. Одним словом, слишком много совпадений, чтобы все это могло считаться случайностью.

Но если отмеченные совпадения вовсе не являются случайностями, а отражают некую историческую закономерность, то, в таком случае, перед нами не просто военно-техническая революция, но речь необходимо вести о подлинной, хотя и локальной, военной революции. Классическая концепция военной революции, сформулированная М. Робертсом и уточненная Дж. Паркером, связывает воедино изменения в военной, социальной и политической сферах³⁰. В нашем же случае переворот в военном деле был связан с переходом от тактики ведения дистанционного боя в рассеянных боевых порядках с применением метательного оружия, главным образом дротиков, к тактике ближнего боя, в котором намного большее, чем ранее, внимание уделялось рукопашному бою. В пользу этого свидетельствует, в частности, отмеченное выше резкое увеличение числа находок защитного вооружения. Между тем, как отмечал В.А. Шнирельман, «...археологические данные о защитном вооружении имеют принципиальное значение. Ведь если функции ранних видов оружия (охотничьи или боевые) плохо различимы, то **защитное вооружение, безусловно, свидетельствует об относительно регулярных вооруженных столкновениях.** Кроме того, **защитное вооружение в тенденции коррелируется с достаточно дифференцированным обществом, развитием систем более или менее централизованной власти, появлением воинов-профессионалов** и т. д. (выделено нами – **Щ.А., П.В.**)...»³¹.

И здесь мы подходим к важному следствию, вытекающему из выделенных нами слов. Серьезнейшие изменения в комплексе оборонительного и наступательного вооружения, произошедшие в исторически очень короткий срок, способствовали, как было показано выше, не менее радикальным переменам в тактике, и вызваны были они явным скандинавским влиянием. Однако именно IX, особенно 2-я его половина, и X вв. – время, когда закладывались основы древнерусской государственности, формировалась характерная «дружинная» культура и «дружинное» государство (термин Е.А. Мельниковой), т.е. происходили процессы, в которых скандинавы сыграли зна-

²⁷ Самые яркие высказывания по этому поводу см.: Гардизи. Краса повествований. С. 58; Ибн Русте. Книга дорогих драгоценностей. С. 48; De admin. imp. 9.

²⁸ Ср. высказывание А.Я. Гуревича, писавшего, что «идеал скандинавского героя – умереть молодым и полным сил, с мечом в руках; лучшая смерть – в бою, после нее он немедленно отправляется в Валхаллу к Одину, где возобновятся пиры и поединки» и подчеркивавшего «необузданное самоуверждение северного «варвара», с легкостью обнажавшего оружие и готового пролить кровь человека, который затронул его доброе имя», с характеристикой, даваемой русам тем же ибн Мискавайхом, ибн Русте, автором «Худуд ал-алам» или Львом Диаконом (Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005. С. 121, 135; Ибн Мискавайх. Книга испытаний народов и осуществления заданий ... С. 101, 105; Ибн Русте. Книга дорогих драгоценностей. С. 49; *Leo Diac.Hist.VI.* 10; IX. 6-8. Ср. : Худуд ал-алам. С. 55).

²⁹ Ибн Русте. Книга дорогих драгоценностей. С. 49. Рисунок на камне см., например: Каинов С., Федоров О. Скандинавские наемники на Руси. Конец IX – середина XI веков // Военная иллюстрация. 1998. № 1. С. 5.

³⁰ См.: Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500-1800. Cambridge, 1988. P. 43; Roberts M. The Military Revolution, 1560-1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L., 1967. P. 195-196, 198, 207-208, 213, 218.

³¹ В. А. Шнирельман. У истоков войны и мира // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. С. 36.

чительную роль³². Напрашивается вывод – скандинавы не только сыграли важную роль в военно-техническом перевороте и военной революции на востоке Европы, но и сумели закрепиться здесь в качестве правящей верхушки, ускорив в результате этого процесс формирования единого Киевского государства³³. И неважно, что их было немного – достаточно было всего лишь нескольких сотен профессиональных, хорошо вооруженных воинов, обладающих определенным военно-техническим и организационным преимуществом над разрозненными восточно-славянскими и финно-угорскими племенами, чтобы в случае необходимости навязать им свою волю.

TACTICS OF EARLY SLAVS AND "WALL" OF SVIATOSLAV IN "HISTORY" OF LION DIACON (To a problem of military-technical revolution in Eastern Europe in IX - X centuries and formation of the Kievan state)

**A.N. SHCHENDRYGIN
V.V. PENSKOY**

Belgorod State University

e-mail: silence_era@mail.ru

e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Questions of military history of the early Middle Ages in a Russian historiography remained on periphery of sphere of scientific interests of professional historical community in the long time. There are all bases to give to them greatest, than earlier, attention in connection with the increased interest of a society to historical problems, including and connected with history of warfare now. This article is devoted the questions connected with development of the weapon and tactics of east Slavs in second half of I millenium A.D. , which it is badly studied in Russian historical science. Authors of article attempt taking to give complete representation about development of warfare of east Slavs in interrelation with changes in their political system and to show a role of Normans in these processes into account last achievements of the Russian and foreign historical science.

Key words: Europe in early Middle Ages, Eastern Slavs, Sormation of ancient Russian state, history of warfare.

³² См., например: Горский А.А. Древнерусская дружина. – С. 27-29; его же. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 46-48, 109-110; Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993. М., 1995. С. 45-46; Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993. С. 21-22.

³³ «Одна из черт сложившегося в Восточной Европе государства все же может быть связана в значительной мере с деятельностью норманнов. Это объединение всех восточных славян в одно государственное образование... Если бы в конце IX столетия не произошло объединение земель по пути из «варяг в греки» (из Балтийского моря в Черное по рекам Восточной Европы) под единой властью (которое вряд ли было бы возможно без сильного варяжского дружинного контингента), вероятно, в восточно-славянском регионе сложилась бы, по крайней мере поначалу, также полицентричная государственная система...» (Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. С. 48-49).

УДК 94(47)

УКРАИНСКОЕ (ХАРЬКОВСКОЕ) ВОЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КАВАЛЕРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1817–1857): ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В. Л. ЦУБЕНКО*Одесский государственный университет внутренних дел**e-mail: Valeriya-77@yandex.ru*

В статье на основе архивных документов автор рассматривает исторические условия возникновения Украинского (Харьковского) военного поселения, его административное и военное устройство, социальные процессы, которые имели место на протяжении всего периода его существования. В работе предложена периодизация процесса формирования Украинского военного поселения кавалерии, проанализировано имущественное расщепление военных поселян.

Ключевые слова: Украинское (Харьковское) военное поселение кавалерии, Российская империя, военные поселяне, дивизия, полк.

В 2007 г. исполнилось 190 лет с момента создания кавалерийских военных поселений Российской империи на землях государственных крестьян и казаков в Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской губерниях. Продолжительное время эта тема считалась неперспективной, а военные поселения рассматривались исключительно в отрицательном контексте. Поэтому сегодня, когда возрастает интерес к историческому прошлому, перед исследователями возникает задача преодоления ограниченности информации, написания научных работ, в которых бы всесторонне рассматривалась указанная тематика. Это свидетельствует о необходимости глубокого изучения опыта прошлого и адаптации его относительно современности. В данной работе внимание сфокусировано на исследовании основных тенденций развития Украинского (Харьковского) военного поселения кавалерии Российской империи с 1817 по 1857 год. Отметим, что избранная тема до этого времени не стала объектом исследования в российской и зарубежной историографии, хотя отдельные ее аспекты разбросаны в работах О. Д. Багалей¹, С. М. Ковбасюка², Т. Д. Липовской³, Л. П. Богданова⁴, К. М. Ячменихина⁵. В статье использованы неопубликованные источники, значительное количество которых автор впервые ввела в научный оборот, в частности, это архивные материалы Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва), Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве и Государственного архива Одесской области (Украина).

В XIX в. Российская империя переживала трудное время. После разгрома армии Наполеона возник вопрос обустроенности российской армии. По инициативе российского императора Александра I, с целью сокращения военных расходов и выхода из финансового кризиса на ее территории были созданы военные поселения. Организаторы военных поселений старались укрепить экономику хозяйств военных

¹ Багалей-Татарина О. Нариси з історії військових поселень на Україні // Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури. З історії селянських рухів на Лівобережній Україні. К., 1927. № 5. С. 93–153; Багалей О. Д. Історія військових поселень в Україні. Из неопублікованої спадщини / НАН України. Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського; [упорядкув. В. Л. Маслійчук, Т. Г. Павлова; вступ. ст., комент Т. Г. Павлова]. Харків, 2007.

² Ковбасюк С. М. Військові поселення кінноти. Заснування і поширення військових поселень на Україні: Дис. ... канд. іст. наук / Одесский гос. ун-т. Одесса, 1945. Ч. 1.

³ Липовская Т. Д. Социально-экономическое положение военных поселян на Украине (1817–1857 гг.). Днепропетровск, 1982.

⁴ Богданов Л. П. Военные поселения в России. М., 1992.

⁵ Ячменихин К. М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия / Черниговский гос. педагогический ун-т им. Т. Г. Шевченко. Чернигов, 2006.

поселян, поднять культуру сельскохозяйственного производства, усилить материальную базу, сократить военные затраты и ликвидировать рекрутские наборы.

Несмотря на определенное сопротивление идеи военных поселений, после продолжительных дискуссий было решено поселить кавалерию на юге империи. Поселение кавалерийских дивизий и полков осуществлялось постепенно. Формы организации военных поселений принимались по вариантам графа А. А. Аракчеева. Он расценивал военные поселения как резерв действующей армии, довольно подготовленный в военном отношении. Самой рациональной была признана система поселения на государственных землях полков с переводением в состав поселенных округов местных жителей, которые принимали на постой и содержание действующие части войск. Округ становился закрытой системой с военным устройством и исключался из гражданского ведомства. Ответственность за создание такой системы была возложена на А. А. Аракчеева, который стал Главным начальником военных поселений.

Внедрение военных поселений кавалерии на юге Российской империи было связано с рядом положительных моментов, которые характеризовали регион, а именно: благоприятными условиями для развития сельского хозяйства, в частности, земледелия и животноводства; значительным количеством государственных земель, которые не чередовались с землями частных владений; проживанием представителей бывшего военного сословия – казаков; экономическим состоянием, которое было довольно удачным для стабильного развития поселенной кавалерии без дополнительных финансовых поступлений со стороны государства; стратегическим фактором – охраной границ, что позволяло обеспечить резерв действующей армии, продовольственную базу для армии во время военных действий и плацдарм для проведения военных операций в южном направлении.

Неизвестный автор по поводу размещения военных поселений на юге Российской империи писал: «Россия – это государство, военная сила которого большая, неисчерпаемая. Преимущество ее перед другими государствами в военном отношении состоит в средствах удержания численной кавалерии без чрезмерных затрат. Места расположения кавалерии указаны самой природой – в южных регионах империи. Все недоразумения современной европейской политики приходятся на юг, и потому не север, а юго-запад и юг должны стать местами будущих военных действий, на которые будут направлены все вторжения наших врагов. Если выводы эти не ошибочные, то военное поселение кавалерии должно существовать, и, именно на юге...»⁶.

Кавалерийские поселения начали устраивать в 1817 г. в районах расселения бугских и чугуевских казаков. 6 апреля 1817 г. был издан «Высочайший рескрипт» Слободскому генерал-губернатору И. Г. Лисаневичу на устройство поселений 3-й уланской дивизии на территории Слободско-Украинской губернии⁷. 15 августа 1817 г. для поселения полков 3-й уланской дивизии Украинского военного поселения назначили населенные пункты, переименованные в округа военного поселения Таганрогского, Борисоглебского и Серпуховского уланских полков⁸. 26 августа 1818 г. был издан приказ на создание поселений 3-й уланской дивизии в экономических волостях Змиевского и Волчанского уездов Слободско-Украинской губернии⁹. В таких полках регулярной кавалерии солдаты должны были совмещать военную службу с хозяйственной деятельностью и, таким образом, полностью самостоятельно обеспечивать себя продовольствием, а также восстанавливать численность армии. Правила формирования кавалерийского поселения составляли генерал от кавалерии И.О.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 22886. Л. 8-9.

⁷ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. СПб., 1900. Т. 10. С. 70–93 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.listvinoleg.nm.ru/T10/T10_a02.htm/

⁸ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. СПб., 1900. Т. 10. С. 70–93 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.listvinoleg.nm.ru/T10/T10_a02.htm/

⁹ Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (далее – ЦГИА Украины в г. Киеве). Ф. 1627. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

Витт, генерал-лейтенант Г. И. Лисаневич и атаман бугских казаков, полковник, князь М. Р. Кантакузин. При составлении правил возникли расхождения между И. О. Виттом и А. А. Аракчеевым. Последний был намерен поселить полки по принятым ранее правилам поселения пехоты, а И. О. Витт отстаивал новые положения. Недоразумение решил Александр I. Он также считал, что кавалерийские формирования должны были поселить по новым правилам, «принятым для поселения регулярной кавалерии». Согласно этим правилам дивизию составляли четыре полка.

Трансформация основ экономической жизни при переходе к военно-поселенческой системе вызвала протест военных поселян против усиления социальной эксплуатации. Он имел стихийный, неорганизованный характер. Волнения начались еще в 1817 г. при организации военных поселений. В январе 1818 г. коренные жители 1-го и 2-го поселенных и резервных эскадронов округа военного поселения Таганрогского уланского полка, в частности Базалеевки, начали восстание. Жители слободы Базалеевка избрали своим предводителем Павла Панченко. Их поддержали военные поселяне, вооруженные палками. Лишь с помощью действующих эскадронов полковой командир Крузе спас полковой штаб¹⁰. 28 января личный состав 2-го поселенного и 2-го резервного эскадронов собрались в слободе Базалеевка. Возглавил сборы военных поселян численностью 500 человек Савелий Мороховский. Начальник бригады генерал-майор Александров с тремя действующими эскадронами окружил повстанцев и уговаривал разойтись по домам, но они не повиновались и требовали распустить эскадроны, протестовали против своих обязанностей. Тогда Александров приказал схватить и побить повстанцев. Главными зачинщиками были военные поселяне: Матвей Морковский, Степан Биловол, Алексей Олейник, Максим Бадак, Иван Клименко, Федор Визир, Василий Гриценко, Григорий Бычок, Влас Магир. Их отправили на военную службу в пехотный полк Новгородской губернии¹¹.

Слухи о восстании быстро разошлись, и волнения распространились на соседние села. Летом 1819 г. вспыхнуло восстание военных поселян Чугуевского уланского полка. На протяжении 5 дней – с 27 июня по 2 июля восстание распространилось в Чугуевском округе. Военные поселяне потребовали ликвидации военных поселений и возвращения в прежнее состояние государственных крестьян, освобождения от обязанности поставлять зерно и фураж в запасные полковые магазины и обязанности военной службы, прекращения общественных работ, возвращения отобранных у них земель¹². В слободе Малиновая военные поселяне-хозяева и резервные – отказывались выполнять полевые работы. Жители поселений Зарожное, Покровское, Подов и Лаптево вывозили свое имущество в ближайшие села государственных крестьян – Веденское, Шубино и Молодовую. Крестьяне этих сел помогали военным поселянам прятать у себя имущество. По просьбе Г. И. Лисаневича гражданский губернатор Слободско-Украинской губернии Муратов 4 июля приказал земским руководителям Харьковского, Змиевского и Волчанского уездов отбирать имущество у непослушных и брать их под стражу¹³. 4–5 июля для подавления восстания на помощь Г. И. Лисаневичу были направлены 13-я и 14-я артиллерийские роты с 12 пушками и два батальона Новгородского пехотного полка (1656 солдат), а 7 июля прибыл 5-й егерский полк (1297 солдат). Возле г. Чугуева расположилось 6-тысячное карательное войско¹⁴. Граф генерал А. А. Аракчеев прибыл в Чугуев, где принял депутатов военных поселян. Тем временем новые отряды повстанцев примыкали к Чугуеву. Восстание разрасталось и продолжалось больше месяца¹⁵. Общая численность восставших представляла свыше 28 тыс. жителей. По свидетельствам повстанцев на суде известно, что

¹⁰ Ковбасюк С. М. Військові поселення кінноти. Заснування і поширення військових поселень на Україні: Дис. ... канд. іст. наук / Одесский гос. ун-т. Одесса, 1945. Ч. 1. С. 141.

¹¹ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 1352. Оп. 2. Д. 6. Л. 1–2.

¹² Федоров В. А. Восстание военных поселян в Чугуеве в 1819 г. // Исторические записки. 1955. Т. 52. С. 312.

¹³ Федоров В. А. Восстание военных поселян в Чугуеве в 1819 г. // Исторические записки. 1955. Т. 52. С. 312.

¹⁴ Федоров В. А. Восстание военных поселян в Чугуеве в 1819 г. // Исторические записки. 1955. Т. 52. С. 313.

¹⁵ РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 47. Л. 187, 196, 204, 208.

чугуевские поселяне направляли в села и хутора Таганрогского округа «своих людей» с просьбой присоединиться к восстанию. Главными предводителями восстания были Яков Хоша, Прокоп Листушка, Василий Редька, Василий Богацкий, Даниил Гела, Илья Гладкий. Для подавления восстания в Таганрогский уланский полк прибыл командир 1-й поселенной бригады генерал-майор Аргамаков. С помощью карательных войск ему удалось в слободе Базалеевка рассеять повстанцев и часть из них арестовать. 5 августа отряд военных поселян с женщинами и детьми подошел к слободе Базалеевка. Повстанцы намеревались завладеть Базалеевкой, освободить из-под ареста своих товарищей и ждать прихода других групп поселян. Тем не менее карательные отряды отпустили повстанцев и свыше 100 человек арестовали. За участие в восстании 29 женщин были наказаны розгами и отправлены в ссылку¹⁶. Итак, восстание 1819 г. в Чугуевском и Таганрогском округах длилось на протяжении 52 дней (с 27 июня по 18 августа). Всего было арестовано свыше 2 тыс. человек, из них: в Чугуевском округе – 1104, по Таганрогскому полку – 899¹⁷. Около 350 человек Чугуевского полка попали на рассмотрение военного суда, с 52 наказанных умерли 25¹⁸.

Вначале 1820-х гг. было принято решение об устройстве в Слободско-Украинской губернии военного поселения 2-й кирасирской дивизии. 2 ноября 1821 г. полки 2-й кирасирской дивизии: Екатеринославский, Глуховский, Псковский и Астраханский¹⁹ получили назначение для военного поселения в Слободско-Украинской губернии²⁰. Но поселенные округа этой дивизии были созданы только 18 февраля 1825 г. и получили названия округов военного поселения кавалерии Екатеринославского, Глуховского, Псковского и Астраханского кирасирских полков. Это было вызвано тем, что на протяжении нескольких лет округа обустроивались для приема действующих эскадронов, которые, по мнению правительства, должны были сразу перейти на самообеспечение продовольствием и фуражом.

Таким образом, первый период организации военных поселений в Российской империи XIX в. вошел в историю под названием «аракчеевщины», а распространение и развитие военных поселений на территории Украины, особенно во второй период их существования (1827–1857), неразрывно связанный с именем графа И. О. Витта и его можно считать периодом «виттовщины». До 1840 г. И. О. Витт возглавлял военные поселения на юге Российской империи. Генерал от кавалерии И. О. Витт в 1827 г. провел реформу военных поселений кавалерии на новых основаниях. Суть реформы 1827 г. сводилась к усилению крепостничества в военных поселениях, отстранению поселян во время военных учений от сельскохозяйственных работ, увеличению территории поселений. В частности, территория 2-й кирасирской дивизии была увеличена на 40 %. Тем не менее количество населения и земли в округах не отвечали определенным нормам. Поэтому командующий главным штабом 22 декабря 1828 г. приказал с четырех округов 2-й кирасирской дивизии образовать три, а именно: для Екатеринославского, Глуховского и Астраханского полков, а округ для Псковского полка образовать из государственных сел и хуторов над рекой Айдаркой. Чтобы выровнять округа согласно количеству земли, надо было приобрести у помещиков 13443 дес. земли. 2-й уланской дивизии не хватало 117696 дес. земли, так как для кирасирской дивизии с четырех округов сделали три округа. Территория Серпуховского уланского полка распределялась среди последних трех: Борисоглебского, Белгород-

¹⁶ Федоров В. А. Восстание военных поселян в Чугуеве в 1819 г. // Исторические записки. 1955. Т. 52. С. 322.

¹⁷ Багалій О. Д. Історія військових поселень в Україні. Із неопублікованої спадщини / НАН України. Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського; [упорядкув. В. Л. Маслійчук, Т. Г. Павлова; вступ. ст., комент Т. Г. Павлова]. Харків, 2007. С. 162.

¹⁸ РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 47. Л. 41–44; Чугуїв: зб. архівних документів і матеріалів / [упоряд.: М. М. Мамот, В. Г. Панкратьєва, В. В. Швець]. Харків, 1993. С. 22.

¹⁹ О комплектовании кирасирских полков // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (далее – ПСЗ РИ. I). СПб., 1830. Т. 35. 1818. № 27561. С. 596.

²⁰ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. СПб., 1900. Т. 10. С. 70–93 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.listvinoleg.nm.ru/T10/T10_a02.htm/

ского, Чугуевского. С целью образования нового округа для этого полка отводилось 15 государственных сел с хуторами в Змиевском и Волчанском уездах площадью 60 тыс. дес. земли²¹. Штаб-квартирой нового полка должно было стать село Щебелинка вместо Балаклеи. Щебелинковцы так же, как и другие крестьяне новоприсоединенных сел, поначалу не проявляли непослушания. Однако их настроение резко изменилось, когда они узнали об инспекторском смотре действующих эскадронов Серпуховского полка. Поводом для начала восстания военных поселян Серпуховского уланского полка стало распространение слуха об отправке военных поселян на продолжительную военную службу. 25 мая 1829 г. было приказано собрать в слободе Меловая из всех поселений Серпуховского округа уланского полка действующие эскадроны и служивых инвалидов для инспекторского смотра. Одновременно в слободе Щебелинка начался протест против инспекторского смотра. 25 мая 1829 г. в Щебелинке и слободе Михайловская во время переключки по спискам военные поселяне старались порвать списки, ругались с «дедами», которые уговаривали их подчиниться власти. Начался военный мятеж. Военные поселяне разгромили эскадронный комитет, выломали дверь, очень жестоко побили членов комитета и заковали в кандалы. Предводителем мятежа избрали Степана Дёмина.

27 мая 1829 г. была осуществлена попытка подавить восстание²². Отрядный командир поселения Коровкин вместе с действующими эскадронами Серпуховского уланского полка (336 чел.) и дивизионным начальником генерал-майором бароном Розеном прибыли в Щебелинку. Там, на выгоне, их ждали 2 тыс. человек, со значительным количеством телег и разными приспособлениями для вооруженной защиты. 28–29 мая в Щебелинке воцарилось настоящее военное положение. В повстанческом лагере шла подготовка к борьбе²³. 30 мая 1829 г. состоялась жестокая картина расстрела восставших военных поселян²⁴. Согласно данным о восстании в Щебелинке известно, что убитых поселян на месте – 46, тяжелораненых, которые умерли на месте от ран, – 28, а всего – 74 человека, в том числе 1 женщина. Было отправлено раненых в госпиталь балаклевский – 40, андреевский – 60, всего – 100 человек.

Следующую ступень занимали такие формы крестьянских выступлений как просьбы, жалобы, письма, листовки и т. п. Социально активной формой протеста были побег (одинокие и коллективные) военных поселян, динамика которых постоянно возрастала. Например, в 1824 г. рядового из военно-рабочего батальона № 74 роты Федота Сазанова за содеянный со службы 2-й побег подвергли наказанию избиением кнутом и вырезанием ноздрей²⁵, а Степана Полищука за 3-й побег прогнали шпицрутенами через тысячу человек шесть раз²⁶. Коллективные побег также были распространенным явлением в поселении. Они тщательно готовились военными поселянами, так как те старались вывезти из поселения семьи, кое-что из имущества, рабочий скот. Военные поселяне, в основном, бежали на территорию Донского и Черноморского войск, в Бессарабию, государственные села Новороссийского края.

Таким образом, лишь в 1829–1830 гг. было закончено основное оформление поселенских округов Украинского военного поселения. Правда, со временем происходили новые присоединения, но они не имели такого массового характера. Межеванием земель до 1842 г. занималась Межевая комиссия Украинского военного поселения²⁷.

²¹ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 211. Л. 611.

²² РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 1480. Микроф. Л. 89.

²³ РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 1478. Микроф. Л. 27.

²⁴ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 211. Л. 394.

²⁵ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 24.

²⁶ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

²⁷ Об упразднении межевой комиссии Украинского военного поселения // ПСЗ РИ. II. СПб., 1842. Т. 17. 1842. Отд. 1. № 15260. С. 72; Об учреждении особой межевой комиссии в Слободско-Украинской губернии для размежевания земель помещичьих, замыкающихся в округе военного поселения // ПСЗ РИ. I. СПб., 1830. Т. 34. 1817. № 26673. С. 180–181.

Известно, что в 1850-х годах территория Украинского военного поселения составляла 148 $\frac{3}{4}$ географических квадратных миль, в том числе²⁸: 1-й округ занимал 1051187 дес., 2-й – 1394189 дес., 3-й – 1135363 дес., 4-й – 114456 дес., 5-й – 669313 дес., 6-й – 782147 дес., 7-й – 725549 дес., 8-й – 683436 дес. Количество земли в Украинском военном поселении кавалерии в 1857 г. составляло 758574 дес., из нее пригодной – 622894 (82,1 %), непригодной 726483 (9,6 %), лес, кустарники, сады – 630319 (8,3 %). Из них: 1–4-е округа – 4725299 дес. (62,3 %), а 5–8-е округа – 2860445 дес. (37,7 %)²⁹.

Организация управления новообразованными военными поселениями имела постепенный характер и происходила во время формирования самой системы поселений: округов кавалерии, поселения дивизий, полков и эскадронов.

Управление военными поселениями сосредотачивалось в Департаменте военных поселений. Высшее его звено составляли: Главный начальник военных поселений и Главный штаб военных поселений. Далее управление осуществляли начальники поселенных войск в разных губерниях. Так, руководителем военных поселений в Слободско-Украинской губернии был генерал-лейтенант Г. И. Лисаневич³⁰.

Поселенные войска сохраняли структуру регулярной армии: делились на корпусы, дивизии, полки, бригады. Место поселения дивизии называлось дивизионным округом, полка – полковым, бригады – бригадным и т. п. В таком порядке обеспечивалось управление поселенными войсками корпуса, дивизии. Территориально Украинское поселение делилось на округа по количеству полков.

Одновременно с организацией корпусных штабов шло оформление управления штабов дивизий. В Украинском военном поселении существовало два дивизионных штаба (по количеству дивизий). Штаб-квартира 1–4-х округов находилась в слободе Ново-Екатеринослав³¹, штаб-квартира 5–8-х округов – в городе Чугуеве³², там же была штаб-квартира 1–8-х округов Украинского военного поселения³³.

В каждом полку создавался полковой комитет. В Украинском военном поселении таких комитетов было 8 (по количеству округов или полков). Штаб-квартиры полков находились: Таганрогского (Белгородского) полка 2-й уланской дивизии – в поселении Ново-Белгород³⁴ (Печенеги) (граф А. А. Аракчеев изменил названия населенных пунктов, где располагались поселенные полки), Чугуевского – в городе Чугуеве, Борисоглебского – в слободе Андреевка (Ново-Борисоглебск), Серпуховского – в слободе Балаклея (Ново-Серпуховск)³⁵, Екатеринославского полка 2-й кирасирской дивизии – в слободе Ново-Екатеринослав, Глуховского полка – в слободе Ново-Глухов, Астраханского полка – в слободе Ново-Астрахань, Псковского полка – в слободе Ново-Псков³⁶.

Социальная структура военных поселян состояла из следующих категорий: хозяева (1-го разряда) и их помощники (хозяева 2-го разряда), нехозяева (постояльцы), неслуживые и служивые инвалиды, кантонисты и частные лица, которые не принадлежали военному поселению³⁷. За единицу определения категорий военных поселян можно считать земельные участки и рабочий скот (поскольку именно они обеспечивали все основные хозяйственные процессы).

²⁸ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 12 КМФ. Д. 110. Л. 1.

²⁹ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 12 КМФ. Д. 110. Л. 10–18.

³⁰ Липовская Т. Д. Социально-экономическое положение военных поселян на Украине (1817–1857 гг.). Днепропетровск, 1982. С. 38.

³¹ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 298. Л. 6.

³² ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 12 КМФ. Д. 90. Л. 3.

³³ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 12 КМФ. Д. 110. Л. 9.

³⁴ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 1627. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

³⁵ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 1627. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

³⁶ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 1627. Оп. 1. Д. 10. Л. 4; Столетие военного министерства. 1802–1902. Главное инженерное управление: Исторический очерк. Ч. 1: Царствование императора Александра I / Сост. И. Г. Фабрициус. Т. 7. СПб., 1902. С. 535, 581.

³⁷ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 10. Ч. 1. Киевская губерния. СПб., 1848. С. 241.

В Украинском военном поселении кавалерии хозяева 1-го разряда имели в своем хозяйстве не менее двух пар волов, или одну пару лошадей, а хозяева 2-го разряда – одну пару волов, или одну лошадь. Нехозяева не имели необходимой тягловой силы, реманента и собственного хозяйства.

Известно, что в 1856 г. в Украинском (Харьковском) военном поселении кавалерии группа поселян-хозяев 1-го разряда составляла 27 %, поселян-хозяев 2-го разряда – 11,9 %, нехозяев – 61,1 %. Преобладающее количество поселян-хозяев 1-го и 2-го разрядов было в 4-м округе – 16 %, наименьшее количество военных поселян-хозяев 1-го и 2-го разрядов составляло 9,3 % в 7-м округе, нехозяев – 10 % в 1-м округе, кантонистов – 8,9 % в 7-м округе, неслуживых инвалидов – 7 % во 2-м округе³⁸. Эти показатели свидетельствуют о неоднородном и неравномерном социальном составе населения округов Украинского (Харьковского) военного поселения кавалерии. В 1–8-х округах в 1856 г. было хозяев 1-го разряда 5603, хозяев 2-го разряда 12058, нехозяев 22051, неслуживых инвалидов 1681, детей (девочек) военных поселян 39399, женщин 76301³⁹.

Обязанностью действующих и резервных частей поселенного полка была военная служба. Срок ее длился 20 лет: 15 – в действующих и 5 – в резервных эскадронах⁴⁰. В форме одежды поселяне должны были придерживаться установленных образцов.

Военные поселяне Украинского (Харьковского) военного поселения кавалерии принимали участие почти во всех войнах, которые вела Российская империя в первой половине XIX ст. Известно, что действующие эскадроны 2-й уланской дивизии принимали участие в русско-персидской войне (1826–1828 гг.)⁴¹, русско-турецкой войне (1828–1829 гг.), подавлении Польского восстания 1831 г., подавлении Венгерского восстания 1849 г., Крымской войне (1853–1856 гг.).

На основании приказа 31 июля 1854 г. о призыве к государственному ополчению 11 губерний Российской империи, военные поселяне округов Украинского военного поселения кавалерии вошли в состав ополчения Харьковской губернии. Из военных поселян Украинского (Харьковского) военного поселения кавалерии в 1855 г. были сформированы две стрелковые дружины – № 7 и № 8. Для снаряжения этих стрелковых дружин затраты осуществляли из заемного денежного капитала военных поселян Украинского (Харьковского) военного поселения кавалерии⁴². В 1856 г. были созданы комитеты под руководством начальников 1–4-х и 1–8-х округов, которые решали вопросы дополнительных источников финансирования стрелковых дружин № 7 и № 8⁴³. Комиссариатский департамент выдал распоряжение о снабжении этих дружин барабанами, сигнальными рожками, бутылками для воды и котелками⁴⁴.

Численность военных поселян с 8 округов Украинского военного поселения в стрелковых дружинах № 7 и № 8 составляла 2150 ратников, из них: в 1-м округе 308 или 14,3 %, во 2-м округе 318 или 14,8 %, в 3-м округе 306 или 14,2 %, в 4-м округе 318 или 14,8 %, в 5-м округе 222 или 10,3 %, в 6-м округе 241 или 11,2 %, в 7-м округе 214 или 10 %, в 8-м округе 223 или 10,4 %⁴⁵. Признанием боевых заслуг и военной добле-

³⁸ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 12 КМФ. Оп. 1. Д. 109. Л. 6.

³⁹ Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 81. Л. 16–22.

⁴⁰ Положение о военном поселении регулярной кавалерии. СПб., 1827. С. 55–56; О разрешении иметь в кантонистских эскадронах и артиллерийских батареях округах военного поселения кавалерии, в первых по 120, а в последних по 136 строевых кантонистов // ПСЗ РИ. II. СПб., 1843. Т. 17. 1842. Отд. 1. № 15502. С. 213; О увольнении в бессрочный отпуск нижних чинов, поступивших из кавалерийских округов военных поселений на службу до указа 11 января 1841 года // ПСЗ РИ. II. СПб., 1851. Т. 25. 1850. Отд. 2. № 24736. С. 296; О сроке службы в унтер-офицерском звании нижних чинов, состоящих при домах: бывшего главного штаба, военного министерства, военной академии, Департамента военных поселений и при инженерном замке // ПСЗ РИ. II. СПб., 1835. Т. 9. 1834. Отд. 2. № 7548. С. 168.

⁴¹ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 177. Л. 1.

⁴² ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 1352. Оп. 3. Д. 48. Л. 1.

⁴³ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 1352. Оп. 3. Д. 48. Л. 2.

⁴⁴ ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 936. Л. 17.

⁴⁵ ГАОО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 59. Л. 14, 16.

сти военных поселян стали высочайшие награды: за мужество и отвагу, проявленные в войне с Персией, Турцией, в подавлении военного восстания при штурме Варшавы – серебряные медали на соединенной ленте орденов Св. Георгия и Св. Владимира.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что процесс формирования 8 округов Украинского (Харьковского) военного поселения кавалерии Российской империи продолжался на протяжении 1817–1827 гг. (не учитывая предыдущего этапа 1816 г., во время которого проходила реорганизация Чугуевского казачьего войска) и может быть разделен на два этапа. Первый проходил во время поселения 2-й уланской дивизии (1817–1818), второй – 2-й кирасирской дивизии (1822–1827). Военные поселения как государственное учреждение, частично в своей основе противоречили внутреннему социально-экономическому и бытовому устройству коренного населения, созданного длительным процессом предыдущей истории. Усиление феодального гнета государства и нераспорядительность, недосмотр и своеволие военной администрации, вызвали недовольство крестьян своим положением с целью ликвидации поселений. Но они носили стихийный и неорганизованный характер. В 1850-е гг. в условиях государственно-политического кризиса Российской империи идея военных поселений, очевидно, полностью себя исчерпала. Приступая к широкомасштабному реформированию социально-экономических отношений, в частности, в военной сфере, Александр II начал подготовку реформ по реорганизации округов военных поселений кавалерии. 4 июня 1857 г. правительством было утверждено «Положение о новом устройстве военных поселений кавалерии»⁴⁶. Этим было положено начало реорганизации военных поселений кавалерии Российской империи, которая длилась до 1867 г. В России создавалась кадровая армия европейского типа, началась подготовка радикальных реформ 60–70-х гг. XIX в.

THE UKRAINIAN (KHARKOV) MILITARY SETTLEMENT CAVALRIES OF THE RUSSIAN EMPIRE (1817–1857): MAIN TENDENCIES OF DEVELOPMENT

V.I. TSubENKO

*Odessa State University
of Internal Affairs*

e-mail: Valeriya-77@yandex.ru

On the basis of the archive documents the author considers historical conditions of occurrence of the Ukrainian (Kharkov) military settlement, its administrative and military device, social processes which took place throughout all period of its existence. In work the periodization of process of formation of the Ukrainian military settlement of a cavalry is offered, property stratification of military settlers is analysed.

Key words: Ukrainian (Kharkov) military settlement of the cavalry, Russian Empire, military settlers, division, regiment.

⁴⁶ Столетие военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб., 1902. С. 400.

УДК 94(47).084.6

СВЕКЛОСАХАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 20-Х ГОДАХ XX ВЕКА

Ю.М. МИРГОРОВОДА*Курский институт социально-
го образования, филиал Россий-
ского государственного соци-
ального университета**e-mail: a_voknevas@mail.ru*

В данной статье проявляется возвращающийся интерес к истории советской промышленности. В статье рассматривается период становления сахарной промышленности в Курской области в советское время. Данная отрасль промышленности является значимой для данной области, что объясняет определенный интерес к теме исследования.

Ключевые слова: сахарная промышленность, сахарные заводы, производство сахара, Курская область.

В современной исторической науке отмечается восстановление интереса к истории фабрик, заводов и отраслей советской промышленности. Сегодня актуальной является новая и объективная оценка советского прошлого, которая невозможна без комплексного анализа и взаимосвязи социально-экономических процессов с политическими.

Сахарная промышленность на протяжении всего советского периода являлась одной из важнейших составляющих народного хозяйства страны. Будучи национализированной одной из первых, она прошла сложный и противоречивый путь развития. Производство сахара, как важнейшего «социального» продукта, имело в СССР огромное идеологическое значение, являясь одним из индикаторов уровня жизни населения.

Для Курской области, в состав которой до 1954 г. входила и Белгородская область, сахарная промышленность является одной из наиболее значимых отраслей. Этим также во многом объясняется исследовательский интерес к обозначенной теме.

До Октябрьской революции в сахарной промышленности сложился единый хозяйственный организм: сахарный завод и его сельхозэкономии. Владельцам сахарных заводов в Курской губернии принадлежало около 300 тыс. десятин земли¹. Это в основном были окультуренные земли, где применялись многопольный севооборот, агрономическая наука, сельскохозяйственная передовая техника, даже тракторы, выписанные из-за границы.

26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийский съезд Советов принял Декрет о земле. Во 2-й статье декрета говорилось: «Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов вплоть до Учредительного собрания»². Поэтому и часть заводских земель волостные комитеты Курской губернии распределили между крестьянами. Таким образом, цельный хозяйственный механизм после революции 1917 года был нарушен. Это отрицательно сказалось, в том числе и на сахарной промышленности. В Курской губернии, как и в ряде других мест, начался разгром экономий, принадлежащих сахарным заводам. Вот что рассказывает одна телеграмма от 9 февраля 1918 г., направленная Наркомпродом в адрес Курского Ревсовета: «В Грайворонском, Корочанском и Обоянском уездах идут погромы культурных имений сахарных заводов, производится продажа публичным порядком живого и мертвого инвентаря. На сахарных заводах происходит расхищение сахара, и сахар не отправляется по нарядам. Расхищенный инвентарь и фураж должны быть

¹ Бочаров А.Н., Травина А.С. Курский сахар. Курск, 1982. С. 52.

² Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 17.

возвращены... Примите самые беспощадные меры против лиц, которые расхищают народное достояние... В первую очередь отправьте отряд в Корочанский уезд для наведения революционного порядка. За неисполнение настоящего поручения возлагается ответственность на всех революционных должностных лиц. Не исполнившие настоящий приказ будут предаваться революционному суду»³.

Процесс возвращения земель сахарным заводам начался после принятия 2 мая 1918 г. «Декрета о национализации сахарной промышленности».

В статье 1-й этого декрета говорилось: «Все рафинадные, песочно-рафинадные и песочные заводы и все, что этим заводам принадлежит, а том числе постройки, поселки для рабочих, поля орошения и подматочные высадки, живой и мертвый инвентарь – объявляются достоянием Российской республики»⁴. Указанные в п. 1 земля и имущество сахарных заводов, становящихся отныне собственностью Советской республики, т.е. достоянием всего народа, – говорилось в декрете, – не могут передаваться в пользование, как отдельных граждан, так и обществ, местных Советов или других организаций и учреждений.

В соответствии с декретом высшим органом управления всех национализированных сахарных заводов являлся Главный сахарный комитет при Высшем Совете народного хозяйства (ВСНХ). Местные Советы рабочих и крестьянских депутатов, земельные отделы, советы народного хозяйства, и все местные правительственные и общественные учреждения во всех делах сахарной промышленности обязаны были руководствоваться всеми указаниями и распоряжениями Главного сахарного комитета.

На практике это выглядело так. 3 июля 1918 г. в Львовский Совет поступила телеграмма из Министерства внутренних дел об обеспечении бесперебойной работы сахарных заводов. В ней говорилось, что «национализированные Марьинский и Пенский сахарные заводы переходят в собственность республики и находятся всецело в ведении ВСНХ. Львовский совдеп не имеет никакого права вмешиваться во внутреннюю жизнь и деятельность заводов»⁵.

На примере этих фактов можно судить о том, какая неразбериха имела место в первые годы становления советской сахарной промышленности, что, несмотря на лозунг «Вся власть Советам», государственные монополии по существу отстраняли Советы от руководства экономикой. В то же время предприятия сахарной промышленности не имели никакой самостоятельности.

Позже, сахарная промышленность Курской губернии сильно пострадала в годы Гражданской войны. Заводское имущество было частично вывезено, частично расхищено. В справках некоторых сахарных заводов за 1923 год имеются сведения о нанесенном в годы Гражданской войны ущербе. По заводу «Профинтерн», например, он составил 2 273 932 руб. золотом, по Благодатенскому – 15 697 руб., по Тишинскому – 10 000 руб⁶.

К 1928 г. на территории Курской области существовало 18 сахарных заводов, в том числе один рафинадный. Все сахарные заводы Курской области, за исключением рафинадного завода им. К. Либкнехта, были построены в XIX веке, главным образом, в период с 1675 по 1900 год. Сильная физическая и моральная изношенность оборудования, а также колоссальные разрушения, нанесенные заводам в период гражданской войны, потребовали осуществления в годы первых пятилеток коренной реконструкции подавляющего большинства сахарных заводов.

Ниже в таблице приводится перечень сахарных заводов Курской области по данным за 1927 г.⁷

³ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Сб. документов. Курск, 1957. С. 158-159.

⁴ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 220.

⁵ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Сб. документов. Курск, 1957. С. 306.

⁶ Социалистическое строительство ЦЧО. 1932. № 8-9. С. 78.

⁷ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 719. Л. 74.

Таблица

Перечень сахарных заводов Курской области по данным за 1927 г.

№	Название сахарного завода	Местонахождение	Технические характеристики
1	2	3	4
1.	Благодатенский сахарный завод (с 1935 г. – им. Куйбышева)	Рыльский уезд (ныне район) Курской области	При суточной производительности 6 693 ц. в 1927 г. переработал 650 101 ц свеклы; в 1926 году на заводе была переустроена паровичная с установкой пяти новых паровых котлов. Сахзавод имел 17 паровых машин мощностью 581 л.с., жомосушилку системы «Гойлера» производительностью до 165 ц сухого жома в сутки
2.	Сахарный завод «Большевик»	Грайворонский район Белгородской области	К 1927 г. был сильно изношен, поддерживался небольшими ремонтами, имел 10 паровых машин общей мощностью 443 л.с.; в 1927 году развил суточную производительность 6 283 ц; переработал 580 452 ц. свеклы
3.	Завод им. Буденного	Белгородский уезд Курской области, ныне Шебекинский район Белгородской обл.	В 1927 г. при суточной производительности 7 082 ц. переработал 692 977 ц свеклы, имел 14 паровых машин общей мощностью 770 л.с.
4.	Дерюгинский сахарный завод	с. Дерюгино, Дмитриевского уезда, ныне Дмитриевского района Курской области	Отличался своей сравнительно малой мощностью - суточная производительность по свекле составляла до 1941 г. лишь 4 000 ц 4 паровых котлов и 2 паровые машины мощностью 330 л.с.
5.	Дмитрово-Тарановский (до 1922 г. Воскресеновский) сахарный завод	Белгородский уезд Курской области	К 1927 г. находился в удовлетворительном техническом состоянии, имел 10 паровых машин мощностью 677 л. с. В 1927 году при суточной производительности 8953 ц переработал 994 086 ц свеклы
6.	Сахарный завод им. Калинина	Рыльский уезд, ныне Глушковский район Курской области	В 1927 г. переработал 1 392 429 ц. свеклы с суточной производительностью 12.210 ц. при норме 13 500 ц.; имел 30 паровых машин общей мощностью 1 388 л.с.
7.	Сахаро-песочный и рафинадный комбинат им. К. Либкнехта	Льговский уезд, ныне Курчатовский район Курской области	В 1925 году был пущен после 3-летнего перерыва; при суточной производительностью 11 300 ц, в 1927 году переработал 1 099 752 ц. свеклы, имел 11 паровых машин. Производительность рафинадного завода составляла 13 000 пудов
8.	Сахарный завод «Коллективист»	Суджанский уезд, ныне Большесолдатский район Курской области	Возобновил работу лишь в 1929 г. Паросиловое хозяйство завода состояло из четырех паровых котлов, общей площадью нагрева 1200 кв. метров и одной паровой турбины, мощностью 750 киловатт

Окончание таблицы

1	2	3	4
9.	Сахарный завод «Коммунар»	Обоянский уезд, ныне Беловский район Курской области	9 паровых котлов и 5 паровых машин, с суммарной мощностью 393 л.с.
10.	Краснояржский сахаропесочный завод	Грайворонский уезд, Курской области, ныне Краснояржский район Белгородской области	В 1925 году был капитально перестроен, имел 20 паровых машин общей мощностью 880 л.с.; в 1927 году развил производительность 7 408 ц в сутки, переработал 795 588 ц. сырья
11.	Сахарный завод имени Ленина (до 1917 г. – Ивнянский)	Ныне – Ивнянский район Белгородской области	В 1926 году был произведен капитальный ремонт, в 1927 году развил производительность 6148 ц в сутки, имел 11 паровых машин мощностью 344 л.с.
12.	Львовский сахарный завод	Ж/д станция Льгов Курской области	В 1926 году начал работать после 5-летнего перерыва, и в 1927 году развил суточную производительность 7 079 ц, переработал 799 320 ц свеклы; имел 6 паровых машин, работавших на донецком угле и частично на местном торфе, общей мощностью 817 л.с.
13.	Ново-Таволжанский сахарный завод	Белгородский уезд Курской области, ныне Шебекинский район Белгородской области	В 1927 г. имел 22 паровых машины общей мощностью 940 л.с., при суточной производительности – 1 156 393 ц свеклы
14.	Сахарный завод «Профинтерн»	г. Шебекино	В 30-е годы был самым мощным по Курской области и одним из крупнейших в СССР. Его суточная производительность по свекле в 30-е годы составляла 20.000 центнеров (в 1927 г. – 14 266 ц.) ⁸ . Завод «Профинтерн» в 1927 году имел 18 паровых машин общей мощностью 2432 л. с.
15.	Ракитянский сахарный завод	Грайворонский уезд, Курской области, ныне Ракитянский район Белгородской области	В 1927 году переработал 894 176 ц сырья; имел 10 паровых машин общей мощностью 1056 л. с., жомосушилку системы «Расмуса» производительностью до 330 ц в сутки
16.	Сахарный завод «Спартак» (до 1917 г. – Курско-Ржавский, с 1934 – имени Кирова)	Тимский уезд, ныне Пристенский район Курской области	С 1925 года производился капитальный ремонт. В 1926 году была построена новая паровичная с 5 новыми английскими котлами; имелось 14 паровых машин общей, мощностью 720 л. с. В 1927 году при суточной производительности 7390 завод переработал 801 502 ц свеклы

⁸ Карпов Г.Е. Экономико-географическая характеристика сахарной промышленности Курской области и ее сырьевой базы. Дисс. на соискание степени кандидата географических наук. Курск, 1950. С. 120.

В 1927 году бездействовали 4 завода: завод «Коллективист», возобновивший работу в 1929 г., а отставшиеся три завода в дальнейшем были ликвидированы Тишинский (в 30-х годах), Крупецкий (в 50-х годах), а Пенский объединился с заводом им. К. Либкнехта.

Данный фактически справочный материал, безусловно, требует исторического исследования, однако, даже в качестве информации может быть использован историками-краеведами, студентами и всеми, интересующимися историей начального советского периода в Центральном Черноземье.

Несмотря на некоторое обновление сахарных заводов Курской губернии, технический уровень их оставался очень низким. В 1929 году инженер-технолог КУРОСа К.А. Могильный, командированный в США для изучения механизации работ в сахарной промышленности, сделал сравнение расхода рабочей силы на одни и те же виды работ на американских и курских заводах. Разница оказалась огромной. Так, в паровичной при отоплении углем, включая подачу топлива и удаление золы, в США было занято 3 человека, на курских заводах – 20; на упаковке и транспортировке сахара до склада – соответственно 6 и 30; на выгрузке свеклы из вагонов – 6 и 60 и т. д. В заключение К.А. Могильный сделал лаконичный вывод о том, что в США сахарозаводчики «в обстановке ожесточенной конкуренции» стремятся снижать себестоимость сахара, в первую очередь, путем механизации трудовых процессов, а это влечет за собой сокращение рабочей силы⁹.

Курский сахар находил сбыт в основном на внутреннем рынке. О его экспорте документы Курского отделения Сахаротреста молчат. И лишь в одном документе, датированном 1927 г. удалось найти две строки, приоткрывающие завесу тайны. В характеристике завода им. К. Либкнехта содержатся слова: «Помимо головного рафинада, завод вырабатывает марсельский сахар, экспортируемый в Персию и Афганистан»¹⁰. И это в то время, когда курским рабочим выдавали сахарный паек – 200 гр. сахара на месяц (7 г – в день)¹¹.

К концу 20-х годов производство фабричной сахарной свеклы в Курской области осуществлялось как в государственном секторе, так и в крестьянском, представленном колхозами, кооперативами и единоличными хозяйствами. Преобладающая роль принадлежала государственному сектору. В крестьянских хозяйствах свекловичные посевы в 1928 г. занимали 2,9 % общей площади пашни (49 388 га). В сырьевом балансе сахарных заводов удельный вес крестьянской свеклы был весьма незначителен. Так, Льговскому сахарному заводу в 1928 г. лишь 18,9 % сырья поставляли крестьянские хозяйства¹², остальное же производилось на землях совхозов, созданных на базе экономий сахарных заводов.

Среди крестьян свеклосеянием занимались в основном середняцкие хозяйства. Так, например, Льговском округе они составляли 71 % от общего количества свеклосеющих хозяйств¹³.

Пути развития крестьянского свеклосеяния определялись не только потребностями свеклосахарной промышленности, но и общими задачами развития страны, направленными на развитие производительных сил деревни и решение проблемы агроперенаселенности. По данным КУРОСа на 1928 г., в районе его деятельности крестьянство извлекало из сахарной промышленности следующие доходы: на разных полевых и заводских работах (сезонные рабочие) и на перевозке грузов – 9 500 тыс. руб.; за свеклу плантаторскую – 7480 тыс. руб.; всего около 17 000 тыс. руб.¹⁴. Это значительно ослабляло последствия аграрной перенаселенности. Выдача сахзаводами

⁹ ГАКО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 719. Л. 78.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 1081. Л. 15-18 об.

¹¹ Бочаров А.Н., Травина А.С. Курский сахар. Курск, 1982. С. 69.

¹² ГАКО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 1296. Л. 44-47 об.; Ф. Р-1829. Оп. 1. Д. 13. Л. 42-44.

¹³ ГАКО. Ф. Р-1062. Оп. 1. Д. 25. Л. 90-91 об.; Ф. Р-1829. Оп. 1. Д. 13. Л. 46 об.; Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 1296. Л. 45-47 об.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 1296. Л. 45-50.

авансов под свеклу задолго до сбора урожая усиливала оборотные средства свекло-сеющих хозяйств, а дифференциация авансирования усиливала бедняцкие хозяйства.

Таким образом, советская свеклосахарная промышленность, будучи разрушенной в годы революционных преобразований и Гражданской войны, в конце 20-х годов прошлого века была восстановлена и вступила в новый период своего развития, связанный с переводом ее на соответствующие тому периоду времени технологические процессы.

SUGAR INDUSTRY OF THE KURSK REGION IN THE 1920S OF THE XX CENTURY

Yu.M. MIRGORODOVA

*Kursk Institute of Social Edu-
cation,
Branch of Russian State Social
University*

e-mail: a_voknevas@mail.ru

In this very article coming back interest to history of the Soviet industry is shown. In article the period of formation of the Soviet sugar industry in Kursk region is considered. The sugar industry is significant for Kursk region that explains certain interest to a research theme.

Key words: sugar industry, sugar factories, sugar manufacture, Kursk region.

ПРОЦЕСС ХРИСТИАНИЗАЦИИ НЕРУССКИХ НАРОДОВ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ И ПРОБЛЕМА ОБРАТНОГО ПЕРЕХОДА В ИСЛАМ В XIX ВЕКЕ

Ю.Ф. СУЛЕЙМАНОВА

*Оренбургский государственный
педагогический университет*

e-mail: sulejman-yuliya@yandex.ru

В статье произведен анализ основных аспектов перехода крещеных иноверцев в ислам, а также выяснены причины и масштабы этого процесса на территории Оренбургской губернии в XIX веке. Автор делает вывод о том, что российское правительство использовало разнообразные методы для борьбы с переходом новокрещеных в ислам.

Ключевые слова: крещение, иноверцы, ислам, мусульмане, религия.

Взаимоотношения Русской православной церкви (РПЦ) с представителями других конфессий на Южном Урале складывались с учетом интересов государства в этом регионе. Церковь рассматривалась правительством как средство для укрепления государственного контроля. Одним из важнейших направлений деятельности РПЦ была христианизация нерусских народов края.

Особое положение Русской православной церкви давало ей возможность обращаться за помощью в деле христианизации нерусских и не православных народов к государственным структурам, параллельно создавая и свою собственную систему миссионерства. Распространение и утверждение христианства имело целью установление со стороны РПЦ контроля в сфере социальных и семейно-бытовых отношений т.н «иноверческого» населения. Кроме того, принятие христианства отдельными нерусскими народностями способствовало их более быстрой интеграции в имперское сообщество. Однако в XIX веке оформился и процесс перехода крещеных иноверцев обратно в ислам¹. Этот процесс затронул как «старокрещенных», так и «новокрещенных». Наиболее заметной эта тенденция была среди татарского населения губернии. Подобные явления были характерны и для соседнего Среднего Поволжья, где они носили более масштабный характер. Это было связано с тем, что и крещенных там было гораздо больше².

В научной литературе называется целый ряд причин этого процесса: совместное проживание «крещеных иноверцев» с мусульманами, слабая миссионерская деятельность РПЦ, незнание «инородцами» русского языка и отсутствие или недостаточное количество русских школ³. Ряд дореволюционных авторов главным фактором, способствовавшим «отпадению от христианства» крещеных иноверцев, называл религиозную пропаганду мусульманского духовенства⁴.

Мнения исследователей этого вопроса расходятся и в вопросе о способах борьбы российского правительства и РПЦ с этим явлением. Большая часть исследователей сходится во мнении, что правительство предпочитало реагировать «по ситуации», то есть четкой продуманной системы действий не существовало. Меры правительства, как считает ряд авторов, зависели от масштабности названного явления. Так, на материалах Поволжья американский ученый П.В. Уэрт выделил несколько периодов данного процесса. Первый период – с 1802 по 1830-е гг. На этом этапе «от-

¹ Габдуллин И. Движение крещенных татар по возвращению в мусульманство. Тюрко-Татарский мир [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.tataroved.ru

² История Татарии в материалах и документах. М., 1937. С. 191.

³ Понятов А.Н. Некоторые аспекты перехода крещеных татар из православия в ислам в Казанской губернии во 2й половине XIX – начале XXвв. // Православный собеседник. Казань, 2004. Вып. 2. С. 168.

⁴ Рыбаков С. Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. СПб, 1900. С. 11.

падение» рассматривалось как религиозное заблуждение, происходящее прежде всего оттого, что крещеные татары не имели возможности «познать православную веру»⁵. По мнению П.В. Уэрта, ислам в этот период не рассматривался как источник «отпадения». Его считали лишь бывшей религией крещеных татар, наравне с язычеством. В это время для противодействия «отпадению» (особенно в 1802 и 1827 гг.) гражданские власти широко применяли такую административную меру, как переселение новокрещеных татар в русские селения.

Второй период – с конца 30-х гг. XIX в. по 1864 г. Здесь движение характеризуется более сознательным отказом от исполнения крещеными татарами христианских обрядов. В это время принимаются новые меры, направленные на ограничение роста влияния ислама на «инородцев» и крещеных татар Казанской губернии, где главными мерами пресечения переходов крещеных татар в ислам со стороны властей были миссионерские увещевания и судебные преследования по гражданским законам⁶.

Третий период – с 1864-1865 гг. до гибели империи. В эти годы формируется понятие о «совращении отпадающих» крещеных татар через подстрекательство ранее отпавших и мусульманских «агитаторов».

Целью настоящей статьи является анализ процесса перехода «крещеных иноверцев» в ислам на территории Оренбургской губернии, выявление причин, закономерностей и результатов этого явления, а также сравнение этого явления с аналогичным на территории Среднего Поволжья. В основу авторских выводов положены неопубликованные источники фондов Государственного архива Оренбургской области.

Несмотря на историческую значимость движения «обратного перехода», этот вопрос до сих пор недостаточно изучен.

Христианизация «инородцев» на территории Оренбургской губернии наиболее интенсивно велась в 40-е – 50-е годы XVIII века. Несмотря на это, ко времени начала движения по возвращению в ислам крещеные татары православными христианами являлись в основном лишь для местных священников и царских властей. Это было связано с тем, что принятие христианства татарами носило во многом формальный, поверхностный характер. Большая их часть принимала крещение только для получения различного рода льгот. Это отмечали еще дореволюционные авторы⁷.

В числе факторов, способствовавших «отпадению от христианства» крещеных татар, клерикальные круги называли «совместное сожительство» с мусульманами, религиозную пропаганду мусульманского духовенства, номинальный характер крещения. Епископ Оренбургский и Уфимский Иоанникий в своем отношении Оренбургскому духовному магометанскому собранию в 1845 г. прямо обвинил мусульманское духовенство «в вовлечении в свою веру» новокрещеных. Здесь же епископ пишет, что «новокрещеные, убеждаясь возможностью такого отступления, входят в Магометанское Духовное собрание с просьбами, испрашивая ходатайства на обращение их в магометанство, а магометанское же собрание не обращая подобные просьбы подателям, со внушением их противозаконности, делает по оным свои распоряжения». По мнению Н.И. Ильминского и целого ряда наиболее видных представителей РПЦ, сам ислам накладывал отпечаток на весь уклад семейной и общественной жизни, объединяя всех мусульман в одну большую семью; сказывалась этническая близость «инородцев» Казанской губернии с татарами-мусульманами; наблюдалась сплоченность мусульманской общины и наличие на территории губернии большого количества мечетей, мектебов и медресе; активная пропаганда ислама на страницах печати.

Таким образом, к основным факторам, способствовавшим «отпадению» от христианства новокрещеных, можно отнести следующие:

⁵ Уэрт П.В. Отпадение крещеных татар // Татарстан. 1995. № 1-2. С. 109.

⁶ Там же. С. 107.

⁷ Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. VII. Оренбург, 1900. С. 82.

1. Совместное территориальное проживание крещеных татар с мусульманами.
2. Непонимание «инородцами» православного богослужения вследствие незнания ими русского языка.

3. Отсутствие в некоторых волостях Оренбургской губернии, где проживали крещеные татары, русских школ.

4. Невнимание местного духовенства к нуждам своей крещено-татарской пасты. Так как священники проживали вдали от приходских деревень и имели многочисленные приходы, то они были вынуждены ограничивать свою деятельность по отношению к крещеным татарам практически одной только обрядовой стороной. К тому же большинство сельских священнослужителей в то время не владело родным языком своих прихожан-«инородцев».

К началу XIX века наряду с русскими именами, которыми их «награждали» приходские попы, новокрещены, как правило, носили и татарские имена. К примеру, Ларион Якимов (1826) из д. Нижнее Абдулово Мензелинского уезда Оренбургской губернии значился и Идиятуллой Губейдуллиным. Татары-мусульмане, проживавшие в окрестных деревнях или же являвшиеся односельчанами крещеных татар, также влияли на их мировоззрение. Жительница той же д. Нижнее Абдулово (Степановка) Елена Дорофеева (Кулшарипова) в конце 1840-х гг. на допросе властям заявила, что «она не имеет никакого понятия о православной вере и исполняет, как и мужа, обряды магометанские, что дети их хотя и крещены, но имен их не знает потому, что после крещения мулла Нигаметулла Абдулбакиров молитвует их по своей вере и дает татарские имена». Существовало у крещеных татар и мусульманское многоженство⁸. Та же Елена Дорофеева в допросе показала, что у ее мужа Захара Александра есть и вторая жена Шамукая. Характеризуя крещеных татар Бугульминского и Бугурусланского уездов приходской священник в своем докладе епископу Самарскому и Ставропольскому Феофилу пишет, что они «бросили православие так, что трудно отличить их от татар не только по внутреннему, но и внешнему образу их жизни... В какой дом ни войдешь, везде видна обстановка татарская, спросишь ли имя хозяина, он с трудом назовет себя и нередко другим именем, не говоря уже о их семейных. Крестов на себе не носят, креститься не умеют, говорить по-русски тоже, постов не соблюдают, едят лошадиное мясо, держат татарскую уразу, ходят в мечеть, одним словом не крещеные татары»⁹.

Впервые «отступление от христианской веры» как движение было зафиксировано в начале XIX в. среди крещеных татар Васильского и Сергачского уездов Нижегородской губернии. Татары-новокрещены этих двух уездов через своего поверенного жителя д. Маклаково Василия Евстифеева во второй половине 1802 г. подали прошение «о дозволении им оставить незнаемое для них христианство и обратиться к магометанству»¹⁰.

На территории Казанской губернии первая массовая волна отпадения татар от православия началась в марте 1827 г., когда крещеные татары Свяжского, Цивильского, Тегюшского, Буинского, Симбирского и Ставропольского уездов Казанской епархии в числе нескольких тысяч человек (жители 97 деревень Казанской и 41 деревни Симбирской губерний) подали прошение о возвращении в «магометанство». На территории Оренбургской губернии в этот период также наблюдался подобный процесс. Так, в 30-е годы XIX века новокрещеные жители деревень Мелеуз, Бугульчан, Новокутлумбетово перешли в ислам. По мнению правительства, причина заключалась в отсутствии церкви¹¹.

⁸ Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 173. Оп. 1. Д. 1061. Л. 1.

⁹ Габдуллин И. Движение крещеных татар по возвращению в мусульманство. Тюрко-Татарский мир [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.tataroved.ru

¹⁰ Ислаев Ф.Г. Православные миссионеры в Поволжье. Казань, 1999. С. 117.

¹¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2276. Л. 40.

Что же касается подобного явления среди других крещеных нерусских народов, в их среде оно носило гораздо меньший масштаб. Хотя на территории Оренбургской губернии в первой половине XIX века отмечен ряд случаев переход новокрещеных чувашей в ислам¹². Однако это были единичные случаи.

В этих условия РПЦ начала принимать меры по «вразумлению» «отпавших» крещеных татар. Несмотря на «увещания и вразумления» приходских священников, протоиереев и гражданских властей, большинство крещеных татар отказывались исполнять обряды православной церкви. В связи с этим власти стали применять насильственные меры по отношению к отпавшим. С 30-х годов XIX века власти стали переселять крещеных татар в православные селения¹³. К предводителям применялись более жесткие меры вплоть до заключения в тюрьмы. Конечно, православное духовенство не могло не оставить без внимания эти явления.

Так, 11 апреля 1830 г. Святейшим Синодом была учреждена «особая постоянная миссия». Конкретный план действий этой миссии был составлен архиепископом Филаретом. Сущность этого плана сводилась к двум положениям:

а) к необходимости составить на «инородческих» языках поучения, в частности перевести на эти языки «начатки христианского учения», с тем чтобы в дальнейшем использовать их в нерусских приходах – в церквях и школах. В ходе реализации данного пункта, по мнению Филарета, могли быть достигнуты две цели: религиозно-нравственное воспитание и начальное образование «инородцев»;

б) к назначению в нерусские приходы только способных и хорошо подготовленных пастырей, знающих родные языки своих прихожан. Лучшего результата в этом деле предполагалось достигнуть двумя способами: созданием особого учреждения – миссионерского института при Казанской духовной семинарии, с целью подготовки миссионеров для Казанской и соседних епархий, и назначением особых миссионеров с «авторитетом священно-архимандритства». План этот, за исключением создания миссионерского института, был утвержден и начал действовать.

В 1840-х гг. в Мензелинском уезде была учреждена миссия «для обращения язычников и магометан в христианство». В 1851 г. такая же миссия была учреждена и в Бутульминском и Бугурусланском уездах¹⁴.

Большое значение для Волго-Уральского региона имело воссоздание в 1842 г. по инициативе казанского губернатора С.П. Шипова Казанской духовной академии. С самого начала своей деятельности приоритетным направлением для нее стала подготовка педагогических и миссионерских кадров, владевших «инородческими» языками. А уже с 1854 г. по предложению известного ученого и религиозного деятеля Н.И. Ильминского и благодаря попечительству Казанского и Свяяжского архиепископа Григория при академии были открыты четыре миссионерских отделения: противомусульманское, противобуддийское, противораскольническое и чувашско-черемисское. Более того, в 1846 г. император Николай I повелел перевести церковное богослужение на татарский язык.

Несмотря на все принятые меры как со стороны РПЦ, так и со стороны гражданской власти, наиболее массовые переходы крещеных татар в ислам повторялись в течение 40-80-х гг. XIX в.¹⁵

В 1845 г. крещеные татары д. Нижнее Абдулово Мензелинского уезда «открыто заявили себя магометанами и, без дозволения начальства, вздумали было строить себе мечеть». В том же году было начато расследование, которое было поручено приставам 3 и 4 станов уезда и мензелинскому земскому исправнику. Но степановские новокрещеные «вместе со многими из магометан, собравшись толпою и вооружась кольями», учинили «неповиновение» местным властям. Несмотря на все «увещева-

¹² ГАОО. Ф. 172. Оп. 2. Д. 433. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 41.

¹⁴ Понятов А.Н. Указ. соч. С. 167.

¹⁵ Там же. С. 169.

ния» и угрозы властей, степановские новокрещены, по словам дворянского заседателя Ильина, «решительно отказываются быть христианами»¹⁶.

Обычной практикой в 60-е – 70-е годы XIX века у царских и церковных властей по отношению к «отпавшим» из православия татарам являлось расселение наиболее непокорной их части среди русской или же давно исповедующей православие инородческой паствы, взятие имущества «отступивших» в опеку. Помимо этого, некрещенные дети у родителей отбирались для принудительного крещения¹⁷. Вслед за тем этих детей отдавали в руки русских «набожных» семей. Крещеных татарок, вступивших в брак по магометанскому обряду, удаляли от их мужей. В случае если жены крещеных татар оказывались из мусульманок, их также возвращали в дома родителей. Но, и эти меры давали слабые результаты. Власти констатировали, что «крещеные татары с переселением их в русские селения упорно избегают оседлости, постоянно ведут бродячую жизнь и несмотря на все принимаемые правительством меры не обрабатывают своих участков и... служат тягостью для тех обществ, к коим приписываются».

Таким образом, по отношению к перешедшим в ислам крещеным татарам правительство в 1860-х гг. проводило двойственную политику: с одной стороны, использовало старые силовые методы репрессивного характера, а с другой – либеральные. Степень их применения и сочетания зависела, прежде всего, от самого развития процесса «отпадения». Как только процесс перехода крещеных татар в ислам начал приобретать массовый характер, использовались жесткие меры, когда же он шел на спад – либеральные. В результате эти действия, которые не отличались строгой последовательностью и не были рассчитаны на длительный период в борьбе с «отступничеством», не принесли ожидаемого результата как в Казанской, так и в Оренбургской губернии. Именно поэтому властям не всегда удавалось до конца просчитать и спрогнозировать, как будут развиваться события в дальнейшем. В большинстве случаев правительство не управляло, а лишь координировало процесс перехода крещеных татар в ислам¹⁸.

Однако в 80-е годы в связи с новым правительственным курсом Александра III репрессивные меры по отношению к новокрещенным, перешедшим обратно в ислам, ужесточились. Примером таких мер, применяемых самодержавием, может служить «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 года: в этом законе за указанное преступление предусматривалась ссылка на каторжные работы в Сибирь сроком от 12 до 15 лет (ст. 184) и отдача в «исправительные арестантские отделения» (ст.187). Однако, несмотря на такое ужесточение наказания, отступническое движение на территории Оренбургской губернии продолжалось и в 80-е – 90-е годы XIX века¹⁹.

Следует отметить, что проблема перехода крещеных татар из православия в ислам волновала не только РПЦ, но и гражданскую власть (прежде всего в лице министерств народного просвещения, внутренних дел и юстиции), а также широкий круг общественности. Однако несогласованность действий разных учреждений, призванных обеспечить должный порядок в этом вопросе, сильно вредила делу. Так, Министерство внутренних дел считало, что поскольку значительная часть наиболее активных «отступников» 60-х гг. XIX в. за недостатком улик не подлежала уголовной ответственности, то по отношению к ним следовало бы применить целый комплекс административных мер. Министерство юстиции, наоборот, выступало за судебный порядок рассмотрения «вероотступнических» дел²⁰.

По мнению П.В. Уэрта, правительство опасалось принимать решительные меры из-за «фанатизма» мусульман: «Нельзя было войти в конфликт с миллионами

¹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12427а. Л. 1 об.

¹⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 2. Д. 2713. Л.18.

¹⁸ Понятов А.Н. Указ. соч. С. 170.

¹⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3292, Ф. 10. Оп. 6. Д. 179, Д. 184, Д. 189, Д. 190.

²⁰ Понятов А.Н. Указ. соч. С. 171.

мусульман ради нескольких тысяч крещеных татар – особенно ввиду приобретения новых подданных в Средней Азии. ... Правительство, по-видимому, считало так: поскольку репрессивные меры против ислама являются недопустимыми, пусть местные ревнители православия противодействуют вредному влиянию ислама через мирную школьную политику»²¹.

И все же если в первой половине XIX в. в отношении «инородцев», вышедших из православия, самодержавие использовало в основном силовые методы, то во второй половине столетия оно вынуждено было частично от них отказаться. На первый план выступили просветительские и нравственно-религиозные задачи, связанные с реформами 1860-х г. Буржуазные преобразования явились началом демократизации всех сторон общественной жизни россиян. В пореформенный период основным средством борьбы правительства и РПЦ с «отпадением» было сочетание как силовых мер, так и новых либерально-миссионерских. Так, например, в «Уложение о наказаниях...» содержалась ст. 185, которая гласила: «Отступники от христианской веры православного или другого исповедания в веру нехристианскую отправляются к духовному начальству прежнего их исповедания для увещания и вразумления. До возвращения в христианство они не пользуются правами своего состояния, а на все сие время имение их берется в опеку». Поэтому, часть исследователей полагает, что хотя закон и предусматривал жесткую систему наказания для «отступников», но фактически сравнительно небольшое количество людей испытало на себе эти меры.

В заключение отметим, что как на территории Оренбургской губернии, так и на территории Казанской губернии проживало православное дворянство татарского происхождения, которое не возвращалось в ислам. Движение к исламу затронуло главным образом низы татарского общества, крестьянство.

THE PROCESS OF CHRISTIANIZING OF NON-RUSSIAN PEOPLE IN ORENBURG REGION AND THE PROBLEM OF REVERSE CONVERSION TO ISLAM IN THE XIX CENTURY

Yu.F. SULEIMANOVA

*Orenburg State
Pedagogical University*

e-mail: sulejman-yuliya@yandex.ru

In the article you can find the analysis of the main aspect of the conversion of baptized another religion followers to islam. There are also some reasons and a scale of this process on the territory of Orenburg region in XIX century. The author also comes to the conclusion that the Russian government used different methods for the struggle connected with the conversion of newly baptized people to islam. The choice of these methods depended on the circumstances

Key words: religion, baptism, adherent of different faith, Islam, Muslims.

²¹ Уэрт П.В. Отпадение крещеных татар // Татарстан. 1995. № 1-2. С. 112.

КУРСКАЯ ГУБЕРНИЯ И ТУРЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВОЙН XIX ВЕКА

В.В. ПОЗНАХИРЕВ

Курский государственный университет

e-mail: vvr@list.ru

В статье исследуется география интернирования в России основных контингентов турецких военнопленных в ходе вооруженных конфликтов XIX в. Автором предпринята попытка обосновать центральное место и ведущую роль в этом процессе именно Курской губернии.

Ключевые слова: русско-турецкая война, Курская губерния, место и роль, военнопленные, турки, интернирование, закономерности.

На протяжении XIX столетия противоречия между Российской и Османской империями четырежды перерастали в полномасштабные вооруженные конфликты (1806-1812 гг., 1828-1829 гг., 1853-1856 гг. и 1877-1878 гг.), каждый из которых неизбежно сопровождался интернированием турецких военнопленных в те регионы страны, которые военно-политическое руководство России считало для этой цели наиболее предпочтительными.

На первый взгляд, место и роль Курской губернии в данном вопросе выглядят не слишком заметными, поскольку непосредственно на ее территории пленные турки размещались лишь дважды: в периоды 1853-1856 гг. и 1877-1878 гг. Правда, в XIX в. турецкие военнопленные не интернировались более двух раз ни в одну из российских губерний. Однако данный факт скорее усложняет анализ рассматриваемой проблемы, ибо, помимо Курской, турки дважды размещались еще в целых 14-и губерниях, буквально «разбросанных» по всей европейской части страны и не имеющих, в большинстве случаев, видимой связи ни между собой, ни с Курским регионом (в частности, в Киевской, Минской, Вологодской, Владимирской, Херсонской и др.).

Понимание рассматриваемой проблемы затрудняет также и то обстоятельство, что выбор конкретной губернии в качестве места размещения пленных зависел не только от объективно присущих тому или иному региону свойств (степени удаленности от театра военных действий; климатических условий; эпидемиологической ситуации; состояния инфраструктуры; уровня отягощенности местного населения воинским постоем и др.), которые, в основе своей, оставались в XIX столетии неизменными, но и от доминирующих приоритетов, которые определяли всю государственную политику в отношении военнопленных в ходе конкретного вооруженного конфликта и которые, что самое главное, носили динамичный характер.

Так, если в период русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Петербург фактически запретил какое-либо трудовое использование пленных, то уже в войну 1828-1829 гг. само их интернирование в западные регионы России диктовалось исключительно необходимостью применения труда пленников на строительстве Киевской и Бобруйской крепостей, а также Виндавского канала. В свою очередь, война 1877-1878 гг., «давшая» России самое большое число турецких военнопленных за всю историю вооруженных конфликтов между нашими государствами (около 70 тыс. чел.), включая и Первую мировую войну, фактически вывела в число приоритетных вопросов о наличии свободных помещений, ибо пленных пришлось распределить почти по всей европейской части страны, используя для этой цели едва ли не любой населенный пункт, в котором только удавалось арендовать подходящее здание.

Однако, несмотря на все изложенное выше, думается, что на протяжении целого столетия в основе распределения военнопленных по тем или иным регионам должны были лежать все-таки *объективные факторы*, а не какие-либо временные приоритеты.

Для проверки выдвинутой гипотезы мы сочли целесообразным ориентироваться одновременно на два следующих критерия:

1) базовые нормативные акты о пленных (принимаемые, как правило, в начале каждой войны) прямо называют губернию в качестве региона, предназначенного для их размещения (вне зависимости от того, имело ли место такое размещение в действительности);

2) пленные реально интернируются в губернию вне связи с тем, предусматривалось ли это изначально нормативными актами.

При этом, если второй критерий отражает действительное положение вещей, то ценность первого видится в том, что в нем, вольно или невольно, находят выражения: традиция, прогноз и признание значимости того или иного региона для решения рассматриваемой проблемы, основанное на опыте предыдущих войн.

Анализ упомянутых нормативных актов и архивных источников позволяет выделить перечень интересующих нас регионов, представленный в Таблице 1.

Как видно, свыше четырех раз в Таблице 1 не упоминается ни одна губерния. Четырежды названы лишь семь: Курская, Воронежская, Орловская, Полтавская, Тамбовская, Харьковская и Херсонская. Причем, каждая из них дважды предполагалась для размещения пленных турок, и в каждую из них они дважды реально интернировались (хотя «план» и «факт» далеко не всегда совпадали во времени).

Обращаясь к административно-территориальному делению Российской Империи периода XIX столетия, мы обнаруживаем, что все перечисленные губернии граничат друг с другом, образуя своеобразный район, ориентированный с юго-запада на северо-восток и лежащий параллельно коммуникациям, по которым осуществлялось снабжение армий, действующих на основном театре военных действий – Балканском.

Нельзя также не заметить, что Курская губерния является единственной, которая имеет общие границы сразу с четырьмя из шести других (Орловской, Воронежской, Полтавской и Харьковской), и – более того – **она расположена в идеальном центре названного района!**

Сказанное дает основание полагать, что при решении вопросов интернирования пленных турок военно-политическое руководство страны на протяжении всего XIX столетия объективно тяготело к размещению их в пределах очерченного выше района, центральным элементом которого выступала Курская губерния. Применительно к последней такой подход, по нашим оценкам, был предопределен рядом факторов.

Таблица 1

Перечень российских регионов, планируемых и используемых для интернирования турецких военнопленных в XIX в.¹

Наименование и временные рамки вооруженного конфликта	Губернии, предназначенные для интернирования пленных турок в соответствии с базовыми нормативными актами	Губернии, в которые основные контингенты турецких пленных были реально интернированы
1	2	3
Русско-турецкая война 1806-1812 гг.	Воронежская, Екатеринославская, Полтавская, Тамбовская, Харьковская, Херсонская	Воронежская, Екатеринославская, Полтавская, Тамбовская, Харьковская, Херсонская

¹ Составлена по данным: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2654. Л. 206-4; Д. 3783. Л. 255, 272-278; Ф. 395. Оп. 325. Д. 38. Л. 116, 272-278; Ф. 400. Оп. 3. Д. 2047. Л. 81-94; Российский Государственный Исторический архив (РГИА). Ф. 262. Оп. 1. Д. 4985. Л. 23-25; Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собр. второе. Т. IV. № 2977; Т. XXIV. № 28038.

Окончание таблицы 1

Русско-турецкая война 1828-1829 гг.	Курская , Бессарабская, Виленская, Волынская, Воронежская, Гродненская, Екатеринославская, Киевская, Минская, Орловская, Полтавская, Тамбовская, Харьковская, Херсонская, Черниговская	Киевская, Минская
Крымская война 1853-1856 гг.	Курская , Орловская, Тульская	Курская , Вологодская, Владимирская, Орловская, Пензенская, Смоленская, Тульская, Ярославская
Русско-турецкая война 1877-1878 гг.	Не определены	Курская , Бессарабская, Виленская, Владимирская, Вологодская, Волынская, Воронежская, Гродненская, Киевская, Минская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Херсонская, Черниговская, Ярославская и еще 20 губерний не упомянутых в настоящей таблице

– оптимальной удаленностью губернии как от ключевых властных центров, так и от театров военных действий (ТВД), что, с одной стороны, обеспечивало быструю реализацию управленческих решений, а с другой – затрудняло возможные побегі военнопленных и сокращало процессы их этапирования во времени и пространстве;

– географическим положением вблизи точки пересечения потоков пленных, направляемых внутрь страны с Кавказского и Балканского ТВД, а также основных мест базирования Черноморского флота;

– достаточно развитой инфраструктурой и высокой плотностью населения;

– обеспеченностью региона сельскохозяйственной продукцией и относительно низкими ценами последней;

– незначительным количеством воинских частей, как постоянно дислоцируемых, так и вновь формируемых, а значит – приемлемыми, даже в условиях войны, уровнями постоянной и подводной повинностей;

– мононациональностью и моноконфессиональностью населения, вполне лояльного к власти и относящегося к пленным туркам, в массе своей, инфантильно, что сводило к минимуму риск возможных негативных последствий их размещения в регионе.

Центральное место, занимаемое Курской губернией, соответственно, детерминировало и ее заметную роль в решении проблем, связанных с интернированием турецких военнопленных. В пользу такого вывода, в частности, говорят следующие факты:

1. Хотя в период русско-турецкой войны 1806-1812 гг. военнопленные противника в Курской губернии не размещались, да и само их интернирование на ее территорию не предполагалось, губерния сыграла роль транзитного региона, в целом, достаточно успешно обеспечившего этапирование (и последующую репатриацию) в пределы Воронежской и Тамбовской губерний, а также городов Орел и Калуга около 4 тыс. турецких пленников².

² Более подробно об этом аспекте проблемы см.: Познахирев В.В. Турецкие военнопленные в Курской губернии в период русско-турецкой войны 1806-1812 гг. / Правда истории: Сборник научных статей. Выпуск VIII / Под ред. Г.А. Салтык. Курск, 2009. С. 104-110.

2. Что касается войны с Турцией 1828-1829 гг., то расквартирование пленных главным образом в Киеве, и без того буквально «забитом» тыловыми учреждениями, а также проходящими и вновь формируемыми воинскими частями, действительно выглядит некоторым диссонансом на фоне всего изложенного выше.

Вместе с тем, данное решение, как представляется, не содержит в себе ничего из ряда вон выходящего и полностью укладывается в рамки нашей концепции, с той лишь разницей, что отражает практику XVIII в., когда пленные турки не раз вносили посильный вклад в совершенствование российских фортификационных сооружений на всем пространстве от Ростова-на-Дону до Нарвы. Да и сам Киев за свою историю неоднократно выступал и сборным, и пересыльным пунктом, и местом расквартирования турецких военнопленных.

Другое дело, что на такого рода работах всегда использовалась лишь часть пленников, тогда как прочие интернировались в центральные регионы страны. Собственно, тоже самое почти неизбежно должно было произойти и в рассматриваемый период, если бы количество турок в русском плену соответствовало прогнозируемому, т.е. оказалось бы несколько выше. Во всяком случае, на такой исход прямо указывает § 38 «Положения о пленных» от 9 июля 1829 г., предписывающий «излишних сего рода пленных (речь идет о лицах «взятых в плен с оружием в руках» или, выражаясь современной терминологией – о «комбатантах» – В.П.),... отсылать на жительство в губернии Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую»³.

3. О значении Курской губернии в решении проблем, связанных с интернированием турецких военнопленных периода Крымской войны 1853-1856 гг., достаточно красноречиво говорят данные табл. 2.

Таблица 2

**Распределение турецких военнопленных по губерниям России
(по состоянию на 21 марта 1856 г.)⁴**

Губерния	Количество пленных (без учета гарнизона крепости Карс)	Количество пленных в % от общего числа
Орловская	436	27,19
Курская	281	17,53
Вологодская	202	12,6
Пензенская	194	12,1
Ярославская	184	11,48
Владимирская	168	10,48
Смоленская	69	4,31
Тульская	69	4,31
Всего	1603	100%

Как видно из табл. 2, к моменту подписания Парижского мирного договора, из восьми российских губерний, в которых размещались турецкие военнопленные, Курская занимала по их количеству второе место, уступая в этом отношении лишь Орловской и далеко опережая шесть остальных (впрочем, в отдельные периоды численность пленных турок, расквартированных в губернии, превышала 500 чел.)⁵.

³ ПСЗ РИ. Собр. второе. Т. IV. № 2977.

⁴ Составлена по данным: РГВИА. Ф. 395. Оп. 111. 1856 г. 2-е Отдел. Д. 399. Л. 18.

⁵ Более подробно об этом аспекте проблемы см.: Познахирев В.В. Турецкие военнопленные в Курской губернии в период Крымской войны 1853-1856 гг. / Курский край. Науч.-ист. журнал: № 3 (126) / Курское обл. науч. краевед. общество. Курск, 2010. С. 32-39.

4. Что касается русско-турецкой войны 1877-1878 гг., то Курская губ. в этот период, на первый взгляд, мало чем отличалась от большинства других, ибо на ее территорию было интернировано немногим более 1 800 пленных, что составило около 2,72% от общего числа военнослужащих противника, размещенных в сорока губерниях России на протяжении всей войны.

Вместе с тем, отмеченная нами закономерность дала о себе знать и в ходе рассматриваемого конфликта, ибо почти половина от названного числа турок (800 чел.) были расквартированы в губернии еще в середине августа 1877 г. т.е., *задолго до начала массового пленения войск противника* (при Шипке-Шейново, под Плевной и в Карсе), когда общее число военнопленных в стране едва ли превышало 8 тыс. человек⁶.

Весьма примечательным выглядит и тот факт, что хотя Курск в годы войны был далеко не единственным в России железнодорожным узлом, местом «перемены вагонов», а также санитарным и продовольственным пунктом, тем не менее, из 6 011 пленных, снятых со своих эшелонов в виду заболеваний в период с декабря 1877 г. по март 1878 г. на всех станциях всех железных дорог России, и соответственно, госпитализированных в ближайшие лечебные учреждения, на один только Курск пришлось... 1 533 чел., т.е., каждый четвертый⁷. Показатель совершенно несопоставимый ни с каким другим городом страны⁸.

Обобщая изложенное, мы считаем возможным утверждать, что Курская губерния, в силу комплекса имманентных ей преимуществ, занимала центральное место и играла одну из ключевых ролей в решении проблем, связанных с интернированием турецких военнопленных на всем протяжении XIX столетия.

KURSK REGION AND TURKISH PRISONERS OF WAR IN WARS OF XIX CENTURY

V.V. POZNAKHIREV

Kursk State University

e-mail: vvkr@list.ru

In this article investigates the geography of internment in Russia main contingents of Turkish prisoners of war during armed conflicts in the XIX c. The author has attempted to justify the central place and leading role of Kursk region in this process.

Key words: Russian-Turkish war, Kursk region, place and role, prisoners of war, Turks, internment, regularities.

⁶ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 157. Оп. 1. Д. 125. Л. 1, 4.

⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2047. Л. 81-94.

⁸ Более подробно об этом аспекте проблемы см.: Познахирев В.В. Турецкие военнопленные в Курской губернии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. / Актуальные проблемы научного творчества ученых кафедры истории России. Сборник научных статей. Выпуск 6 / Отв. ред. И.М. Плаксин; Курск. гос. ун-т. Курск, 2010. С. 55-61.

РОЛЬ КУРСКОГО ЗЕМСТВА В РАЗВИТИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Т.П. МАМАЕВА

*Старооскольский филиал
Белгородского
государственного
университета*

e-mail: TatP703@yandex.ru

Статья посвящена исследованию образовательной деятельности Курского земства на рубеже XIX–XX вв. В деятельности земства Курской губернии было три периода, и самым продуктивным из них был период с 1907 по 1918 гг., когда было завершено формирование системы начального народного образования в России, и начальное образование стало общедоступным. Автор статьи делает вывод, что земская просветительная деятельность была довольно эффективна, а основным ее результатом стало повышение уровня грамотности населения в Курской губернии.

Ключевые слова: земство, земские учреждения, Курская губерния, Курское губернское земство, народное начальное образование, уровень грамотности населения.

Появление и дальнейшее формирование системы земских школ в России во второй половине XIX – первой четверти XX века вызывает неослабевающий научный интерес у современных исследователей. Такое внимание к одному из важнейших элементов российского народного образования обусловлено, прежде всего, современным уровнем экономического, политического и культурного развития России. Земский опыт школьного строительства может помочь в решении некоторых современных проблем, в частности в поиске наиболее эффективных способов обновления современной системы народного образования.

Начальная школа, получившая впоследствии название земской, своим развитием полностью обязана инициативе местных органов самоуправления, появившихся в России по Положению о земских учреждениях 1864 года. Именно земская активность обусловила жизнестойкость и результативность работы начальных народных училищ, и все это произошло вопреки тому факту, что дело организации народного образования было отнесено к необязательным земским функциям. Созданная благодаря общественной инициативе и с материальной поддержкой земств, начальная народная школа впервые стала тем реально действующим образовательным институтом, эффективная деятельность которого способствовала появлению у крестьянского населения страны стремления к постоянному повышению своего культурного и общеобразовательного уровня. На первый план была выдвинута задача введения всеобщего начального обучения. В конечном счете, стабильная работа земских начальных училищ привела к постоянному росту количества грамотных людей в России, что являлось необходимым фактором прогрессивного развития страны в условиях происходивших изменений в экономической и политической сферах жизни российского общества.

Земские учреждения не только организовали работу начальных народных училищ, но и оказывали существенную поддержку целому комплексу других образовательных структур, способствующих плодотворной работе начальных школ. В их число входили различные учебные заведения, занимающиеся непосредственно или косвенным образом подготовкой педагогических кадров для земских училищ, такие как специальные средние и высшие педагогические учебные заведения, а также обычные средние учебные заведения, выпускники которых зачастую работали учителями народных училищ (гимназии и прогимназии, городские и реальные училища, духовные и епархиальные училища). Именно по этой причине указанные учебные заведения

постоянно находились в поле зрения местных органов самоуправления и получали от них значительную материальную поддержку. Кроме того, важным элементом системы земских школ являлись различные учреждения, занимающиеся внешкольным и послешкольным образованием народа: воскресные школы, повторительные курсы, народные чтения, народные библиотеки-читальни и другие.

Земский опыт стал ярким примером необходимости самого активного участия всего общества в создании действующей системы народного образования, способной решить все стоящие перед ней насущные образовательные вопросы, в первую очередь, проблему полного охвата населения учебными заведениями. В результате кропотливой работы земствам удалось создать новый тип школы. К февралю 1917 г. в России действовало около 65 тысяч земских начальных школ (всех начальных школ в стране имелось 124 тыс.). К 1 января 1915 г. в 43 земских губерниях в народных школах обучалось 4346 тысяч учащихся (для сравнения: в 49 неземских губерниях было 1596 тысяч учащихся), с которыми работали 107 328 учителей (в неземских губерниях – 38704 человека)¹. Громадное большинство школ имело собственные здания. В среднем в земских школах на одного учителя было 40,7 учеников при норме в 50 человек. С 1890 по 1914 г. земские расходы на народное образование выросли в 15 раз – с 7 до 104 млн. рублей в год (государственные расходы – в 6-7 раз)².

До проведения земской реформы ситуация с народным просвещением в Курской губернии практически не отличалась от общероссийской. Материал о состоянии дореформенных школ, предоставленный учителями народных училищ, был обработан Курским земством и изложен в исследовании И.П. Белокопского. Из перечисленных данных можно составить следующую картину: преподавание в разных селах 15 уездов Курской губернии мало отличалось по качеству и системе преподавания (последняя практически отсутствовала); обучение велось местными священниками, псаломщиками, диаконами, отставными солдатами, причетниками, так называемыми «черничками», недоучившимися сыновьями диаконов и священников или даже дворовыми крестьянами; методы преподавания использовались очень старые и непродуктивные: буквослагательный при обучении чтению и письму, первой книгой для чтения была Псалтырь, которую изучали по возможности наизусть; по арифметике упражнялись только в письме цифр и чисел, в сложении чисел на счетах и т.д.; дети посещали школу нерегулярно, число учащихся было незначительным, часто ученики бросали школу, так как учебный год, начинаясь с августа и, заканчиваясь в июне, захватывал часть рабочего времени в сельской местности, ввиду чего некоторые крестьяне относились к школе чуть ли не враждебно; часто дети учились по вечерам, а днем работали на своего педагога – местного диакона; отдельных школьных помещений не было, обучение велось в наемной крестьянской избе или частных домах; обращение с учениками зачастую было ужасным, повсеместно и в самых широких размерах была распространена порка розгами, лозою, битье линейками и даже палками³.

Большинство дореформенных школ, равно как и учащиеся, числились лишь номинально, на бумаге для представления отчетов начальству. С проведением в жизнь земской реформы 1864 г. число школ и их качественные показатели начали постепенно возрастать. Приведем некоторые данные о числе начальных училищ в Курской губернии середины XIX века и времени их возникновения. Так, в 1865 г. в губернии было 40 школ ведомства государственных имуществ (при этом в Львовском, Рыльском и Тимском уездах начальных школ совсем не было). Указанные сорок школ, существующие при введении земских учреждений в Курской губернии, по уездам распределялись следующим образом (табл. 1).

¹ См.: Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения. Пг., 1916. С. IX–XI, XIV, 77.

² См.: Медынский Е., Пффингстен Н. Бюджеты земских школ // Земское дело. 1914. № 21, 23; Веселовский Б. Пособия на всеобщее обучение // Учитель и школа. 1915. № 5. С. 39–43.

³ См.: Белокопский И.П. Народное начальное образование в Курской губернии. 2-е изд., испр. и доп. Курск, 1897. С. 1–11.

Таблица 1

Количество начальных школ Курской губернии в 1865 г.

Названия уездов	Количество школ	Названия уездов	Количество школ
1. Белгородский	2	7. Обоянский	8
2. Грайворонский	7	8. Путивльский	3
3. Дмитриевский	1	9. Старооскольский	1
4. Корочанский	4	10. Суджанский	1
5. Курский	3	11. Фатежский	3
6. Новооскольский	3	12. Щигровский	4

Источник: Краткий исторический очерк деятельности земства Курской губернии за XXXV-летний период. 1866–1901. Курск, 1902. С. 9.

Участие же земских учреждений губернии в народном просвещении проявилось с самых первых лет существования земских органов самоуправления на территории губернии. В то же время, не получив от дореформенного времени почти никакого наследства в области народного образования, земство должно было решить одновременно несколько задач: наладить организацию школьного дела в сельской местности, определить оптимальный тип начальной народной школы, построить сеть таких школ, создать учебники и различные руководства, подготовить учительские кадры, найти денежные средства и выработать порядок участия губерний, уездов, сельских обществ и городов в этой работе.

Однако земская образовательная деятельность далеко не сразу вылилась в определенную, более или менее стройную систему, так как отношение земств к необязательным повинностям сложилось не сразу. В результате исследования различных аспектов практического участия Курского земства в сфере народного образования, автор статьи пришел к выводу, что деятельность в этом направлении прошла три больших этапа:

I. 1865 – 1894 гг.;

II. 1895 – 1907 гг.;

III. 1908 – начало 1918 г.

На протяжении первого этапа своей деятельности губернское земство основное внимание сосредоточило на субсидировании средних учебных заведений и подготовке учительского персонала для начальных школ, а заботы по строительству и содержанию народных начальных школ возложило на уездные земства и сельские общества. Но так как данный этап был довольно продолжительным, то в зависимости от степени финансирования различных сфер народного образования со стороны губернского земства в его рамках можно выделить несколько периодов подъема и спада земской деятельности.

В первые годы существования земских учреждений шло накопление материальных средств и опыта практической работы по налаживанию местного хозяйства, вместе с тем постепенно расширялись и земские возможности. Ввиду этого первые губернские ассигнования на начальное образование стали возможны только с 1869 г. и составили в указанном году 3% от всех образовательных расходов. Постепенно они начали расти и в 1875 году затраты на начальное образование достигли 44,7% от общей суммы расходов на народное образование.

Долгое время основные денежные средства предназначались среднему образованию. Самым весомым результатом первого периода работы органов местного самоуправления Курской губернии было открытие в 1872 г. земской учительской школы, которая стала основным учебным заведением, ведущим подготовку педагогического персонала для открываемых в губернии народных училищ.

Среди других мероприятий следует отметить устройство педагогического класса при женской гимназии, поддержка женского епархиального училища, выпускавшего учительниц, выработка в 1875 г. особого пенсионного устава для народных учителей, организация учительских съездов и кратковременных педагогических и общеобразовательных курсов (первые курсы были проведены в 1872 г., но систематически они стали устраиваться только со второй половины 1890-х годов).

Оказывалась материальная помощь и средним учебным заведениям: 1) Маринской женской гимназии (с 1867 г. по 1000 руб. в год); 2) частной женской гимназии Красовской (с 1882 по 1891 г. по 1000 руб.), 3) епархиальному училищу (с 1878 г. по 1900 г. в сумме от 1500 до 3350 руб.); 4) реальному училищу (с 1872 г. по 7500 руб. в год). По отношению к высшему образованию Курское губернское земство придерживалось политики назначения стипендий и пособий⁴.

Кроме указанных мер по развитию системы народного образования в губернии курское земство уже в первый период его деятельности занялось решением проблемы снабжения учебных заведений и вообще населения необходимой учебной литературой и книгами для чтения, в связи с чем в 1867 г. был возбужден вопрос о книжных складах⁵. (Книжный склад Курского губернского земства работал с 1874 по 1880 г.)

Значительное увеличение размера ассигнованных средств на нужды начальной школы замечается в период с 1875 по 1890 г. (57,4 % от всех образовательных расходов). В указанное время заметно возросли и общие расходы на народное образование по отношению ко всему земскому бюджету: если в первое десятилетие они составляли всего 8,3%, то теперь – 13,9%⁶.

Говоря об участии губернского земства в деле создания начальной общеобразовательной школы, нельзя забывать, что долгое время под таким участием понималось, прежде всего, обеспечение начальных училищ квалифицированными кадрами учителей, поэтому основная масса денежных пособий предназначалась земской учительской школе. Но так как в 1890 г. происходит передача школы в ведение МНП, то по этой статье наблюдается значительное сокращение расходов. И тем не менее, земство не перестало поддерживать учительскую школу, ей ежегодно выделялась субсидия в 8 тысяч рублей, а кроме того – средства на ремонт помещения, устройство общежития для воспитанников и другие нужды.

К концу 1894 г. меняется в положительную сторону состав губернского земского собрания. В число гласных были избраны прогрессивные дворянские деятели (А.Н. фон-Рутцен, П.Д. Долгоруков, А.В. Евреинов, В.Е. Якушкин, Н.А. Полянский и др.), которые являлись сторонниками тесного сближения «второго» и «третьего» элементов в ходе земской работы. Результатом смены состава гласных земского собрания стало постепенное увеличение губернских ассигнований сфере начального образования, что свидетельствовало о начале нового, второго этапа земской работы.

В целом второй этап выделяется более плодотворной деятельностью губернского земства по подготовке и осуществлению школьного строительства в губернии, конечной целью которого было достижение всеобщности народного образования. Первоочередное внимание вновь стало уделяться развитию начальной школы (ассигнования на начальное народное образование составляли 73,5% от всех образовательных затрат).

Инициатором и руководителем всех важнейших мероприятий губернского земства в области школьного и внешкольного просвещения народа была специаль-

⁴ Подробнее см.: Мамаева Т.П. Земские субсидии учащимся средних и высших учебных заведений (по материалам Курского губернского земства) // Пушкиревские чтения: Сборник материалов региональной научно-практической конференции. Старый Оскол, 2006. С. 46–51.

⁵ См.: Журналы заседаний Курского губернского земского собрания 3-й очередной сессии 1867 г. Курск, 1868. С. 402–404.

⁶ Текущая школьная статистика Курского губернского земства. Год 11-й, 1906–1907 уч. г. Курск, 1908. С. 13–14; Звягинцев Е.А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М., 1915. С. 54; Чарнолуцкий В. Земство и народное образование. Ч. 2. СПб., 1914. С. 311, 318.

ная Комиссия по народному образованию при губернской земской управе, начавшая свою деятельность с 1894 г. Долгое время во главе Комиссии стоял Петр Дмитриевич Долгоруков, сторонник активного привлечения специалистов по различным областям к работе в комиссиях губернского земства. Среди наиболее значительных мероприятий, предпринятых губернским земством в течение рассматриваемого этапа, следует отметить выделение из специально созданных фондов ссуд и пособий на школьное строительство (с 1895 г.), учреждение библиотек при земских школах (с 1895 г.), регулярное ведение школьной статистики (с 1896 г.), создание справочно-педагогического бюро (1897 г.), составление двух вариантов школьной сети по губернии (1896 и 1906 гг.), открытие музея наглядных пособий (1901 г.) и учреждение при нем мастерской по изготовлению таких пособий (1902 г.), проведение губернских учительских курсов (1897–1903 гг.), организация первой Общеземской выставки по народному образованию (1902 г.).

Чаще всего по многим показателям состояния народного образования Курская губерния занимала срединное место среди других земских губерний. Но по сравнению с Воронежской и Харьковской губерниями в ряде случаев Курская губерния была немного впереди своих соседей. Приведем лишь несколько конкретных примеров. В 1894 г. Курская губерния по количеству земских школ вместе с министерскими занимала 6 место, а Воронежская и Харьковская губернии соответственно 10 и 13 места. По общему количеству начальных школ всех ведомств Курская губерния стояла на 11 месте, но все-таки немного опережала губернии Воронежскую и Харьковскую, которые занимали 15 и 17 места⁷. Но количество школ нельзя рассматривать отдельно от таких показателей, как число жителей и пространство губернии. Так как Курская губерния была одной из самых густонаселенных, то школ в конце XIX в. было недостаточно: одна школа приходилась на 1955 жителей (26 место среди земских губерний), но даже в этом случае Воронежская и Харьковская губернии оказались позади (на 33 и 32 местах)⁸.

Что касается расходов на содержание учительского персонала, то по данному показателю в 1898 г. Курское земство находилось на 11 месте среди всех земств, тогда как Воронежское и Харьковское земства занимали соответственно 14 и 15 места⁹. В 1900/01 учебном году по количеству достаточно подготовленных учителей Курская губерния вышла на 4 место (таких учителей было более 56%), уступив только Московской, Орловской и Саратовской губерниям.

Второй этап работы Курского губернского земства также не был одинаково эффективным на протяжении всех 13 лет. Отмеченный выше подъем земской деятельности был прерван вмешательством правительства в дела Курского земства. Основной причиной такого давления стала излишняя (с точки зрения высшей бюрократии) активность курских гласных, приведшая в организации в 1902 г. в Курске тайного земского «слета» с участием видных представителей Курского, Тверского, Рязанского, Псковского и Черниговского земств¹⁰. Результатом упомянутых событий стало, как отмечалось ранее, отстранение от всех занимаемых должностей в земских учреждениях оппозиционных деятелей, в частности П.Д. Долгорукова. Впоследствии консервативное большинство курских гласных приняло решение об ограничении прав вспомогательных комиссий губернского земства (в число которых входила и Комиссия по народному образованию). Кроме того, было запрещено допускать к обсуждению в комиссиях лиц, не являющихся губернскими гласными, а потому объявленных элементом «чуждым интересам земли»¹¹. Под влиянием пренебрежитель-

⁷ Белокопский И.П. Народное начальное образование в Курской губернии. 2-е изд., испр. и доп. Курск, 1897. С. 54.

⁸ Там же.

⁹ Обзор деятельности земств по народному образованию по данным за 1898 г. Издание Хозяйственного Департамента МВД (по III отделению). СПб., 1902. С. 25.

¹⁰ См.: Белокопский И.П. Земство и конституция. М., 1910. С. 98.

¹¹ См.: Звягинцев Е. Изгнание третьего земского элемента из комиссий Курского губернского земства // Саратовская земская неделя. 1905. № 1. С. 76.

ного отношения к земским служащим, как со стороны гласных, так и со стороны Курского губернатора, с 1904 г. началось вытеснение из земских структур прогрессивных и наиболее деятельных элементов.

Впоследствии в своей деятельности по народному образованию земство уделяло больше внимания количественной, а не качественной стороне дела, поэтому даже после нападков на прогрессивных земцев и представителей «третьего элемента» материальные расходы на начальное образование не стали меньше, а по прежнему неуклонно возрастали. Это было обусловлено общим курсом на введение в стране всеобщего начального образования (только с началом первой мировой войны они немного уменьшились в связи с бременем военного времени).

На последнем этапе деятельности земских учреждений Курской губернии состав гласных губернского собрания по-прежнему оставался консервативным, и современники причисляли курское земство к числу земств с «однородной реакционной окраской», которые образовывали так называемую «марковскую вотчину», куда обычно входили земства Псковской, Саратовской, Екатеринославской и Херсонской губерний. В целом консервативное земство этого периода не изменило своей основной цели в деле развития народного образования, цели достижения всеобщего начального образования в губернии, поэтому не прекращало выделять значительные денежные суммы, предназначенные для заполнения школьных сетей в уездах.

Однако в последние годы курское земство уже не смогла выделиться на фоне других земств такими яркими событиями в образовательной сфере как губернские педагогические курсы или Общеземская выставка по народному образованию. Именно консервативное большинство в губернском земском собрании выступило против участия в I Общеземском съезде по народному образованию (Москва, 1911 г.).

Несмотря на отмеченные отрицательные моменты, следует подчеркнуть, что именно с конца XIX века Курское губернское земство в своей практической деятельности первостепенное внимание уделяло мероприятиям по обеспечению населения доступной, эффективной, хорошо организованной и оснащенной школой. Развитие сети начальных народных училищ с одновременным укреплением их материальной базы и обеспечением необходимыми педагогическими кадрами стало приоритетным направлением земской работы в образовательной сфере. Само же губернское земство играло в этом процессе роль объединяющего центра.

Наибольшая интенсивность открытия земских школ наблюдается в течение последнего этапа деятельности Курского земства губернии (см. табл. 2), что объясняется стремлением земцев строго придерживаться выбранного ими курса на скорейшее введение всеобщего начального образования в губернии, а также в определенной степени материальной помощью со стороны государства.

Таблица 2

Количество земских школ Курской губернии (1865 – 1914 гг.)

Периоды земской деятельности	Количество школ к концу каждого периода	Среднее количество школ, открываемых ежегодно	Абсолютный прирост количества школ
1865–1874	347	34,7	337
1875–1890	519	32,4	172
1891–1894	547	7	28
1895–1902	743	28	196
1903–1907	997	50,8	254
1908–1914	1510	72,3	513

Источник: Текущая школьная статистика Курского губернского земства: годы 1-й – 17-й, 1896/97 – 1913/14 учебные годы. Курск, 1898–1915.

Следует отметить, что с 1895/96 учебном году стабильно увеличивалось не только число школ, но и число комплектов, так как около 20% училищ были многокомплектными (в основном имели два комплекта). Поэтому количественный рост школ можно определить только с учетом числа школьных комплектов. На втором этапе деятельности число комплектов возросло с 637 до 1359, а к концу 1913/14 учебного года в 1510 земских училищах фактическое число комплектов достигло 2185.

Что касается дальнейшего роста земских начальных школ, то отсутствие полных статистических сведений за 1914–1917 гг. не позволяет сделать окончательного вывода о точном количестве общественных школ и школьных комплектов к концу деятельности земских учреждений Курской губернии.

В то же время земские школы были составляющей частью целостной системы народного образования, поэтому картина развития начального образования в исследуемом регионе будет неполной, если не привести общие данные о начальных училищах Курской губернии всех ведомств. Для сравнительной характеристики взяты 1894 и 1911 годы, по которым имеются полные и достоверные данные. Итак, основные показатели состояния начального образования в Курской губернии на рубеже XIX–XX вв. можно представить в следующем виде: число училищ увеличилось с 1341 до 2244; количество учащихся с 70 156 до 14 9843; процент учащихся девочек возрос с 18,5 до 30,1; один учащийся в 1894 году приходился на 37,2 жителей, в 1911 г. на 20,5 человек; одно училище располагалось на территории с населением 1948 человек в 1894 г. и 1370 человек в 1911 г.¹²

Таким образом, за 16-летний период количество начальных школ в губернии возросло в 1,7 раза; а количество учащихся в них – более чем в 2 раза. Существенно сократилось и пространство «образовательной пустыни» вокруг школы, т.е. то количество квадратных верст, которое приходилось на одно училище: в 1911 году каждая начальная школа обслуживала территорию площадью в 18,2 кв. верст, тогда как в 1894 г. это расстояние было намного больше (30,4 кв. верст).

Однако, несмотря на относительно быстрый рост начальных училищ, губерния все еще испытывала определенный недостаток в них. Хотя в 1911 г. заметно вырос так называемый показатель образования (процент учащихся к общему числу населения), до полного охвата населения губернии элементарным образованием было еще далеко: данный показатель увеличился с 2,7% до 4,87% и являлся свидетельством того, что начальное образование стало доступным лишь в минимальном размере, т.к. число учащихся во всех начальных школах губернии приближалось лишь к 5% населения, тогда как при составлении школьных сетей в основу вычислений был заложен четырехгодичный курс обучения, при котором количество детей должно было составлять не менее 10% по отношению ко всему населению. Но такое положение было характерно и для всей территории европейской части России, где аналогичный показатель в указанный период времени изменился с 3% до 4,5%¹³, и Курская губерния на этом фоне выглядела довольно неплохо.

Еще один важный показатель, характеризующий состояние начального народного образования, – это процент девочек среди учащихся (грамотность девочек не была связана с ближайшей практической пользой, тогда как в отношении юношей такая польза виделась в существующей до 1907 г. льготе по отбыванию воинской повинности). В отношении Курской губернии можно отметить, что с 1874 по 1913 г. заметно значительное увеличение числа учащихся девочек, как в количественном, так и в процентном выражении: только в общественных начальных училищах за 40 лет деятельности земства количество обучающихся девочек возросло с 1149 до 28 208 человек, т.е. почти в 25 раз, а увеличение их удельного веса в общей массе учащихся составило 22,6%. Количественные изменения среди женской части учащихся явно опережали рост численности обучающих-

¹² Белокогонский И.П. Народное начальное образование в Курской губернии... С. 53–63; Однодневная перепись начальных школ в Российской Империи 18 января 1911 г. Вып. XVI. СПб., 1916. С. 66–68.

¹³ Однодневная перепись начальных школ в Российской Империи 18 января 1911 г. ... С. 67.

ся мальчиков: за указанный период их число возросло с 16 536 до 69 005 человек, т.е. только в 4,2 раза.

Отрицательной стороной всех начальных школ был небольшой процент учащихся, оканчивающих полный курс обучения. С такой проблемой столкнулись и земские школы Курской губернии, так как она была вызвана общей бедностью крестьян и востребованностью детей школьного возраста при проведении сельскохозяйственных работ и в домашнем хозяйстве.

Представленный статистический материал свидетельствует о значительном прогрессе в развитии народного образования в Курской губернии, чему немало способствовала просветительная работа курского земства.

Конечно, не все обстояло блестяще в сфере народного образования на рубеже XIX–XX вв.: начальная школа так и не смогла решить ряд проблем, так как они были тесно связаны с общей экономической ситуацией в стране.

При глубоком изучении различных аспектов земской практики невозможно не заметить ряд отрицательных явлений, серьезно снизивших эффективность деятельности земских учреждений как в целом, так и в области народного образования в частности. По мнению ряда современных исследователей, главнейшими отрицательными факторами были следующие: прежде всего, недостаток средств, что в свою очередь было следствием «законодательно-ущемленного, классово-ориентированного характера земского самоуправления, при котором массы являлись объектом обложения и попечения, но не субъектом самоуправления»¹⁴. К этому же выводу еще в начале XX в. пришел знаток земской жизни Б.Б. Веселовский: «Сорок лет земства работали, игнорируя отношение населения, его активно-сознательное участие в земской работе, и неудивительно, если теперь приходится констатировать тот факт, что о земстве в деревне существуют самые невероятные представления. Земство здесь поживает лишь то, что оно посеяло. Конечно, и внешние причины оказали сильное влияние в данном отношении, разобщая элементы общества, – но все же виновато, прежде всего, земство, которое слишком долго оставалось «барским» в том смысле, что на население, на «народ» оно смотрело больше как на объект культурного и прочего воздействия, чем как на сотрудника в работе»¹⁵. Нам представляется важным отметить, что оценка Б.Б. Веселовского в целом верна, но она слишком односторонняя: земства далеко не игнорировали участие народа в местных делах, но в силу объективных причин земские деятели долгое время были вынуждены доказывать населению важность проводимой ими работы, а также поднимать культурный и общеобразовательный уровень крестьян с тем, чтобы в дальнейшем они сами смогли стать непосредственными участниками всех мероприятий, осуществляемых земскими органами самоуправления.) Конечно, интерес либеральных земцев к народной школе, был обусловлен «возможностью связи через нее с местным населением» а, следовательно, и «возможным влиянием на нее»¹⁶, и, тем не менее, такой интерес не мешал, а только способствовал просвещению крестьян в прогрессивном направлении. Именно земским учреждениям принадлежит заслуга в том, что они помогали преодолевать существующие проблемы, учитывая как крестьянские, так и общегосударственные интересы.

Увеличение числа земских школ и обучающихся в них оказывало положительное воздействие на уровень грамотности населения. Уже к концу XIX в. были заметны существенные сдвиги: к 1897 г. среди населения Курской губернии грамотные составляли 16,3%, тогда как в начале 1880-х гг. их было всего 7,8%¹⁷. При этом среди

¹⁴ См.: Королева Н.Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.). М., 1995. С. 54.

¹⁵ Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: В 4-х томах. СПб., 1909. Т. 1. С. 561.

¹⁶ Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века / Отв. ред. В.Я. Лаврычев. М., 1986. С. 177.

¹⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XX. Курская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. XI; Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. // Исторические записки АН СССР. 1951. № 37. С. 34.

категории лиц в возрасте от 10 до 29 лет процент грамотных был наибольшим (около 40%). Такое выделение грамотной молодежи среди других поколений подчеркивает роль народной школы в подъеме культурного уровня народа. Особенно заметно влияние общественной школы на примере данных о грамотности среди новобранцев Курской губернии: если с 1875 по 1895 год количество грамотных среди принятых на службу возросло с 13,4 до 37,5%, то к 1904 года грамотных новобранцев было уже 56%¹⁸.

Достигнутые успехи в расширении сети народных школ и повышении уровня грамотности населения свидетельствовали о том, что курское земство за весь период своей деятельности от отдельных мероприятий по финансированию образовательных учреждений перешло к систематической и целенаправленной работе по развитию народного образования. С целью создания благоприятных условий для превращения начальной школы в общедоступную губернское земство увеличивало ассигнования на разнообразные формы начального обучения, активизировало деятельность по подготовке и повышению квалификации педагогов, предпринимало меры по расширению курса обучения в начальной народной школе. В результате были разработаны и частично реализованы планы введения всеобщего начального обучения, были заложены основы массового народного образования. Деятельность земства оказала положительное влияние на содержание и организацию учебного процесса, способствовала внедрению новых приемов и методов обучения и тем самым создала условия для ускоренного развития всей системы народного образования. Однако рассредоточенность функций управления, контроля и финансирования начальной школы между различными государственными и общественными органами не позволили завершить эволюцию сословно-элитарной школы в общедоступную.

Несмотря на указанные недостатки в работе земств, в результате их деятельности появилась доступная населению школа, распространялись новые технологии обучения, повышалась грамотность населения. Именно земства выдвинули всеобщее обучение в качестве ведущего лозунга всех общественно-педагогических начинаний на рубеже XIX–XX вв. Вплоть до Февральской революции достижение всеобщности и общедоступности обучения являлось основной просветительской задачей в земской работе по развитию народного образования. В результате земствами были созданы предпосылки для введения не только всеобщего, но обязательного обучения. Вот почему опыт просветительской работы земских учреждений заслуживает самого подробного изучения.

ROLE OF THE KURSK ZEMSTVO IN DEVELOPMENT OF THE PUBLIC EDUCATION IN THE PROVINCE AT THE TURN OF XIX TO XX CENTURY

T.P. MAMAEVA

*Belgorod State University,
Stary Oskol Branch*

e-mail: TatP703@yandex.ru

The article is devoted to the research of the educational activities of Kursk zemstvo on the border of XIX–XX centuries. There were three main periods of zemstvo's activity in the Kursk province, the most productive of them was the period from 1907 to 1918 when organization of the system of public elementary education in Russia was finished and elementary education became really public. The author proves a conclusion that educational activity of Kursk zemstvo was rather effective and the result of it was the growth of the level of people's literacy in the Kursk province.

Key words: zemstvo, county institutions, the Kursk province, zemstvo of the Kursk province, public elementary education, the level of people's literacy.

¹⁸ Белоконский И.П. Народное начальное образование в Курской губернии... С.45; Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. Вып.6. (Данные 1904 г.) / Ред-я В.И. Фармаковского и А.А. Шапеллона. Одесса, 1907. С. 311.

УЧРЕЖДЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ (1917-1942 ГГ.): ИСТОРИЧЕСКИЕ И КАНОНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

П.Ю. СУББОТИН

Белгородский государственный университет

e-mail: subbotin@bsu.edu.ru

На основании значительного количества документов, как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот, делается вывод о существовании в 1923-1942 гг. самостоятельной Белгородско-Грайворонской епархии Русской Православной Церкви. Проанализированы церковно-правовые акты, регулирующие порядок выделения отдельных викариатств в самостоятельные епархии, и прослежена их реализация на примере Белгородского викариатства Курской епархии.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Всероссийский Поместный Собор 1917-1918 гг., Курская епархия, Белгородская епархия.

Изменения в церковно-административном устройстве отражают динамику процессов как внутри церкви, так и в ее отношениях с государством и обществом. Именно поэтому первая треть XX века в истории Русской Православной Церкви характеризуется церковно-административными преобразованиями как в масштабах всей страны, так и на уровне отдельных епархий, что было обусловлено окончанием синодального периода в русской церковной истории, деятельностью Всероссийского поместного собора 1917-1918 гг., а также обстоятельствами первой мировой и гражданской войн на канонической¹ территории Русской Церкви и антицерковной политикой советского государства.

В 1920-1930-е гг. на территории страны был образован целый ряд новых епархий, прежние епархии пересматривали границы своих викариатств², шло возрождение упраздненных ранее кафедр³ и открытие новых. Связано это было с несколькими причинами. Во-первых, еще в ходе работы Поместного собора была озвучена желательность уменьшения границ существующих епархий путем выделения их викариатств в самостоятельные епархии. Продиктовано это было стремлением повысить эффективность работы епархиальных архиереев в новых социально-политических условиях, приблизить их к нуждам духовенства и мирян. Во-вторых, возникновение в 1922 г. обновленческого раскола⁴ привело к отпадению от канонической Церкви целого ряда епархий и вынуждало посылать на места верных патриарху епископов для возвращения отпавших в раскол и противостояния обновленцам. В-третьих, непрерывные аресты, ссылки и расстрелы епископата требовали, с одной стороны, замещения выбывших новыми, а с другой – поставления во епископы стольких людей, чтобы при аресте одних архиереев их функции на опустевшей кафедре могли выполнять епископы соседних областей. Таким образом, в первой трети XX в. вопрос епархиальной организации Русской Церкви приобрел особую практическую значимость.

Несмотря на упразднение Белгородской епархии в 1799 г. и перевод кафедры в Курск, данное решение Синода на протяжении большей части XIX в. оставалось

¹ Каноническая территория – земли, на которые распространяется церковная власть данной поместной церкви. Каноническое право – правила и нормы, регулирующие внутрицерковную жизнь, дисциплину и управление. Противоречащие каноническому праву решения епископов нелегитимны.

² Викариатство – церковный округ епархии, управляемый викарием – помощником епархиального епископа.

³ Кафедра – город, где проживает архиерей, центр епархии или викариатства.

⁴ Обновленчество – просоветское реформаторское движение внутри Русской Православной Церкви в 1922-1946 гг., использовалось советской властью для ослабления Церкви и дискредитации духовенства.

формальным и Белгород de facto был церковным центром Курской епархии. Причиной тому была неподготовленность города Курска к размещению епархиальных учреждений. Только в 1833 г. был совершен переезд епархиальных учреждений в Курск, а перевод духовной семинарии лишь по прошествии еще пятидесяти лет - в 1883 г. Таким образом, к началу XX в. бывший епархиальный статус Белгорода не мог быть забыт.

В 1905 г. для улучшения церковного управления в южных уездах Курской епархии было учреждено Белгородское викариатство, архиереем которого был поставлен еп. Иоанникий (Ефремов)⁵. Главными его задачами стали контроль за качеством духовного образования в церковном округе и противостояние сектантству. В 1906-1908 гг. в рамках этих задач была возрождена Белгородская духовная семинария и открыто епархиальное женское училище. В 1911 г. в Белгороде состоялось прославление в лике святых еп. Иоасафа (Горленко), что еще более повысило религиозный статус города. С 1913 г. викарным архиереем Белгорода стал еп. Никодим (Кононов)⁶.

Именно в годы служения еп. Никодима родилась и получила свое обоснование мысль о выделении белгородского викариатства в самостоятельную Белгородскую епархию. Впервые этот вопрос был вынесен на обсуждение сначала белгородского уездного собрания духовенства, а затем курского епархиального съезда в 1917 г.⁷ Епархиальный архиерей Феофан (Гаврилов)⁸ в целом был склонен поддерживать этот проект. На первой сессии Поместного собора 1917-1918 гг. идея образования отдельной Белгородской епархии, высказанная делегатами от Курской епархии и ее южного округа, получила особую поддержку митрополита Тифлисского и Бакинского Платона (Рождественского)⁹ – уроженца Новооскольского уезда Курской губернии, а патриарх Тихон заметил, что «пора Белгороду стать самостоятельным»¹⁰.

Член Поместного собора, преподаватель Белгородской духовной семинарии Н.Н. Мавровский принял на второй сессии Собора 9 апреля (н.с.) 1918 г. непосредственное участие в обсуждении доклада еп. Серафима (Александрова) «О викарных епископах»¹¹. В окончательном определении Собора говорилось: «Существующие ныне епархии подлежат сокращению в своих пределах. Существующие викариатства, где к тому представляется возможность, постепенно преобразовываются в самостоятельные епархии»¹². Таким образом, согласно обсуждению в отделе высшего церковного управления¹³ и официальному определению Поместного собора, Белгородское викариатство имело все основания для получения самостоятельности.

Тем временем, начиная с марта 1918 г. Белгородский, Грайворонский, Корочанский, Новооскольский и Обоянский уезды Курской губернии были полностью или частично оккупированы немецко-гайдамацкими войсками. К лету 1918 г. линия фронта отделила от советской России в целом и Курской губернии в частности именно ту территорию, что относилась к Белгородскому викариатству.

В условиях фактического отрыва от епархиального центра, еп. Никодим делегировал Н.Н. Мавровского на проходившее 3-6 июня 1918 г. курское чрезвычайное епархиальное собрание. В своем докладе тот вторично поставил вопрос об образова-

⁵ Иоанникий (Ефремов) (1863-1914) – епископ Белгородский, викарий Курской епархии в 1905-1913 гг.

⁶ Никодим (Кононов) (1872-1919) – епископ Белгородский, викарий Курской епархии в 1913-1918 гг. Расстрелян. Канонизирован в 2000 г.

⁷ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 363. Л. 13.

⁸ Феофан (Гаврилов) (1872-1943) – епископ Курский и Обоянский в 1917-1919 гг. С 1919 г. в эмиграции.

⁹ Платон (Рождественский) (1866-1934) – митрополит Тифлиссский и Бакинский, Экзарх Кавказский в 1917-1918 гг. С 1920 г. в эмиграции.

¹⁰ ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 6. Лл. 44-45.

¹¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Т. 8. Деяния 102-117. М., 1999. С. 190-192.

¹² Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Выпуск третий. Приложение к «Деяниям» второе. М., 1918. С. 42.

¹³ Члены Собора выработывали проекты определений в особо организованных отделах. Проект определения о выделении викариатств в самостоятельные епархии готовился в отделе высшего церковного управления.

нии самостоятельной Белгородской епархии. Им указывалось на обширность территории Курской епархии и величину ее населения (3,5 млн. чел.), на разделение епархии на великорусский север и малороссийский юг, на натиск сектантства в южных уездах, на волокиту в деле ремонта духовных учебных заведений Белгорода и т.п. Докладчик напомнил о древности Белгорода, его бывшей епископской и митрополичьей кафедре, указал на высокое количество учебных заведений и церквей уездного города, на то, что именно в Белгороде находятся мощи Св. Иоасафа. В качестве резолюции Мавровский предложил «признать благовременным преобразование Белгородского викариатства в самостоятельную епархию», сохранив в то же время прежнее единство с Курской епархией в финансово-экономическом отношении¹⁴.

Выступавшие после Мавровского члены собрания единодушно высказались против отделения Белгородского викариатства от Курской епархии. Недоумение вызвала идея отделения викариатства при сохранении финансово-экономического единства. Против отделения выступил и грайворонский делегат о. Феодор Андриевский, от остальных присутствующих делегатов Грайворонского, Корочанского и Новооскольского уездов поддержки идеи отделения также не последовало. Единственный благожелательный отзыв сделал сам еп. Феофан, сославшись на действительную невозможность одному архиерею управлять тремя с половиной миллионами жителей. В результате прений собрание постановило отложить вопрос о выделении самостоятельной Белгородской епархии и предоставить белгородскому архиерею максимальную свободу в рамках прав викарного епископа. Таким образом, отсутствие поддержки со стороны представителей уездов Белгородского викариатства и непроработанность вопроса о финансово-экономическом обеспечении новообразуемой епархии предопределили провал идеи на обсуждении в Курске.

Решение курского епархиального собрания отразилось на результатах работы отдела высшего церковного управления Поместного собора. В итоговом докладе «Об образовании новых епархий и викариатств» еп. Серафимом 9 июля 1918 г. был оглашен список викариатств, претендующих на получение статуса самостоятельных епархий в порядке первой очереди. Среди них упомянуто и Белгородское викариатство: «В состав Белгородской епархии должны войти уезды Белгородский, Грайворонский, Суджанский, Корочанский и Ново-Оскольский»¹⁵. При этом отмечалось: «По поступившим ныне сведениям, на последнем, недавно бывшем Епархиальном Собрании принято решение не преобразовывать Белгородского викариатства в самостоятельную епархию»¹⁶. За недостатком времени собор сосредоточил внимание на утверждении нормативной части проекта, оставив право формирования новых епархий в ведении самих викариатств или епархиальных съездов.

Тем временем, еп. Никодим не оставил мысли образовать самостоятельную епархию и приступил к решению финансово-экономической стороны проекта. В октябре 1918 г. вместе с благочинным г. Белгорода о. Порфирием Амфитеатровым он выехал в Киев. Впоследствии о. Порфирий вспоминал: «В частном разговоре с Архиереем Никодимом, я узнал, что он ездил к Киевским гражд. властям по вопросу об отпущении средств для самостоятельной Белгор. епархии... в ответ на что Епископ сказал, что ходатайства по данным вопросам по-видимому будут иметь успех»¹⁷. Таким образом, к моменту возвращения в Белгород в декабре 1918 г., еп. Никодим нашел вариант разрешения финансово-экономических затруднений, что позволяло возобновить обсуждение вопроса об отделении Белгородского викариатства в отдельную епархию.

¹⁴ ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.

¹⁵ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Т. 9. Деяния 118-136. М., 2000. С. 179.

¹⁶ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Т. 9. Деяния 118-136. М., 2000. С. 179.

¹⁷ Архив УФСБ РФ по Белгородской области. Дело №9010. Протокол допроса от 10.01.1919.

Однако, после возвращения в Белгород еп. Никодим был арестован большевистским комендантом С.А. Саенко и в ночь на 8 января 1919 г. расстрелян. Через несколько дней был расстрелян и о. Порфирий Амфитеатров. Их гибель вместе с сопутствующими арестами священников и монашества фактически обезглавили и деморализовали белгородское духовенство. В этих условиях об образовании самостоятельной Белгородской епархии речи уже не шло, а Белгородский церковный совет самоупразднился¹⁸.

11 июня (по н. ст.) 1919 г. епископом Белгородским был назначен Аполлинарий (Кошевой)¹⁹. В течение полугода его пребывания на белгородской кафедре южные уезды Курской губернии снова были отрезаны от губернского центра линией фронта. В ходе июньского наступления Вооруженных сил Юга России генерала А.И. Деникина были заняты Белгород, Короча и Новый Оскол, а фронт стабилизировался в районе Прохоровки вплоть до сентябрьского наступления ВСЮР. В условиях отрыва от Курска Белгородское викариатство снова перешло на автономное управление, войдя в юрисдикцию ВВЦУ²⁰.

Документов о пребывании еп. Аполлинария на белгородской кафедре сохранилось сравнительно мало. Основная их часть содержится в архивах белой эмиграции. Так, протоиерей Виктор Потапов в своем исследовании о Русской Православной Церкви за границей и ее деятельности в Палестине уверенно говорит, что еп. Аполлинарий «в 1919 г. был поставлен во главе новой самостоятельной Белгородской Епархии»²¹. Эту же точку зрения повторяет своей работе В.И. Косик, где еп. Аполлинарий упоминается им как «глава новообразованной Белгородской епархии»²².

В ноябре-декабре 1919 г. Красная Армия отгеснила ВСЮР на юг, снова заняв Курск и Белгород. Еп. Аполлинарий оставил белгородскую кафедру и вместе с отступающими частями ВСЮР ушел на юг, откуда в феврале 1920 г. эмигрировал в Сербию. В это же время на юг бежал и курский епископ Феофан (Гаврилов). Таким образом, к началу 1920 г. курская и белгородская кафедры остались без архиереев.

7 ноября 1920 г. появилось постановление патриарха №362, определявшее перечень мер для епархиальных и викарных архиереев, отдельных церковных областей, епархий и даже приходов на случай полной или частичной дезорганизации церковного управления на любом иерархическом уровне. Постановление предусматривало, что при изоляции или развале высшего церковного управления, прекращении нормальной связи между ним и епархией, а также дезорганизации епархиального управления на местах, «наиболее целесообразной (в смысле утверждения церковного порядка) мерой представляется разделение епархии на несколько местных епархий»²³. Для этого епархиальный архиерей мог по своему усмотрению предоставлять своим викариям права епархиальных (самостоятельных) архиереев с организацией соответствующих при них епархиальных управлений. Более того, епархиальный архиерей «учреждает... во всех значительных городах своей епархии новые архиерейские кафедры с правами полусамостоятельных или самостоятельных»²⁴. Оставшаяся без

¹⁸ Государственный архив (далее ГАРФ). Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 170. Л. 97.

¹⁹ Аполлинарий (Кошевой) (1874-1933) - епископ Белгородский в 1919 г. В 1917 г. рукоположен в епископа Рыльского, викария Курской епархии. С октября 1917 г. по сентябрь 1918 г. замещал еп. Феофана (Гаврилова) на Всероссийском Поместном Соборе от Курской епархии. С 1920 г. в эмиграции.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 170. Лл. 105-106; ВВЦУ – Временное высшее церковное управление юга России.

²¹ Протоиерей Виктор Потапов. Русская Православная Церковь за границей и судьбы Русской Палестины: 1921-1948 гг. / Протоиерей Виктор Потапов [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://palomnic.org/journal/9/ippo/1/>

²² Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М., 2008. С. 27.

²³ Русская Церковь XX век. Книга 1-я. Материалы конференции «История Русской Православной Церкви в XX веке (1917-1933 гг.)». Сэнтендре, 2001. С. 544.

²⁴ Русская Церковь XX век. Книга 1-я. Материалы конференции «История Русской Православной Церкви в XX веке (1917-1933 гг.)». Сэнтендре, 2001. С. 544.

епископа епархия могла обратиться к архиерею соседней епархии для перехода под его управление, либо он мог взять такую епархию в управление и без приглашения. Постановление №362 стало инструкцией по организационному выживанию Русской Церкви в условиях непрекращающихся арестов епископата и наравне с увеличившимся количеством хиротоний создало его кадровый резерв.

В 1920 г. архиепископом Курской епархии был назначен еп. Назарий (Кириллов)²⁵, возведенный в 1921 г. в сан митрополита. В том же году на Рыльское викариатство был рукоположен Никон (Пурлевский)²⁶. Приступая к управлению Курской епархией, митр. Назарий обнаружил существующий в Белгороде Епархиальный епископский совет. Запросив объяснение из Белгорода, архиерей провел в Курске совещание и постановил распустить означенный совет, поскольку епископа в Белгороде все равно не было²⁷. Однако уже в 1921 г. на белгородскую кафедру был переведен еп. Никон. В этот период белгородская кафедра подчинена Курску.

Летом 1922 г. митрополит Назарий был отправлен на покой, а Курская епархия в лице своего епархиального управления и еп. Никона признала легитимность обновленческого Высшего церковного управления. 8 сентября 1922 г. ВЦУ утвердило еп. Никона главой Курской епархии²⁸. Незадолго до этого еп. Никон собрал пастырское собрание г. Белгорода, где было принято решение о созыве съезда «для избрания Епископа Белгородского и для решения вопроса о Белгородской самостоятельной Епархии»²⁹. Для этого в ноябре 1922 г. была образована комиссия в составе прот. Якова Гришковского, священников Алексея Попова, Феодора Шумова и Михаила Ковалевского.

В ходе работы комиссии свящ. Поповым была подготовлена историческая справка по вопросу об открытии самостоятельной Белгородской епархии. В ней он отмечал, что в разное время к этой инициативе положительно отнеслись белгородский уездный съезд и курский епархиальный съезд 1917 г., подотдел Поместного собора и Всеукраинский собор 1917-1918 гг., а курский епархиальный съезд августа 1922 г. расценил данный вопрос как уже решенный и «предложил детали его выяснить на месте и тогда возбудить соответствующее ходатайство пред В.Ц.Управлением»³⁰. 16 января 1923 г. собрание духовенства и мирян Белгородского уезда приняло постановление созвать для выбора епископа окружной съезд духовенства и «уведомить В.Ц.У., что у духовенства и мирян Белгор. района имеются свои кандидаты во епископа»³¹.

1-2 августа 1923 г. в Белгороде состоялось собрание духовенства и мирян, куда прибыли делегаты от Белгородского, Грайворонского, Корочанского и Новооскольского уездов. Председательствовал на съезде обновленческий «архиепископ» Иннокентий Пустынский³², сменивший в июне 1923 г. еп. Никона на курской кафедре. Еп. Никон в это время не управлял какой-либо кафедрой и жил в Курске, в связи с чем он оказался удобной кандидатурой в епископа самостоятельной Белгородской епархии, пользуясь у духовенства и мирян белгородского округа полным доверием. Собрание рассмотрело финансовую сторону учреждения новой епархии, постановило образовать таковую и выбрать еп. Никона её правящим архиереем. При еп. Никоне был сформирован Белгородский епархиальный совет³³, а сам он получил титулование³⁴ «Белгородский и Грайворонский»³⁵.

²⁵ Назарий (Кириллов) (1850-1928) – митрополит Курский и Обоянский в 1920-1923, 1925-1928 гг.

²⁶ Никон (Пурлевский) (1886-1937) – епископ Белгородский в 1921-1924 гг. Расстрелян в 1937 г.

²⁷ ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 1. Л. 71.

²⁸ Бунин А.Ю. Обновленческий раскол и Курская епархия (1920-е гг.) // Пятое Дамиановские чтения (материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Курск, 26-28 марта 2008 г., ч. 2). Курск, 2008. С. 64.

²⁹ ГАКО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 363. Л. 12.

³⁰ ГАКО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 363. Л. 13.

³¹ ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 90. Л. 112.

³² Иннокентий (Пустынский) (1869-1937) – обновленческий архиепископ Курский в 1923-1924 гг. Расстрелян в 1937 г.

³³ ГАКО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 363. Л. 2.

Таким образом, если не учитывать вероятное существование самостоятельной Белгородской епархии в 1919 г. при еп. Аполлинарии (Кошевом), белгородская кафедра после нескольких лет подготовки получила свою самостоятельность в 1923 г. Однако то обстоятельство, что учреждение новой епархии происходило при нахождении Курской епархии в рамках обновленческого раскола, а главные участники мероприятия были активистами обновленческого движения, ставит вопрос о легитимности образования новой епархии с точки зрения канонического права. С одной стороны, организаторы и участники августовского съезда 1923 г. находились в состоянии раскола с канонической Церковью и любые их постановления были нелегитимны. С другой, принятое на съезде решение об образовании новой епархии стало логичным завершением всех инициатив еп. Никодима (Кононова), одобренных белгородским и курским духовенством, поддержанное самим патриархом Тихоном на Поместном соборе и получившее поддержку на Всеукраинском соборе 1917-1918 гг. Вся эта подготовительная работа и её участники не имели никакого отношения к будущему обновленческому расколу и были полностью легитимны. Более того, решение о выделении Белгородской епархии соответствовало определениям «О викарных епископах» и «Об учреждении новых епархий и викариатств» Поместного собора 1917-1918 г. К тому же известно, что после обновленческого собора 1923 г. еп. Никон начал отходить от обновленчества. Будучи участником этого собора он не поставил подпись под постановлением о лишении сана патриарха, а в зачитанном на белгородском августовском съезде письме он соглашался на епископство при условии соблюдения съездом постановлений Поместного собора 1917-1918 г. (где, в числе прочих, было восстановлено патриаршество), обойдя молчанием собор обновленцев 1923 г. Получив Белгородскую епархию в свое управление, еп. Никон в марте 1924 г. принес покаяние перед патриархом, был принят в сане епископа и возвратился в Белгород, где и находился вплоть до своего ареста в июле того же года. Таким образом, вся подготовительная работа по образованию самостоятельной Белгородской епархии проходила на канонических основаниях и в рамках канонических церковных институтов, но завершение этих работ и получение Белгородом самостоятельности произошло в период отпадения в раскол, после чего состоялось возвращение белгородской кафедры в юрисдикцию канонической Церкви.

После ареста еп. Никона в Белгород прибыл обновленческий еп. Николай Рубцов³⁶ с таким же титулованием – «Белгородский и Грайворонский». Не принятый местным духовенством и мирянами, он покинул город, а в конце декабря 1924 г. обновленческий Синод упразднил самостоятельную Белгородскую епархию³⁷.

С 1925 г. наступил период частой смены на белгородской кафедре архиереев разной церковной ориентации, что соответствует аналогичным процессам по всей территории СССР. Малый срок пребывания в городе архиереев разной ориентации был обусловлен борьбой различных церковных течений с участием органов ОГПУ и милиции.

В 1930-х гг. вопрос самостоятельности или подчиненности епископских кафедр по отношению друг к другу утратил свою актуальность. В условиях массовых репрессий епископата и насильственных перемещений архиереев из одной области СССР в другую, на фоне обновленческого, григорианского и иосифлянского расколов возможности архиереев и сфера церковного управления на местах были значительно сужены. На этом этапе имеет смысл говорить не столько о епархиях с определенными границами, сколько о кафедральных городах, где находящийся непродолжительное

³⁴ Титулование архиерея – именование церковного иерарха по его сану с указанием управляемой им епархии.

³⁵ ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 145. Л. 43.

³⁶ Николай Рубцов (1861- не ранее 1932) – обновленческий епископ Белгородский в 1924 г. Рукоположен в обновленческого епископа Усть-Медведицкого в 1924 г. из вдовых священников. В 1932 г. уволен за штат.

³⁷ ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 279. Л. 531.

время епископ решал в отпущенный ему срок вопросы дисциплинарного и частного свойства. Так, по назначению еп. Онуфрия (Гагалюка)³⁸ на старооскольскую кафедру, ему было позволено местными властями служить только в одном храме, а «управление епархией сводилось лишь к приему на дому, в небольшой занимаемой им комнате, духовенства и мирян»³⁹.

В 1933 г. еп. Антоний (Панкеев)⁴⁰ «получил от митрополита Сергия назначение... в г. Белгород с правами епархиального архиерея в пределах 15-ти районов, прилегающих к г. Белгороду»⁴¹, после чего был зарегистрирован как епископ Белгородской епархии. При этом, если про Старо-Оскольскую епархию всегда уточняется, что она была создана непосредственно перед поставлением туда еп. Онуфрия, то применительно к Белгородской епархии подобные ремарки отсутствуют. В обвинительном деле еп. Антония как он сам, так и его обвинители оперируют словосочетанием «Белгородская епархия» как само собой разумеющимся. Самостоятельность Белгородской епархии при еп. Антонии признается всеми историками и сомнению не подвергается. В конце февраля 1935 г. еп. Антоний арестовывается, а белгородская кафедра снова остается пустой.

В декабре 1935 г. епископом Курским и Обоянским назначается еп. Артемон (Евстратов)⁴². В марте 1936 г. он известил Курский облисполком о том, что 21 февраля получил указ Патриархии об управлении, помимо собственно Курской епархии, Рыльским викариатством и Белгородской епархией⁴³. При этом он уточнял, что Орловская и Старо-Оскольская епархия не входят в район его деятельности. В мае того же года еп. Артемон получил удостоверение для осуществления деятельности на указанной им территории⁴⁴. В заявлении от 3-го июня 1936 г. еп. Артемон просил включить три района бывшей Валуйской (она же Уразовская) епархии в состав Белгородской⁴⁵. Другое его удостоверение за декабрь 1936 г. подтверждало, что он епископ Курский⁴⁶. Оба удостоверения содержали в себе не только названия различных епархий и викариатств, входящих или не входящих в район деятельности еп. Артемона, но и подробное перечисление районов Курской области, входящих в указанные епархии и викариатства. Все три указанных документа дают ясную картину епархиальных границ в 1935-1936 гг. с точки зрения Московской Патриархии. Еп. Артемон указывает четыре епархии, равно самостоятельных в отношении друг друга – Белгородскую, Курскую, Орловскую и Старо-Оскольскую. Он также упоминает Рыльское викариатство, которое продолжает относиться к Курской епархии. И, наконец, он упоминает три района Валуйской епархии, которые входят при нем в состав Белгородской епархии. Ни о каком белгородском викариатстве при еп. Артемене речи не идет.

Согласно документам еп. Артемона, в границах 1937 г. в состав Белгородской епархии входили приходы Белгородского, Сажновского, Корочанского, Больше-Троицкого, Шебекинского, Микояновского, Борисовского, Грайворонского, Ракитянского, Красно-Яружского, Прохоровского, Беленихинского, Ивнянского, Беловского и Томаровского районов Курской области. После отдельного заявления еп. Артемона к перечисленным районам Белгородской епархии были добавлены Валуйский, Уразовский и Волоконовский районы упраздненной Валуйской епархии.

³⁸ Онуфрий (Гагалюк) (1889-1938) – епископ Старооскольский в 1929-1933 гг. В 1933 г. назначен епископом Белгородским, затем – Курским и Обоянским. С 1934 г. архиепископ Курский и Обоянский. Расстрелян. Канонизирован в 2000 г.

³⁹ Протоиерей Олег Кобец, А.Н. Крупенков, Н.Ф. Крупенков. История Белгородской епархии. Белгород, 2006. С. 239.

⁴⁰ Антоний (Панкеев) (1892-1938) – епископ Белгородский в 1933-1935 гг. Расстрелян в 1938 г. вместе с архиеп. Онуфрием (Гагалюком). Канонизирован в 2000 г.

⁴¹ Протоиерей Олег Кобец, А.Н. Крупенков, Н.Ф. Крупенков. История Белгородской епархии. Белгород, 2006. С. 244.

⁴² Артемон (Евстратов) (1889-1937) – епископ Белгородский в 1936-1937 гг. Расстрелян в 1937 г.

⁴³ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 3. Л. 26.

⁴⁴ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 3. Л. 25.

⁴⁵ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 3. Л. 24.

⁴⁶ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 3. Л. 21.

В конце апреля 1937 г. еп. Артемон был арестован и в декабре того же года приговорен к расстрелу⁴⁷. Он стал последним правящим архиереем, который пусть в ограниченной мере, но осуществлял управление вверенными ему епархиями, в том числе и Белгородской. Назначенный после него на курскую кафедру еп. Феодосий (Кирика) в епархию прибыть не смог, а еп. Ефрем (Ефремов), получив назначение на курскую кафедру, через месяц был арестован и умер.

После ареста еп. Артемона белгородская кафедра вплоть до 1942 г. оставалась вакантной. В 1937-1938 гг. были арестованы последние епископы Русской Церкви и на свободе к 1939 г. осталось всего 4 правящих архиерея⁴⁸ при незначительном числе заштатных епископов⁴⁹.

В июне 1942 г. на белгородскую кафедру с титулованием «Белгородский и Грайворонский» был рукоположен еп. Панкратий (Гладков), находившийся в юрисдикции Автономной Украинской православной церкви, о чем в своем рапорте от 12 марта 1943 г. митрополиту Сергию (Страгородскому) докладывал благочинный церкви г. Курска протоиерей Петр Костенич. При этом он отмечал: «Преосвященный Панкратий проживал то в Киеве, то в Чернигове, приступить к исполнению обязанностей не приступил и связь с преосвященным оборвалась»⁵⁰. Обращает на себя титулование еп. Панкратия, совпадающее с титулованием еп. Никона (Пурлевского) и Николая Рубцова.

Таким образом, анализ приведенного материала позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, можно утверждать о существовании в 1920-1930-е гг. в качестве самостоятельной Белгородско-Грайворонской епархии. Во-вторых, в процессе формирования и функционирования Белгородско-Грайворонской епархии можно выделить три основных этапа. На первом, в 1917-1923 гг., инициатива еп. Никодима (Кононова) по выделению Белгородского викариатства в самостоятельную епархию получила своё обоснование и была обсуждена на всех уровнях церковного управления – уездном, епархиальном и соборном. В этот период выделение Белгородского викариатства в отдельную епархию соответствовало тенденциям в церковном управлении, отраженным в определениях Поместного собора. На втором этапе, в 1924-1933 гг., белгородская кафедра сменила несколько архиереев разной церковной ориентации, часто оставаясь вакантной и переподчиняясь Курску. На третьем этапе, в 1933-1937 гг., самостоятельная Белгородская епархия последовательно управлялась еп. Онуфрием (Гагалюком), еп. Антонием (Панкеевым) и еп. Артемоном (Евстратовым). Последним известным белгородским епархиальным архиереем был еп. Панкратий (Гладков), на свою кафедру так и не прибывший.

С нашей точки зрения, самостоятельность Белгородской епархии не была самоцелью – это была мера для более эффективного управления обширной церковной территорией в неблагоприятной обстановке административного нажима, репрессий и церковных расколов. Отделение викариатств от епархиального центра становилось тактическим шагом, равно как и их возврат, при необходимости, обратно. Не самостоятельность церковных областей ставилась во главу угла, а выживание всей Церкви в целом.

⁴⁷ Возвращая к жизни имена. Статьи. Документы. Списки и фотографии репрессированных. Вып. 7. Белгород, 2004. С. 123.

⁴⁸ В начале XX в. Русская Церковь насчитывала, в целом, 64 епархии и около 40 викариатств, которыми управляло свыше 100 архиереев.

⁴⁹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М., 2005. С. 98-99.

⁵⁰ Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). М., 2005. С. 275.

ESTABLISHMENT OF THE INDEPENDENT BELGOROD EPARCHY (1917-1942): HISTORICAL AND CANONIC ASPECTS

P.Yu. SUBBOTIN

Belgorod State University

e-mail: subbotin@bsu.edu.ru

On the basis of the published and archival sources the author reveals the existence of the independent Belgorod-Graivoron Eparchy of the Russian Orthodox Church in 1923-1942. He analyzes the legislature regulating the procedure of detachment of particular parishes into separate eparchies and traces this process on the example of the Belgorod Parish of the Kursk Eparchy.

Key words: Russian Orthodox Church, All-Russia Council of 1917-1918, Kursk Eparchy, Belgorod Eparchy.

УДК 352/354 (470+571) «18/19»

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ ВЛАСТИ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Г. И. СТАРЧЕНКО*Белгородский государственный
университет**e-mail: Starchenko@bsu.edu.ru*

Рецензируемое издание позволяет представить целостную картину исследовательской работы отечественных и зарубежных историков, занятых изучением системы местного управления Российской империи XIX – начала XX веков и выявлением региональных особенностей взаимодействия органов государственной власти и общественного управления.

Ключевые слова: местное управление, губернская администрация, общественное управление и самоуправление, обратная связь, региональная специфика управления.

Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. – Екатеринбург-Ижевск: Ижевск. республ. типогр., 2010. – 496 с.

С уверенностью можно сказать, что интерес к настоящей публикации проявят историки, политологи, социологи, культурологи, правоведы, специалисты в области государственного и муниципального управления, других отраслей науки, как отечественные исследователи, так и специалисты из ближнего и дальнего зарубежья. В каждом регионе современной России разработкой тематики заявленной организаторами дискуссии занято значительное число ученых среди преподавателей высших учебных заведений, для которых, в первую очередь, базой исследовательской работы в постсоветский период стали государственные архивы субъектов Российской Федерации. Стоит лишь сожалеть, что тираж коллективного труда столь незначительный, и книга изначально попадает в разряд малодоступных. Организаторам заочной дискуссии, ее модератору проф. С. В. Любичанковскому удалось заметно продвинуться в направлении объединения отечественных и зарубежных ученых, профессионально занятых исследованиями российской системы местного управления имперского периода. Бесспорно также, самым фактом выхода в свет рецензируемой нами публикации сделать заявку на появление в одном из регионов современной России центра «изучения эффективности местного управления как научного направления».

Материалы дискуссии, к организации которой приступили еще в 2008 г. являются ярким подтверждением той реальности, сложившейся в постсоветский период в профессиональном сообществе и наступившим (наконец-то) переломом в обсуждении ключевых, базовых научных понятий современной исторической науки. Проблема терминологии как первоочередная задача и наиболее актуальная в области теории и методологии истории была отмечена на Пятом всероссийском совещании деканов и заведующих кафедрами исторических факультетов вузов Российской Федерации в 2009 г., проведенном в ИВИ РАН. В ходе настоящей заочной дискуссии, размещенной в Интернете в 2009 г. на портале Удмуртского института истории, языка, литературы Уральского отделения РАН (Ижевск), произошло сближение позиций отечественных и зарубежных историков по целому ряду ключевых понятий современной исторической науки. Организаторы предложили ученым обсудить не только актуальные проблемы в изучении истории местного управления, но также рассмотреть, в первую очередь, понятия по заявленной тематике такие как: «местное управление», «местное самоуправление», «губернское управление», «губернская администрация», «личный стиль» управления, каналы «обратной связи», ряд других.

Изданные по результатам обсуждений материалы демонстрируют плюрализм мнений, суждений, точек зрения историков по многим запланированным оргкомите-

том вопросам дискуссии. Но, в большей степени, они являются ярким подтверждением стремлений в достижении консенсуса при обсуждении понятийного аппарата общей проблематики исследований. Обмен имеющимися у каждого из участников дискуссии авторскими наработками в изучении актуальных проблем истории российской государственности имперского периода показал, что никто особенно не возражал и согласны практически все, с тем, что понятие «местное самоуправление» отсутствовало в Основных Законах Российской Империи. Законодательство содержит нормы, правила, формирования механизмов системы местного общественного управления. Убедительно в авторских материалах дискуссии показана традиция, которая зародилась в научной литературе в середине XIX столетия, называть «местным самоуправлением» учреждения власти, отнесенные российским законодательством к органам местного общественного управления. Эта традиция существует в настоящее время, что нашло свое яркое подтверждение и на многих страницах рецензируемой публикации.

Трудно не согласиться с теми участниками дискуссии, которые справедливо утверждают, что местное управление – это «сложно организованная система» государственного управления, как в дореформенный, так и пореформенный периоды. Большинство из них предложило включать в систему местного управления все региональные управленческие структуры. Ядром этой системы, бесспорно, являлись государственные органы власти губернского, уездного, участкового уровня, как целые учреждения, так и отдельные должностные лица. Они формировались из лиц, состоявших на государственной службе, по принципу назначения на должность, в соответствии с расписанием штатов, утверждались в должностях коронной властью в лице императора, министра, губернатора. Формирование региональных управленческих структур шло не только по линии МВД – хотя именно эти структуры в системе местного управления были наиболее развиты, но и по линии других министерств и ведомств.

Составной частью системы местного управления Российской Империи признано считать и законодательно оформленную систему местного общественного управления. Сюда входили городские органы власти (с более длительной историей, не только пореформенного, но дореформенного периода), губернские и уездные земские учреждения, созданные в Европейской части России в 1864г., и вводившиеся в неземских губерниях вплоть до первой мировой войны. К системе местного общественного управления Российской Империи законодательством отнесены и органы сословно-корпоративного управления – начиная с дворянских собраний, и заканчивая органами сельского (крестьянского) общественного управления и мещанского (городского) общественного управления. В основе управленческих структур местного общественного управления губернии было выборное управление, формирование которого начиналось на более низких уровнях управления, на основе сословного и всесословного принципов организации власти, заложенных в нормативно-правовых актах.

Трудно согласиться с утверждением тех участников дискуссии (оказавшихся в меньшинстве), кто считает, что система местного общественного управления (в их понимании местного самоуправления) является «самостоятельной» и она «параллельна» государственной, коронной власти на местах. Любой институт власти, даже если правовые нормы и правила его формирования отличаются друг от друга, создавался верховной властью Российской Империи, был связан с ней. Искать эти линии связи задача исследователей, для которых наступили благоприятные времена для прочтения не только общепринятых в исследованиях законов, характеристика которых нередко «кочует» из одной публикации в другую. Назрела необходимость переключить внимание и приступить к комплексному изучению многотомных изданий правительственных распоряжений, постановлений и распоряжений губернаторов, постановлений местных органов общественного управления.

Закономерно, что по результатам дискуссии было признано в качестве первоочередной задачи «изучение правовой основы функционирования органа (ов) местного управления» и принято решение на этой основе проводить ретроспективный анализ системы местного управления. Поскольку российское законодательство имперского периода претерпевало изменения в дореформенный и пореформенный периоды, то выход исследований за хронологические рамки XIX в. является объективной закономерностью. Этот подход продемонстрировали многие участники дискуссии. Значительное место в изданных материалах отведено характеристике нормативно-правовых актов российского законодательства конца XIX - начала XX вв. В рамках проведенной дискуссии этот хронологический этап организаторами охарактеризован как позднеимперский период или эпоха консервативной модернизации. Но все же материалы дискуссии свидетельствуют о том, что слабым местом остается в исследованиях разработка российского законодательства в области местного управления на этапе эволюции системы государственного управления в 1906-1917 гг.

Организаторы изначально поставили задачу провести «мозговой штурм» «сложной и комплексной междисциплинарной научной проблемы» эффективности местного управления и детально рассмотреть управленческую специфику с опорой на региональный материал. В авторских материалах участников каждый стремился показать управленческую специфику того или иного региона «ядра» и периферии Российской Империи второй половины XIX - начала XX в. В процессе дискуссии обсуждалась также терминология такой отрасли современной российской исторической науки как региональная история. Такие понятия как «макро-регион», «регион» и др. Удалось поставить и лишь отчасти обсудить проблемы формирования конфигурации регионов в разные исторические эпохи, проблематику регион – «территориальный монолит», результат «конструирования политическими элитами» и место в этом процессе интеллектуальной элиты, в том числе научной в образовательных учреждениях; привлечь внимание к экспериментам создания макро-регионов на границах современной России и сопредельных государств, и признать, что они заслуживают специального изучения.

Авторские материалы настоящей публикации отчетливо демонстрируют ярко выраженную тенденцию исследований современных отечественных историков ограничения территориальных рамок существовавшими в Российской империи административно – территориальными единицами, как правило, одной или несколькими смежными губерниями. Японский историк Мацузато Кимитака (Саппоро) ситуацию в изучении макро-регионов в исторических исследованиях последнего десятилетия и научную обстановку, в частности в изучении Волжско-Уральского региона охарактеризовал как «процветающую» и назвал этот макро-регион «официально признанным» и «хорошо изученным». Стоит заметить, что в заявке организаторов дискуссии тоже самое «историко-географическое пространство на стыке европейской и азиатской части России», но обозначено как Урало-Поволжский регион (С.В. Любичанковский, Оренбург), их также поддержали другие исследователи (И.К. Загидуллин, Казань; Л.Е. Горизонтов, Москва). Иначе обстоят дела в изучении других макро-регионов, даже соседствующего с Урало-Поволжским Урало-Каспийского региона или Оренбургского края, «Великого Оренбурга», которому Мацузато Кимитака и уделил пристальное внимание как малоизученному региону Российской Империи. В том этом же направлении (может не столь аргументировано, как представитель зарубежной школы славистики) следуют в исследованиях и отечественные историки (А.В. Ремнев, Омск; Н.Л. Семенова, Стерлитамак и др.)

Зафиксировав результаты достижений исторической науки в направлении четкого определения объекта исследования и изучения проблем эффективности функционирования системы местного управления, организаторами и участниками дискуссии были определены направления комплексных исследований, обозначены имеющиеся лакуны в тематике исследований и источниковедческие перспективы работы исследователей. Выделены

как перспективные следующие темы разработок: в области кадрового потенциала органов местного управления, состояния органов власти на местах по материалам контролируемых органов, проблемы качества функционирования, проекты реформирования местного управления имперской России и ряд др.

Участникам дискуссии удалось достичь согласия в том, что на эффективность и результативность управления на местах значительное влияние оказывал не только стиль управления, но качество управленческого персонала. Подавляющая часть ученых сконцентрировала свое внимание на характеристиках социокультурного облика чиновничества в госструктурах на местах и незначительное место было отведено служащим на выборных должностях в системе местного общественного управления. Хотя сами участники в ходе дискуссии признали, что в пореформенный период именно служба на выборных должностях стала более привлекательной у образованной части российского провинциального общества.

Безусловно, что традиционные методы работы ограничивают потенциал историка-исследователя и не позволяют выйти на уровень обобщения в изучении социокультурного облика служащих в структурах власти на местах. Создание информационных систем с банками данных о чиновниках, служивших в региональных органах власти, земским и городским деятелям, прочим персоналиям лабораториями исторической информатики на исторических факультетах университетов (упоминание о создании электронной базы «Гласные» в материалах Н.Г.Поврозник (Пермь) действительно позволит и объединить разрозненную информацию, и выйти на более высокий уровень анализа и получения обобщающих результатов при изучении корпоративной организации и профессионализации служащих в органах местного управления Российской Империи.

По опубликованным сводным материалам дискуссии стоит полагать, что далеко незавершенным остается и обсуждение комбинаций методологических подходов и методов в современных междисциплинарных исследованиях. Организаторам столь успешно, а главное продуктивно проведенной дискуссии стоит лишь пожелать не прервать начавшийся разговор с участниками. В рамках признанных ими самими перспективных тематик исследований обсуждение могло бы и продолжиться. Своим опытом теоретического осмысления и разработки, но уже по новым проблемам изучения эффективности местного управления могли поделиться новые авторы, которые таким образом узнали бы и формировании научного направления и результатах деятельности регионального Центра изучения.

LOCAL GOVERNMENT IN POST-REFORM RUSSIA: MECHANISMS OF POWER AND THEIR EFFECIENCY

G.I. STARCHENKO

Belgorod State University

e-mail: Starchenko@bsu.edy.ru

The reviewed work allows to get a complex picture of the contemporary Russian and foreign research of historians who study the system of local government of the Russian Empire of XIX – early XX century and reveal regional peculiarities of interaction between the state authorities and public governance.

Key words: local government, province administration, public governance, feedback, regional peculiarity of governance.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 329

БАЗОВЫЕ ТИПЫ ПАРТИЙНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ НА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.В. БРОДОВСКАЯ
М.А. ВАРФОЛОМЕЕВ

*Тулский государственный
университет*

e-mail: brodovskay@inbox.ru

e-mail: max-varfolomeev@yandex.ru

В статье акцентируется внимание на сложности демократических процессов и особенностях формирования институциональной структуры общества, где необходимыми факторами достижения консолидации демократии является дискурс транзитивного типа политических систем. Особое значение уделяется консолидационному потенциалу партийных элит как одному из структурных компонентов процесса консолидации демократии, где функционирование режима гибридного типа в существенной мере обусловлено лимитированностью механизмов воспроизводства политической системы.

Ключевые слова: консолидация общества, транзитивный путь развития, общественное согласие, дискурс политической элиты.

Успешность демократического транзита в посткоммунистических обществах неотъемлемо связана со становлением и развитием партийной системы. Опыт реформ в странах Вышеградской группы, Балтийского, Балканского субрегионов Европы показывает, что характер партийной системы является важнейшим индикатором качества и степени консолидации демократии. Под партийной консолидацией понимается процесс функционирования партийной системы на основе достижения институционального, процедурного и ценностного консенсуса основных субъектов. Иными словами, сформированность института политических партий, готовность большинства из них соблюдать нормы и правила взаимодействия и гомогенность ценностных ориентаций и установок партийных элит являются главными параметрами партийной консолидации.

В современной политической науке сложились различные подходы к исследованию типов партийной консолидации. В классической транзитологии, на начальных этапах ее развития, распространенной была позиция, согласно которой результат транзита (а, следовательно, и партийной консолидации) зависел во многом от формы перехода. На основании такого критерия, как соотношение сил между правя-

щими и оппозиционными группами, Т.Л. Карлом и Ф. Шмиттером были выделены четыре формы перехода к демократии:

– «навязанный переход», для которого характерно наибольшее рассогласование между первоначальными ожиданиями инициаторов перемен и реальным развитием событий (Россия, Украина, Белоруссия, Албания и др.);

– «реформистский переход», связанный с массовой мобилизацией, при которой преобразования осуществляются благодаря существенному давлению низов на правящие группы (Армения, Сербия, Словения, Хорватия, Грузия, ГДР и др.);

– «пактированный переход», состоящий в заключении пактов, соглашений, в которые оказываются вовлеченными правящие группы прежнего режима, а также те, кто был отстранен от власти или вообще не обладал никакой властью (Польша, Чехия, Венгрия, Болгария и др.);

– демократизация путем революции (Румыния)¹.

Исходя из предложенной классификации, можно предположить, что политические пакты играют в процессах демократизации исключительно положительную роль и способствуют консолидации политического режима, так как компромиссные стратегии наносят меньше ущерба для акторов, чем силовые и непосредственным следствием их заключения является формирование коалиции большинства. Соответственно, с одной стороны, пактированный переход создает наиболее благоприятные условия для партийной консолидации, тогда как с другой – опыт ряда посткоммунистических стран доказывает, что успешное завершение транзита возможно и вне пакта. В частности, Балканские страны, осуществившие реформистский переход – Словения, Хорватия, Сербия, Македония, Босния и Герцеговина, характеризуются разным качеством демократии. И, конечно, показательным в данном случае является пример Румынии, где революционная демократизация не стала препятствием для приближения страны к разряду консолидированных демократий. Взаимообусловленность формы и результата демократического транзита очевидна только в Болгарии, единственной стране субрегиона, в которой, как и в государствах Вышеградской группы, был реализован пактовый вариант межрежимного перехода².

Кроме того, отсутствие прямой зависимости между итогами транзита и пактированием подтверждается многообразием видов пактов. Так, учитывая значение политических партий после заключения пакта, А. Пшеворский выделяет: 1) пакты, формирующие правительственные учреждения независимо от результатов выборов; 2) пакты, исключаящие, а при необходимости и подавляющие аутсайдеров; 3) пакты, определяющие ценностно-ориентационное единство элит³.

Отталкиваясь от представленного мнения, обозначим следующие виды взаимосвязи процессов партийной консолидации и пактирования. Первый случай является примером несформированности базовых параметров (институциональных, процедурных, ценностных) консолидации; второй – демонстрирует достижение исключительно институционального уровня консолидации, так как акторы игнорируют правила демократической конкуренции; третий – свидетельствует о наличии всех трех составляющих консолидационного процесса. Однако, несмотря на дифференци-

¹ Шмиттер Ф. Процессы демократического транзита и консолидации демократии //Полис. 1999. № 3. С. 31; Карл Т.Л. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 4. С. 14.

² Бродовская Е.В. Результативность посткоммунистических трансформаций в странах Балканского субрегиона Европы// Dwadziecicia lat transformacji w regionie Europy Srodkowo-Wschodniej i Poudniowej. Lodz, 2010. P. 113-124.

³ Пшеворский А. Демократия и рынок // Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. СПб., 2006. С. 419.

рованность пактовых переходов, А. Пшеворский не рассмотрел возможности партийной консолидации вне пакта.

В качестве основных факторов, влияющих на степень институционализации партийных систем посткоммунистических стран, А. Мелешевич⁴ рассматривает внешнюю автономию партийной системы и внутреннюю стабильность. Автономия измеряется с помощью трех показателей: роль политических партий в рекрутировании кадров для законодательной ветви власти; роль политических партий в формировании исполнительной власти; сила партии и единообразие этой силы в различных регионах страны. Внутренняя стабильность, предполагает, что система должна демонстрировать паттерны взаимодействия между своими элементами, что можно измерить с помощью процента голосов, полученных партиями на выборах разного уровня и в разные периоды времени, а также с помощью индекса электоральной устойчивости Педерсена⁵.

По итогам исследования А. Мелешевич приходит к выводу, что Эстония, Латвия, Литва, Россия и Украина демонстрируют совершенно различные модели институционализации партийных систем. Эстония является единственной страной, демонстрирующей устойчивое и последовательное движение к автономной и стабильной партийной системе. По сравнению с Эстонией партийная система Латвии менее устойчива: на всех выборах участвуют новые партийные образования, получающие, по меньшей мере, треть голосов избирателей. Что касается партийной системы Литвы, то здесь ситуация неоднозначна: при довольно высоком уровне автономии можно наблюдать низкий уровень стабильности.

Показательным является пример стран Балканского субрегиона Европы. С одной стороны, «все государства региона (за исключением особого случая – Сербии) с начала 1990-х годов стремятся в Европейский союз и НАТО, и только от самих этих организаций зависит скорость интеграции. Болгария и Румыния уже стали членами данных евро-атлантических структур. Македония и Хорватия имеют статус кандидатов на вступление в ЕС. С Албанией, Черногорией и Сербией подписаны, а с Боснией и Герцеговиной парафировано соглашение о стабилизации и ассоциации с Евросоюзом. Кроме этого, он является основным экономическим партнером большинства Балканских стран. Членами НАТО вот-вот станут Албания и Хорватия»⁶ (с 2009 г. вошли в состав НАТО).

Вместе с тем, опыт Албании и Македонии доказывает, что евроинтеграция может рассматриваться как некое благоприятное условие для партийной консолидации, однако более важное значение, на наш взгляд, имеют институциональные особенности политической системы. В частности анализ ряда индексов демократического развития⁷ позволяет выделить взаимообусловленность потенциала влияния парламента, статуса института президентализма, типа политического режима. Сочетание указанных факторов создает среду для партийной консолидации, которая имеет серьезное значение на начальных этапах транзита, так как снижает конфронтацион-

⁴ См.: Meleshevich A. Party Systems in Post-Soviet Countries: A Comparative Study of Political Institutionalization in the Baltic States, Russia, and Ukraine. New York, 2007.

⁵ Индекс Педерсена (P). Для его получения нужно сложить все изменения в долях парламентских мест или голосов, полученных партиями на двух выборах, а сумму разделить на два. См.: Елисеев С. М. Социальные расколы и институциональные условия консолидации партийных систем в период демократического транзита [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/1/library> – Загл. с экрана.

⁶ Кандель П. Е. Балканизация» Европы vs «европеизация» Балкан // Россия в глобальной политике. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/32/9773.html>.

⁷ См.: Индекс PPI – Индекс власти парламента /Fish M. Steven, Stronger Legislatures, Stronger Democracies // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17; Индекс формы правления - ИФП = През.И – Парл.И: разность между индексами полномочий президента и парламента в системах с всенародно избираемым президентом. См.: Зазнаев О. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. 2007. № 2. С. 146-165; Категория Diamond // Diamond L. Can the Whole World Become Democratic? // Democracy, Development and International Policies, 2003.

ность конкурирующих элитных групп. При достижении демократической консолидации, партийная консолидация не играет существенной роли, так как политическая система способна воспроизводиться даже в кризисных ситуациях (например, Польша после событий 11 апреля 2010 г.).

Так, в странах, относящихся к категории систем успешно завершивших транзит (Болгария, Венгрия, Польша, Словения, Словакия, Чехия и др.), мы можем наблюдать сочетание высоких показателей величины Индексов РРІ (власть парламента) (колеблется в пределах 0,66 – 0,78), формы правления (от -1 до -6 соответственно) в условиях функционирования либеральной демократии. В большинстве указанных государств начало транзита сопровождалось формированием признаков партийной консолидации. В странах, в которых транзит еще не завершен, но продолжение этого процесса признается необратимым (Латвия, Хорватия, Эстония и др.) наличие аналогичных показателей сопряжено с процессами партийной консолидации, что стабилизирует воспроизводство политической системы. Следовательно, обобщая опыт успешных демократических транзитов в ряде европейских стран, можно выделить органичный тип их партийной консолидации, связанный с необходимым набором институциональных и процедурных предпосылок.

Органический тип партийной консолидации может проявляться в разных формах. Так, И.Н. Тарасов⁸ выделил следующую периодизацию формирования конкурентной партийной системы посткоммунизма в ЦВЕ:

- первый период (1989-1990/1991 гг.) охватывает время от ликвидации монополии компартий на власть до момента распада широких демократических движений;
- второй период (1991-1997/1998 гг.) характеризуется двумя противоположными тенденциями: во-первых, нестабильностью партийных систем, во-вторых, стремлением ведущих политических сил утвердить собственное доминирование на политической сцене;
- третий период (начиная с 1998 г.) демонстрирует тенденцию к стабилизации партийной системы и «стандартизации» политических партий.

Различия в динамике избирательного законодательства, изменениях расстановки политических сил в период трансформации, в кондиции избирательных систем и профессионализме парламентариев предопределили особенности партийной консолидации. По оценкам автора, в Венгрии и Чехии функционируют «стандартные» двухблоковые партийные системы, в которых линии размежевания проходят между социал-демократами и консерваторами. В Польше складывается относительно равновесная система партийных взаимоотношений блоков левых и правых сил. Современная партийная система Словакии характеризуется явным отставанием в формировании стандартных межпартийных отношений. Основным фактором, повлиявшим на замедление процесса стандартизации политических субъектов в этой стране, является длительное доминирование на политической сцене Движения за демократическую Словакию. По темпам трансформации партийная система Чехии и Венгрии представляет авангардную модель, приближающуюся по основным характеристикам к западноевропейскому типу. Учитывая страновые различия в уровне межпартийной конкуренции, Польша и Словакия представляют арьергардную модель.

В странах, где транзит не завершен или безуспешен, встречаются неорганические типы партийной консолидации. В условиях не благоприятных для сохранения демократического вектора развития (низкий показатель Индекса РРІ; значительная величина Индекса полномочий президента и гибридность политического режима), основой для партийной консолидацией является не столько интеграция элит вокруг демократических ценностей, сколько стремление обеспечить воспроизводство власт-

⁸ См.: Тарасов И.Н. Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы: сравнительный анализ. Автореф... д-ра полит. наук. Саратов, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/politich/2009/27-07/TarasovIN.doc>. - Загл. с экрана.

ного статуса в рамках сложившейся политической системы (Россия, Казахстан, Азербайджан и др.).

Партийная консолидация неорганического типа предполагает существование системы «навязанного консенсуса», связанной с определенным ограничением конкуренции в обмен на гарантии сохранения властных статусов и ресурсов. Этой системе соответствует моноцентрический политический режим, в котором базовым институтом воспроизводства политической системы является институт президентализма. Партийная консолидация обозначенного типа, как правило, отражает доминирование государственных институтов над структурами гражданского общества.

Представители транзитологии в целом по-разному оценивают роль гражданского общества в процессе демократизации. Так, среди базовых функций институтов гражданского общества в условиях демократических переходов исследователи (Л. Даймонд, Г. Силиман, Г. Нобель и др.⁹) выделяют:

– формирование системы сдержек потенциального превышения полномочий государством;

– развитие и сохранение гражданской культуры;

– активизацию политического участия;

– повышение уровня самоорганизации общества;

– содействие развитию демократических институтов (таких, как политические партии, парламентаризм, местное самоуправление и др.).

Ф. Шмиттер определяет мобилизацию деятельности структур гражданского общества важнейшим межстадиальным фактором перехода от либерализации (освобождения от ограничений авторитарного режима) к демократизации (формированию демократических норм, процедур, институтов)¹⁰. Некоторые авторы подчеркивают значимость сформированности и зрелости гражданского общества на завершающих этапах транзита. Например, по мнению С.А. Горбатова, задача гражданского общества заключается не в трансформации политического режима, а в демократизации социума. Он считает, что в современной политике наиболее видимые и влиятельные акторы такие, как НКО, скорее консолидируют и поддерживают демократию, а не иницируют ее¹¹.

Следует отметить, что в посткоммунистических странах сложились различные модели взаимоотношений между государством и гражданским обществом. Симметричная модель складывается в ситуации, при которой все гражданские ассоциации и государство слабы (такой тип социального устройства еще называют «анархическим»¹²). Примером данной модели может служить современная Киргизия.

Асимметричная модель может быть представлена в двух основных вариантах¹³. Вариант первый – господство сильного государства над подчиненными ему социальными структурами (Беларусь). Интересно, что в ряде демократических стран государство выступает в качестве наиболее сильной социальной организации. Это происходит в тех случаях, когда вследствие серьезных социальных потрясений негосударственные структуры теряют контроль над обществом, а государство «перехватывает инициативу» и консолидирует свою власть над обществом (Россия). Второй вариант – сосуществование слабого государства с сильными гражданскими ассоциа-

⁹ См.: Diamond L. Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation // *Journal of Democracy*. 1994. Vol. 5. № 3. P. 4-17; Siliman G. Organizing for Democracy: NGOs, Civil Society, and the Philippine State. Quezon City, 1998. P. 18-19.

¹⁰ Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии // *Полис*. 1999. № 3. С. 32.

¹¹ Горбатов С.А. Гражданское общество: концептуальные основы и проблемы политической практики в условиях глобализации // *Институт государства и гражданское общество: модели взаимодействия: сб. науч. трудов / Под ред. д-ра полит. наук Д.Н. Нечаева*. Воронеж, 2005. С. 50.

¹² См.: Кин Д. Демократия и гражданское общество. М., 2001.

¹³ Нечаев Д.Н. Гражданское общество: концепции и модели взаимодействия // *Институт государства и гражданское общество: модели взаимодействия: сб. науч. трудов/Под ред. д-ра полит. наук Д.Н. Нечаева*. Воронеж, 2005. С. 18-19.

циями. Здесь неэффективное государство теряет монополию на социальный контроль, его функции присваиваются негосударственными социальными структурами, выталкивающими слабое государство на обочину общественной жизни (Украина).

Объясняя причины выбора и реализации транзитивными странами той или модели взаимоотношений гражданского общества и государства, И.А. Василенко указывает на различие стратегий их развития. Речь идет о стратегиях «длинного пути» (постепенного формирования и наращивания структур, поддерживающих демократический способ осуществления власти) и «демократического прорыва» (резкого скачка в развитии). В случае «демократического прорыва» и связанной с ним «шоковой терапией» роль государства минимизировалась, тогда как осуществление преобразований в соответствии со стратегией «длинного пути» предполагало сохранение традиций и постепенные эволюционные изменения в обществе¹⁴. В связи с этим одной из проблем, с которой столкнулись посткоммунистические страны, является недостаточное развитие способностей к самоорганизации общества, связанное с формированием социального капитала у его представителей. Проявлением этой проблемы выступают нередко дисфункциональность партий, нестабильность партийных систем и, как следствие, «навязанный консенсус».

Вместе с тем, «навязанный консенсус» может рассматриваться и как шаг на пути дальнейшей демократизации политического режима, как элемент «конвергенции элит». Можно провести некоторые параллели с «картелью тревоги» политического класса в Западной Германии, которая на протяжении десятилетий после неоднократной смены правящих коалиций по итогам выборов через механизм «конвергенции элит» постепенно переросла в нормативно понимаемый демократический консенсус¹⁵.

Обобщив различные точки зрения относительно основных типов партийной консолидации на посткоммунистическом пространстве, можно выделить систему показателей, анализ которых позволяет осуществить комплексное исследование данной проблемы:

- исторический контекст;
- фрагментация/дефрагментация партийной системы;
- электоральная неустойчивости;
- минимизация экстремистских настроений;
- структура расколов;
- разделение территориального и функционального представительства интересов.

Развитие партийных систем посткоммунистических государств обусловлено сходством их исторических судеб. «В межвоенный период все страны Восточной и Южной Европы от Балкан до Балтики имели авторитарные режимы в виде президентских или монархических диктатур. Диктатуры 1920-1930-х годов в Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Венгрии, Словакии, Румынии, Болгарии, Албании, Югославии и Сербии имели много общего. При всем различии обстоятельств возникновения их объединяли национализм, отрицание либеральной демократии, антипарламентаризм, критическое отношение к политическим партиям и стремление к единоличной власти вождя (монарха, президента или военного диктатора). Целью этих режимов был поиск выхода из общеевропейского кризиса, утверждение и стабилизация национальной государственности. На все эти страны после Второй мировой войны была распространена советская модель номинального конституционализма, представленная сталинской конституцией 1936 г.» Во всех государствах наблюдался высокий уровень интеграции партийного и государственного аппарата: лидер партии стано-

¹⁴ Василенко И.А. Опыт общественно-политических трансформаций на постсоветском пространстве: «круглый стол» российских и польских ученых // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. 2005. № 2. С. 9-10.

¹⁵ Гельман В.Я. Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.demosgasy.ru – Загл. с экрана.

вился и главой государства. Возглавляя оба аппарата - партийный и государственный, - он действовал в основном через первый. Конституция, законы и выборы играли «декоративную роль»¹⁶.

Механизм реформирования однопартийной системы предполагал целенаправленное противопоставление партийных и государственных (советских) структур, а также создание института сильной президентской власти, выступавшей в роли арбитра между ними. Характерно, что инициатором реформ выступала партийная элита, стремившаяся в новых условиях сохранить господство, опираясь на институт президентализма. Президент во всех случаях избирался первоначально парламентом (часто его прежним номенклатурным составом, избранным в период господства коммунистов), и лишь позднее осуществлялся переход к прямым выборам.

Различия в формировании новых партийных систем выражены в особенностях трех институциональных переменных: политико-правового закрепления границ национального государства; выбора формы правления; формирования избирательной системы.

Последняя волна демократизации отличается от предшествующих обострением проблем национализма и наличием сепаратистских тенденций, которые выражались преимущественно в двух формах: сепарации - выделении региона или его части с образованием нового государства (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье); и ирредентизме, т.е. стремлении этноса-ирредента/разделенного народа к воссоединению с проживающей по другую сторону границы этнической общностью, которая во многих случаях является титульной для сопредельного государства этносом (Косово, Албания). Только у пяти из девятнадцати посткоммунистических стран границы в 1990-х годах совпадали с границами старых национальных государств (Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания). Все другие страны в начале демократизации были неконсолидированными продуктами распада трех федераций (Советского Союза, Чехословакии, Югославии)¹⁷. «Национальный вопрос в регионах, ищущих свою идентичность таких, как Босния и Герцеговина, заходил настолько далеко, что результаты выборов во многом дублировали этнический состав населения. Все этнические группы голосовали в подавляющем большинстве за свои этнические партии»¹⁸.

Вторая институциональная переменная, определяющая особенности партийного строительства в посткоммунистических странах, - это выбор формы правления. Основная дилемма институционального определения заключалась в выборе между президентской и парламентской системами. На начальных этапах транзита, в условиях сильной фрагментации партийных систем, неготовности большинства политических партий к работе в коалиционном правительстве (что наглядно показал опыт Польши в период 1989-1993 гг.) доминировали гибридные или президентские формы правления, которые на тот момент были стабильнее и эффективнее, чем парламентские.

В процессе демократизации по мере того, как менялось соотношение сил демократической оппозиции и правящей элиты прежнего режима, корректировались и формы правления. В тех странах, в которых представители номенклатуры или посткоммунистические партии-преемницы имели более сильные властные позиции, чем демократическая оппозиция, системообразующий статус приобретал институт

¹⁶ См.: Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 г. // Российская история. 2007. № 6. С. 3 - 27.

¹⁷ См.: Большаков А.Г. Этнические вооруженные конфликты посткоммунистических государств европейской периферии / А.Г. Большаков. Казань, 2009; Флере С. Причины распада бывшей Югославии: взгляд социолога // Социс. 2003. № 5. С. 52-61; Жидких В.А. Федерализм как форма государственного устройства // Власть. 2009. № 5. С. 56-59; Романенко С.А. История и историки в межэтнических конфликтах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/09/23/0000177768/007Romanenko.pdf>.

¹⁸ Дуткевич П. Вызовы демократизации: перспективы политической трансформации в Восточной Европе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2001. № 3. С. 57.

президентализма. Парламентская, парламентско-президентская или премьерско-президентская форма правления складывались в тех странах, в которых соотношение сил между демократической оппозицией и правящими элитами старого режима было либо равным (Венгрия) или однозначно в пользу оппозиции (Латвия, Литва, Эстония, Чехословакия).

Согласно позиции Х. Линца, для консолидации демократии наиболее предпочтительными являются парламентские формы правления. Парламентские выборы предоставляют множество альтернатив: формирование коалиционного правительства; открытое или скрытое сотрудничество правительства и оппозиции в законодательном процессе; надежды оппозиционных партий выиграть на следующих выборах (в особенности при центробежной партийной системе). Это снижает остроту разочарования проигравшего, сохраняет надежды на будущее, нередко дает возможность и проигравшим участвовать в отправлении власти¹⁹. Напротив, при президентской форме правления кандидат, набравший большинство голосов, получает на определенный промежуток времени контроль над исполнительной властью. Плебисцитарный характер выборов может дать президенту ощущение мандата, превышающего имеющуюся у него реальную поддержку. Кроме того, прямые выборы президента усиливают политическую поляризацию, придают политической конкуренции мажоритарный характер, способствуют персонализации политики, осложняют возникновение организованных дееспособных партий.

Вероятно, поэтому в подавляющем большинстве посткоммунистических стран сформировались парламентские или гибридные политические системы, реально основанные на принципе разделения властей, в которых власть президента конституционно ограничена. Это характерно даже для тех стран посткоммунистической Европы, в которых, как, например, в Польше, где в начале процесса демократизации президент обладал значительными полномочиями, которые затем были переданы парламенту или в Украине, элиты которой также осуществили переход к парламентской системе.

Выбор избирательной системы, является одним из институциональных факторов реализации различных типов партийной консолидации. Так, для номенклатуры, стремящейся сохранить свои властные позиции, более предпочтительной была мажоритарная избирательная система в сочетании с президентской или президентско-парламентской формой правления. Система большинства позволяла ей более эффективно использовать имеющиеся в наличии ресурсы. «Поэтому на парламентских выборах в 1989 - 1990-х гг. в ряде стран Восточной Европы были приняты системы абсолютного большинства (Белоруссия, Македония, Украина) или относительного большинства (Литва, Молдавия), которые в последующем трансформировались в пропорциональную избирательную систему»²⁰. Для демократической оппозиции, напротив, более предпочтительным был выбор пропорциональной системы, институционально разрушающей монополию одной партии и коалиции правящих партий на власть, что способствовало дальнейшему развитию политических расколов, а значит и многопартийности, особенно в сочетании с парламентской формой правления.

Важным показателем дифференциации типов консолидации партийных систем на посткоммунистическом пространстве является минимизация экстремистских настроений²¹. Следует подчеркнуть, что экстремистский потенциал партийных систем стран ЦВЕ не превышают показатели Германии и других развитых государств.

¹⁹ См.: Линц Х. Опасности президентализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: old.russ.ru/antolog/.../2-3/dem14.htm. – Загл. с экрана.

²⁰ Митева Л.Д. Развитие партийных систем в странах Центральной Восточной Европы в переходный период (сравнительный анализ) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 6. С. 49.

²¹ См.: Байме К. фон. Партии в процессе демократической консолидации // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей / Ред.-сост. П. Штынов. Т. 2. Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. 2003. С. 64 - 101.

Дестабилизирующий потенциал может быть оценен только при включении в анализ коалиционного ландшафта. Например, в Болгарии, где имеются лишь три партии, турки, этническая партия которых получала на выборах 5 - 6 % голосов, оказываются более значимыми, чем националистическая партия с 10 % голосов во фрагментированном многопартийном парламенте Польши.

Для комплексного анализа процессов партийной консолидации целесообразно рассмотреть основные социальные и политические расколы. На первых этапах транзита приоритетное значение имели территориальные и культурные расколы. Именно они, актуализированные политической оппозицией, позволили сформировать представления о последующих общественных изменениях как о процессах восстановления сильной государственности и возвращения к основам европейской цивилизации. Меньшее распространение получили социально - экономические расколы («капитал - труд»), что вполне соответствует модели С. Роккана, в которой выделена определенная последовательность расколов: от территориально- культурных, нацио- и государство-образующих к социально-экономическим²². В некоторых странах, например, в Чехии или Польше, расколы имели более четкую определенность. Это способствовало формированию более устойчивых и менее фрагментированных партийных систем.

Отсутствие дифференцированной структуры групповых интересов представляет сильную нагрузку для партий в фазе консолидации. В странах ЦВЕ общественная активность концентрируется преимущественно на борьбе между парламентскими партиями, тогда как другие субъекты политической жизни не имеют такого потенциала влияния. В результате, по определению В. Васовича, имеет место «чрезмерная парламентаризация» и «сверхпартизация»²³. Негативным опытом в данном отношении обладает Польша, где функционировали такие карликовые партии, как «Польская экономическая программа», различные бизнес-списки, за которыми скрывались функциональные интересы, способствовавшие фрагментации партийной системы. Наиболее сильная связь между партиями и заинтересованными группами среди посткоммунистических стран оказалась в Венгрии. Она воспроизвела модель развитых западноевропейских государств (например, Христианско-демократическая партия сформировала целый ряд субкультурных организаций).

Уровень политической фрагментации в посткоммунистических странах периода транзита оставался достаточно высоким по сравнению с западноевропейскими показателями. Несмотря на это, в некоторых странах коалиционная политика партий носила прогрессивный характер. Так, в Венгрии, еще в 1994 г. произошло образование коалиции из левой (Венгерская социалистическая партия) и правой (Союз свободных демократов) партий, что явилось революционным шагом в политике того времени, так как в восточноевропейских странах борьба между левыми и правыми в те годы приняла форму антагонистического конфликта. При этом, следует учитывать, что в фазе консолидации демократии не наблюдается прямая зависимость между электоральной устойчивостью и партийной консолидацией. В свое время болгарская система с тремя релевантными партиями показывала наименьшую электоральную неустойчивость, но отсутствие массовых колебаний голосов было недостаточным условием консолидационного процесса, так как создание коалиции осуществлялось по традиционным образцам и нормам.

Итак, можно отметить, что ни одна из стран ЦВЕ не отвечает всем критериям партийной консолидации. Данные государства пока еще не могут рассматриваться в

²² Елисеев С.М. Социальные и политические расколы, институциональные предпосылки и условия консолидации партийных систем в период демократического транзита // Политическая наука. 2005. № 3. С. 64.

²³ См.: Васович В. Переход к демократии в посткоммунистических странах (Парадоксы перехода - демократизации) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1998. № 2-3. С. 19-48.

контексте западноевропейской традиции. «Специфика политических процессов в странах восточноевропейского региона в значительной степени определяется низким уровнем политизации населения, противоречивостью и сложностью демократизации политической системы, не говоря уже об аналогичных тенденциях в становлении гражданского общества»²⁴.

Однако, следует отметить, что государства, согласно периодизации С. Хантингтона, относящиеся к «третьей волне демократизации», можно подразделить на три региона: центрально-европейский, балканский и российский. Наиболее передовым среди них по показателям партийной консолидации, является первый, хотя государства данного региона несмотря на значительные и неоспоримые достижения (Чехия, Венгрия, Польша), не соответствуют всем требованиям, предъявляемым к консолидированной партийной системе. Балканский регион, является промежуточным и содержит в себе как черты центрально-европейского, так и не в полной мере развитого российского. Отставание последнего объясняется целым рядом критериев, среди которых одно из центральных мест занимает специфика становления современной российской многопартийности.

Однако следует отметить, что некоторые страны, например Чехия, Болгария, Румыния, Словакия имеют определенные параллели со странами Западной Европы. Следовательно, наблюдается движение в направлении консолидации - общие признаки стабилизации новых институтов и отношений в государствах данного региона прослеживаются достаточно определенно. Свободные выборы проводятся регулярно, крупнейшие партии сменяют друг друга, партийные системы стабилизируются по количеству и качеству партий. В этом смысле Венгрия является лидером демократического транзита, так как либерализация режима началась на 20 лет раньше. «С середины 90-х годов в политике венгерских партий становилась очевиднее преемственность в ходе их чередования у власти, а, следовательно, и сближение их позиций по текущим проблемам, что контрастировало с жесткой поляризацией политического пространства в других странах этого региона»²⁵. Влиятельность либерально-космополитических сил в период реформ; широкие коалиции центристских партий лево-правого толка; практики сотрудничества между партиями позволили Венгрии первой войти в фазу демократической консолидации.

Результативность демократического транзита также достигнута в Польше. Там начало институционализации и легитимации партийной системы положили «круглый стол» 1989 г. и организованные летом того же года учредительные выборы. Основные «правила игры» были, таким образом, установлены, хотя исполнялись еще непоследовательно. В следующие два-три года ситуация улучшилась. Уже в 1993 г. оппозиция взяла власть, а силы, правившие до тех пор, стали оппозицией. Ведущие политические акторы приняли новые «правила игры», какие бы последствия они не влекли за собой в тактическом плане. «Солидарность» уступила власть посткоммунистическим силам, признав результаты выборов справедливыми. Вторым ключевым моментом институционализации и легитимации системы был 1997 г., когда по результатам выборов посткоммунистические силы передали власть «Электоральной акции Солидарность» (ЭАС) и Союзу Свободы. На этом основании, можно сделать вывод, что примерно к 1997 г. демократическая процедура стала единственным и значимым путем легитимации режима, или, используя терминологию Х. Линца и А. Степана, демократические правила стали «единственной игрой в городе». Институционализация партийной системы в Польше шла трудно и сопровождалась высоким накалом борьбы правых и левых, поляризацией всего общества, однако ее

²⁴ Яжборовская И.С. Специфика трансформаций в Центрально-Восточной Европе // Полис. 1999. № 3. С. 46.

²⁵ Дуткевич П. Вызовы демократизации: перспективы политической трансформации в Восточной Европе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2001. № 3. С. 61.

«партийная система на сегодняшний момент является представительной и открытой для широких кругов общества, быстро стабилизируется и обогащается обновленными и компетентными партийно-управленческими кадрами»²⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Балканских странах парламентаризация политической жизни резко снижена: парламенты ослаблены, недостаточно авторитетны и мало эффективны. Партии предпочитают действовать вне парламента, поскольку недостаточно адаптированы к требованиям парламентской демократии. Правящие партии не хотят делить власть с другими политическими силами, а оппозиционные партии - смириться с результатами выборов и действовать в строгом соответствии с парламентской процедурой. И неразвитость внутрипартийной демократии, и «вождистский» характер многих партий, и предельно низкий уровень доверия к ним в обществе показывают, что консолидация несовершенной партийной системы достаточно условна²⁷. Анализируя ситуацию в Румынии, исследователи связывают ее с сохранением идеологии, структур и институтов старого режима, а также наиболее сильного для посткоммунистических стран отчуждения политической и интеллектуальной элит от населения. Конституционализм носит мнимый характер. В целом румынский политический режим все более тяготеет к плебисцитарной демократии, в которой некоторые исследователи усматривают своеобразный восточноевропейский аналог латиноамериканских режимов с сильно выраженными харизматическими чертами лидерства. Они говорят даже о «румынском перонизме»²⁸.

Относительно России, сложно сделать подобный вывод. Существует несколько специфических черт российской партийной системы, отсутствующих в странах Восточной Европы. Первым и наиболее явным отличием, является форма «навязанного» российского перехода в противовес «пактовому» характеру восточноевропейских трансформаций, а также наличие так называемых «круглых столов». Во-вторых, российская действительность отличалась до 2003 г. крайне высоким уровнем фрагментации: во всех сегментах российского электорального рынка имело место большое количество предложений, а также высокий уровень электоральной неустойчивости. В-третьих, в российской политике, как на общенациональном, так и, в особенности, на региональном уровнях наряду с партиями весьма важную роль играли непартийные кандидаты, опиравшиеся не на партийную поддержку, а на иные ресурсы (в основном, на региональные и/или секторальные заинтересованные группы)²⁹. Еще одной особенностью явилось огромное влияние и сила неформальных институтов на фоне - «слабости политических партий, их малой вовлеченности в процесс консолидации и неспособность самим сосредоточиться и упрочиться»³⁰.

Таким образом, существенной характеристикой функционирования политических систем стран посткоммунистического пространства является сложносоставной, неравномерный, несбалансированный процесс консолидации демократии, неотъемлемой частью которого выступает партийная консолидация. Характеризуя опыт состоявшихся демократических транзитов в странах Вышеградской группы, Балтийского и Балканского субрегионов Европы, следует отметить, что в них сложился органичный тип партийной консолидации, связанный с необходимым набором институциональных и процедурных предпосылок.

²⁶ Митева Л.Д. Развитие партийных систем в странах Центральной Восточной Европы в переходный период (сравнительный анализ) // Вестник Московского Университета. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 6. С. 41.

²⁷ Кандель П.Е. Балканизация» Европы vs «европеизация» Балкан // Россия в глобальной политике. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/32/9773.html>. - Загл. с экрана.

²⁸ Медушевский, А.Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.knowledge.isras.ru/sj/sj/2004-34-5.html>. - Загл. с экрана.

²⁹ Гельман В.Я. Трансформация российской партийной системы: монополизация политического рынка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elis.pstu.ru/gelman2.htm>. - Загл. с экрана

³⁰ Шмиттер Ф. Процессы демократического транзита и консолидации демократии // Полис. 1999. № 3. С. 32.

Неорганические типы партийной консолидации встречаются в странах, где транзит не завершен или безуспешен. В условиях ограничивающих возможности сохранения демократического вектора, основой для партийной консолидацией является не столько интеграция элит вокруг демократических ценностей, сколько их стремление обеспечить воспроизводство властного статуса в рамках сложившейся политической системы.

Значение партийной консолидации меняется по мере прохождения тех или иных этапов транзита. Являясь существенным показателем институционализации демократии на начальных этапах транзита, партийная консолидация не так важна в ситуации достижения демократической консолидации, потому что политическая система способна воспроизводиться в условиях повышенной рискогенности и нестабильности развития.

К числу важнейших факторов развития института политической партий следует отнести исторический контекст, фрагментацию/дефрагментацию партийной системы, электоральную неустойчивость, минимизацию экстремистских настроений, структуру расколов, разделение территориального и функционального представительства интересов и др. Изучение процессов демократического транзита в посткоммунистических странах в сравнительной перспективе выявило три типа структурирования партийных систем: центрально-европейский, балканский и российский.

В посткоммунистической России сложилась партийная консолидация неорганического типа, связанная с существованием системы «навязанного консенсуса», определенным ограничением конкуренции в обмен на гарантии сохранения властных статусов и ресурсов. Этой системе соответствует моноцентрический политический режим, в котором базовым институтом воспроизводства политической системы является институт президентализма.

MAIN TYPES OF PARTY CONSOLIDATION ON THE POST-COMMUNIST SPACE

E.V. BRODOVSKAY
M.A. VARFOLOMEEV

Tula State University

e-mail: brodovskay@inbox.ru

e-mail:

max-varfolomeev@yandex.ru

Attention is accented In article on difficulties of the democratic processes and particularities of the shaping institutions structures society, where necessary factor of the achievement to consolidation to democracies is a discourse transitive type of the political systems. Special importance is spared consolidations potential party элит as one of the structured component of the process to consolidation to democracies, where operating the mode of the hybrid type in essential measure is conditioned limitations mechanism reproducing the political system.

Key words: consolidation society, transitive way developments, public consent, discourse of political elite.

УДК 329: 324 (470+571)

МЕЖПАРТИЙНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.Н. ШИЛОВ*Белгородский
государственный
университет**e-mail: Shilov@bsu.edu.ru*

В статье анализируются причины низкой межпартийной конкуренции в современной России – зависимость партий от исполнительной власти, неразвитое правовое сознание, патерналистская политическая культура населения. Делается вывод, что в обозримый период у партии «Единая Россия» не будет реального соперника в межпартийной конкуренции.

Ключевые слова: Россия, политические партии, межпартийная конкуренция, выборы, политическая культура, партийная система.

Снижение в современной России межпартийной конкуренции как главной составляющей политической конкуренции отмечается всеми исследователями и политическими практиками¹. Но различны оценки самого факта снижения политической конкуренции, а также причин и возможных последствия этого снижения.

Достаточно распространены оценки алармистского, обвинительного характера. Так член Общественной палаты РФ, профессор-юрист Е.А. Лукьянова отмечает: «С точки зрения политической конкуренции в обществе мы вернулись практически к тому же состоянию, от которого сознательно уходили двадцать лет назад»².

Действительно, если исходить из западных моделей модернизации, демократического транзита как ее элемента, то снижение политической конкуренции – это проявление политической демодернизации. Поэтому лидер партии «Яблоко» С. Митрохин говорит о том, что «нынешняя политическая система несовместима с модернизацией. Наоборот, так же, как и коммунистическая система времён позднего СССР, она фактически запрограммирована на стагнацию, демодернизацию и в конечном счёте на деградацию страны»³.

Ситуация в чем-то напоминает времена перестройки, когда также считалось, что без разрушения «административно-командной системы», без всеобъемлющей демократизации не осуществить необходимые преобразования страны.

Что является причиной внешне антимодернизаторского тренда в современной российской политике? Только ли усилия кремлевских политтехнологов, стремящихся, по мнению В.Я. Гельмана, маргинализировать всякую оппозицию?⁴

Нам кажется более убедительным тезис о том, что 90-е годы были для России периодом имитации демократизации, породившей неуправляемость в стране, а начиная с 2000-х гг. наблюдается отторжение импортированных практик и возвращение на естественную для страны траекторию развития⁵.

¹ См.: Вишневецкий Б. Л. Политическая конкуренция в России: хроника снижения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. № 2; Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции - к иерархии // Полис. 2008. № 5; Чувиллина Н.Б. Особенности электоральных процессов в Республике Башкортостан в избирательных кампаниях 2007-2008 гг. // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2009. № 9 (64). Вып. 11 и др.

² Лукьянова Е.А. Конкуренция в политике = конкуренция в бизнесе? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/dossie/2007/04/24/freedom1.html>

³ Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России. 22.01.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6693>

⁴ См.: Гельман В.Я. Указ. соч. С. 149.

⁵ См.: Романович Н.А. Социокультурный механизм формирования отношения к власти в российском обществе. Автореф. дисс...уч. степ. докт. соц.н. М., 2010. С. 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=6469&from54=4>.

Главное не формальное внедрение тех или иных правовых норм, политических институтов, а превращение их в реальные практики, совместимые с преобладающей политической культурой населения и элит, становление их в качестве элемента этих культур. Но культура – это феномен инерционный, изменение которого может растянуться на десятилетия. Если говорить о параметрах политической культуры преобладающей части населения страны, то они, во многом, не соответствуют характеристикам современной либеральной, делиберативной демократии. «В традиционной модели базового образа власти в России исторически сформировались такие характеристики, как *персонификация, единовластие, централизация, иерархичность*, тогда как для современной модели характерны *деперсонификация, разделение властей, децентрализация, нивелирование иерархии*»⁶ - отмечает Н.А. Романович. Как об основах российской политической культуры исследователями говорится также об авторитаризме, этатизме, патернализме, пассивности населения и правовом нигилизме⁷.

Современные социологические исследования показывают, что население России в большинстве своем не поддерживает идею «разделения властей». Реальный вес для него имеет лишь исполнительная власть. Законодательная власть, парламент видятся как нечто вторичное, а порою и излишнее⁸. Согласно опросу, проведенному ФОМ в 2001 г., 72% населения не отрицает возможности сосредоточения всей полноты власти в руках одного человека, возглавляющего страну⁹.

На сегодняшний день, согласно данным опроса проведенного в декабре 2010 г., растет требование населения к централизации власти, возрастает спрос на политику «закручивания гаек»¹⁰.

В соответствии с общими параметрами политической культуры специфичным для российской политической культуры является и отношение к политическим партиям. В сознании россиян доминирует мнение, что партии должны работать на общее дело, а не защищать интересы каких-то отдельных групп населения. Отсюда и негативное отношение к межпартийному соперничеству. Более того, большинство населения (57%) с пониманием бы отнеслось к тому, что партии должны действовать в интересах страны, даже если это ущемляет интересы их избирателей. Только 34% опрошенных полагают, что политические партии должны бороться друг с другом за интересы своих избирателей, даже если это противоречит интересам страны в целом¹¹. Согласно опросу, проведенному в 2006 г., в пользу многопартийности высказались лишь 40% населения, 47% населения считают конкуренцию партий вредной для России (лишь 31% видит в ней пользу)¹². Целью деятельности партий граждане изначально, со времени становления позднесоветской и постсоветской многопартийности, видели повышение своего материального благосостояния, но в силу того, что возникновение партийного плюрализма совпало с периодом резкого ухудшения реальных жизненных условий, имела место фактическая делегитимация партий¹³.

⁶ См.: Романович Н.А. Социокультурный механизм формирования отношения к власти в российском обществе. Автореф. дисс...уч. степ. докт. соц.н. М., 2010. С. 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=6469&from54=4>.

⁷ См.: Козлов Н.Д. Региональные политические культуры или региональные вариации российской политической культуры? // Полис. 2008. № 6. С.8.

⁸ Романович Н.А. Указ. соч. С. 29.

⁹ См.: Там же. С. 31-32.

¹⁰ См.: Патерналистские настроения россиян // Левада-центр. Пресс-выпуск от 18.01.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2011011803.html>

¹¹ См.: Романович Н.А. Указ. соч. С. 37.

¹² См.: Кергман Г.Л. Статус партии в российской политической культуре // Полис. 2007. № 1. С. 121.

¹³ См.: Шашкова Я.Ю. Партийная система в процессах политической трансформации и выборов в Российской Федерации (на примере Юго-Западной Сибири). Автореф. дисс...уч. степ. докт. пол. н. Чита. 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=11192>

В целом спрос на конкурентную демократию со стороны населения невелик. Здесь нужно согласиться с авторами доклада «Демократия: развитие российской модели», подготовленного под эгидой Института современного развития, что «в стабильном обществе с растущим уровнем жизни, при функционирующем государстве, исполняющем свои основные функции, при отсутствии явных кризисов «запрос на демократию» не может носить массового характера. Тем более это невозможно в посткризисном российском обществе, которое никогда не знало демократии, а краткий период демократизации 90-х годов прошлого века ассоциируется с затяжным социально-экономическим кризисом и дестабилизацией как общественной, так и частной жизни»¹⁴.

Канул в прошлое период политического романтизма, когда население России верило в возможность улучшить через выборы состав правящей элиты. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в 2005 г., 42% населения России полагает, что современная российская элита по сравнению с советскими временами изменилась в худшую сторону, и лишь 17% считает, что она изменилась в лучшую сторону (26% полагают, что она практически не изменилась, а 15% были в затруднении дать ответ)¹⁵.

Сама политическая конкуренция россиянами рассматривается зачастую как игра политической элиты, далекая от интересов населения. Здесь следует привести следующее высказывание главы ВЦИОМ В. Федорова: «У нас была в большей чести политическая конкуренция и прочие неотъемлемые части западного образа жизни в 1980–е годы: все думали, что только они нас и спасут... Но 90–е годы нам показали, что может принести конкуренция в нашей реальной жизни. Все ужаснулись конкуренции бандитской, олигархической и прочей, которая явила нам свой «звериный оскал»¹⁶.

Разумеется, в российском обществе имеются и носители подлинно либеральной, активистской демократической культуры. Именно они требуют ускоренной демократизации страны, повышения политической конкуренции. Им претит стилистика вертикального организованного политического процесса. Они против иерархии, они хотят быть самостоятельными политическими акторами. Но число этих приверженцев современной либеральной, делиберативной демократии незначительно.

Общий вывод таков, востребованность политической конкуренции и особенно такой ее составляющей как межпартийной конкуренции со стороны подавляющего большинства российского общества невелика.

Но насколько политическая конкуренция соответствует потребностям развития общества, потребностями модернизации? Насколько она отвечает характеристикам и запросам российской политической элиты? При ответе на эти вопросы необходимо сделать краткий исторический экскурс. Задуманная в ходе так называемой «перестройки» реформа политической системы предполагала переход к многопартийной системе при решающей роли КПСС, то есть в результате выделась многопартийная система с доминантной партией. Но процессы изменений вышли из под контроля инициаторов «перестройки». В результате чего в появившейся многопартийной системе не нашлось места КПСС. Но почему была ликвидирована КПСС, и исчезло само государство – СССР, а на его месте возникли страны с незапланированными социально-политическими и экономическими параметрами?

Главное здесь то, что КПСС в соответствии с изменениями в Конституции СССР в марте 1990 перестала быть «ядром политической системы», была лишена функций контроля над государством. С лишением КПСС статуса «руководящий силы» партийный контроль не был заменен, как предполагалось, контролем общественности, гражданского общества, оказавшимися к этому не готовыми. Государственный аппарат превратился в сложный конгломерат сотрудничающих и противо-

¹⁴ Демократия: развитие российской модели. М., 2008. С. 50-51 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.riocenter.ru/ru/programs/1233>

¹⁵ См.: Политический журнал. 2006. № 1. С. 14.

¹⁶ Новикова Е. Фальсификации не нужны. Интервью с В. Федоровым. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.expert.ru/2010/10/o8/falsifikatsii_ne_nuzhny/

борствующих группировок. Многие работники государственных учреждений, несравненно больше чем ранее, стали рассматривать свои должности как средство для реализации личных интересов, прежде всего, для обогащения. Представляет интерес точка зрения, что КПСС в Советском Союзе играла роль гражданского общества, которое формировало и контролировало государственный аппарат, что было ошибкой разрушение этого аналога гражданского общества¹⁷.

«Ельцинский» период, (90-е годы) характеризуется значительной свободой политической элиты и всего государственно-бюрократического аппарата. Имела место борьба различных региональных, экономических кланов, действовавших зачастую вопреки интересам общества. Партии являлись инструментом в этой борьбе. Президент, теряющий поддержку населения, был не в силах удержать ситуацию под контролем. Положение коренным образом меняется в 2000-е гг., когда В. Путин получает на выборах поддержку большинства населения. Он становится доминантным актором, имеющим право на последнее слово в принятии решений. Но персоналистский авторитарный режим, не выполнил бы задачу установления контроля над политической элитой, особенно региональной, и миллионным массивом чиновников. Был взят курс на формирование партийного авторитаризма. В подтверждение этого тезиса уместно привести следующее высказывание Б.В. Межуева, многое объясняющее в современной политической жизни России: «Горбачевский, а впоследствии ельцинский режим продемонстрировали, что расчет на сильную президентскую власть при отсутствии партийных механизмов консолидации и мобилизации региональной элиты не только сводит на нет все усилия по модернизации, но и приводит государственную систему к краху. Межпартийная конкуренция используется экономическими, а зачастую и криминальными кланами в целях извлечения корпоративных преимуществ, либо легализации нажитых незаконным путем состояний. Любое политическое давление центра на региональные элиты и тем более эффективный правовой контроль над ними в этой ситуации оказывается невозможен. Восстановление коллапсирующей государственности мыслимо в этом случае исключительно с помощью использования возможностей суперпрезидентского режима, а это сразу же актуализирует угрозу его превращения в режим личной власти по образцу некоторых развивающихся стран. Поэтому участие мощной партийной структуры в деле формирования как региональной, так и федеральной властей является возможной альтернативой развития в период того модернизационного процесса, который проходит в настоящий момент Россия»¹⁸.

В качестве новой «руководящей силы» формируется партия «Единая Россия». Можно ли считать, что происходит возвращение к планам инициаторов «перестройки»? Становится ли партия доминантным актором, восстанавливается ли симбиоз «партия-государство», имевший место в СССР? Восстанавливается ли прерванная на двадцать лет траектория развития политической системы?

Нет, ситуация выглядит иначе: мы имеем дело не с симбиозом «партия-государство, а с его обратной формой - с симбиозом «государство-партия». Имеющая конституционное большинство в российском парламенте партия «Единая Россия», не представляет собой самостоятельного субъекта, она является инструментом ее лидера, В.Путина, формально не входящего в состав этой партии. Сейчас можно говорить и о том, что «Единая Россия» есть инструмент дуумвирата «Медведев-Путин».

Отсюда подчиненность законодательной власти исполнительной власти. Отсюда вторичность партий и партийной системы в целом. Переход к партийному авторитаризму еще только начинается. Пока для России характерен персоналистский авторитаризм¹⁹. Это обуславливает и то, что в данных условиях «парламентские выбо-

¹⁷ Пастухов В.Б. Шаг назад, два шага вперед (Русское общество и государство в межкультурном пространстве) // Полис. 2005. № 6.

¹⁸ Межуев Б.В. Перспективы политической модернизации России // Полис. 2010. № 6. С.16-17.

¹⁹ См.: Гельман В.Я. Указ. соч. С. 137-147.

ры как выборы второго порядка утрачивают самостоятельную ценность и оказываются подчиненными логике президентских»²⁰. Административно – политическая элита рекрутируется не победившей партией, а назначается в ходе взаимодействия высшего непартийного руководства с лоббистскими группировками.

Можно согласиться с мнением Ю.Г. Коргунюка, что сложившаяся в России партийная система – это псевдопартийная система. По его мнению «отличительная особенность псевдопартийных систем – «перевернутый» характер отношений между партиями и властью. Место правящей партии занимает «партия власти», которая не формирует правительство и не определяет государственный курс, а, напротив, сама является инструментом в руках правящей бюрократии, стремящейся установить контроль над парламентом»²¹.

«Единую Россию» еще нельзя назвать доминантной партией в общепринятой трактовке этого понятия. «Классическая доминантная партия – самоуправляемая коалиция элит с развитой «внутрипартийной демократией», где конкурирующие элитные кланы достигают согласованных решений по ключевым кадровым программным вопросам жизни страны и несут ответственность за их реализацию. Роль лидера (премьера, президента, канцлера) и госаппарата в управлении такой партией всегда достаточно высока, но партия не является «массовым придатком» к исполнительной вертикали, обладает высокой автономией в формировании политической повестки дня, – утверждают авторы доклада «Демократия: развитие российской модели»²². В России же ... «доминантная партия» и на федеральном, и на региональном уровне находится в почти полной зависимости от исполнительной власти, а ее важнейшая функция – урегулирование конфликтов в межэлитных отношениях – выполняется с гораздо большей долей «нажима» со стороны губернатора или структур федеральной власти»²³.

Можно говорить о достижении значительной управляемости элитой со стороны федерального центра, благодаря «Единой России». Показателен тот факт, что почти все главы регионов являются членами партии «Единая Россия». В плане консолидации элиты роль «Единой России» незаменима.

К сожалению, менее заметны сдвиги в плане повышения эффективности элиты, и снижения коррупции в ее среде, а также в госаппарате. Именно последнее обстоятельство и актуализует вопрос о политической конкуренции, как средстве отбора политической элиты, средстве повышения эффективности управления обществом.

Было бы неверно сокращение публичной конкуренции (отмена выборов глав регионов, сокращение числа партий, отмена выборов в ГД РФ по одномандатным округам и др.) расценивать как ставку руководства страны на сворачивание политической конкуренции в целом. Речь идет о том, чтобы придать процессам политической конкуренции и демократизации в целом управляемого характера.

Упорядочению политической конкуренции служит повышение в ней удельного веса внутрипартийной и межпартийной конкуренции. Здесь интересна следующая информация, приведенная президентом РФ Д. Медведевым: «...в 2004 году у нас было 48 партий. На сегодняшний день в России действуют семь партий. Но количество партийных фракций в региональных парламентах резко возросло: с 91 фракции в 2004 году до 211 – в 2007 году и 248 – в 2009 году... в 2004 году фракции «Единой России» действовали в 56 субъектах Федерации, а в прошлом году – во всех; компартии Российской Федерации в 2004 году – в 17 региональных парламентах, а в 2009-м –

²⁰ Зудин А.Ю. К «сообществу элит»? Трансформация политического режима в России // Общественные науки и современность. 2010. №6. С. 78.

²¹ Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. Автореф. дисс...уч. степ. докт. пол. н. М.2009. С. 36 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=3415>

²² Демократия: развитие российской модели. С. 25.

²³ Там же.

в 67; либерально-демократической партии: в 2004 году – в 6, в 2009 году – в 43; «Справедливой России»: 18 такого рода фракций было в 2006 году и 50 – в 2009-м. Есть и представители некоторых других партий в региональных парламентах»²⁴. Таким образом, уменьшение числа партий, как политических акторов, привело к многократному увеличению других акторов – партийных фракций в региональных законодательных собраниях, к усложнению, дифференциации политической системы в целом, то есть ее модернизации.

Если говорить о внутрипартийной конкуренции, то следует, прежде всего, упомянуть «Единую Россию». Партия «Единая Россия» идеологически неоднородна. В ней есть левое, социально-консервативное «крыло» и «крыло» правое, либерально-консервативное²⁵. Здесь конкуренция предстает как соперничество различных вариантов партийного курса, соперничество между членами партии за место в партийной иерархии, а главное, за «проходное» место на выборах в ГД, а также в региональные законодательные собрания. В силу того, что значительный массив политической элиты вошел в «Единую Россию» соперничество между ее представителями стало менее публичным, и все больше стало сводиться к внутрипартийным договоренностям.

Рассматривая межпартийную конкуренцию в современной России, необходимо отметить, что с отменой одномандатных округов при выборах в ГД и обязательном выборе не менее половины депутатов законодательных собраний по партийным спискам роль партийного момента в политической конкуренции также возросла. Выборы по партийным спискам приводят и к приданию этой конкуренции реального характера. Так на выборах в Областную думу Белгородской области в октябре 2010 г. по 17 одномандатным округам победили выдвиженцы одной партии – «Единой России», в то же время по единому избирательному округу из 18 мандатов у «Единой России» – лишь 12. Если бы выборы проходили только по одномандатным округам, то вполне возможно областной парламент был бы однопартийным.

Партийное начало становится и более заметным на муниципальных выборах: там также пропорциональная система дает шанс всем партиям. В связи с этим Президент РФ Д. Медведев в своем обращении к ФС 30 ноября 2010 г предложил «сделать обязательным использование пропорциональной или смешанной избирательной системы на выборах представительных органов в городских округах и муниципальных районах с численностью депутатов не менее 20 человек»²⁶.

Обеспокоенность президента относительно развития политической конкуренции налицо. В этом плане характерно его следующее заявление, сделанное в ноябре 2010 г.: «Не секрет, что с определённого периода в нашей политической жизни стали появляться симптомы застоя, возникла угроза превращения стабильности в фактор стагнации. А такой застой одинаково губителен и для правящей партии, и для оппозиционных сил. Если у оппозиции нет ни малейшего шанса выиграть в честной борьбе – она деградирует и становится маргинальной. Но если у правящей партии нет шансов нигде и никогда проиграть, она просто «бронзовеет» и в конечном счёте тоже деградирует, как любой живой организм, который остаётся без движения. Поэтому возникла необходимость поднять уровень политической конкуренции»²⁷.

Результаты выборов в октябре 2010 г. (региональных и муниципальных) показывают, что определенные сдвиги в плане обострения конкурентной борьбы и обеспечения успеха для оппозиционных партий есть. Так оценивая эти выборы, ли-

²⁴ Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России. 22.01.2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6693>

²⁵ См.: Шилов В.Н. Партия «Единая Россия» и идеология консерватизма // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. №1(72). Вып. 13. С. 216.

²⁶ Послание Президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://события.президент.рф>

²⁷ Медведев, Д. Наша демократия несовершенна, мы это прекрасно понимаем. Но мы идём вперёд. Запись в блоге [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/9599>

дер КПРФ Г. Зюганов оптимистично заявил: «Касаясь итогов прошедших 10 октября выборов, хочу отметить, что наша партия, несмотря ни на что, сделала очередной шаг в деле дальнейшего получения симпатий избирателей. Так, КПРФ в среднем по стране нарастила от 5 до 7 процентов на прошедших выборах... в Новосибирской области мы провели пять кандидатов-одномандатников в местный парламент»²⁸. Своего рода сенсацией явилось то, что представители партии «Патриоты России» победили на выборах депутатов районного собрания в Кайтагском районе Дагестана, обогнав единороссов на 1,03%²⁹.

Однако на кардинальное изменение ситуации в плане повышения электро-альной успешности оппозиционных партий в ближайшее время рассчитывать не стоит. «Единая Россия» сконцентрировала вокруг себя все ресурсы – организационно-административные, информационные, финансовые, имиджевые, агитационные и др. Видимо главный у ЕР ресурс имиджевый. Эта партия позиционирует себя как «партия Путина», и поэтому выборы приобретают на федеральном уровне плебисцитарный характер (одобрение или нет деятельности В. Путина)³⁰.

Велика роль организационного ресурса в силу того, что политическая элита страны сконцентрирована в преобладающей массе в этой партии. Большой разрыв между партиями и в плане финансовых возможностей. Так, на выборах в октябре 2010 г. в Областную думу Белгородской области избирательный фонд «Единой России» составлял 19 млн. 750 тыс. (поддержку оказали более двух десятков организаций). У ее соперников избирательные фонды были неизмеримо меньше: КПРФ – 1 млн. 730 тысяч (только собственные средства), «Справедливая Россия» - 6 млн. (поддержку оказали 3 крупных кампании), ЛДПР 2 млн. 500 тыс. (собственные средства). И совсем незначительным избирательный фонд был у непарламентской партии «Патриоты России» - 134 тыс. (собственные средства)³¹.

Различен и кадровый потенциал партий. На этих же выборах в Областную думу списке от «Единой России» преобладала областная элита во главе с белгородским губернатором Е. Савченко в качестве своеобразного «паровоза». В списке же, например, ЛДПР были и один студент, и четверо «временно не работающих». Подобная картина и в других «невластных» партиях³².

Электоральный успех «Единой России» обусловлен и тем, что, как отмечает В.Я. Гельман, ее программные позиции находятся «вблизи точки “медианного избирателя” по любым проблемным измерениям»³³. Согласно данным опроса ВЦИОМ, «у всех умеренных - и левых, и правых, и патриотов, есть больше того, что объединяет, чем разделяет. И это общее объединяющее начало оказывается достаточным для того, чтобы образовать мощную коалицию в самом центре политического спектра,

²⁸ Стенограмма совещания с председателями избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, ряда избирательных комиссий муниципальных образований столиц (административных центров) субъектов Российской Федерации, иных муниципальных образований, представителями политических партий по итогам выборов в единый день голосования в субъектах Российской Федерации 10 октября 2010 года и по вопросам подготовки и проведения выборов в 2011 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/banners/sovesh_2010/17_19_nov_2010/stenogr.html

²⁹ См.: Патриоты России» обошли единороссов в одном из районов Дагестана [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2010/10/11/n_1558444.shtml

³⁰ Следует отметить, что на региональном уровне эта связь партии с В.Путиным в сознании населения ослабевает. На муниципальном уровне выборы уже не носят характер плебисцита. Именно здесь можно ожидать обострения межпартийной конкуренции.

³¹ См.: Сведения о поступлении и расходовании средств избирательных фондов избирательных объединений, выдвинувших зарегистрированные списки кандидатов в депутаты Белгородской областной Думы пятого созыва [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belgorod.izbirkom.ru/WAY/2BCCoFAE-273E-4A1B-9213-BD213C4612CB.html>

³² [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belgorod.izbirkom.ru/WAY/BE495B9C-0222-437C-BA85-86D606E0F51E.html>

³³ Гельман В.Я. Указ. соч. С. 143.

вытеснив крайности на его периферию»³⁴. Эту коалицию и представляет «Единая Россия». Можно согласиться с мнением Г.Ю. Канарша, что именно центристский проект имеет в современной России наибольшие шансы для реализации³⁵.

Все вышесказанное дает основание считать, что на ближайшее время Единая Россия сохранит свой статус самой крупной и влиятельной партии, не имеющей реального конкурента.

В плане дальнейшей демократизации и усиления политической конкуренции, как отмечают аналитики, важно не создание новых институтов и введение дополнительных правовых норм, а соблюдение уже имеющихся. Согласно мнению авторов доклада «Демократия: развитие российской модели», «главная проблема в сфере выборов – правоприменительная практика, социокультурный контекст этого процесса. В сложившихся условиях избирательная кампания де-факто превращается не в соревнование между партиями/кандидатами и программами, а в «бюрократическую конкуренцию» между территориями. «Вертикаль власти» (губернатор – мэр – глава района – председатель участковой избирательной комиссии) мотивированы на максимизацию результата «партии власти» в сравнении со своим «соседом». Соответственно, если желаемый (а точнее – заданный спущенными сверху «контрольными показателями») результат оказывается недостижим «электоральными средствами», включается прямой «административный ресурс»: зажим оппозиции, создание преимуществ кампании «партии власти», манипулирование избирательными бюллетенями...»³⁶.

Россия – эта страна сравнительно низкой правовой культуры. Нарушение законов не является предметом общественного осуждения. Большинство россиян (54%) отрицают возможность жить в России, не нарушая законов³⁷. В то же время, и здесь нужно согласиться с П.М. Козыревой «развитое правовое сознание предполагает уважительное отношение к праву и признание верховенства закона... оно опирается на доверие, т.е. ощущение ответственности, обязанности, долга по отношению к другим людям. Это доверие означает уверенность или, по крайней мере, надежду, что другие люди тоже будут законопослушны, будут вести себя столь же нравственно, предсказуемо и ответственно, уважая интересы и права других людей»³⁸. Этой должной степени доверия в российском обществе нет. Нет установки на безусловное соблюдение правил «политической игры», даже и в том случае, если это обрекает тебя на проигрыш.

На сегодняшний день важнее не обострять политическую конкуренцию, а добиваться соблюдения правил конкурентной борьбы, стремиться сделать ее честной. Следует сказать, что отход от честной конкуренции характерен не только для российской политики. Так, российский капитализм упрекают в отсутствии честной рыночной конкуренции, когда не экономические показатели, а близость к власти определяют успех игроков на рынке. Нет должной конкуренции и в других сферах российского общества³⁹. Но конкуренция, это явление принявшее глобальный масштаб. И те страны, которые не умеют должным образом наладить внутреннюю конкуренцию, терпят поражение во внешней конкуренции. Поэтому российскому обществу необходимо вырабатывать культуру честного соперничества совершенствовать свою культуру

³⁴ Кризис и идейно-политические взгляды россиян: левый поворот или объединение вокруг власти // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1147 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=11340>

³⁵ См.: Канарш Г.Ю. К вопросу о российском дискурсе справедливости // Полис. 2008. № 5. С. 168.

³⁶ Демократия: развитие российской модели. С. 40.

³⁷ Романович Н.А. Указ. соч. С. 35.

³⁸ Козырева П.М. Правовое сознание и доверие // Полис. 2008. № 4. С. 94.

³⁹ См.: Рылкина А.П. Конкуренция и конфликт: их статус в политической культуре современного российского общества // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 19 (90). Вып. 16. С.229-230.

ру в целом, иначе оно не сможет занять достойное место на исторической арене будущего⁴⁰.

В плане становления новой культуры в целом и политической культуры как ее составляющей важно преодоление патернализма. «Основная черта этой патерналистской системы ценностей, – пишет А.Г. Глинчикова, – состоит в том, что внутри общественной культуры не были выработаны механизмы и навыки внутреннего самоограничения частного интереса в социально разумных пределах. ...Частный интерес есть предмет исключительной заботы нижних социальных слоев, об общественном интересе призвана заботиться бюрократия...»⁴¹. Население ждет проявления заботы о себе со стороны «начальства», препоручая ему и заботу об обществе в целом, не связывая себя какими-либо обязательствами по отношению к обществу.

Демократия невозможна без граждански активного общества. Пока российское общество не доверяет себе, надеется не на себя, а только на государство, пока общество руководствуется индивидуалистической, патерналистской парадигмой, которую упрощенно можно определить как, «каждый за себя, один Путин за всех», оно не способно породить альтернативный политический проект. Проект, который мог бы составить конкуренцию проекту партии власти.

Искусственное стимулирование межпартийной конкуренции будет малорезультативным без становления полноценной партийной системы, где партии играют самостоятельную роль. Пока что Россия находится на начальном стадии эволюции режима от консолидации к политической дифференциации на самостоятельные политические субъекты. Пройдены этапы деперсонализации (должность главы государства не отождествляется с В. Путиным) и деконцентрации (власть предстает в виде дуумвирата премьера В. Путина и президента Д. Медведева)⁴². На очереди превращение партии власти, «Единой России» в доминантного игрока, преодоление зависимости партии от исполнительной власти. И лишь затем станет вопрос о формировании равного ей партийного соперника. И во всех этих политических преобразованиях опасно спешить. Подобная торопливость в прошлом веке уже дважды в России приводила к трагическим последствиям. Нынешний век должен учиться на ошибках прошлого века.

INTERPARTY COMPETITION IN RUSSIA: MODERN REALITIES AND PROSPECTS

V.N. SHILOV

Belgorod State University

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

In article the reasons of a low interparty competition in modern Russia – dependence of parties on an executive power, not developed legal consciousness, paternalistic political culture of the population are analyzed. The conclusion becomes, that during the foreseeable period «Uniform Russia» will not have a real contender in an interparty competition.

Key words: Russia, political parties, interparty competition, elections, political culture, party system.

⁴⁰ См.: Шилов В.Н. Российское общество и русская этническая культура // *Философия и культура*. 2010. № 8 (32). С. 62.

⁴¹ Глинчикова А.Г. Демократическая модернизация и национальная культура // *Полис*. 2010. № 6. С. 65.

⁴² См.: Зудин А.Ю. Указ. соч. С. 71-78.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЭТАПЕ ГЕНЕЗИСА

Н.Б. ЧУВИЛИНА

Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан

e-mail: bagsu.socis@mail.ru

Выделены характеристики модели электоральных процессов в российских регионах в период с весны 1991 по весну 1993 гг. в части акторов, факторов, характера и роли выборов как механизма формирования региональной власти. Обозначена специфика региональных электоральных процессов в субъектах федерации различных типов.

Ключевые слова: регионалистика, региональные электоральные процессы в современной России.

Зарождение региональных электоральных процессов происходило в российских регионах в период весны 1991 – весны 1993 гг. в виде утверждения в регионах выборных практик замещения должностей глав исполнительной власти регионов и осуществлялось в ходе перехода от «перестроечной» модели региональных электоральных процессов к «постперестроечной» (модели генезиса)¹.

Формирование данной модели осуществлялось в ходе трех волн выборов глав исполнительной власти российских регионов: первой волны выборов 12.06.1991 г. (выборы мэров Москвы и Ленинграда и Президента ТАССР); второй волны выборов в конце 1991–январе 1992 г. (выборы президентов в Калмыкии, в Чеченской Республике, в Республике Марий Эл, в Чувашии, в Мордовии, в Республике Саха (Якутия), в Адыгее, в Кабардино-Балкарии, в Республике Тыва); третьей волны выборов в феврале–апреле 1993 г., включавшей губернаторские выборы в 7 российских областях² и в Красноярском крае, выборы президентов в Ингушетии и в Калмыкии³.

Данная модель отличалась следующими характеристиками.

Региональные электоральные процессы 1991–весны 1993 гг. зарождались при участии новых акторов данных процессов со стороны государства и при участии как новых, так и «старых» акторов со стороны общества и характеризовались конкурентным характером взаимоотношений между акторами, представляющими государство и акторами, представляющими гражданское общество, автономным характером участия государственных и гражданских акторов, а также множественностью и разнообразием акторов – внешних и внутренних, элитных, общественных, представляющих разные ветви государственной власти, политически организованных и неорганизованных – независимых.

При этом круг внешних акторов региональных электоральных процессов состоял из российского руководства в лице Президента РСФСР Б. Ельцина и его администрации, депутатского корпуса и руководства Верховного Совета РСФСР и Съезда народных депутатов РСФСР⁴, внешних московских кандидатов на пост президента Калмыкии (1993 г.).

¹ Типологическая модель региональных электоральных процессов представляет собой набор характеристик, в своей совокупности образующих целостность и определяющих характер, тип регионального электорального процесса. «Советская» модель была характерной для региональных электоральных процессов до 1989 г. «Перестроечная» модель сформировалась в ходе избирательных кампаний 1989 г. и 1990 г. «Постперестроечная» модель стала результатом процесса генезиса современных региональных электоральных процессов в 1991–весной 1993 гг.

² В Брянской обл., в Липецкой обл., в Орловской обл., в Пензенской обл., в Смоленской обл., в Челябинской обл., в Амурской обл.

³ Кроме того, в 1991 г. проходили также выборы депутатов Верховных Советов в Адыгее, в Хакасии, в Республике Алтай.

⁴ Новые органы, избранные весной 1990 г.

Состав внутренних акторов региональных электоральных процессов включал: сформированные весной 1990 г. региональные и городские советы, и сформированные этими советами обл/горисполкомы и советы министров, «старые» партноменклатурные и новые элитные группы, интегрировавшиеся во властные органы регионов в ходе выборов 1990 г., независимых кандидатов из среды «старых» коммунистических элит, директората, региональных общественно-политических движений демократической и национальной направленности, электорат.

Характерной чертой региональных электоральных процессов в период генезиса было отсутствие в числе акторов партий, отсутствие в подавляющем большинстве регионов в качестве самостоятельных акторов региональных средств массовой информации, практическое отсутствие в числе акторов неполитических общественных организаций⁵.

Специфика конфигурации внешних и внутренних акторов в различных регионах проявлялась в генезисе региональных электоральных процессов при участии внешних и внутренних акторов в Москве, Ленинграде, в областях и в Красноярском крае и их генезисе в российских республиках при участии только внутренних акторов⁶. При этом для республик более характерным было участие в качестве акторов со стороны гражданского общества национальных и демократических движений, а для областей – независимых кандидатов «левой» политической ориентации.

Характерной чертой генезиса региональных электоральных процессов во всех регионах была влиятельная роль правящих региональных элит и достаточно активное участие и влиятельная роль электората, заметная роль независимых кандидатов, а также заметная роль национальных и демократических движений и местного директората в отдельных регионах, достаточно сбалансированное соотношение по степени влияния государственных и гражданских, элитных и неэлитных акторов.

Специфика роли конкретных внутренних акторов в различных регионах заключалась: в более значимой роли гражданских акторов и менее влиятельной роли акторов со стороны государства в областях⁷ и в более влиятельной роли государственных акторов в лице правящих элит и лидеров и в менее значимой роли гражданских акторов в республиках⁸; в большей активности неэлитных кандидатов в областях (соотношение элитных и неэлитных кандидатов составило (1: 2,5) и меньшей активности неэлитных кандидатов в республиках (1:1,7), в более значимой роли неэлитных кандидатов в областях⁹ и менее значимой в республиках¹⁰; в большей активности и в более значимой роли в качестве актора в республиках региональных национальных и демократических движений и в меньшей активности и в менее значимой роли как актора демократических движений и в более заметной роли элитных групп «левой» ориентации в областях и в Красноярском крае.

Особенностью генезиса региональных электоральных процессов было его протекание в условиях формирующейся, недостаточно разработанной нормативно-правовой базы выборов, для которой во всех регионах был характерен переходный, ограниченно-демократический характер (ввиду допущения безальтернативных выборов). При этом в республиках нормативно-правовая база отличалась большей степенью ограничения демократизма, чем в областях и краях, вследствие наличия в

⁵ Представитель профсоюзов выдвигался в качестве кандидата только в Чувашии.

⁶ При участии в выборах президента Калмыкии в 1993 г. внешних и внутренних акторов. Но данные выборы были уже вторыми и их можно отнести к периоду развития регионального электорального процесса в Калмыкии.

⁷ Во всех областях действующие главы администраций проиграли выборы, в Красноярском крае главой администрации стал и. о. главы администрации.

⁸ В 5 республиках победили действующие руководители, в Чечне и в Мордовии победили представители общества, в Калмыкии и в Чувашии выборы не были результативными, в Челябинской области результаты выборов не были признаны законными.

⁹ Соотношение неэлитных и элитных кандидатов победителей выборов составило 1:1,67.

¹⁰ Соотношение неэлитных и элитных кандидатов победителей выборов, без учета Калмыкии (1991 г.) и Чувашии составило 1 : 2,3.

республиканских избирательных законах положений, нарушающих принцип справедливости выборов в части равенства условий для кандидатов.

Региональные электоральные процессы зарождались под воздействием новой конфигурации внешних и внутренних факторов данных процессов, для которой было характерным обновление и усложнение системы внешних факторов и расширение и обновление круга внутренних факторов по сравнению с выборами 1990 г.

Так круг внешних факторов региональных электоральных процессов в 1991—весной 1993 гг. включал: фактор российской исполнительной власти и ее политики по отношению к республикам, областям и краям, фактор политики Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР по вопросу выборов глав регионов, фактор развивавшегося в 1992—1993 гг. конфликта между президентом и Верховным Советом РСФСР, фактор внешней конкуренции. Круг внутренних факторов региональных электоральных процессов формировался из: фактора региональной власти; элитного фактора; фактора регионального гражданского общества в составе фактора интересов и деятельности региональных общественных движений, фактора активности независимых кандидатов (в том числе, директората местных предприятий) и фактора электорального выбора.

Генезис региональных электоральных процессов в 1991 - весной 1993 гг. проходил в различных регионах в условиях разной конфигурации и разной степени влияния внешних и внутренних факторов, при разном распределении по степени влиятельности внутренних факторов.

Особенностью генезиса было его осуществление во всех регионах при определяющем воздействии внутренних факторов и менее значимой роли внешних факторов в Москве, в Ленинграде, в российских областях и в Красноярском крае, а также при отсутствии внешних факторов и под влиянием исключительно внутренних факторов в российских республиках¹¹.

Специфика роли конкретных внутренних факторов в различных регионах состояла: в менее значимой роли фактора региональной власти по сравнению с факторами, связанными с региональным гражданским обществом и в более существенной роли элитного фактора во всех областях, а также в единичных республиках; в наиболее значимой роли фактора региональной власти и в менее значимой роли факторов, связанных с гражданским обществом, в другой части республик.

Особенностью генезиса региональных электоральных процессов во всех регионах был их формально беспартийный, но высоко политизированный характер, высокая степень дифференциации регионов в части уровня идеологизации, альтернативности, конкурентности, свободы и справедливости выборов глав регионов, разделение регионов на группы: с альтернативным/конкурентным, безальтернативным/неконкурентным и низко альтернативным/неконкурентным характером региональных электоральных процессов; департизированным, но высоко политизированным и идеологизированным/деидеологизированным характером региональных электоральных процессов; достаточно свободным, не управляемым/ограниченно управляемым, достаточно справедливым/не справедливым характером региональных электоральных процессов.

При этом для областей, Москвы и Ленинграда в большей мере был характерен высоко плюральный, альтернативный и конкурентный¹², высоко политизированный и идеологизированный, достаточно справедливый и достаточно свободный, неуправляемый характер региональных электоральных процессов. В то время как для большинства республик были характерны: меньший уровень плюрализации представленных на выборах различных политических позиций, альтернативный/конкурентный (в 4 республиках), безальтернативно/неконкурентный (в 2 республиках), низко альтернативный/неконкурентный (2), альтернативный/низко кон-

¹¹ Кроме Калмыкии в 1993 г.

¹² Разного уровня конкурентности.

курентный (2) характер региональных электоральных процессов; меньшая выраженность политизации и идеологизации региональных электоральных процессов вплоть до наличия выборов, деидеологизированных по своему характеру (Якутия, Калмыкия), утрата выборами в части республик справедливого характера в плане недемократичного характера некоторых формально-процедурных норм.

Особенностью модели региональных электоральных процессов в период генезиса была достаточно высокая роль выборов как механизма формирования региональной исполнительной власти с участием населения в большинстве регионов, проводивших выборы.

Тенденции эволюции «перестроечной» модели региональных электоральных процессов в ходе процесса генезиса региональных электоральных процессов постсоветского периода в различных регионах имели разные формы проявления и различную степень выраженности и, зачастую, в разных регионах имели разновекторную направленность, что с одной стороны, обуславливалось спецификой внутрирегиональных условий и, с другой стороны, отражало противоречивый, свободный, неуправляемый характер и естественный ход процесса генезиса региональных электоральных процессов в 1991–весной 1993 гг.

Диверсификация регионов в плане разнонаправленности тенденций, разной силы выраженности новых тенденций в различных регионах, разнообразия проявлений новых явлений в региональных электоральных процессах стала абсолютно новой особенностью региональных электоральных процессов в России и обуславливалась спецификой протекания политико-трансформационных процессов в различных регионах, особенностями внешних и внутренних региональных условий.

Переходный характер модели генезиса региональных электоральных процессов выражался: во включении в их содержание только одного вида выборов – выборов глав региональной исполнительной власти, в беспартийном характере региональных электоральных процессов ввиду нахождения партий в состоянии формирования и неразвитости партийных структур в регионах, в практическом отсутствии в числе акторов общественных организаций социальной направленности, в узости круга внешних акторов и факторов в областях и краях и в отсутствии их в российских республиках, в ограниченно демократическом характере выборов в большинстве регионов, в слабой институционализации гражданских акторов и в ограничении круга гражданских акторов в отдельных регионах одним электоратом. Также признаком переходности региональных электоральных процессов в 1991–весной 1993 г. было большое разнообразие конкретных моделей (типов) региональных электоральных процессов в различных регионах.

Причиной «переходности» постперестроечных моделей региональных электоральных процессов было их протекание в условиях трансформирующейся институциональной и социальной среды, как на уровне страны, так и в самих регионах, отсутствие полноценных гражданских институтов – политических партий, негосударственных средств массовой информации, частного бизнеса, переходный характер региональных политико-властных систем. При этом высокая внутриэлитная конфликтность, острая внутриэлитная конкуренция и активность общества обусловили достаточно свободный и конкурентный характер региональных электоральных процессов в большинстве регионов на этапе генезиса¹³.

Региональные электоральные процессы в период 1991 – весны 1993 гг. выполняли важнейшие системные функции в ходе функционирования региональных политических систем – функции легитимации, стабилизации, формирования политического курса.

Одной из самых важных функций электоральных процессов в 1991 –весной 1993 гг. была функция институционализации. В ходе выборов глав регионов 1991 –

¹³ Кроме выборов Президента Якутии, выборов Президента Республики Тыва и выборов Президента Чеченской Республики.

весны 1993 гг. в субъектах федерации начался процесс институционализации постсоветских региональных политико-властных систем. Выборы глав региональной исполнительной власти выступили важной предпосылкой начала конституционного процесса в регионах, что обуславливало высокую роль данных выборов в региональных политико-трансформационных процессах и в российском политико-трансформационном процессе.

FEATURES OF THE RUSSIAN REGIONAL ELECTORAL PROCESSES AT THE GENESIS STAGE

N. B. CHUVILINA

*Bashkir Academy of Public
Administration and
Management
under the President of the
Republic of Bashkortostan*

e-mail: bagsu.socis@mail.ru

Characteristics of model of electoral processes in the Russian regions in 1991-spring 1993 regarding actors, factors, character and a role of elections as mechanism of formation of the regional power are allocated. Specificity of regional electoral processes in subjects of federation of various types is designated.

Key words: regionalistics, regional electoral processes in modern Russia.

УДК 32.019.5: 342.25 (470+571)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

А. М. МАКСИМОВ

*Поморский государственный
университет
им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск*

e-mail: am15nov@yandex.ru

Автор исследует проблему изменений, происходящих в пространстве политической коммуникации российских регионов под влиянием институциональной трансформации политической системы России в 2000-е годы. Анализ регионального пространства политической коммуникации позволяет выявить его структуру, определить качественный состав его основных субъектов, их позиции по отношению друг к другу и ведущие информационно-коммуникативные потребности. Утверждается, что трансформация политических институтов, наблюдаемая в России в начале XXI века, является основным фактором изменений в политико-коммуникативных стратегиях и практиках региональных акторов. На примере отдельных акторов в общих чертах раскрывается механизм воздействия институциональной структуры политической системы российского общества на динамику политико-коммуникативных отношений в регионах.

Ключевые слова: политическая коммуникация, региональная власть, политическая система, политические институты, политическая трансформация.

В современной политической науке публично-властные отношения все чаще рассматриваются сквозь призму коммуникативного подхода. Как известно, ключевым аспектом коммуникации является взаимный обмен информацией между участвующими в ней сторонами. В сфере же политики информация в настоящее время представляет собой один из важнейших видов стратегических ресурсов, широко используемый различными акторами для закрепления или переопределения своих политических статусов.

Вместе с тем, коммуникативные процессы в политике не являются чем-то самодостаточным и автономным, а тесным образом связаны с состоянием институциональной структуры политической системы конкретного общества. Это обстоятельство подводит нас к проблеме взаимосвязи между характером политических институтов и доминирующими формами политической коммуникации.

Из указанной проблемы следует вопрос о том, каким образом результаты институциональных преобразований в политической системе страны сказываются на специфике политической коммуникации. Для России этот вопрос является весьма актуальным, поскольку в настоящее время дают о себе знать последствия тех политических изменений, которые имели место на протяжении первого десятилетия XXI века.

Для адекватного ответа на поставленный выше вопрос необходимо системное изучение публичных коммуникаций основных политических акторов. Взятые в своей совокупности, они образуют целостную многоуровневую систему. Вслед за В. В. Силкиным, в нашей работе мы будем именовать такую систему пространством политической коммуникации¹.

Преимущество описания политической коммуникации в пространственных категориях заключается в том, что такой подход позволяет исследовать динамические процессы в политико-коммуникативной сфере в их связи с изменениями во внешней среде², в

¹ Силкин В. В. Влияние пространства политической коммуникации на процессы модернизации государственного управления: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2006. С. 31.

² По отношению к пространству политической коммуникации внешняя среда представляет собой многообразие элементов политической и социальной систем, для которых коммуникация выступает

том числе раскрыть взаимозависимость между трансформацией политических институтов и сменой форм коммуникативных практик отдельных акторов.

Взаимосвязь наиболее значительных институциональных изменений, произошедших в российской политической системе в 2000-е годы, и коммуникативных практик политических акторов, действующих на федеральном уровне публично-властных отношений, в общих чертах исследована в работах М. Н. Грачева, А. Г. Киселева, С. В. Коновченко, В. И. Кравченко, В. В. Силкина, А. В. Шевченко, С. А. Шомовой³. В данной же статье предпринята попытка осветить региональный аспект обозначенной проблемы, предварительно обрисовав контуры теоретико-методологической схемы, к которой обращается автор.

Пространство политической коммуникации – сложноорганизованная система, обладающая гетерогенной структурой. Оно состоит из множества элементов, относящихся к различным типам. В структуре пространства политической коммуникации В. В. Силкин выделяет следующие комплексы элементов⁴: 1) субъекты коммуникации; 2) информация (ее содержательные аспекты); 3) политико-коммуникативные процессы и отношения; 4) система политико-коммуникативного управления; 5) политическая культура.

Важнейшим из указанных комплексов является комплекс субъектов политической коммуникации. В обоснование этого можно привести несколько соображений. Во-первых, именно субъекты коммуникации в силу наличия у них определенных потребностей, удовлетворение которых возможно лишь при условии участия в социальном взаимодействии, инициируют и поддерживают информационно-коммуникативные процессы и отношения. Во-вторых, только субъекты коммуникации могут являться источником осмысленной информации, а также ее реципиентом – участие субъектов коммуникации необходимо как на стадии производства и кодирования информации, так и на этапе восприятия и интерпретации. Таким образом, субъекты политической коммуникации, их потребности, интересы и цели – первичное и необходимое условие возникновения, сохранения и развития пространства политической коммуникации

Состав субъектов политической коммуникации весьма разнообразен. В него могут быть включены как политические акторы в полном значении этого термина, так и индивиды, группы и организации, которые участвуют или вовлекаются в политические процессы и отношения, не являясь при этом частью политической системы.

Опираясь на классификацию, предложенную А. И. Соловьевым⁵, субъектную составляющую политико-коммуникативного пространства региона можно дифференцировать следующим образом⁶: 1) региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления; 2) региональные отделения политических пар-

в качестве механизма, обеспечивающего их функциональное взаимодействие (например, между федеральным центром и региональными элитами, политическими партиями и электоратом). В настоящей статье речь идет преимущественно о тех элементах, которые связаны с политическими институтами.

³ Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004; Коновченко С. В., Киселев А. Г. Информационная политика в России. Монография. М., 2004.; Кравченко В. И. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия в информационном обществе. СПб., 2003; Силкин В. В. Влияние пространства политической коммуникации на процессы модернизации государственного управления: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2006; Шевченко А. В. Информационная устойчивость политической системы: Монография. М., 2004; Шомова С. А. Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы. М., 2004.

⁴ Силкин В. В. Влияние пространства политической коммуникации на процессы модернизации государственного управления: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2006. С. 104.

⁵ Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. №3. С. 13-14.

⁶ В структурировании пространства политической коммуникации кроме собственно региональных акторов участвуют также акторы, которых можно обозначить как «внешние». К ним относятся территориальные органы федеральных ведомств, региональные подразделения корпораций общероссийского уровня, центральные СМИ. Однако в представленный перечень они не включены, поскольку рассматриваются нами как факторы внешней среды.

тий, региональные общественно-политические организации и движения; 3) региональные бизнес-структуры; 4) региональные средства массовой информации; 5) различного рода некоммерческие общественные объединения – так называемый «третий сектор».

Обратимся к общей характеристике указанных субъектов политической коммуникации. С этой целью определим позицию каждого из них в структуре политико-коммуникативного пространства региона и выявим их основные информационно-коммуникативные потребности.

В отношении региональных органов государственной власти (далее – региональная власть) можно утверждать, что они являются своеобразным «ядром» пространства политической коммуникации⁷. Это связано с их особым статусом и функциями в политической системе региона. Во-первых, региональная власть является системообразующим компонентом политических отношений в регионе. Во-вторых, региональная власть претендует на роль единственного легитимного представителя интересов населения региона в целом. В-третьих, региональная власть имеет в своем распоряжении средства нормативно-правового и административного воздействия, позволяющие ей перераспределять ресурсы (в том числе и информационные) между другими акторами. В-четвертых, поскольку региональная власть стремится сохранить за собой свой статус в региональной политической системе, постольку ей необходимо отслеживать все информационные потоки в регионе и вступать в коммуникации с как можно большим числом других акторов.

Информационно-коммуникативные потребности региональной власти весьма разнообразны. В качестве основных отметим следующие: 1) сбор максимально полной информации о тенденциях социально-экономического, общественно-политического и культурного развития региона с целью повышения эффективности государственного управления; 2) создание и распространение информационных сообщений о собственной деятельности; 3) регулирование информационных потоков с целью упорядочения публичных коммуникаций и стабилизации структуры политико-коммуникативного пространства региона; 4) формирование позитивного имиджа региональной власти и благоприятного по отношению к ней общественного мнения; 5) согласование деятельности региональной власти с деятельностью иных значимых акторов.

Наряду с органами государственной власти в качестве одного из основных субъектов политической коммуникации традиционно выступают политические партии и движения. Их деятельность направлена на формирование устойчивых взаимоотношений как с организованной общественностью и населением, так и с государственными структурами. Таким образом, политические партии и движения занимают позицию посредника в системе коммуникативных отношений между гражданами и государством.

Следует отметить, что российскую партийную систему с момента ее формирования и вплоть до настоящего момента отличает крайне неравномерное распределение финансовых, кадровых, информационных и иных ресурсов и, как следствие, неравенство шансов на победу в предвыборной борьбе. Этим фактором определяются различия в позиции отдельных политических партий в структуре пространстве политической коммуникации.

Функциональная ориентация политических партий как организаций, представляющих в агрегированном виде интересы определенных социальных слоев и нацеленных на легальное участие в политической конкуренции, предопределяет круг их основных информационно-коммуникативных потребностей. Среди них: 1) мониторинг социально-экономического и общественно-политического состояния региона с целью выработки оптимальной стратегии политической борьбы; 2) укрепление взаимоотношений со сторонниками, увеличение их численности; 3) публичная арти-

⁷ Тамицкий А. М. Региональная власть как актор информационной политики // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2006. №8. С. 259.

куляция определенных политических идей и партийных программ; 4) формирование благоприятного общественного мнения и конструирование имиджей политических партий и партийных лидеров; 5) мобилизация электоральной поддержки в период избирательных кампаний.

Особую нишу в пространстве политической коммуникации региона занимают коммерческие организации. Основная доля публичных коммуникаций предпринимательских структур направлена на потенциальных потребителей, инвесторов, партнеров и конкурентов, иными словами приходится на рыночные коммуникации. Политическая коммуникация имеет для частного бизнеса второстепенное значение, но при этом объективно выполняет важную функцию в региональной политической системе: коммуникации коммерческих организаций с региональными политическими акторами ведут к выстраиванию таких взаимоотношений между ними, в результате которых происходит обмен экономических ресурсов первых на политическую поддержку вторых⁸.

Таким образом, информационно-коммуникативные потребности частного бизнеса в политической сфере сосредоточены вокруг обеспечения наиболее благоприятных политико-административных условий для своей коммерческой деятельности. Достижимый в процессе политической коммуникации результат в данном случае может рассматриваться как специфическое конкурентное преимущество тех или иных компаний.

«Третий сектор» как субъект политической коммуникации представлен разнообразными некоммерческими организациями, общественными и религиозными объединениями, профессиональными союзами, благотворительными фондами и другими формами гражданской самоорганизации.

Описывая современное состояние «третьего сектора» в России, Ю. В. Ирхин отмечает следующие его характерные черты: фрагментарность; низкий уровень интеграции; слабость социальной основы; отсутствие согласия относительно главных ценностей; недостаточная структурированность интересов; общественно-политическая пассивность граждан; неэффективность воздействия общественных объединений на деятельность государственной власти⁹. То же самое наблюдается и на региональном уровне¹⁰.

Учитывая незавершенность процесса формирования российского гражданского общества можно констатировать, что некоммерческие объединения (НКО), будучи ограничены в своих ресурсах, оказываются на периферии пространства политической коммуникации. Вместе с тем, проблемы, возникающие в деятельности «третьего сектора» в регионах, являются мощным стимулом к росту политико-коммуникативной активности общественных организаций. Так, например, дефицит экономических ресурсов у отечественных НКО ведет к интенсификации коммуникативного взаимодействия между ними и региональной властью, которая в данном случае рассматривается как потенциальный спонсор, необходимый для финансирования социальных и культурных проектов.

Средства массовой информации в системе политических отношений выступают в двояком качестве: как совокупность каналов трансляции политической информации и как самостоятельный субъект политической коммуникации. Двойственным характером функционирования СМИ обусловлена неоднозначность их позиции в пространстве политической коммуникации региона. С одной стороны, они представляют собой важнейший элемент информационно-коммуникационной инфраструктуры и, как следствие, используются другими акторами в качестве инструментов поли-

⁸ Лысенко В. Взаимодействие власти и бизнеса в регионах: российская версия // Федерализм. 2002. №4. С. 74.

⁹ Ирхин Ю. В. Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С. 11-12.

¹⁰ Белокурова Е. Модели взаимодействия Третьего сектора с региональными органами власти в России // Гражданское общество: Первые шаги / Под ред. А. Сунгурова. СПб., 1999. С. 245.

тической коммуникации. С другой стороны, СМИ обладают в своей коммуникативной деятельности относительной автономией и имеют собственные политические интересы.

В условиях относительной стабильности пространства политической коммуникации структурные позиции рассмотренных нами субъектов остаются в целом неизменными, а их информационно-коммуникативные потребности, являются инвариантными, поскольку определяются сущностными характеристиками самих субъектов. Однако же коммуникативные стратегии и практики, ориентированные на удовлетворение обозначенных потребностей, в значительной мере зависят от колебаний состояния внешней среды. Неустойчивость ее состояния связана с множеством факторов, например, с перераспределением ресурсов между акторами или институциональными изменениями в политической системе как отдельного региона, так и страны в целом. В последнем случае, если изменения достаточно глубоки и при этом труднообратимы, то есть имеют характер трансформации, возможна не только смена коммуникативных стратегий и практик, но и реструктуризация самого пространства политической коммуникации.

Подобного рода трансформация институциональной структуры политической системы наблюдается в России с начала 2000-х. В эти годы происходит несколько взаимосвязанных процессов: во-первых, существенное по сравнению с предшествующим периодом укрепление позиций федерального центра во взаимоотношениях с регионами¹¹; во-вторых, общее усиление государства как политического актора, что стало возможным благодаря формированию единой вертикали исполнительной власти¹²; в-третьих, нарастание в российской политической системе авторитарных тенденций¹³. Указанные процессы ведут к изменению условий, в которых флуктуирует пространство политической коммуникации, и становятся, таким образом, предпосылками качественных изменений в коммуникативных практиках отдельных акторов.

Одним из важнейших факторов, воздействующих на политико-коммуникативное пространство региона, выступают федеративные отношения. Среди основных итогов реформирования этих отношений в начале XXI века стала замена прямых выборов глав субъектов РФ косвенными при ключевой роли в этом процессе президента страны¹⁴. Это позволило встроить региональные властные структуры в единую вертикально интегрированную систему государственного управления. В результате интенсифицировались процессы интеграции публичных коммуникаций на разных уровнях государственной власти, что было связано с целенаправленными усилиями федерального центра по унификации государственной информационной политики¹⁵. Как следствие, происходит постепенная переориентация коммуникативных стратегий руководства регионов на интересы федеральной власти.

В пространстве политической коммуникации субъектов РФ центральная позиция региональной власти по-прежнему сохраняется, но ее политико-коммуникативные практики перестают определяться исключительно собственными потребностями. Репрезентация, интерпретация и оценка политических событий, решений и действий руководства страны, содержащаяся в информационных сообщениях федеральных органов, становятся ориентирами для региональной власти. Кро-

¹¹ Маклашова Е. Г. Властное пространство федеративной России: региональное развитие и интересы федеральной власти // Региональные проблемы. 2009. №12. С. 87.

¹² Холодковский К. Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. №2. С. 11.

¹³ Там же. С. 9-12.

¹⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Федеральный закон от 11 декабря 2004 № 159-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 50. Ст. 4950.

¹⁵ Кушнарев Ф. Ю. Информационная политика современной России в условиях модернизации политической системы: дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2005. С. 127-128.

ме того, меняется характер организуемых региональными органами мероприятий по взаимодействию с общественностью. Отныне эти мероприятия являются не просто отдельными PR-акциями регионального значения, но становятся органичной частью общегосударственной политико-коммуникативной стратегии российской власти.

В партийной системе страны также произошли существенные изменения. В частности, впервые в постсоветской России появилась политическая партия, которая объективно может претендовать на статус доминирующей. Одновременно посредством законодательных мер были созданы условия для резкого сокращения общего числа политических партий. Следствием этого на региональном уровне стало с одной стороны повышение упорядоченности партийных коммуникаций с региональной властью и общественностью, а с другой – крайняя асимметричность позиций доминирующей партии «Единая Россия» и оппозиционных партий.

Закономерный результат перестройки партийной системы – интенсификация коммуникаций всех сколько-нибудь значимых региональных акторов с соответствующими структурами доминирующей партии. Наиболее явно это проявляется во взаимоотношениях региональных органов власти с отделениями «Единой России» в субъектах РФ, что даже дало повод некоторым исследователям утверждать об этатизации «Единой России»¹⁶. Это, впрочем, не означает переплетения государственных и партийных структур, а скорее свидетельствует о попытках усилить позиции партии в отношениях с бюрократией.

Стремление руководства «Единой России» играть более весомую роль в региональной политике указывает на желание федеральной власти усилить свой контроль над региональными политическими элитами через еще один мощный канал влияния. Таким образом, трансформация партийной системы в России, так же как и реформирование федеративных отношений, является средством консолидации политической элиты в центре и регионах.

Характерным является и открыто выражаемое стремление частного бизнеса установить тесные взаимоотношения со структурами доминирующей партии¹⁷. Поскольку лица, замещающие важнейшие должности в региональных администрациях, как правило, имеют членство в «Единой России», организация эффективных коммуникаций с этой партией рассматривается деловыми кругами как один из действенных инструментов лоббирования своих экономических интересов.

Что же касается состояния «третьего сектора» в регионах, то трансформационные процессы в политической системе страны в целом оказали на него незначительное влияние. Региональные НКО как и в предшествующие годы остаются малочисленными, не обладают достаточными ресурсами, чтобы поддерживать свою автономность по отношению к иным акторам, а их взаимодействие с органами государственной власти носит явно асимметричный характер. Показательны в связи с этим данные опроса, проведенного в 2007 году Фондом «Общественное мнение». На вопрос «знаете ли Вы, что-то слышали или ничего не знаете о работе некоммерческих организаций в вашем регионе (области, крае, республике)?» 67% опрошенных ответили отрицательно¹⁸.

Общественные объединения, действующие в регионах, по-прежнему сталкиваются с целым комплексом проблем: недостаток финансирования, квалифицированных кадров, а также острый дефицит информационных ресурсов, в том числе ограниченность доступа к СМИ. Серьезным препятствием для развития «третьего сектора» является невысокая степень интеграции и слабость горизонтальных связей. Все

¹⁶ Перегудов С. П. Политическая система России после выборов 2007-2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации (Часть 1) // Полис. 2009. №2. С. 30-31.

¹⁷ Перегудов С. П. Политическая система России после выборов 2007-2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации (Часть 2) // Полис. 2009. №3. С. 146.

¹⁸ Некоммерческие организации: осведомленность и отношение. Опрос населения // База данных Фонда «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/socium/notcomm/do74324>

это вынуждает региональные НКО решать задачи по налаживанию взаимодействия с теми акторами, которые потенциально могли бы оказать помощь в устранении указанных проблем.

В каждом конкретном случае степень успешности коммуникативной деятельности региональных общественных объединений различна. Вместе с тем, необходимо отметить, что в рассматриваемый период наблюдается стремление со стороны государства к расширению и одновременно с этим упорядочению и унификации взаимодействия со структурами некоммерческого сектора. Данный тренд проявился в создании Общественной палаты Российской Федерации и почти повсеместном учреждении региональных общественных палат, активном участии представителей государственной власти в Общероссийских Гражданских форумах, повышении роли связей с общественностью в деятельности региональных органов власти. Данный вектор в коммуникативной стратегии государства, на наш взгляд, обусловлен потребностью правящей элиты в эффективных средствах легитимации собственной власти и мобилизации общественной поддержки.

Специфика взаимоотношений государственных органов и общественных объединений в конце 2000-х характеризуется активным встраиванием последних во «властную вертикаль»¹⁹. Интенсивность коммуникаций в системе «государство – гражданское общество» при сохранении невысокого уровня консолидации некоммерческого сектора ведет к тому, что общественные объединения постепенно утрачивают свою самостоятельность, превращаясь из партнеров государственной власти в средство управления общественным мнением.

Еще одним важным следствием трансформации российской политической системы стало переформатирование отношений средств массовой информации с государственной властью, выразившееся в повышении степени государственного контроля над ключевыми российскими СМИ. Первоначально это было продиктовано стремлением руководства страны решить вполне конкретные задачи: 1) увеличить объем информационных ресурсов, чтобы с их помощью успешно противостоять в «информационной войне» политически активным представителям крупного бизнеса; 2) с помощью медиатехнологий сконструировать и внедрить в массовое сознание позитивно окрашенные образы нового главы государства, что должно было придать легитимность его действиям по преобразованию политической системы²⁰. В последние годы мобилизация властью ресурсов массмедиа осуществляется в основном тогда, когда возникает необходимость информационного сопровождения правительственных мероприятий, которые могут вызвать негативную реакцию определенных социальных слоев. В остальное время подконтрольные властям средства массовой информации осуществляют трансляцию официального дискурса с характерными для него идеями внутренней стабильности и растущего влияния России в международных отношениях.

В субъектах РФ складывается аналогичная ситуация: новые принципы взаимоотношений СМИ и государственной власти, оформившиеся на федеральном уровне, переносятся в регионы, незначительно модифицируясь в соответствии с их социально-политической спецификой. И если в начале 2000-х годов еще наблюдается определенная дифференциация моделей взаимодействия региональной власти и средств массовой информации²¹, то к концу десятилетия четко обозначилась тенденция к унификации этих моделей на базе патерналистских отношений между региональной властью и СМИ. Таким образом, складываются предпосылки для утраты ре-

¹⁹ Перегудов С. П. Политическая система России после выборов 2007-2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации (Часть 2) // Полис. 2009. №3. С. 153.

²⁰ Засурский И. И. СМИ и власть. Россия девяностых // Средства массовой информации России / М. И. Алексеева [и др.]; под ред. Я.Н. Засурского. М., 2008. С. 108.

²¹ Подробнее см.: Общественная экспертиза: Анатомия свободы слова / Ред. И. Яковенко. М., 2000.

гиональными средствами массовой информации своей субъектности в пространстве политической коммуникации и превращении их в технический инструмент артикуляции дискурсов наиболее сильных региональных акторов.

Оценивая характер и масштабы влияния институциональной трансформации российской политической системы на структуру пространства политической коммуникации регионов и реализуемые в его границах коммуникативные практики, необходимо подчеркнуть два основных момента. Во-первых, в наибольшей степени изменения в политических институтах отражаются на политико-коммуникативной деятельности тех акторов, которые локализованы в «ядре» пространства политической коммуникации региона. Прежде всего, речь идет о региональных органах государственной власти, испытывающих на себе непосредственное воздействие результатов политических преобразований на высшем уровне. Во-вторых, переопределение структурных позиций в пространстве политической коммуникации региона затрагивает преимущественно тех субъектов, которые локализуются на его периферии. Это относится к акторам, занимавшим данные позиции на предыдущем этапе (некоммерческие объединения, позиция которых в целом улучшается в связи с усилением взаимодействия со структурами государственной власти), а также к тем, которые подверглись маргинализации (некоторые политические партии, которые утратили свой прежний юридический статус²², и организации, представляющие так называемую несистемную оппозицию). Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что результаты трансформации политической системы страны оказывают значительное влияние на состояние пространства политической коммуникации в российских регионах, хотя это влияние и проявляется в неодинаковой мере в отношении региональных акторов различного типа.

REGIONAL POLITICAL COMMUNICATIONS UNDER THE RUSSIAN POLITICAL SYSTEM'S TRANSFORMATION

A. M. MAXIMOV

*M.V. Lomonosov Pomor
State University, Arkhangelsk*

e-mail: amm15nov@yandex.ru

The author researches the problem of the changes in the political communication space of Russian regions occurring under the Russian political system's institutional transformation in 2000s. The analysis of regional political communication space allows of detecting its structure, defining its general subjects' qualitative composition, their relative positions and main information and communication needs. The author claims that the transformation of the political institutes observed in Russia at the beginning of XXI century is the main factor of the changes in regional actors' political and communicative strategies and practices. The author shows generally by single actors' example the mechanism of the Russian society's political system's institutional structure's influence on the political communicative relations' dynamics in regions.

Key words: political communication, regional authority, political system, political institutes, transformation.

²² См.: О политических партиях: Федеральный закон от 11 июля 2001 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

УДК 323.213; 342.571 (470.325)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

И.Н. ГУКОВА*Белгородский
государственный
университет**e-mail: gukova_i@bsu.edu.ru*

В статье показана роль Общественной палаты Белгородской области в согласовании интересов граждан и органов власти, в решении социально-экономических проблем, проблем безопасности, защиты интересов гражданского общества в регионе.

Ключевые слова: Общественная палата Российской Федерации, Общественная палата Белгородской области, гражданское общество, гражданские инициативы, гражданский контроль.

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о росте числа и объема деятельности структур гражданского общества, складывающихся в России, создании властью условий для их свободного самостоятельного развития, и формировании гражданственного сознания свободного человека¹.

На современном этапе необходима выработка механизмов равноправного партнерства между обществом и государством на федеральном и региональном уровнях, включая такие формы как гражданский контроль над деятельностью властных структур, гражданскую экспертизу законодательства, участие граждан в выработке стратегически важных решений. Для этого необходимо выявить каналы влияния граждан на власть. Одним из таких каналов является новый институт гражданского общества – Общественная палата РФ, а также создаваемые общественные палаты в регионах.

В современном виде Общественная палата – новое явление в политической жизни России. Инициатором создания Общественной палаты РФ стал В.В. Путин. Идея создания подобного института была озвучена им на расширенном заседании правительства РФ в сентябре 2004 г. после трагических событий в Беслане. Президент РФ тогда заявил: «Считаю продуманной идею образования Общественной палаты как площадки для широкого диалога, где могли бы быть представлены и подробно обсуждены гражданские инициативы, и, что не менее важно, такая палата должна стать местом проведения общественной экспертизы тех ключевых государственных решений и, прежде всего, законопроектов, которые касаются перспектив развития всей страны, которые имеют общенациональное значение»². Законопроект «Об Общественной палате Российской Федерации» был принят в трех чтениях Государственной Думой и подписан Президентом 4 апреля 2005 г.³

Согласно Федеральному закону, главной целью Общественной палаты является обеспечение согласования общественно значимых интересов граждан и государственных органов для решения наиболее важных экономических и социальных вопросов, вопросов в сфере безопасности, а также защиты демократических принципов организации гражданского общества⁴.

Идея Общественной палаты вызвала интерес не только в федеральном центре, но и в регионах. Именно здесь представители негосударственного сектора инициировали процесс формирования местных Общественных палат. Уже в 2007 г. в России

¹ См.: Гнусарева Ю.А. Общественная палата России в системе гражданского общества // Власть. 2009. № 10. С. 28.

² См.: Выступление Президента В.В. Путина на расширенном заседании Правительства РФ 13 сентября 2004 г. // Российская газета. 2005. 14 сентября.

³ См.: Федеральный закон «Об Общественной палате РФ» // Российская газета. 2005. 7 апреля.

⁴ См.: Новые законы и нормативные акты. Приложение к Российской газете. 2005. №18. С. 24.

насчитывалось 33 региональные общественные палаты, в их числе общественные палаты Орловской, Нижегородской, Пензенской, Калининградской, Ульяновской областей. По данным ежегодного Доклада Общественной палаты РФ «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» к концу 2010 г. общественные палаты были созданы уже в 3/4 субъектах РФ⁵. Тематика обращений в региональные общественные палаты различна. Вопросы, с которыми обращаются граждане, касаются сферы ЖКХ, медицинской помощи, прав ребенка и семьи, нарушений прав в местах принудительного содержания, политических прав (при регистрации НКО, проведении митингов и т.д.), нарушении прав при судопроизводстве и др.⁶

Общественная палата Белгородской области в впервые возникла в 1995 г., сначала при главе администрации Белгородской области, затем – при губернаторе. В новом качестве Общественная палата Белгородской области начала свою работу в 2008 г., когда был принят закон «Об Общественной палате Белгородской области» (от 21 июля 2008 г. №226). Закон устанавливает, что палата обеспечивает согласование общественно значимых интересов граждан, общественных объединений, органов государственной власти Белгородской области и органов местного управления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности, защиты прав и свобод граждан, демократических принципов развития гражданского общества. Реализация этой цели осуществляется:

- путем привлечения граждан и общественных объединений к реализации федеральной и региональной политики в области выдвижения и поддержки гражданских инициатив, имеющих региональное значение и направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан;
- через проведение общественной экспертизы проектов федеральных законов по предметам совместного ведения РФ, проектов законов Белгородской области, проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти Белгородской области и проектов правовых актов органов местного самоуправления;
- через осуществление общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти, выработку рекомендаций органам государственной власти при определении приоритетов в области государственной поддержки общественных объединений, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества⁷.

Главной задачей Общественной палаты области является обеспечение баланса интересов между властью и жителями области для решения стратегических вопросов экономического и социального развития, улучшения качества жизни населения региона, налаживании четкого взаимодействия между общественными и государственными структурами, при концентрации внимания на муниципальных властях, находящихся в непосредственной близости к гражданам⁸.

Таким образом, появление Общественной палаты Белгородской области – это появление нового канала взаимодействия граждан региона и их объединений с органами государственной власти, в том числе сформированными самими гражданами, который усиливает гражданский контроль над институтами политической власти и обратную связь между населением и государством.

Закон «Об Общественной палате Белгородской области» определяет основные правовые и организационные рамки формирования и деятельности палаты. В соответствии с законом, Общественная палата Белгородской области формируется из

⁵ См.: Доклад Общественной палаты о состоянии гражданского общества в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.oprf.ru/rus/dokumens/report

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Закон Белгородской области «Об Общественной палате Белгородской области» от 21 июля 2008 г. №226 // Справочник Общественной палаты Белгородской области. Белгород. 2009. С. 2-3.

⁸ См.: Никитский А.Е. Не должно быть важных и неважных проблем // Гражданское общество. Информационный бюллетень Общественной палаты Белгородской области. 2009. Июнь. № 1. С. 5.

22 граждан, утверждаемых губернатором, и 22 представителей структурных подразделений межрегиональных, региональных и местных общественных объединений, прошедших отбор на конкурсной основе. Кандидаты, предложенные губернатором по результатам проведенных консультаций (с общественными объединениями, НКО, высшими учебными заведениями, творческими союзами) отбираются из видных представителей общественности области: ученых, деятелей культуры и искусства, представителей деловых кругов, религиозных конфессий. Предполагается, что подобная процедура должна обеспечить палате определенное доверие со стороны граждан. Следующие 22 представителя палаты от межрегиональных, региональных и местных общественных объединений (по одному представителю от общественного объединения) избираются путем рейтингового голосования членами Общественной палаты, уже утвержденными губернатором области.

Согласно закону, кандидатом в члены региональной Общественной палаты могут стать представители общественных объединений, зарегистрированных не менее чем за год до дня истечения срока полномочий членов палаты действующего состава. Не допускаются к выдвижению кандидатов политические партии и объединения, которым в соответствии с ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁹ вынесено предупреждение о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, а также незарегистрированные на территории Белгородской области общественные объединения и организации.

Очевидно, что порядок формирования палаты достаточно демократичен, однако отсутствие в законе критериев привлечения граждан и общественных объединений к участию в работе палаты ставит ее формирование в зависимость от отдельных лиц. Появляются и опасения, что та часть, которая назначается губернатором, будет во всем послушна региональной власти. На наш взгляд, для более объективного воплощения идеи народного представительства необходимо установить определенные цензы для граждан (профессиональный, личностный) и для организаций (количественный, наличие цели деятельности). Количественный критерий для общественных объединений станет гарантией того, что они представляют достаточно широкие слои населения и в составе палаты будут представлены интересы значительной части граждан региона.

Общественная палата Белгородской области состоит из совета Общественной палаты, председателя, секретаря и 6 комиссий - по вопросам экономического развития, предпринимательства и малого бизнеса; по вопросам здравоохранения, социальной и демографической политики; по вопросам образования, науки, культуры, духовно-нравственного и физического воспитания; по вопросам развития гражданского общества, соблюдения законности и прав человека; по вопросам информационной политики и развитию массовых коммуникаций; по регламенту и этике. В составе комиссий могут организовываться рабочие группы из представителей общественных и гражданских объединений, не вошедших в состав палаты. Основными формами работы Общественной палаты Белгородской области являются пленарные заседания Общественной палаты, заседания совета Общественной палаты, комиссий и рабочих групп.

Общественная палата уполномочена проводить слушания по общественно важным проблемам, давать заключения о нарушениях законодательства РФ органами государственной власти Белгородской области и органами местного самоуправления, направлять указанные заключения в компетентные государственные органы, приглашать руководителей органов государственной власти и местного самоуправления на пленарные заседания палаты, направлять членов Общественной палаты для участия в работе комитетов и комиссий Белгородской областной Думы, а также в заседаниях органов исполнительной власти области.

⁹ См.: ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002г №114-ФЗ.

Наконец, новому общественному органу впервые за длительный пореформенный период предоставлено право экспертизы законопроектов, находящихся в стадии принятия в законодательных органах. Общественная палата Белгородской области проводит общественную экспертизу проектов законов, затрагивающих вопросы государственной и социальной политики, конституционных прав граждан в области социального обеспечения, обеспечения общественной безопасности и правопорядка. Заключение Общественной палаты по результатам общественной экспертизы проектов законов направляются в Белгородскую областную думу, органы исполнительной власти области и органы местного самоуправления. Все это дает возможность сделать процедуру принятия законов более прозрачной для населения, и оценить их с точки зрения социальной справедливости. Решения Общественной палаты принимаются в форме заключений, предложений и обращений, однако, все они носят рекомендательный характер (как и в случае с Общественной палатой РФ), хотя и подлежат обязательному рассмотрению на заседаниях Белгородской областной думы, правительства области и органов местного самоуправления.

Таким образом, широкий спектр полномочий палаты ориентирует ее на активную деятельность, продвигающую социально значимые политические решения, корректирующую работу государственной власти. Однако значимость этих возможностей, во многом, снижается при отсутствии реальных средств для обеспечения выполнения принятых палатой решений.

Рассмотрев закон «Об Общественной палате Белгородской области» можно утверждать, что созданная структура – независимый общественный институт, приоритетной задачей которого является аккумуляция и обобщение общественных предложений, которые будут направляться на рассмотрение губернатора. Также одной из важных функций областной Общественной палаты является работа по укреплению позиций гражданского общества в регионе. В связи с этим Общественная палата обязана ежегодно через региональные органы печати предоставлять доклад о состоянии гражданского общества в Белгородской области.

На сегодняшний день Общественная палата Белгородской области имеет более чем двухлетний опыт работы. За это время сделан определенный вклад в формирование гражданского общества в регионе. Совместно с аппаратом Белгородской областной Думы определен порядок проведения общественной экспертизы проектов законов и нормативных правовых актов области, совместно с правлением Белгородской областной организации «Знание» разработан комплексный план правового просвещения жителей региона, подготовлено более 60 отзывов-предложений по кандидатурам, включенным в резерв управленческих кадров Белгородской области. В перспективе планируется введение представителя палаты в состав экспертной комиссии, которая проводит оценку региональных нормативно-правовых актов. Общественной палатой разработана программа по противодействию коррупции в области, в рамках борьбы с экономической преступностью по инициативе палаты создана региональная общественная организация – Белгородский областной фонд поддержки малого предпринимательства, в каждом районе созданы клубы предпринимателей. В рамках этой программы по противодействию коррупции разработана горячая линия, проводятся обучающие семинары, повышающие уровень экономической грамотности представителей малого бизнеса. Совместно с общественными организациями ученых, преподавателей вузов и педагогических работников проведены заседания по противодействию коррупции в образовательных учреждениях.

В сфере работы с молодежью подготовлена и представлена концепция молодежного движения Центрального федерального округа «Друзья закона», совместно с общественными научными сообществами Белгородской области, Центром молодежных инициатив, Белгородским технологическим университетом и Фондом поддержки предпринимательства проведена конференция «Формирование инновационной активности молодежи Белгородчины», по итогам которой разработаны предложения по созданию портального салона инновационного творчества молодежи. С целью

повышения уровня жизни сельской молодежи внесены предложения о формировании сельских молодежных жилищно-производственных комплексов. Совместно с Молодежным правительством Белгородской области выработана «Стратегия повышения качества жизни молодежи Белгородчины». Общественная палата стала инициатором донорского движения в среде студентов, аспирантов и молодых ученых, отстаивала права почетных доноров на бесплатный проезд во всех видах транспорта, скидку на коммунальные услуги и лекарства. Общественной палатой было внесено предложение по введению на территории области звания «Заслуженный донор Белгородской области» с ежегодной выплатой 6 тыс. рублей из регионального бюджета.

С 2009 г. в области осуществляется общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. Представители Общественной палаты введены в состав комиссии по вопросам регистрации и контролю деятельности общественных, религиозных организаций и политических партий Управления Министерства юстиции РФ по Белгородской области.

Общественная палата Белгородской области участвовала в избирательной кампании в Белгородскую областную Думу пятого созыва. Советом Общественной палаты в региональных СМИ было опубликовано обращение к белгородцам и жителям области с призывом проявить гражданскую активность и прийти на избирательные участки. От Общественной палаты в день голосования на избирательных участках работало около 12 тысяч наблюдателей.

Деятельность Общественной палаты подвергается контролю со стороны граждан региона. Закон «Об Общественной палате Белгородской области» обязует систематически информировать население о результатах проводимой работы. Палатой налажен выпуск периодического издания информационно-аналитического бюллетеня «Гражданское общество», итоги работы палаты ежемесячно освещаются в региональных СМИ.

Рассмотрев деятельность Общественной палаты Белгородской области, можно утверждать, что за время своей работы она использовала различные формы для организации эффективного диалога общества и власти: круглые столы, слушанья, запросы в органы власти, оказание правовой помощи населению. Большое внимание членами палаты уделялось экспертизе региональных законопроектов, что дало возможность учитывать общественное мнение по определенному кругу проблем. Общественная палата приняла участие в формировании общественных советов в городах и районах области, ставших новым явлением в политической жизни российских регионов. Предполагается, что в дальнейшем Общественная палата должна стать эффективным институтом развития демократии, гласности и гражданского контроля в регионе, если, разумеется, не будет сформирована по корпоративному принципу и не превратится в кадровый резерв для новой «губернаторской сотни».

PUBLIC CHAMBER OF THE BELGOROD REGION AS AN INSTITUTE OF THE CIVIL SOCIETY

I.N. GUKOVA

Belgorod State University

e-mail: gukova_i@bsu.edu.ru

The article shows the role of the Public Chamber in the maintenance of coordination between citizens and state structures in the decision of questions in the social and economic spheres, safety problems and protection of democratic principles in the organization of the civil society of the region.

Key words: Public Chamber of the Russian Federation, Public Chamber of the Belgorod region, the civil society, citizens' initiatives, civil supervision.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алехин В.П.** – соискатель кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета, старший преподаватель Белгородского регионального института повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов
- Бикташева А.Н.** – доцент кафедры отечественной истории до XX века Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат исторических наук
- Болгов К.Н.** – соискатель кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета
- Болгова А.М.** – доцент кафедры педагогики Белгородского государственного университета, кандидат педагогических наук
- Бродовская Е.В.** – профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета, доктор политических наук
- Варфоломеев М.А.** – аспирант кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета
- Вебер М.И.** – аспирант сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург
- Гукова И.Н.** – ассистент кафедры отечественной истории и политологии Белгородского государственного университета
- Денисова И.В.** – заведующая музеем истории Белгородского государственного университета
- Егоров А.И.** – доцент кафедры общественных наук Дзержинского политехнического института Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
- Ефанов А.Н.** – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета
- Казаков Д.В.** – аспирант кафедры культурологии и древних языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
- Кармазина О.В.** – доцент кафедры всеобщей истории Воронежского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук
- Литовченко Е.В.** – старший преподаватель кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук
- Максимов А.М.** – аспирант кафедры политологии и социологии Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- Мамаева Т.П.** – доцент Старооскольского филиала Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук
- Минаков А.С.** – доцент кафедры истории России Орловского госуниверситета, кандидат исторических наук

- Миргородова Ю.М.** – преподаватель кафедры теории, истории государства и права Курского института социального образования, филиал Российского государственного социального университета
- Мохов А.С.** – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета им. А.М. Горького, кандидат исторических наук, г. Екатеринбург
- Пенской В.В.** – профессор кафедры теологии Белгородского государственного университета, доктор исторических наук
- Пенская Т.М.** – доцент кафедры отечественной истории и политологии Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук
- Писаревский Н.П.** – профессор кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, доктор исторических наук
- Познахирев В.В.** – соискатель кафедры истории России Курского государственного университета
- Старченко Г.И.** – доцент кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук
- Стржалковская А.Д.** – соискатель кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета
- Субботин П.Ю.** – соискатель кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета
- Сулейманова Ю.Ф.** – аспирант кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета
- Цубенко В.Л.** – профессор кафедры философии и социальных дисциплин Одесского государственного университета внутренних дел, доктор исторических наук
- Чередниченко А.Г.** – доцент кафедры теологии Белгородского государственного университета, кандидат философских наук
- Чувиллина Н.Б.** – доцент кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, кандидат политических наук
- Шаманаев А.В.** – доцент кафедры археологии и этнологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького, кандидат исторических наук
- Шилов В.Н.** – профессор кафедры отечественной истории и политологии Белгородского государственного университета, доктор философских наук
- Щендрыгин А.Н.** – аспирант кафедры теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); «Актуальные проблемы экономики» – Lomovceva@bsu.edu.ru (Ломовцева Ольга Алексеевна – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – vasilenko_v@bsu.edu.ru (Василенко Виктория Викторовна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	}	<i>на русском и английском языках</i>
5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	}	<i>на русском языке</i>

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;

-
- межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
- номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная;
 - текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 9 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 65.01

**КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ*****А. В. ИВАНОВ¹⁾****Л. Н. ПЕТРОВ²⁾***¹⁾ Департамент экономического
развития Белгородской
области**²⁾ Белгородский
государственный
университет**e-mail: bor@bsu.edu.ru*

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики¹.

**KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT
IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY****A. V. IVANOV¹⁾****L. N. PETROV²⁾***¹⁾ Department of Economic
Development, Belgorod Region**²⁾ Belgorod State University**e-mail: bo@bsu.edu.ru*

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Key words: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Иванов А.В.**

- кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail.ru, тел. 33-22-44

¹ Караганов С.А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. №3. С. 6; Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру рисунка.

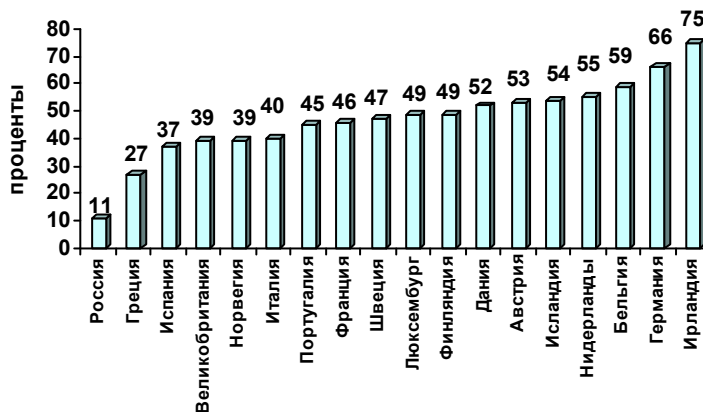

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

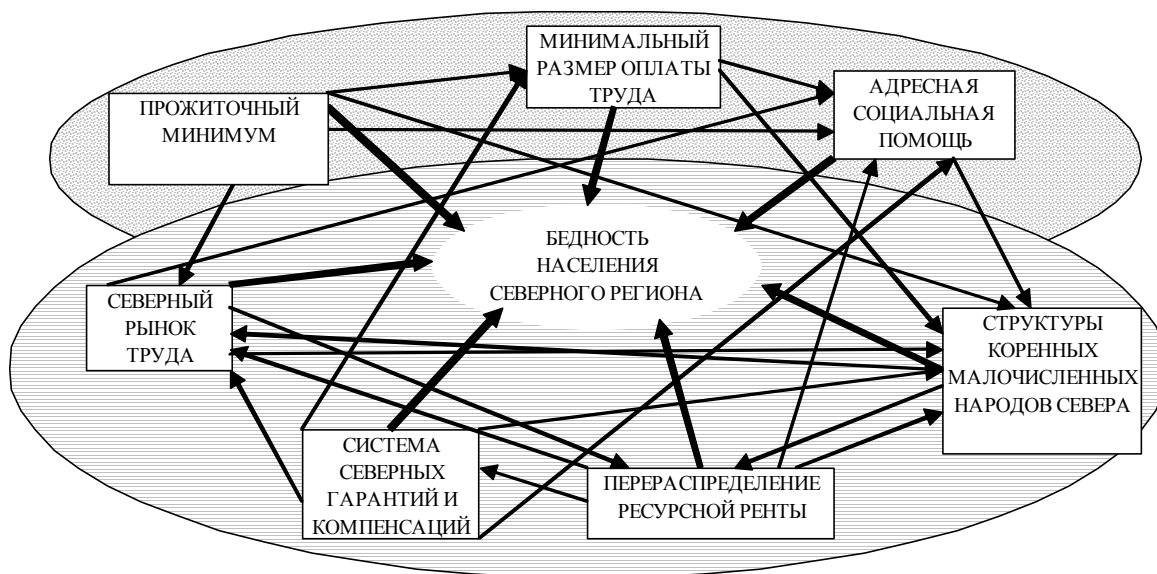

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.

Ф. СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал 18078 <i>Научные ведомости БелГУ.</i> <i>Серия История. Политология. Экономика. Информатика</i> (наименование издания)											
											Количество комплектов	1
	на 2011 год по месяцам											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
			X			X			X			X
	Куда											
					(почтовый индекс)				(адрес)			
	Кому											
	(фамилия, инициалы)								Тел.			
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА												
ПВ		ме-сто	ли-тер	на журнал 18078								
										индекс издания		
<i>Научные ведомости БелГУ.</i> <i>Серия История. Политология. Экономика. Информатика</i> (наименование издания)												
Стоимость	подписки		руб.		коп.		Кол-во комплектов	1				
	перед-ресовки		руб.		коп.							
на 2011 год по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
		X			X			X			X	
Куда												
				(почтовый индекс)				(адрес)				
Кому												
(фамилия, инициалы)												